

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Кэтрин Уэбб

НЕЗРИМОЕ,

ИЛИ

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ

КЭТ

МОРЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Кэтрин Уэбб

НЕЗРИМОЕ,

ИЛИ

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ

КЭТ

МОРЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

Кэтрин Уэбб — английская писательница, популярная во всем мире. Ее произведения переведены на двадцать четыре языка. Дебютный роман Уэбб «Наследие» (2010) стал номинантом национальной литературной премии «Писатель года», имел огромный успех и открыл для нее двери лучших издательств. Прежде чем серьезно заняться литературой, Кэтрин работала официанткой, помощницей библиотекаря и продавщицей карнавальных костюмов. Сейчас она живет в тихом коттедже в графстве Беркшир, которое является местом действия ее нового романа «Незримое, или Тайная жизнь Кэт Морли». Книга стала мировым бестселлером. Это история страсти, обмана, преступления и любви. Линии прошлого и настоящего переплетаются в ней в сложном узоре, как и невидимые нити, связывающие судьбы главных героев.

-
- [Кэтрин Уэбб](#)
 - [Глава первая](#)
 -
 - [2011 год](#)
 - [1911 год](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [2011 год](#)
 - [1911 год](#)
 - [Глава третья](#)
 -
 - [1911 год](#)
 - [2011 год](#)
 - [Глава четвертая](#)
 -
 - [1911 год](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)

- [2011 год](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [1911 год](#)
 - [1911 год](#)
 - [Глава десятая](#)
 -
 - [2011 год](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 -
 - [1911 год](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 -
 - [1911 год](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [2011 год](#)
 - [1911 год](#)
 - [Среда, 15 октября 1911 года](#)
 - [2011 год](#)
 - [1911 год](#)
 - [От автора](#)
 - [Примечание](#)
 - [≈](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
-

Кэтрин Уэбб

**Незримое, или Тайная жизнь Кэт
Морли**

*Рожденье наше — только лишь забвенье;
Душа, что нам дана на срок земной,
До своего на свете пробужденья
Живет в обители иной...*

*Уильям Вордсворт. Ода: Отголоски
бессмертия. Перевод Григория Кружкова*

*Разум человека не в силах осознать, к чему
приведет истинное доказательство существования
на нашей планете народа, не менее
многочисленного возможно, чем сам человеческий
род, — народа, что неведомо для нас ведет свою
чуждую жизнь и отделяется от людей лишь
ничтожным различием в вибрациях.*

Артур Конан Дойл. Пришествие фей

*В каждом растении, в каждом животном он
ощущает, кроме физического облика, еще его
духовный, исполненный жизни облик.*

Рудольф Штейнер. Теософия

Глава первая

14 мая 1911 года

Дорогая Амелия!

Вот и наступило утро этого весеннего, немного волнующего дня, и оно прекрасно. Сегодня приезжает наша новая горничная — Кэт Морли. Должна признаться, я чувствую себя немного не в своей тарелке — такая у нее репутация, — хотя, с другой стороны, не может же она и в самом деле быть настолько ужасной, как о ней говорят. Альберт не хотел брать ее в дом, но мне удалось его убедить, подкрепив свое мнение двойным аргументом: с нашей стороны этот шаг станет похвальным проявлением христианского милосердия, поскольку больше никто ее к себе не возьмет, а кроме того, именно из-за ее репутации мы не можем платить ей, как всем, и посему она сэкономит нам немалые средства. Так что мы удваиваем число прислуги практически при тех же расходах! Я прочла рекомендательное письмо от экономки с Бротон-стрит, от миссис Хеддингги, где та приводит список домашних работ, которые выполняла у них девушка, а также закликает меня «ради всех нас» не позволять ей читать. Не совсем понимаю, что должно меня испугать, однако считаю разумным последовать совету знающего человека. Кроме того, она, миссис Хеддингги, рассказала про одну довольно неприятную деталь. Ума не приложу зачем, разве что из любви к сплетням. Речь об отце Кэт, который стал объектом многочисленных домыслов. Вполне возможно, если учесть смуглость кожи и темные волосы Кэт, он был негром. По-видимому, по этой причине на Бротон-стрит прислуга дразнила Кэт Черной Кошкой. Лично я уверена, что мать девушки, каким бы низким ни было ее общественное положение, не опустилась бы до такого позора, если бы не стала жертвой самого омерзительного преступления. И то, что ее бедная дочь вынуждена носить подобное прозвище, вряд ли справедливо. Я твердо решила, что у нас ее так называть не будут.

Признаюсь, несмотря на все опасения, я жду ее прибытия с нетерпением. Не только потому, что у нас под кроватями комья пыли размером с яблоко. Миссис Белл, благослови ее Господь, уже который

месяц не может наклоняться, чтобы заглянуть под кровать. Весь дом нуждается в хороших руках. Но, кроме всего прочего, меня несказанно радует возможность принять к себе одно из созданий Божьих, которое сбилось с пути, подойдя слишком близко к краю бездны. У нас эту девушку ждут благочестивый дом, прощение и возможность оправдаться перед Господом через тяжелую работу и праведную жизнь. Я намерена оказывать ей в этом всяческую поддержку, взять под свое крыло, воспитывать — ты только представь себе! У меня есть шанс помочь человеку измениться, встать на правильный путь. Я уверена, девушка поймет, как ей повезло — получить такую возможность спасти свою душу. Она придет к нам запятнанная, но здесь отмоется добела.

И конечно, работа с ней будет для меня идеальной подготовкой к материнству. Ибо в чем же состоит первая забота матери, как не в том, чтобы воспитывать детей благочестивыми, добродетельными и достойными людьми? Я вижу, как ты растишь моих племянницу и племянника, дорогих моему сердцу Элли и Джона, и восхищаюсь твоей мягкостью и терпением. Не огорчайся так из-за рогатки Джона. Я уверена, скоро он перерастет эту страсть к насилию: воинственность мальчиков — в Божьем замысле, они не такие, как девочки, и ничего нет удивительного в том, что мы с тобой не всегда понимаем чувства Джона. Как же и мне хочется растить и воспитывать детские души!

Амелия, прости, что спрашиваю об этом снова, но, боюсь, твое последнее письмо несколько не прояснило этот вопрос. Не слишком ли ты осторожна в словах, дорогая? Знаю, подобные вещи обсуждать нелегко, и по возможности лучше их не касаться, но мне это очень нужно, и если нельзя обратиться за советом и наставлением к родной сестре, то, бога ради, к кому тогда обращаться? Альберт образцовый муж, он всегда со мной добр и нежен — каждый вечер он целует мою голову, говоря, какая я хорошая жена и прелестное создание, но потом засыпает, а я лежу, размышляя, что я делаю не так, или чего не делаю, или даже не пробую сделать. Не могла бы ты понятнее объяснить, как следует себя вести и каким образом наши тела могут, как ты говоришь, «соединиться»? Альберт прекрасный муж, и потому остается думать лишь, что это я не исполняю своих супружеских обязанностей должным образом и по этой причине я... скажем так: еще не готова к радостному событию. Прошу, дорогая Амелия, объясни яснее.

В остальном все хорошо. Пора заканчивать письмо. Солнце уже высоко, птицы вовсю распелись, а письмо я опущу в ящик по пути к бедной миссис Дафф, у которой нет моих трудностей, и потому она слегла с какой-то ужасной инфекцией после рождения шестого ребенка, и снова мальчика. После обеда поездом в 3.15 приедет Кэт Морли. Кэт — как это грубо звучит! Надеюсь, она не станет возражать, если я буду звать ее Китти. Напиши как можно скорее, моя самая лучшая и любимая сестра на свете.

С любовью,

твоя Эстер

2011 год

В первый раз Лия увидела человека, которому предстояло изменить ее жизнь, когда он лежал лицом вниз на металлическом столе, не подозревая о ее присутствии. Одежды на нем почти не осталось, а последние нелепые клочья намокли и были скользкими от грязи. Остались нижняя половина брючины и на одном плече часть куртки. Ей стало зябко и немного неловко из-за его наготы. Он лежал, отвернувшись от Лии и прижавшись щекой к столу, так что ей видны были только темные завитки волос и ухо, идеально очерченное и будто восковое. По коже у нее побежали мурашки, и Лия почувствовала себя вуайеристкой. Казалось, он просто спал и мог в любую минуту зашевелиться, повернуть голову и взглянуть на нее, разбуженный звуком ее шагов и ее дыханием над своим безукоризненным ухом.

— Тебя ведь не стошнит, да?

Голос Райана вывел ее из оцепенения. Она сглотнула и покачала головой. Райан ехидно улыбался.

— Кто это? Кем он был? — спросила она, прокашлявшись и нарочито равнодушно складывая руки на груди.

— Если бы мы знали, я не вызвал бы тебя в Бельгию. — Райан беззаботно пожал плечами. На нем был белый халат, как у врача, но старый и в пятнах; он был не застегнут и открывал глазам драные джинсы и потертый кожаный ремень.

— Первый раз видите мертвое тело? — спросил Питер своим спокойным голосом с галльскими интонациями. Питер был деканом археологического отделения.

— Да, — кивнула Лия.

— Это всегда неприятно. Но этот, по крайней мере, не воняет. То есть не так воняет, как мог бы, — сказал он.

Тут Лия поняла, что старается дышать ртом и сдерживает дыхание, ожидая чего-то ужасного. Осторожно задышала носом. Запах от трупа шел сырой, тяжелый, как от мокрых январских листьев или гниющих водорослей.

Она покопалась в сумке, вынула блокнот и ручку.

— Где, вы говорите, его нашли? — спросила она.

— В саду за домом под Зоннебеке, к северо-востоку от Ипра. Некая миссис Бише решила вырыть там могилу для своей собаки... — Райан замолчал, делая вид, будто сверяется со своими пометками. — По кличке Андрэ, если я правильно записал.

Он улыбнулся своей кривоватой улыбкой на одну сторону, от которой внутри у Лии всегда что-то екало. В ответ она лишь подняла бровь. Под лампами дневного света кожа у него была бледная, но он был по-прежнему прекрасен. По-прежнему прекрасен, беспомощно подумала она.

— Копала одну могилу и наткнулась на другую. Она едва не отхватила ему лопатой правую руку. Вот здесь, смотри.

Он осторожно показал пальцем на предплечье мертвеца. Желтовато-коричневая кожа была рассечена, и виднелась коричневая волокнистая, как почва, как перегной, мышца. Лия подавила спазм в горле, голова у нее закружилась.

— Разве им должна заниматься не Комиссия по воинским захоронениям? Зачем было вызывать меня?

— Слишком много погибших солдат — каждый год находят по пятнадцать, двадцать, двадцать пять человек. Мы делаем все, что можем, но, если нет полкового значка, нет жетона, нет в вещмешке каких-нибудь предметов, по которым можно установить личность, нам просто не за что зацепиться, — пояснил Питер.

— Ему обеспечат красивые похороны с красивым белым крестом, только непонятно, какое имя писать на этом кресте, — сказал Райан.

— Красивые похороны? — эхом отозвалась Лия. — Какой же ты легкомысленный, Райан. И всегда был таким.

— Знаю. Я невыносимый, да? — Он снова бодро улыбнулся, всегда готовый обратить серьезное дело в шутку.

— Но... если не за что зацепиться, что я-то, по-вашему, могу сделать? — Лия повернулась с вопросом к Питеру.

— Ну... — начал Питер, однако Райан перебил его:

— Не хочешь ли заглянуть ему в лицо? Он на удивление хорошо сохранился. В той части сада, судя по всему, всегда сыро — там протекает ручей. Он красавчик по всем статьям. Ну давай, ты ведь не испугалась? Это ведь уже археология, да?

— Райан, зачем ты так... — Лия осеклась, не закончив фразы.

Она заправила волосы за уши, сложила на груди руки, словно пытаясь защититься, и перешла к другому концу стола.

Щека у покойника была немного примята, как будто он просто лег поспать, спокойно устроив голову на мягкой земляной подушке. От глазницы ко рту протянулась складка. Над верхней губой, не потерявшей четкости прекрасного изгиба, темнела нитка щетины. Нижняя челюсть и нижняя губа превратились в бесформенную массу, от которой Лия сразу отвела взгляд. Нос тоже расплылся, расплющился, стал мягким, желеобразным. Казалось, если протянуть руку и коснуться его, он развалится. Зато лоб и глаза были в идеальном состоянии. Лоб, на который легла влажная своевольная прядь, был без морщин, то ли оттого, что погибший был молод, то ли оттого, что кожа набухла, напитавшись водой. При жизни он наверняка был красив. Лия увидела его лицо — сместив фокус, не замечая страшных изменений цвета кожи и запаха мертвого тела. Закрытые глаза обрамляли короткие черные ресницы, и каждая была четко очерчена, разделена, аккуратно загнута, как и должно быть. Как и в тот день, когда он — почти сто лет назад — упал за смертью. На веках лежал серебристый налет, как у мяса, пролежавшего слишком долго. Плотно ли они закрыты? Лия склонилась к погибшему, немного нахмурившись. Ей показалось, что глаза у него приоткрыты. Слегка. Самую малость. Так иногда бывает во сне, когда человеку что-то снится. Лия наклонилась ниже, и ее собственное дыхание показалось ей громче жужжания ламп. Вдруг веки дрогнут и глаза откроются? Вдруг на радужке застыло отражение того, что он видел перед смертью? Лия затаила дыхание.

— Бу! — сказал Райан ей в ухо.

Лия подскочила, громко вскрикнув.

— Скотина, — бросила она и вышла в тяжелые двери на шарнирах, злясь на себя за то, что ее так легко испугать.

Быстрым шагом она поднялась на два лестничных пролета и пошла на запах чипсов и кофе, доносившийся из университетского кафетерия. Наливая кофе в бумажный стаканчик, она заметила, как дрожат у нее руки. Лия опустила на пластмассовый стул у окна и окинула взглядом пейзаж. Все плоское, в серых и коричневых тонах — точно как в Англии в тот день, когда она уезжала. Аккуратный рядок ярких крокусов, вытянувшийся вдоль дорожки, лишь подчеркивал

окружающую серость. Ее собственное отражение в стекле было бледным: бледная кожа, бледные губы, тусклые светлые волосы. Покойник из подвала и тот выглядел красочнее, печально подумала она. Бельгия. Внезапно ее охватило острое желание оказаться где угодно, лишь бы подальше отсюда. Где-нибудь, где все вокруг залито солнечным светом и жаркое солнце согревает до костей. Какого черта она вообще согласилась приехать? Впрочем, ответ ей был известен. Потому что ее попросил Райан. Он как будто услышал ее мысль, подошел и, хмурясь, сел напротив.

— Послушай, прости меня, ладно? — произнес он покаянно. — Оттого что ты здесь, мне тоже нелегко, ты же понимаешь. Из-за тебя я нервничаю.

— А зачем я здесь, Райан? — спросила Лия.

— Я подумал, у тебя из этого получится отличный материал, честное слово. Пропавший без вести солдат, столько лет пролежавший безымянным и неоплаканным...

— Откуда тебе знать, неоплаканный ли он?

— Тоже верно. Значит, ненайденный. Знаю, ты думаешь, будто я слишком легкомысленно к этому отношусь, но это не так. Погибнуть такой смертью чертовски печально, и я считаю, что этот парень заслуживает того, чтобы его опознали. Разве не так?

Лия посмотрела на него с подозрением, однако он казался искренним. С тех пор как она видела его в последний раз, волосы у него отросли. Они обрамляли лицо вольными рыжеватыми локонами — в тон трех— или четырехдневной щетине на подбородке. Глаза у него были цвета темного меда. Лия старалась в них не всматриваться.

— Почему я? — спросила она.

— А почему нет? — ответил он вопросом на вопрос. — У меня не так уж много знакомых журналистов-фрилансеров. — Он минуту рассматривал свои руки, ковыряя неровный ноготь на большом пальце, кожа вокруг которого и без того была уже ободрана. Рука Лии дрогнула от желания по старой привычке остановить его.

— Это все причины? — твердо спросила она.

Райан нахмурился, коротко, раздраженно вздохнул.

— Нет, не все. Какого ответа ты ждешь от меня, Лия? Что я хотел увидеть тебя? Что ж, вот ты и услышала это, — проговорил он резко.

Лия едва заметно улыбнулась.

— Тебе всегда плохо удавалось выражение чувств на словах. Все равно что пускать кровь камню.

— С тех пор как ты ушла, я не успел исправиться.

— У меня был чертовски весомый повод, чтобы уйти, и ты прекрасно это знаешь, — сказала она.

— Зачем же ты приехала, если я такое чудовище и ты не хочешь меня видеть?

— Я не сказала... — Лия вздохнула. — Сама не знаю, зачем я приехала, — заключила она. — Десять месяцев не могу придумать хорошей темы для статьи. Даже не помню, когда я последний раз писала что-нибудь стоящее. Я подумала, вдруг у тебя действительно есть тема. Но безымянный солдат... Что, по-твоему, я должна тут исследовать? Твою деятельность в Комиссии по воинским захоронениям? Или как выглядят покойники, которых вы выкапываете? Это, конечно, важно, только очень скучно...

— Вообще-то, тут есть одна зацепка, — сказал Райан, потянувшись к ней и снова улыбаясь своей довольной мальчишеской улыбкой.

— Какая? Питер же сказал...

— Я хотел показать внизу, но ты убежала.

— Ну и что же это?

— Поужинай со мной сегодня, и я покажу, — сказал он.

— Почему бы просто не сказать сейчас? — осторожно предложила она.

— За ужином было бы интереснее.

— Нет. Послушай, Райан, я думаю, нам не следует... проводить вместе слишком много времени. Не стоит.

— Да ладно, Лия! Что тут плохого? Мы знакомы достаточно давно...

— Но по-видимому, не так хорошо, как казалось, — ответила она, поднимая глаза. В них было столько гнева, что Райан вздрогнул.

— Давай... давай просто поужинаем сегодня вместе, — проговорил он мягче.

Лия допила остатки остывшего кофе, поморщившись от горького вкуса.

— Пока, Райан. Жаль, но не могу сказать, что рада снова тебя увидеть.

Она поднялась, чтобы уйти.

— Подожди, Лия! Неужели ты не хочешь хотя бы узнать, что` мы при нем нашли? Ладно, скажу сейчас, и решай, уйти тебе или остаться. Лия! У него с собой были письма, которые пролежали в земле девяносто пять лет! Представляешь? И это не какие-нибудь обычные письма, — проговорил ей вслед Райан.

Лия остановилась. Вот она, крохотная искорка, проблеск любопытства, который она всегда ощущала, приступая к делу. Лия медленно развернулась и направилась к нему.

1911 год

Кэт настолько зачарована картинами, которые мелькают за окном, что не замечает, как путешествие быстро подходит к концу, чересчур быстро. Прижавшись лбом к стеклу, глядя на меловые небеса, под которыми, словно река, растекаются зеленые размытые поля, она представляет себе, будто это она сама сейчас бежит быстро-быстро или даже летит, как птица. Она знает, что поезд идет на запад, дальше на запад, туда, где она никогда не бывала. Без нее он доедет до Девона, до Корнуолла, до моря. Ей так хочется еще раз увидеть море. При мысли о море ей становится больно. Она видела море всего однажды, когда ей было восемь лет и мать была еще жива, и в тот день они все отправились в Уитстебл. Стоял роскошный летний день, игривый ветерок гнал прозрачные облака, подхватывал ослиные хвосты, отчего хвосты трепыхались, как флаги, и опрокидывал пустые лежаки. Джентльмен купил ей устрицу в раковине, а потом рожок с клубничным мороженым, и ее стошнило на лучшее ее платье. Оно все было испачкано липкой розовой жижей с кусочками устрицы. Но это все равно был самый счастливый день в ее жизни. Она сохранила раковину от устрицы, держала ее много лет в картонной коробке с другими подобными сокровищами.

По мере того как поезд замедляет ход, ощущение полета исчезает, и Кэт чувствует, как снова врастает в тело, а ноги приклеиваются к земле. Искушение не выходить из вагона очень велико. Можно снова утонуть в мягком сиденье и ехать дальше, дальше, пока сквозь пыльное стекло она снова не увидит море. Но поезд со скрежетом останавливается, и она крепко сжимает кулаки, стискивает их так, что ногти впиваются в ладони. Этим она хотела бы привести себя в чувство, собраться с силами, но ей это не вполне удается. Станция в Тэтчеме маленькая и простая. Кроме Кэт, на перрон выходит еще один пассажир, худощавый усатый хмурый мужчина; возле грузового вагона суется — несколько огромных деревянных ящиков спускают в дрезину. Деревянная ограда почти целиком скрыта высокими зарослями молодой крапивы и буддлеи. Кэт не нравится здесь, но все чувства ее немы, будто их вовсе в ней не осталось после той боли, какую ей

пришлось пережить за последние месяцы. В дальнем конце платформы стоит очень толстая женщина. Кэт колеблется, отыскивая глазами кого-нибудь еще, а затем медленно идет к ней.

Женщина в ширину не меньше, чем Кэт в высоту. Глаза заплыли, превратившись в узкие щелки. Подбородки лежат на груди, так что нижняя челюсть плавно перетекает в грудь. Под легким хлопчатобумажным платьем колышется свисающий до бедер живот. Кэт чувствует на себе острый взгляд серых глаз. И встречает его не дрогнув.

— Вы Софи Белл? — спрашивает она женщину.

Софи Белл. Красивое, звонкое имя. Она представляла себе высокую женщину с мягким лицом, васильковыми глазами и янтарными веснушками.

— Для тебя миссис Белл. А ты, я так понимаю, Кэт Морли? — резко отвечает женщина.

— Да.

— Господи боже, какой от тебя будет прок? — говорит Софи Белл. — Полгода я выпрашивала помощницу по дому и вот получаю это привидение, в чем душа держится; того гляди, к пятнице помрет, — бурчит она, отворачиваясь от Кэт, и трогается с места с поразительной быстротой. Ее колени описывают широкие дуги, ноги тяжело ступают по земле.

Кэт хлопает глазами, хватается за ручки своей большой сумки и спешит следом.

Перед станцией их ждет коляска, запряженная пони. Рессоры гнутся с той стороны, где Софи Белл взгромождается на сиденье рядом с возницей. Кэт смотрит на него, ожидая, что тот возьмет сумку, однако возница лишь бросает на нее быстрый взгляд, а потом снова отворачивается, сосредоточив внимание на автомобиле, черном и блестящем, который стоит у противоположной обочины дороги.

— Не стой столбом! Садись. У меня полно дел, — раздраженно говорит ей миссис Белл.

Кэт неловко закидывает сумку на заднее сиденье и забирается следом. Она едва успевает сесть, как возница дергает вожжи и пони рывком сдвигает повозку с места. Пони бежит в ту сторону, откуда только что пришел и где Кэт ждут новая роль и новая жизнь. Что-то

внутри нее противится этому так сильно, что горло сжимается и ей становится трудно дышать.

Деревня Коулд-Эшхоулт расположилась примерно в двух милях от Тэтчема. Узкая дорога лежит от станции на юго-восток среди цепи озер в зарослях тростника и заливных лугов, таких по-весеннему ярких, что они кажутся почти ненастоящими. Молодые листочки отливают серебром, когда ветер разворачивает их; в воздухе разлит влажный пьянящий аромат цветов. Их повозка вспугивает цаплю, и та поднимается из тростника, слишком с виду медлительная и тяжелая, чтобы летать. Солнце играет в ее блестящем сером оперении, сверкает в бусинах воды, скатывающихся с птичьих ног. Кэт смотрит на нее с изумлением. Она не знает, кто это. Она никогда не видела таких крупных птиц, она вообще почти не видела птиц, если не считать воробьев и грязных лондонских голубей. Она вспоминает канарейку Джентльмена, сидевшую в клетке на маленьких позолоченных качелях, вспомнила, как он насвистывал и напевал вполголоса, чтобы та запела. Она наблюдала за ними с тряпкой в руке и одобряла птицу за молчание.

Миссис Белл тем временем болтает с возницей, говорит едва слышно, делая время от времени коротенькие паузы, когда возница мычит что-то в ответ. Почти все, сказанное ею, теряется за цоканьем конских копыт, однако до Кэт долетают разрозненные слова и фразы.

— Помяни мои слова, она вернется, не успеет кончиться лето... Имел наглость сказать, что все было сделано не так, как надо... Ее сын снова сбежал, и на этот раз с совсем еще девчонкой... С теми, кто выказывает преступные наклонности, разговор короткий...

Кэт бросает на нее быстрый взгляд и встречается с прищуренными, направленными на нее глазами миссис Белл.

Дом викария выстроен из выцветшего красного кирпича, трехэтажный, почти квадратный. Он смотрит на мир симметричными рядами окон в ярких белых наличниках, а в стеклах отражается яркое небо. В саду у дома цветут весенние цветы, маленькие клумбы среди аккуратно подстриженных лужаек пестрят всеми красками. По стенам, обрамляя оконные карнизы, поднимаются глициния и жимолость с еще не раскрывшимися бутонами; высокие тюльпаны маршируют вдоль дорожки до широкой, выкрашенной в ярко-синий цвет входной двери с

блестящим медным молотком. Дом стоит на окраине небольшой деревни, и сады переходят в заливные луга. Вдалеке извивается похожая на серебристую ленту река. Возница съезжает с посыпанной гравием дорожки к задней части дома, где покрытые мхом ступеньки ведут к двери более скромного вида.

— Ты будешь входить в дом только через эту дверь, — отрывисто бросает миссис Белл.

— Разумеется, — отвечает Кэт, уязвленная. Неужели эта женщина думает, что она не знает правил?

— А теперь будь внимательна и слушай, что я говорю. У меня нет времени повторять все по двадцать раз, скоро нужно будет готовить чай. Наша хозяйка миссис Кэннинг хочет встретиться с тобой, как только ты приведешь себя в порядок с дороги и переоденешься...

— Переоденусь?

— Да, переоденешься! Или ты собираешься явиться к ней в этой вытертой юбке, в блузке с грязными манжетами и в туфлях с разлохмаченными шнурками?

Взгляд у миссис Белл и впрямь острый.

— У меня есть другая блузка, парадная, и я могу ее надеть, но юбка только одна, — говорит Кэт.

— Ты хочешь сказать, что в Лондоне тебе позволяли расхаживать по дому в таком виде?

— Там у меня была униформа. Я... Мне пришлось ее оставить, когда я уезжала.

Миссис Белл упирается руками в те места, где у нее, предположительно, были бедра. Кэт смотрит ей в глаза, не давая себя запугать. Костяшки пальцев у пожилой женщины красные, с потрескавшейся кожей. Они входят, проваливаются в ее телеса. Ступни, давным-давно сплюсненные под тяжестью ее веса, смотрят внутрь. Жир нависает на лодыжках, как оплывшее тесто. Кэт стискивает перед собой руки, с облегчением чувствуя твердость своих костей.

— Что ж, — наконец произносит миссис Белл, — это уж пусть хозяйка решает, обеспечивать ли тебя одеждой. Если нет, тебе придется самой о ней позаботиться. Тебе потребуется серое или коричневое платье на утро, черное для вечера и еще одно, в котором можно ходить в церковь. Через неделю в Тэтчеме будет распродажа

подержанной одежды. Возможно, там ты найдешь что-нибудь, что можно перешить.

Комната Кэт в чердачном этаже. Здесь три комнаты, расположенные в ряд, их маленькие мансардные окна обращены на север, а двери выходят в светлый, сориентированный на юг коридор. Как будто бы архитектор считал, что в коридоре дневной свет нужнее, чем в комнатах прислуги. Кэт ставит сумку в изножье кровати и оглядывает свое новое жилище. Простые беленые стены, узкая железная кровать, над ней латунное распятие, Библия на плетеном стуле, умывальник, ветхие занавески. Тесный шкаф для одежды, на кровати лежит свернутое лоскутное одеяло. Кэт быстрыми шагами пересекает комнату, снимает со стены распятие и запикивает его под кровать, с глаз долой. С мелодичным звоном оно ударяется о ночной горшок. Пальцы Кэт будто обожгло в тех местах, где они коснулись металлических лапок креста. В смятении вытирая руки о юбку, она закрывает глаза, подавляя воспоминания о точно таком же предмете, о равнодушном к ее страданиям Иисусе, сурово взиравшем на нее с высокой стены. Потом стоит у окна, глядя на лужайку и на раскинувшееся за ней поле с пасущимися рыжими коровами. Какое обширное пустынное пространство. Она вспоминает своих друзей в Лондоне, Тэсс с ее живыми зелеными глазами, вечно чем-нибудь взволнованную. От этого воспоминания ей становится больно. У нее нет адреса, куда можно написать, она понятия не имеет, что случилось с Тэсс. Возможно, Тэсс повезло с новым местом меньше, чем ей. «Мне повезло», — с горечью говорит себе Кэт. В последнее время ей часто это повторяют.

За спиной у нее хлопает от сквозняка дверь. Кэт холодеет. Она стоит прямо, словно аршин проглотила, и старается дышать, хотя воздух вдруг становится слишком густым. «Никто меня не запер, — говорит она себе. — Это просто захлопнулась дверь». Никто не запер. Она медленно разворачивается к двери, напряженная, в ожидании чего-то страшного. Стены маленькой комнаты надвигаются на нее, стискивают, как мокрая одежда. Колени трясутся, как у старухи, когда она делает шаг к двери, уверенная, что не сможет повернуть ручку. Металлическая ручка дрожит у нее в руке, поворачивается, и, приоткрыв дверь на несколько дюймов, Кэт осознает, что ручка

дрожала потому, что трясется ее рука. Сердце стучит в ушах, и она прислоняется щекой к щербатой двери, дожидаясь, пока нервы не успокоятся. «Никогда больше, — думает она. — Никогда, никогда, никогда».

Эстер устраивается в передней гостиной за письменным столом орехового дерева и открывает перед собой книгу расходов. Она привыкла встречать здесь миссис Белл, когда та приходит раз в неделю, чтобы обсудить меню и счета, договориться о времени прочистки печных труб, доставке бакалеи и вызове мастера для починки велосипеда. Ей кажется, будто так она создает нужное впечатление: женственная, но деловитая, требовательная, но дружелюбная. Послеобеденное солнце разливается желтыми лужицами на дубовом паркете, и в его свете лениво танцуют пылинки и мухи. Эстер раздраженно отмахивается от подлетевшего насекомого. Мохнатые тельца мух кажутся ей непристойными, она терпеть не может, когда они высыхают и затвердевают после смерти, лежат между оконными рамами, скрестив щетинистые лапки, будто в ожидании последнего причастия. Она безгранично рада, что теперь ей не придется выметать их своими руками. Миссис Белл нелегко справляется и с уборкой дома, и в кухне, и, видит бог, от нее вряд ли можно ожидать расторопности. Вот если бы миссис Белл не была такой толстой. Протестующее взвизгивание половиц выдает ее приближение, после того как она покидает полуподвальный этаж, где полы из тяжелых каменных плит; глядя на нее, язык не поворачивается назвать это приятным зрелищем. Разумеется, женщине следует быть дородной и тело ее должно состоять из округлостей, а не из острых углов, однако фигура должна сохраняться. Попытки миссис Белл удержать свои расплзающиеся контуры корсетом оказались несостоятельными. Несколько лет назад она пыталась его носить, но он лишь перетягивал тело выше и ниже пояса так, что она с трудом могла сесть или повернуть голову. Смотреть на это, как и отвести взгляд, было невозможно.

Эстер слышит ее шаги — слышит, как скрипят половицы, когда миссис Белл выходит из кухни. Эстер выпрямляется в кресле, и на лице у нее начинает играть мягкая, вежливая улыбка. На мгновение ее пугает мысль, что она выглядит менее выигранно, чем прежний

столичный хозяин Кэт Морли. Но потом она вспоминает, кто эта девушка, и успокаивается, немного стыдясь своих волнений, когда ее задача по-матерински наставлять и воспитывать.

— Новая горничная, мадам, — объявляет миссис Белл, коротко постучав.

— Благодарю вас, миссис Белл. Входите, Кэт, — с теплотой в голосе произносит Эстер, и в следующий миг ее охватывает сомнение.

Кэт Морли выглядит едва ли не ребенком. На мгновение Эстер решает, что произошла какая-то ошибка. Ростом девушка не выше пяти футов, хрупкая, легкая. Плечи узкие, руки и ступни крохотные. Волосы, действительно почти черные, коротко острижены. Из-за этой стрижки уши торчат совершенно неженственно. Челка зачесана назад и заколота, отчего Кэт еще больше похожа на школьницу. Но когда она подходит ближе к письменному столу, Эстер понимает, что никакой ошибки нет. Лицо у нее узкое, подбородок остренький, но под глазами залегли тени, а между бровями — морщинка, свидетельствующая о некотором жизненном опыте. Карие глаза смотрят на Эстер спокойно, и Эстер чувствует себя неловко, почти смущаясь. Она ждет, пока экономка не выйдет из комнаты; по ее поджатым губам Эстер тут же понимает, что та думает о новой прислуге.

— Что ж, — произносит Эстер немного взволнованно. — Что ж, садитесь, Кэт.

Девушка опускается на краешек резного стула по другую сторону стола, у нее такой вид, будто в любое мгновение может улететь.

— Я очень рада, что ваше путешествие прошло благополучно.

Эстер мысленно репетировала речь, которую собиралась сказать девушке, чтобы та почувствовала себя непринужденно и поняла, в каком добром, спокойном и благочестивом доме оказалась, однако теперь все слова разбежались из-за ее нелепого волнения, Эстер никак не удается их вспомнить.

— Я уверена, вы будете здесь счастливы, — делает она попытку.

Кэт моргает, и, хотя лицо у нее остается неподвижным и она ничего не говорит, Эстер отчетливо ощущает, что девушка ей не верит.

— Боже мой! Никогда не видела такой прически, как у вас! Теперь так носят в Лондоне? Я настолько отстала от жизни? — торопливо говорит Эстер.

Волосы Эстер — ее главное украшение. Они легкие, пышные, мягкие и каждое утро послушно укладываются в высокую прическу, как будто сами знают, что нужно делать.

— Нет, мадам, — спокойно отвечает Кэт, не отводя взгляда. — У меня всю жизнь были длинные волосы. Мне пришлось их остричь после моего... моего заточения. Я набралась там вшей.

— О-о-о! Вшей! Какой ужас! — восклицает испуганная Эстер.

Она невольно поднимает руку, как будто желая защитить волосы, и откидывается назад.

— Уверю вас, их не осталось, — говорит Кэт, и на губах у нее мелькает тень улыбки.

— Что ж, это хорошо. Да. Очень хорошо. Я уверена, что миссис Белл рассказала вам о ваших обязанностях. Прошу вас, во всем, что касается работы, слушайте ее. Вставать вам придется в половину седьмого, чтобы в семь приступить к работе, но вы наверняка будете не первой из тех, кто уже встал, — мой муж обожает природу и прогулки, которые обычно предпринимает на рассвете. К тому времени как вы спуститесь, его, скорее всего, уже не будет дома, но не пугайтесь, если повстречаетесь с ним в такую рань. Перед прогулкой он не завтракает. Ваши свободные часы — с трех до пяти пополудни, за исключением чая, при условии, что все ваши обязанности исполнены и миссис Белл довольна. — Эстер делает паузу и поднимает глаза на Кэт Морли. Неподвижный взгляд Кэт нервирует ее. В этих темных глазах таится что-то такое, с чем Эстер не доводилось сталкиваться, что она не может понять. Ускользящая тень чего-то странного, неизвестного.

— Да, мадам, — отвечает наконец Кэт почти безучастным тоном.

— Кэт... Ваше полное имя Кэтрин, не так ли? Вы не против, если я буду называть вас Китти? Как вам новое имя для новой жизни? Мне кажется, оно вам подходит. — Эстер улыбается.

— Меня все звали Кэт, а не Китти, — говорит Кэт, озадаченная.

— Да, понимаю. Но не кажется ли вам, что Китти звучит лучше? Я имею в виду, что вместе с прежним именем вы могли бы оставить в прошлом все свои прежние беды. Вы меня понимаете? — поясняет Эстер.

Кэт как будто обдумывает ее слова, и ее взгляд делается жестким.

— Меня всегда звали Кэт, — твердо говорит она.

— Что ж, как хотите! — восклицает Эстер в растерянности. — Нет ли у вас вопросов, которые вы желали бы мне задать?

— Я только хотела сказать, мадам, что мне нельзя носить корсет. Доктор сказал, что после моей болезни нельзя сдавливать грудь.

— Вот как? Какая неприятность. Разумеется, вы должны думать в первую очередь о здоровье, пусть кому-то это и покажется неподобающим. Но вы ведь поправитесь? Как вы считаете, в будущем вы сможете носить корсет?

— Не знаю, — отвечает Кэт.

— Ладно, посмотрим. Кэт, я хочу, чтобы вы знали... — Эстер колеблется. Почему-то слова, которые она приготовила, кажутся едва ли не глупыми теперь, когда она смотрит девушке в лицо. — Я хочу сказать, что в этом доме никто не будет обвинять вас. За ваши... прошлые грехи. В этом доме у вас есть шанс начать все заново и вести чистую, благочестивую жизнь. Мы с мужем всегда считали, что милосердие, величайшая из добродетелей, начинается с дома. Я надеюсь, вы убедитесь в справедливости наших взглядов. — И снова эта приводящая в замешательство пауза, это неподвижное лицо. Легкая дрожь проходит по спине Эстер, по голове бегут противные мурашки — как если бы она нашла в складках занавески у себя в спальне черного паука.

— Благодарю вас, мадам, — говорит Кэт.

Когда Кэт Морли выходит и идет вниз, чтобы помочь миссис Белл приготовить все для чая, Эстер чувствует облегчение. Девушка странная, и вид у нее такой, будто ее мысли заняты чем-то другим, возможно какими-нибудь противоестественными желаниями. Эстер убеждает себя, что такого не может быть, однако ей никак не удается отделаться от своего ощущения. Кэт не опускает глаз, как ей положено. То есть не как ей положено, а как можно было бы от нее ожидать. Она настолько маленькая и слабенькая, что легко представить себе, как она пугается малейшего пустяка. Эстер берет свою корзинку для вышивания, вынимает пальцы, на которые она только вчера натянула ткань, готовясь приступить к новой работе. На минуту задумывается, потом улыбается. Подарок для девушки, которая настаивает на том, чтобы ее называли Кэт. Что может послужить лучшим доказательством добрых намерений хозяйки? Она роется в корзинке, подбирая нитки:

зеленые, синие и шафранно-желтые. Свежие краски для свежего времени года. Эстер весело мурлычет себе под нос, принимаясь за новый рисунок, и, когда Кэт Морли вносит чайный поднос, она добросердечно благодарит ее, стараясь не замечать, как у Кэт напряжены руки.

— Похоже, ты не слишком разговорчивая, — замечает миссис Белл, когда Кэт заканчивает вытирать чайную посуду и вешает полотенце сушиться над плитой. Экономка стоит сомкнув колени, но расставив ступни, опираясь своей обширной спиной на тяжелый кухонный стол и наблюдая за каждым движением Кэт. Кухня находится в полуподвальном этаже, из грязных окон видны только небо и верхушки деревьев.

— Говорю, когда есть что сказать, — пожимает плечами Кэт.

Миссис Белл хмыкает:

— По мне, уж лучше так, чем трещать без умолку весь день напролет. — Миссис Белл снова рассматривает Кэт. — Ты говоришь не по-лондонски. Я слышала лондонцев. К нам приезжают торговцы, расхваливают товар и все такое.

— У моей матери была очень правильная речь. Джентльмен брал в прислуги тех, кто говорил грамотно, — натянуто отвечает Кэт.

Она не хочет говорить о своей матери. Не хочет говорить о Лондоне, о прошлом. Миссис Белл снова хмыкает:

— Не очень-то задирай нос, ты здесь, а не там. Ты теперь в самом низу лестницы, девочка моя, и стоит мне сказать слово, как ты отправишься собирать вещи.

— Очень любезно с вашей стороны сказать об этом, — угрюмо бормочет Кэт.

— Не дерзите мне, мисс. — Миссис Белл умолкает, будто соображая, то ли она сказала. — Готовить умеешь?

— Иногда я помогала готовить еду для прислуги. Но для хозяйского стола не готовила.

— Овощи сумеешь приготовить? Знаешь, как замесить тесто?

— Нет.

Кэт качает головой и тянет руку за спину, чтобы развязать фартук.

— Не так быстро! Какая умная! Ощиплешь к ужину четырех голубей, найдешь их в холодной кладовке.

Кэт снова завязывает фартук и разворачивается, чтобы выйти.

— Только иди с ними во двор, не то потом неделю будешь гонять перья по всему дому! — кричит ей вслед Софи Белл.

Двор — небольшое пространство слева от дома, обнесенное высокой кирпичной стеной и мощенное тем же красным кирпичом. Предвечернее солнце согревает макушку Кэт, пока она работает, окруженная нежными зелеными стеблями сорняков, проросших из трещин между кирпичами. «Вокруг жизнь, а мы словно мертвые», — думает Кэт, пока ее пальцы щиплют мягкие птичьи перья, выдергивая их из обмякшей кожи. Она всегда ненавидела звук, с каким перья отрываются от птичьей тушки, и старалась избегать таких поручений. В Лондоне прислуги было много, и роли были четко разделены. Только в крайнем случае горничной могли приказать ощипать к ужину птицу. Для этого у них были кухарки. Была Тэсс. С жирными пятнами на фартуке, с потемневшими от картофельной кожуры ногтями, с улыбчивым лицом, вечно испачканным мукой. Запах у мертвых птиц мерзкий, сладковатый, головы у них болтаются туда-сюда, пока Кэт трудится, сухая кожа потрескалась вокруг клювов. Кэт вспоминает засохшую кровь на губах Тэсс, кровь на деснах, на зубах. Вспоминает, что такой же отвратительный запах шел от пятен, засохших на грубом платье. Ей хочется закурить.

Ближе к пяти дребезжание спиц сообщает о возвращении преподобного Альберта Кэннинга. Эстер откладывает вышивание и выходит в коридор, чтобы его встретить. Он открывает дверь в тот момент, когда часы бьют пять, и улыбается жене, которая принимает у него шляпу и сумку; сам снимает пальто и тяжелый бинокль. Альберт высокий и стройный, у него светлые волосы, мягкие и пушистые, только-только начавшие редеть на макушке, что нисколько его не старит, а, напротив, подчеркивает молодость. Щеки разругались, потому что он ехал на велосипеде от самого города; в широко раскрытых голубых глазах то выражение невинности, которое сразу покорило сердце Эстер; кожа нежная и гладкая. Одна рука застревает в рукаве пальто, и Эстер пытается помочь ему, но ей мешает его тяжелая кожаная сумка на ремне. Они несколько мгновений сражаются с одеждой, переглядываются и смеются.

— Как прошел день, Берти? — спрашивает Эстер, снова опускаясь в кресло.

— Очень хорошо, спасибо, Этти. Удалось навестить всех, кто просил меня зайти, и так или иначе помочь по мелочи почти всем, а по дороге домой я видел роскошную бабочку, павлиний глаз, — первую в этом году.

— Поймал? — спрашивает Эстер.

У Альберта в сумке есть прекрасный шелковый сачок и морилка на случай встречи с редким экземпляром.

— Нет, я подумал, что это будет несколько несправедливо, ведь весна только началась. Кроме того, павлиний глаз не назовешь редкостью, — говорит Альберт, наклоняясь, чтобы снять с брюк велосипедные зажимы. Потом вынимает из сумки дневник и начинает его листать своим длинным пальцем.

— Верно, — соглашается Эстер.

— А как ты, моя дорогая? Что нового?

— Боюсь, нам по-прежнему придется отправлять белье к прачке.

— Да? А как же новая горничная, разве она не может стирать? — спрашивает Альберт, глядя поверх своего дневника.

В рододендронах за окном дрозд разливается звонкой песней.

— По-моему, нет. Она такая маленькая и... Нет, я сомневаюсь, что она справится. Кроме того, она нездорова.

— О господи! Ладно, как скажешь, дорогая.

Эстер внимательно рассматривает мужа и не находит в нем ни единого изъяна. Он носит длинные бакенбарды, которые будто обхватывают его лицо нежными ладонями. Эстер всегда считала подобное украшение слишком строгим для такого молодого лица — она знает, что Альберт отрастил бакенбарды, чтобы выглядеть более серьезным за кафедрой. В солнечном свете бакенбарды кажутся золотистыми, но в дождь становятся почти темными. Альберт чувствует ее взгляд и улыбается.

— Что такое, дорогая? — спрашивает он.

— Я просто думала, за какого красивого мужчину я вышла замуж, — со смущением отвечает Эстер. — Уже почти год прошел с тех пор.

Альберт берет ее за руку. Он сидит в своей обычной позе, скрестив ноги, отчего брюки немного задираются и она видит над

носками полоску белой кожи. Почему-то от этого он кажется ей беззащитным.

— Кто настоящий счастливчик, так это я, — говорит он.

Эстер улыбается и слегка краснеет.

— Я сегодня заходила к миссис Дафф, — говорит она.

— И как она?

— Получше. Я отнесла ей лимонного ликера, бедняжке он так нравится.

— Очень мило с твоей стороны, дорогая.

— Ее новорожденный сын чудесный малыш и совсем не кричал, когда я взяла его на руки. Наоборот, он с таким спокойным интересом рассматривал меня! Как будто все время обдумывал какие-то ужасно важные мысли обо мне и делал серьезные выводы, — смеется Эстер.

— Уверен, в таком возрасте это невозможно, — замечает Альберт.

— Нет, конечно же нет, — соглашается Эстер.

Альберт снова обращается к дневнику. Она выжидает немного, сердце от волнения вдруг начинает колотиться едва ли не в горле. Потом она собирается с духом.

— Как я жду того дня, когда у нас будет собственный сын! Или дочка. Я знаю, что из тебя получится самый чудесный отец на свете, — говорит она живо и выжидающе смотрит на мужа.

Он не отвечает, и она чувствует, как кровь приливает к ее щекам. Альберт по-прежнему смотрит в свой дневник, однако Эстер видит, что муж хмурится, а его рука не двигается. Прижатое к бумаге перо останавливается, не закончив слова, и с кончика стекает чернильная капля. Негромко кашлянув, Альберт наконец поднимает голову. Он слабо улыбается, однако избегает ее взгляда и ничего не отвечает.

Ночью Кэт лежит без сна. Тонкий матрас весь в буграх, конский волос колется сквозь вытертую ткань. Чтобы дверь не закрывалась до конца, она подперла ее Библией, лежавшей у кровати. Ей нравится, что священная книга валяется на полу вот так, как какой-нибудь мешок с песком. Слова в ней столь же безжизненны, сколь и тяжелы. Сквозь щель в двери проникает лунный свет, холодный, спокойный. Кэт лежит неподвижно, слушая, как храпит миссис Белл в своей комнате в конце коридора. Вдох — выдох, вдох — выдох. Она слышит бульканье в горле у экономки. Кэт осторожно делает глубокий вдох. «Вот он». До

сих пор здесь, на самом дне ее легких, небольшой сырой пузырь, который никак не хочет высохнуть. Кэт выдыхает, стараясь не закашляться. Этот чертов тюремный кашель — все ночи напролет из каждой камеры, потому что легкие поражены, отравлены сыростью, спорами грибков, горькой микстурой доктора. Она проводит большими пальцами по тиковому чехлу, считая колючие щетинки, по одной в секунду, — ночные часы тикают, уходя, а ее глаза до сих пор открыты. Кэт не помнит уже то время, когда она могла просто лечь и заснуть. Безмятежно отказаться от контроля, от власти. Теперь это невозможно. Теперь подобный отказ для нее подобен смерти, как будто даже воздух в комнате нельзя доверять, как будто сами стены набросятся на нее, если она закроет глаза, и тени оживут и поглотят ее.

В другой комнате, этажом ниже, Эстер почти в полной темноте рассматривает силуэт Альберта. Он лежит на спине, глаза его закрыты, а лицо нарочито спокойно. Эстер догадывается — он еще не спит. Красота его лица обезоруживает ее. Эта впадина между лбом и носом, легкая припухлость нижней губы. Глядя в его лицо, она чувствует, как внутри у нее что-то натягивается, словно какой-то нерв напряжен и ему необходимо расслабиться. Она протягивает к мужу руку, сплетает пальцы с его пальцами, лежащими на груди. Вот оно, едва уловимое изменение в ритме его дыхания, едва уловимое напряжение в его теле.

— Берти, ты не спишь, любимый? — шепчет она.

Он не отвечает. «Когда он сжимает тебя в объятиях, целует тебя, когда он видит твою любовь и страсть, тогда и в нем поднимается желание и тогда тела ваши могут соединиться» — так писала ей сестра. Эстер чувствует, как под ночной рубашкой напрягается ее тело, касаясь хлопковой ткани, освобожденное от корсета, который стискивал его целый день. Ее волосы спадают на плечи мягкой, ласковой волной.

— Как же мне хочется, чтобы ты обнял меня, — произносит Эстер, и ее голос немного дрожит.

Альберт не открывает глаз, но говорит:

— Сегодня был долгий день, любимая. Я ужасно устал.

Эстер часто слышит от мужа эти слова. Она слышала их и в первую брачную ночь.

— Да, конечно. Спи, дорогой Берти, — говорит она.

Глава вторая

2011 год

Лия прочитала письмо солдата, и между бровями у нее залегла морщинка. Райан протянул руку, разгладил морщинку большим пальцем, отчего Лия вздрогнула.

— Не трогай! — выдохнула она, дергая головой.

— Недотрога, — вздохнул Райан.

Он улыбнулся, откидываясь назад, однако Лия заметила, что он раздосадован. Она на мгновение ощутила радость победы и тут же рассердилась на себя.

— Это не оригинал? — спросила Лия.

— Разумеется, нет, это копия. Бумага оригинала слишком хрупкая. Там, куда попала вода — а воды попало совсем немного, потому что он как следует потрудился, запечатывая жестянку, — конверт испорчен. Иными словами, имени в письме нет. Имени нашего таинственного солдата.

— Она обращается к нему «дорогой сэръ». Не слишком информативно, — проворчала Лия.

— Если бы она обращалась к нему иначе, ты бы мне не потребовалась.

Лия подняла глаза.

— Интригует, правда? — спросил Райан.

— Правда, — согласилась она. — Как он запечатал жестянку?

— Похоже, свечным воском. Растопил и аккуратно залил по всему периметру.

— Это просто? Он запечатывал письмо каждый день или читал всего раз?

— Кто знает? Думаю, это кропотливая работа, и, скорее всего, она отняла много времени. Сомневаюсь, что он бы стал открывать и запечатывать коробку каждый день. — Райан пожал плечами.

— Значит, это письмо какое-то особенное?

— По-моему, да. Прочти вслух, я хочу послушать еще раз, — сказал он.

*Дом викария,
Коулд-Эшхоулт*

Дорогой сэръ!

Даже не знаю, с чего начать, поскольку я послала так много писем, но получила так мало ответов. Я говорю «так мало», хотя следовало бы сказать «ни одного». Не могу себе представить, где Вы сейчас, могу лишь догадываться (но сомневаюсь в этом), что положение Ваше хуже того, в котором Вы пребывали здесь. Мысль о том, что Вы постоянно подвергаетесь смертельной опасности, Вы и ваши товарищи, ужасает меня. Прошу, берегите себя, если мое слово имеет хоть какой-то смысл на поле боя. Я лишь недавно узнала о Вашем отъезде на фронт, да и то случайно, — знакомая упомянула мимоходом о переброске в зону боевых действий таких людей, как Вы. Знаю, мы с Вами расстались при весьма странных обстоятельствах и время, проведенное вместе, было не самым простым, и, хотя Вы не ответили ни на одно из моих писем, пока оставались в относительной близости от меня, мне все равно горько сознавать, что теперь Вы не в Англии.

Так о чем же я могу написать? О чем еще не писала раньше? Не знаю. Я живу в страхе. Живу в неведении и страданиях, и Вы моя единственная надежда выбраться из этой западни. Но Вы не можете или не хотите мне помочь, не хотите нарушить молчания. Что я могу? Я всего лишь женщина. Звучит жалко, но у меня нет ни сил, ни смелости что-нибудь изменить. Я попала в ловушку. Должно быть, мои слова вызовут у Вас презрение, ведь Вы столько пережили с момента нашего расставания и вынуждены были терпеть то, чего я не могу даже вообразить.

Мой сын прекрасно развивается. Хотя бы это хорошая новость, которую я могу сообщить. Он прекрасно развивается. Ему скоро исполнится три года — как быстро бежит время! Прошло уже почти четыре темных года, и Томас — единственный луч света в этом мраке. Он носится по дому и саду как заведенный. Для своего возраста он маловат ростом, как мне говорят, но ноги и тело у него крепкие, у него прекрасное телосложение. До сих пор у него не было никаких серьезных инфекций и детских болезней. У него каштановые, слегка вьющиеся волосы и карие глаза. Светло-карие глаза. Я не стрижу ему волосы, потому что мне так нравится расчесывать их! Сестра говорит, что он уже слишком взрослый для таких длинных волос, люди будут принимать его за девочку, но я пока хочу оставить так. Он начал

считать, с лету запоминает стишки и песенки, очень смысленный — более смысленный, чем я. Надеюсь, вести о Томасе Вас порадуют.

Не могу придумать, о чем еще написать. Все стало таким странным и мрачным с того лета. Мне хочется во всем разобраться, но в следующий миг я понимаю, что, если мои подозрения подтвердятся, я побоюсь что-либо предпринять. Побоюсь и дальше оставаться в доме, а куда мне тогда идти? Меня, конечно, могла бы на какое-то время приютить сестра. Но не смогу же я гостить у нее вечно, у них с мужем четверо детей, для нас с Томасом просто нет места. Прошу Вас, напишите мне. Расскажите обо всем, что произошло в то лето, — заклинаю Вас! Даже если Вам кажется, что ответы меня не успокоят, я должна знать. Жить в страхе и подозрениях невыносимо, а я живу так вот уже четыре года. Я писала Вам, что нашла в то утро в библиотеке. Какие вещи я нашла. Я уверена, что писала Вам об этом, хотя тогда мой разум был в смятении. Все это было как страшный сон. Когда в последующие дни я просыпалась, то в первое мгновение ощущала себя счастливой, но затем вспоминала все, и казалось, что даже солнце становится более тусклым. И то, что я спрятала свои находки, не делает ли меня соучастницей преступления? Боюсь, что делает, но я уверена: лишь единицы поступили бы иначе. Может быть, это неправда. Может быть, я слаба, напугана и лишена силы духа. Но как тогда быть с Вами и Вашим молчанием? Напишите мне, умоляю. Не оставляйте меня наедине с догадками и тайнами, вынуждая изо дня в день ходить по собственным следам.

С наилучшими пожеланиями,

Э. Кэннинг

Они сидели в ресторанчике в деревне под названием Ватау, до которой было довольно далеко от Поперинге, где остановилась Лия и жил Райан. «Оно того стоит», — сказал он, отвечая на ее вопросительный взгляд, когда они выезжали из городка. И он оказался прав. Еда была восхитительная, в тихом зальчике раздавался лишь ровный гул голосов постоянных посетителей, приезжающих сюда на ужин. За окном дождь поливал пустынную дорогу, булькал в

затопленных водостоках, дробил, разбрасывая по стеклу, свет уличных фонарей.

— Неужели ты не тоскуешь по лету? — вздохнула Лия, глядя на все это.

— Я люблю такую погоду, разве ты забыла? Люблю темные месяцы, — ответил Райан, подливая красного вина в ее бокал.

— Верно. Забыла.

— Уже забываешь меня.

Райан покачал головой. Лия ничего не сказала. Они оба знали, что это невозможно. Забыть. Она посмотрела на него, на его лицо, освещенное светом свечи на столике между ними. Что же в ней сидит такого, что тянет ее к нему? Что-то неумолимое, как сила притяжения. Было бы гораздо проще поддаться ей, точно так же как было бы проще поддаться и упасть со скалы, чем вскарабкаться обратно на твердую землю, сказала она себе. Гораздо проще. Вино согрело кровь, она почувствовала, что щеки пылают.

— Ты, похоже, немного набралась, — насмешливо заметил Райан.

Он улыбался, дружелюбие и нежность смягчили его слова, заслонили плохие воспоминания.

— А ты разве не этого добивался? — спросила Лия.

Райан помотал головой:

— Ты всегда сама знаешь, чего хочешь. Я никогда не полагался на алкоголь, чтобы изменить твоё мнение в свою пользу.

— Лжец. — Она улыбнулась, Райан широко усмехнулся:

— Я правда рад тебя видеть, Лия. Кажется, я еще не успел тебе об этом сказать. — Он протянул руку, играя с каплями воска, стекающими по свече, и немного нахмурился, как будто погруженный в глубокие и тревожные размышления.

«Угу, эта игра всегда тебе удавалась», — подумала Лия. Всегда удавалось заставить ее приблизиться, заставить посмотреть внимательнее.

— Я не собираюсь спать с тобой, — сказала она решительно, более резко, чем хотела.

Райан отдернул руку от свечи, как будто обжегшись.

— Не помню, чтобы просил тебя об этом, — отозвался он вроде бы невозмутимо.

Они разговаривали, пока тарелки не опустели, тогда они заказали десерт, однако чем больше они говорили, тем очевиднее становилось, что есть темы, на которые они не могут говорить, и за столом повисло молчание, странное и неловкое.

— Интересно, почему он сберег это письмо? Она говорит, что написала ему много писем до того, как он уехал на континент. Чем же это такое особенное? В конце концов, это же не любовное письмо, — проговорила наконец Лия.

Официант принес десерт, профитроли, политые глянцевым бельгийским шоколадом. Официант эффектным жестом опустил на стол креманки, развернул каждую, касаясь кончиками пальцев, как будто бы их правильное положение было делом первостепенной важности. Лия перехватила его взгляд и мимолетно улыбнулась.

— По-моему, наш гарсон на тебя запал, — сказал Райан.

— По-моему, ты выдумываешь. Ты всегда выдумывал.

— За исключением Турции.

— Ладно, Турцию я тебе уступлю. Только на турок произвела впечатление не я, а голубые глаза и светлые волосы.

— Я мог бы там разбогатеть. Один из них предложил мне за тебя дом, — усмехнулся Райан.

— Я не твоя, чтобы ты мог меня продавать, — резко возразила она. — К тому же ему было не больше шестнадцати. Скорее всего, он еще жил с мамочкой.

— Оно было не единственное, — сказал Райан, отправляя в рот профитроль, отчего рот перестал закрываться. Лия невольно засмеялась.

— Ты свинтус! У тебя на подбородке шоколад. Что не единственное?

Райан долго жевал, прежде чем ответить:

— Письмо в солдатской жестянке не единственное. Было еще одно.

— Правда? Почему же ты не принес его? Что в нем сказано?

— Оно гораздо короче того, которое я тебе уже показал. И очевидно, написано раньше; насколько я понимаю, сразу после того непонятого случая. Письмо довольно сбивчивое, — пояснил он.

— Ну и где же оно? — спросила Лия, опуская мизинец в горячий соус и облизывая его. Только с Райаном она позволяла подобные

детские выходки. Как легко вернуться к прежним привычкам и к прежним чувствам.

— У меня дома, — спокойно произнес Райан.

*Дом викария,
Коулд-Эихоулт
Дорогой сэр!*

Ребенок появится на свет со дня на день, и меня переполняют страхи. Как же я смогу это сделать? Вы понимаете, о чем я говорю, я уверена, что понимаете. С тем же успехом я могла бы остаться в доме одна, окруженная только призраками. Понимаете ли Вы, что Вы наделали? Одна часть меня хочет, чтобы я никогда не знала Вас. Иногда это бульшая часть. Я поймала себя на том, что пытаюсь сейчас представить себе Вас, пытаюсь представить себе, какой Вы без вашей обычной одежды, без Ваших книг и улыбки. Без всех этих деталей, из которых складывается Ваш образ, Ваша «божественная суть». Что с ними теперь? Все забыты, как и я?

Все пошло прахом. Я даже разлюбила свою работу и не могу больше учить детей с прежней радостью, потому что, когда я стою перед ними, я знаю, что у меня под ногами. Я же рассказывала Вам, что я сделала? Я почти не помню. Я думала, это будет только временное хранилище, место, где никому не придет в голову искать. Пытаясь найти то, что я уже нашла, подняла с пола в библиотеке в то утро. Между прочим, я собиралась все уничтожить. Все, до последней вещицы, но подумала, вдруг в один прекрасный день это потребуется Вам, чтобы доказать, чтобы оправдаться... Поэтому все лежит тут, под полом. Когда я осмеливаюсь подумать об этих вещах, не говоря уже о том, чтобы прикоснуться к ним или перепрятать, у меня в душе поднимается буря страха, от которого я слабею и дрожу.

Полагаю, у меня будет мальчик, причем крупный. Меня с трудом можно узнать, так я расплылась. Это создание захватило мое тело. Он теперь слишком большой даже для того, чтобы двигаться и толкаться, как он делал это в последние несколько месяцев. Он наполнил меня, как воздух в шарике. Как бы мне хотелось, чтобы он там и остался! Не знаю, где найду силы, чтобы воспитывать его с легким сердцем, радостно и беззаботно, когда он родится среди мрачных теней. Но хватит на сегодня. Я устала. Даже такой труд, как написание письма,

меня утомляет, в особенности письма Вам, сэр, когда я уже знаю, что ответа не получу. Но я все равно надеюсь на него, и это утомляет еще сильнее.

Пусть это письмо доставит Вам хоть какое-то утешение в том страшном месте, куда Вы попали.

Э. Кэннинг

Лия прочла письмо еще раз и еще. Она прочла его трижды, потому что не осмеливалась поднять глаза на Райана, поднять глаза и заговорить. Ну почему вечно все заканчивается одним и тем же? Мысленно она сыпала проклятиями. Это обволакивающее чувство, пробирающее до костей, как будто ее решимость является веществом, которое может растаять под давлением, растечься по телу вместе с током крови и исчезнуть. Райан даже не стоял рядом с ней. Он сидел на подоконнике напротив, а она — на краю кровати, придерживая одной рукой падавшую прядь волос, пока читала. Он поднялся так внезапно, что она вздрогнула.

— Еще кофе? — предложил он таким обыденным тоном, что Лия усомнилась в себе, усомнилась, что он испытывает те же чувства, что и она.

— Нет, спасибо. — Она не поднимала глаз.

— Похоже, что у нее были большие неприятности, правда? — спросил он, заливая кипятком новую порцию растворимых гранул. — Какой вывод ты можешь сделать?

— Не знаю. Произошло что-то нехорошее. Ее бросили одну разбираться с последствиями, наш герой куда-то слинял, а потом началась война. Ей кажется, что она знает кое-что о том, что случилось, — сказала Лия.

Она наконец посмотрела на него. Он стоял, повернувшись к ней спиной, поэтому смотреть на него было неопасно. Гибкая спина, широкий разворот плеч под рубашкой. Всего лишь мышцы, кожа и кости, такие же как у нее, но во всем его теле была какая-то магия.

— Как по-твоему, они были любовниками? — уточнил он.

— Вряд ли. Она не стала бы называть любовника «дорогой сэр». Пусть даже и сто лет назад. Уж слишком холодно и официально.

— Чего не скажешь о самом письме, да? Я имею в виду, оно не холодное и не официальное, — сказал Райан.

Он уселся рядом с ней, слишком близко, так что коснулся ее ноги, бедра, локтя. Лия ощутила, как внутри что-то оборвалось, как проснулась старая боль. Она была странная, почти приятная, как будто раскачиваешь шатающийся зуб или трогаешь синяк. Синяк, который до сих пор ноет. Лия вспомнила его предательство, когда разлетелось на части все, что, как ей казалось, она знала.

— И да и нет. Очень странное. Создается впечатление, будто она старается ясно все изложить, однако из текста невозможно понять, что она хочет сказать. Она выражается так туманно, как будто знает, что письма попадут в чужие руки, кто-то посторонний прочитает их, и потому не хочет выдавать слишком много... — Лия замолчала.

Райан заправил ей за ухо прядь волос, и его пальцы скользнули по ее щеке легко, словно снежинки. Она молча посмотрела ему в глаза.

— Значит, ты займешься этим делом? Постараешься выяснить, кто он такой? — спросил Райан. Лия кивнула. — Просто как в старые добрые времена: я стою наблюдаю, как тебя захватывает сюжет. Какой... неожиданный приз.

— О чем это ты? Неужели ты думал, что я не заинтересуюсь?

— Нет. Я думал, ты нарочно откажешься от этого дела, потому что это я попросил. — Он улыбнулся.

— Я подумывала об этом, — призналась Лия. — Я... отчасти приехала сюда ради возможности сказать тебе «нет». Отказать тебе в чем-то. — У нее на глаза навернулись слезы, и она сердито вытерла их.

— Ты не справилась с первым же препятствием, — проговорил он тихо. — Ты приехала сюда сразу же, когда я тебя попросил.

— Знаю. Я что, не слишком сильный противник?

— Не знаю. Ты же заставила меня ждать пять месяцев, прежде чем я увидел тебя. Ты заставила меня отправиться в Бельгию в попытке тебя забыть.

— Вранье. Ты всегда хотел уехать и работать в Комиссии по воинским захоронениям, — сказала она, силясь найти какую-нибудь опору, какой-нибудь выступ, за который можно ухватиться, потому что она все дальше и дальше сползала с края скалы.

— Лия, я так по тебе скучал, — прошептал Райан, дотрагиваясь губами до ее волос; его слова коснулись ее словно крылья бабочек.

И Лия молча сдалась.

Ее разбудил шум дождя, да еще с градом, барабанившим по оконной раме. В маленькой комнате было темно и сумрачно, в кровати тесно. Райан лежал, повернувшись к стене, спиной к ней, и крепко спал. Стараясь не шевелиться, Лия оглядела комнату, заметила, где лежат ее вещи, разбросанные накануне. Секунду она искала способ исправить то, что было сделано, и поняла, насколько это тщетно. Лия закрыла глаза и позволила отчаянию завладеть ею — все равно как оказаться под землей, задыхаться, не находя выхода. «Я никогда не освобожусь».

Но в следующий миг на красно-черном фоне перед закрытыми глазами выплыли строки из писем женщины по фамилии Кэннинг. «Все пошло прахом. Я собиралась все уничтожить... лежит тут под полом... он родится среди мрачных теней».

Здесь есть что искать, есть какая-то тайна, смысл. Нужно не просто установить личность погибшего солдата, но узнать, что же привело в такое отчаяние эту женщину, что так напугало ее. И почему человек, которому она писала, ни разу ей не ответил, почему он сохранил при себе только эти два письма, почему она считала, что в один прекрасный день ему придется что-то доказывать.

Словно спасательный круг, за который можно ухватиться, разрозненные нити этой истории протянулись к Лии. Если сосредоточиться, если собрать волю в кулак, она сможет их связать. Первым делом ей необходимо уехать. Не будя Райана, не разговаривая с ним, не прощаясь, — наплевать, что его запах остался у нее в волосах, на пальцах, на губах, словно следы наркотика, который помогает жить, одновременно убивая. Она неслышно поднялась, оделась, взяла с пола копии писем, сложила и убрала в сумочку. На постель она не посмотрела, записки не оставила. Когда Лия выходила, ей показалось, что она уловила краем глаза какой-то блеск, как будто луч света мелькнул между подушками и простыней. Как будто глаза у Райана были открыты, когда она выскользнула из комнаты.

1911 год

По утрам в доме прохладно и тихо, он залит ярким солнечным светом, в котором сверкает каждая пылинка, паря в неподвижном воздухе и медленно опускаясь на мебель. Когда Кэт чистит каминные или ковры, пыль вокруг поднимается клубами, чтобы тут же осесть и через мгновение снова подняться в воздух под щеткой. Она рада, что Эстер в этот час спит и не видит, насколько тщетны попытки избавиться от пыли. Люди здесь насквозь пропылились. Дома пропылились. Кэт снова и снова обтирает пальцы о фартук — ей неприятна мысль о том, что пыль прилипает к ее коже. Она убирает комнаты на первом этаже и накрывает стол к завтраку раньше, чем спускается Эстер. Иногда ее зовут наверх, чтобы она помогла Эстер одеться. Затем, когда викарий возвращается с утренней прогулки, они с Эстер садятся завтракать, а Кэт идет наверх, собирает грязное белье, штопает, застилает кровати, убирает в спальне и ванной, в коридоре наверху. Проветривает комнаты для гостей, хотя еще не видела в доме ни одного гостя: открывает ставни в комнатах, куда никогда никто не заглядывает, затем, когда солнце клонится к вечеру, снова их закрывает. Она гоняется за мухами, хлопает мухобойкой, а когда они поднимаются слишком высоко, наблюдает за ними, с надеждой думая, что они все равно умрут.

Кэт глохнет от тишины. В Лондоне всегда стоял гул, неумолчный гул большого города, даже на их уважаемой Бротон-стрит. Утром, когда она открывала ставни, ее встречало гудение жизни. Цокали запряженные в кебы лошади, стальные лошадиные подковы высекали искры из булыжников мостовых, по которым ступали их костлявые жилистые ноги; проезжали автомобили, и моторы у них тяжело дышали, словно загнанные собаки. Мальчишки на велосипедах, тележки с товарами, грохот тяжелых подвод. Голоса прохожих тоже вливались в общий хор. Можно было разглядывать людей, проходивших мимо, следить за модой. Теперь же, когда Кэт открывает ставни, ее приветствует зеленый пейзаж, раскинувшийся на три стороны от дома, без всяких следов человеческого присутствия. Небо широкое и высокое, а из звуков слышно лишь птичье пение.

Иногда проедет телега, иногда залает собака. Это лишает ее энергии, но Кэт не в силах противиться, она ловит себя на том, что нарочно мешкает, задерживается у окна, которое должна мыть, взгляд ее смягчается, устремляясь в эту новую, тихую даль. Ее телу необходимы эти минуты отдыха, каких у нее никогда не было раньше. Она работает с двенадцати лет, она привыкла к работе. Но Холлоуэй^[1] сделал ее слабой, колени у нее дрожат, стоит лишь подняться из полуподвального этажа на чердак.

Завтракают они с миссис Белл в кухне за деревянным столом. Стул экономки угрожающе поскрипывает под ней, полностью скрытый ее телесами. Видны только тощие деревянные ножки, шатающиеся под ее грузом. Однажды, думает Кэт, они подломятся. И она не сможет удержаться от смеха, глядя, как это случится. Она мысленно проигрывает эту сценку: миссис Белл барахтается на полу, словно упавший на спину жук, и не может встать.

— Над чем это ты потешаешься? — с подозрением спрашивает миссис Белл.

— Представила себе, как вы будете кататься по полу, если стул сломается, — чистосердечно отвечает Кэт.

— Вот нахалка! — восклицает миссис Белл, пристально глядя на нее широко раскрытыми глазами, однако не находит что ответить, и Кэт, похихикав, возвращается к своей овсянке.

Теперь, чтобы поесть, Кэт приходится сосредотачиваться странным образом. Сосредотачиваться на том, чтобы не замечать, что она делает. Если она ощущает запах, структуру пищи — наступает краткий миг удушья при глотании... Тогда ею овладевает паника, и есть невозможно.

— Я все думаю, за что тебя посадили? — произносит наконец миссис Белл. — Не иначе как за наглость, когда ты в очередной раз не смогла прикусить язык! И кому же ты в тот раз надерзила? — спрашивает она, стараясь придать голосу злости, но не в силах скрыть любопытства.

Однако Кэт не может ответить. При упоминании о тюрьме ее горло сжимается, и ложке каши некуда деться. Она чувствует, как овсянка поднимается, липнет к стенкам горла. Она бежит к раковине, кашляет и извергает ее из себя.

— Господи спаси! Да что с тобой такое? — восклицает миссис Белл, и ее щеки идут красными пятнами. — Неудивительно, что ты как воробей! Хозяйка об этом узнает.

— Если я буду меньше есть, она сможет здорово сэкономить, — выдыхает Кэт, утирая подбородок тыльной стороной ладони.

Миссис Белл возмущенно фыркает, когда Кэт возвращается за стол и отодвигает от себя миску с овсянкой.

— Не переводи зря еду! Отдай мне, — говорит миссис Белл и зачерпывает из миски своей ложкой. Она снова щурится на Кэт. — Что это за значок ты носишь? — Миссис Белл нацеливает палец на маленький кругляшок из серебра с эмалью, приколотый к воротнику Кэт.

— Моя медаль за Холлоуэй. Друзья вручили мне ее в знак того, что я пострадала за общее дело, — говорит Кэт, и ее пальцы тянутся вверх, чтобы коснуться медали.

— Не думаю, что этим стоит гордиться, — колко произносит экономка.

— Вы заблуждаетесь.

— В любом случае нечего так выставлять ее напоказ. Носи под одеждой, если тебе охота, но чтобы я ее больше не видела, — отрезает миссис Белл, резко мотнув подбородком.

Кэт сердится, однако делает так, как было приказано.

Кэт вызывают в гостиную после обеда, когда она поднимается к себе, чтобы немного отдохнуть. Руки у нее красные и сморщенные от мыльной пены; ногти, успевшие отрасти за неделю до переезда сюда, снова обломаны. Жена викария одета в белое муслиновое платье с рюшками по вороту, на манжетах и по подолу. В талии ее перетягивает корсет, но она все равно широкая и какая-то мягкая. Ее грудь вздымается над китовым усом, выпирает в стороны, к подмышкам. И лицо у нее такое же: широкое, мягкое, располагающее. Руки, напротив, маленькие и тонкие, пальчики с блестящими розовыми ногтями. Ножки крохотные. В туфлях на высоких каблуках она похожа на волчок.

— А-а-а, Кэт! — Эстер улыбается. — Хотела узнать, не будете ли вы так любезны отнести это на почту и отправить? Спасибо, деточка. И может быть, захватите к чаю несколько мадленок? На Бродвее есть

великолепная кондитерская. Миссис Белл это не одобрит, но, поскольку она не в силах теперь замесить тесто, у меня нет выбора! — Эстер произносит эти слова с легким смешком.

Кэт берет письмо и предложенные Эстер монеты, возмущенная до глубины души, что женщина, которая старше ее всего на несколько лет, называет ее «деточкой».

— Слушаюсь, мадам, — произносит она спокойно.

Лицо у Эстер несколько омрачается. Кэт замечает, что взгляд хозяйки скользит мимо нее, к письму. Как будто она боится смотреть в глаза новой служанке.

— Вы же знаете дорогу до Тэтчема? — спрашивает Эстер.

— Нет, мадам, — признается Кэт. Она и не подумала спросить. Она была бы счастлива отправиться из дому куда глаза глядят.

— Ну, в такой ясный денек, как сегодня, лучше пойти по дорожке, которая начинается от дома, — она идет вверх, но там есть ступеньки, — потом перейдете реку по пешеходному мосту и пойдете дальше по тропинке до канала, что займет минут десять. У канала повернете налево и пройдете две мили по бечевнику, и вот вы в Тэтчеме. Городок прелестный. Пожалуйста, не спешите, погуляйте там, осмотритесь немного. Хорошо, если вы будете знать, где находится мясная лавка, бакалея и прочее, — говорит Эстер.

При мысли о прогулке сердце у Кэт трепещет.

— Благодарю вас, мадам, — произносит она уже с большим чувством, и улыбка у Эстер делается шире.

Кэт с легкостью поднимается по лесенке над живой изгородью и спускается в поле, она без корсета, ничто не сковывает ее движений. Она перешагивает через коровьи лепешки, рассматривает необычную для нее землю под ногами. Кэт никогда еще не ходила по траве так долго, не ходила по неутоптанной земле. У них в саду в Лондоне тоже была лужайка, но слугам не полагалось гулять по лужайке. Джентльмен особенно подчеркивал это: ходить нужно только по дорожкам, аккуратно вымощенным плиткой или посыпанным гравием, обсаженным кустами самшита. А здесь и высокая косматая трава, и другие растения, каких она никогда не видела. Полевые цветы. Крохотные синенькие, оттенка летнего неба; пурпурные; желтые; белые, будто длинные облачка. Названий она не знает. Кэт ощущает,

как тепло яркого солнечного дня проникает в кожу, изгоняя застоявшийся холод тюремной камеры. Она несет письмо Эстер и деньги на пирожные в кошельке на шнурке, который ей, ворча, одолжила миссис Белл. Она размахивает кошельком, машет им назад и вперед, крутит, заставляя со свистом рассекать воздух. Худая черноволосая девушка идет по извилистой дорожке через луг.

Канал оказался широкой полосой лениво текущей мутной воды, где по берегам растут плакучие ивы. На противоположном берегу над водой склоняются молодые ветки бузины, сплошь усыпанные цветками с едким запахом. Тучи комаров вьются над водой и, как только она подходит ближе, всем роем устремляются к Кэт, впиваются в лицо и руки. Кэт доходит до бечевника и смотрит направо. Эта дорога тянется до самого Лондона. Она могла бы пойти по ней, так и шла бы, пока не стерла бы ноги в кровь. Сколько времени это займет? Она понятия не имеет. И что она будет делать, когда окажется там? Дома у нее больше нет. Зато она могла бы найти Тэсс. Могла бы удостовериться, что с Тэсс все в порядке, могла бы привезти ее сюда. В это чужое место, где все так зелено, спокойно, так не похоже на Лондон. Но Кэт поворачивает налево и идет уже медленнее, отбиваясь от комаров и обходя кучки навоза, оставленные лошадьми, которые тянут баржи.

Впереди появляются строения. Склады, лодочные мастерские. Она проходит мимо двух шлюзов; зачарованная, наблюдает, как через один из них проходит лодка. Когда вода, пенясь, просачивается через пропитанные водой балки, снизу облаком поднимается запах сырости и гнили. Ветерок морщит поверхность воды, отчего кажется, будто она течет. Кэт поднимает палку, чтобы в порядке опыта проверить, так ли это. Она бросает ее в воду, но в этот миг шнурок кошелька соскальзывает с запястья и летит следом.

— Да чтоб тебя! — бормочет она, озираясь.

Берега канала крутые, и вода кажется глубокой. Неподалеку стоит какое-то длинное широкое судно, и, хотя на нем никого нет, Кэт не решается ступить на борт. Она оглядывается по сторонам, поднимает отломанную кленовую ветку и тянется к кошельку, который — какое счастье! — не тонет. Кэт старается сохранить равновесие, старается держать ветку ровно, подцепляет шнурок кошелька и тянет к себе. Сначала это ей удается, но в следующий миг она теряет равновесие, и

ей приходится бросить ветку, чтобы не упасть самой. Кошелек тихонько плавает по кругу. Кэт сползает по берегу, неустойчиво сидя на корточках, и тянет к кошельку пальцы. Ей не хватает каких-то двух дюймов. Два дюйма, не больше, но, как она ни старается, достать кошелек не может.

— Ах ты, грязный выблядок! — кричит она, рассерженно поднимаясь.

Сзади раздается смех, Кэт вздрагивает, отступает на шаг и спотыкается.

— Осторожнее, мисс. Вы же не хотите упасть в воду, — произносит незнакомец.

Он по пояс высунулся из палубного люка баржи, пришвартованной к берегу. У Кэт возникает ощущение чего-то золотисто-коричневого, теплого. Обветренная кожа оттенка выскобленных досок на палубе, жесткие волосы, вылинявшая одежда.

— Вы кто? — спрашивает она с подозрением.

— Джордж Хобсон. Но что гораздо важнее, я владелец захватного крюка, на случай, если вам понадобится.

— Что такое захватный крюк и с чего бы он мне понадобился? — резко спрашивает Кэт, чувствуя, что над ней потешаются.

— Вот эта штукавина. И я выловлю для вас сумочку, если скажете, как вас зовут, — предлагает ей мужчина, поднимая с палубы зловещего вида металлический крючок, закрепленный на длинном шесте.

Кэт хмуро глядит на него и с минуту размышляет, затем говорит:

— Ладно, скажу. Я — Кэт Морли. Выловите кошелек, пока там письмо не размокло.

Мужчина выбирается из люка, садится на корточки на краю палубы и цепляет им кошелек, с которого льет ручьями вода. Слегка встряхивает его, аккуратно сматывает шнурок на ладони и выжимает. Ладони у него как лопаты — широкие, квадратные; костяшки пальцев сбиты и покрыты шрамами. Он спрыгивает на берег и приближается к Кэт, а она расправляет плечи и смотрит на него сверху вниз, хотя не достает ему даже до плеча. Он к тому же в два раза шире в плечах, чем она, — крепкий, как древесный ствол.

— Я принял вас за паренька в длинной рубашке, пока вы не заговорили, — произносит он.

— Благодарю вас, сэр, — саркастически отзывается Кэт.

— Да нет, я не хочу вас обидеть. Просто здешние девушки — а я по выговору слышу, что вы не из здешних, — носят длинные волосы, — поясняет он.

Кэт ничего не отвечает. Она протягивает руку за кошельком и, когда он не отдает, скрещивает руки на груди и спокойно на него смотрит.

— Кроме того, никогда не слышал, чтобы какая-нибудь из местных девушек ругалась так, как вы, мисс. Да, никогда такого не слышал, — смеется он.

— Верните, пожалуйста, кошелек, — говорит Кэт.

— Пожалуйста. — Джордж кивает, передавая ей вещицу.

Кэт раскрывает его, вытряхивая воду, водоросли, монеты и письмо, которое она поспешно вытирает о свою юбку.

— Черт возьми! Адрес почти невозможно разобрать. Чернила совсем размылись, — бурчит она себе под нос. — Может, еще не все потеряно, я могла бы надписать его сверху, если бы кто-нибудь одолжил мне ручку. Как по-вашему, это еще можно прочесть? Вы сможете разобрать имя? — спрашивает она, показывая конверт Джорджу Хобсону.

Великан краснеет и, хмурясь, смотрит на письмо с крайне озадаченным видом.

— Не могу сказать, мисс Морли, — бормочет он.

— Что, совсем испорчено? — спрашивает она.

Джордж пожимает одним плечом, уклоняясь от ответа, и Кэт понимает, в чем дело.

— Вы не умеете читать? — спрашивает она с недоверием.

Джордж отдает ей письмо, снова пожимает плечами и хмурится, глядя на Кэт.

— На барже нечасто приходится читать, — говорит он. — Желаю вам хорошего дня.

Он разворачивается к своему судну, делает один широкий, уверенный шаг и оказывается на борту.

— Ах вот как! Вам, значит, можно надо мной смеяться, а мне над вами нельзя, так? — говорит с берега Кэт.

Джордж останавливается, слегка улыбается.

— Вот тут вы меня уели, мисс Морли, — признает он.

— Меня зовут Кэт, — говорит она. — Никто не называет меня мисс Морли, кроме... — Она умолкает. Кроме полицейских, которые схватили ее, кроме судьи, который вынес приговор. — Никто.

— Вы ведь будете приходить в город, Кэт?

— Думаю, время от времени.

— Буду ждать вас. Мне по душе ваш острый язычок.

Он улыбается. Кэт смотрит на него, склонив голову набок. Ей нравятся искорки в его глазах, нравится, что он смутился, как школьник. Быстро улыбнувшись, она идет дальше в городок. Выйдя из почты, она покупает мадленки, которые несет с осторожностью: они до сих пор теплые и липкие, от бумажного свертка исходит аромат ванили. Кэт покупает себе сигареты и номер «Голосуй за женщин» за пенни. Она спрячет его под юбку, когда вернется, чтобы тайком пронести в комнату и прочесть в свободное время.

В четверг Эстер и Альберт сидят за столом и ужинают бараньими отбивными. За окном сгущается вечер; сменив птиц, летучие мыши кружат над лужайкой. Кэт прислуживает: переходит от одного конца стола к другому с суповой миской, затем с блюдом мяса, затем — овощей. В Лондоне она обычно была безмолвной и невидимой, за столом присутствие слуг не замечалось. Но когда она кладет что-нибудь на тарелку Эстер, та улыбается и мягко благодарит. Кэт поначалу вздрагивала при этом и не знала, как себя вести. Теперь она каждый раз тихо бормочет: «Мадам», и голос ее шелестит, будто это Эстер. Альберт словно ничего не замечает, он ест с рассеянным, отстраненным видом, лишь время от времени хмурясь, улыбаясь или недоверчиво приподнимая бровь. Он поглощен какими-то своими мыслями, а Эстер смотрит на него с обожанием, ловя отражение этих мыслей на его лице.

— Какая тема вечерней лекции, милый? — спрашивает Эстер, когда Кэт отходит. — Альберт? — зовет она, потому что он не отвечает.

— Прошу прощения, дорогая?

— Сегодняшняя лекция. Я спросила, о чем она будет.

В Ньюбери раз или два в неделю читают лекции, и Альберт старается их не пропускать, в особенности если они касаются вопросов философии, биологии или религии.

— Э... должна быть очень интересная лекция. Называется «Духи природы и их место в религии мудрости». Лектор — восходящая звезда в теософических кругах, кажется Дюрран. Он из Рединга, если я правильно помню.

— Духи природы? Что бы это значило? — говорит озадаченная Эстер. Она не спрашивает, что такое «теософические», поскольку боится, что не сможет правильно повторить слово.

— А вот именно это, дорогая Этти, я и собираюсь выяснить, — говорит Альберт.

— Он что, имеет в виду домовых? — Она негромко смеется, но тут же умолкает, потому что Альберт слегка хмурится.

— Не стоит смеяться над тем, чего мы не понимаем, Этти. Разве существа из детских сказок и мифов не имеют прототипов в реальности?

— Да, конечно, я не хотела...

— В конце концов, все мы знаем, что у человека имеется душа. А что есть призраки, как не лишенные тела человеческие души? Никто же не будет, в самом деле, спорить с многочисленными доказательствами их существования?

— Конечно, Берти, — соглашается Эстер.

— Существует гипотеза, что и у растений есть своего рода духи-хранители, которые заботятся о них, направляют их рост, следят за размножением, — продолжает Альберт.

— Конечно, я понимаю, — говорит Эстер, теперь уже совершенно серьезно.

Они на мгновение умолкают, слышно только, как они жуют и как звякают вилки.

— Ты идешь к миссис Эвери играть в бридж? В котором часу мне тебя ждать? — спрашивает Альберт через какое-то время.

— О, думаю, я вернусь раньше тебя, милый. Мы будем играть самое позднее до десяти, — поспешно отвечает Эстер, зная, что Альберт не одобряет игру в бридж, и желая как можно быстрее закрыть эту тему.

— Миссис Данторп тоже придет? — спокойно спрашивает Альберт и неодобрительно поднимает бровь, что всегда огорчает Эстер.

— Я... я не знаю, Альберт. Сомневаюсь. В прошлый раз ее не было...

— Она в самом деле не та...

— Я знаю, дорогой, знаю. Но даже если она и придет, уверяю тебя, мы будем играть на спички, ничего более, — убеждает его Эстер.

Страсть миссис Данторп к азартным играм известна всем. За рождественские праздники она просадила в покер столько, что ее мужу пришлось продать лошадь.

— Меня тревожит не только это...

— О, не беспокойся, Берти! В конце концов, репутация у миссис Эвери безупречна, и я надеюсь, ты хоть немного доверишь мне.

— Конечно доверяю, дорогая Эстер. — Альберт улыбается. — Я знаю, что душа твоя чиста.

Предательский румянец заливает лицо и шею Эстер.

На самом деле она же не солгала, убеждает себя Эстер, пока машет Альберту, уезжающему на велосипеде. Ему предстоит проехать две мили до Тэтчема, чтобы там сесть в поезд до Ньюбери, где будет лекция. Когда викарий скрывается из виду, она набрасывает легкое пальто, Кэт подает ей булавки, и Эстер прикалывает шляпу, поправляет прическу.

— Я вернусь к половине одиннадцатого. Чашка какао была бы весьма кстати, — весело произносит Эстер.

— Хорошо, мадам, — бормочет Кэт.

Эстер отмечает черные круги у нее под глазами и то, что она до сих пор, хотя с ее приезда прошло немало времени, нисколько не поправилась. Ступая по садовой дорожке, Эстер мысленно обещает себе поговорить об этом с Софи Белл. Она замечает, что с севера надвигаются сердитые багрово-черные тучи, словно громадные зловещие деревья, выросшие на линии горизонта. Эстер поворачивает обратно за зонтиком.

Ее мысли возвращаются к Альберту. Эстер понимает, что Альберт недолюбливает миссис Данторп не столько из-за ее пристрастия к азартным играм, хотя это, конечно, уже само по себе плохо, сколько из-за того, что она медиум и не единожды во время их игры в бридж проводила свои сеансы. И сколько бы Эстер ни говорила себе, что не может знать этого наверняка, факт остается фактом: в предыдущее

воскресенье, когда она разговаривала со своей подругой Клер Хиггинс, та весьма недвусмысленно намекнула, что сегодня снова будет сеанс. Эстер охватывает трепет предвкушения.

Дом у миссис Эвери самый большой в деревне, прекрасно обставленный, каким и должен быть дом богатой вдовы. Ее муж много вложил в железные дороги, успел увидеть, как его деньги выросли десятикратно, а потом погиб из-за того самого изобретения, которое сделало его богачом: однажды поздним вечером его кеб, пересекавший пути, был сбит проходившим поездом. Кебмен уснул на передке, а его пассажир, судя по всему, был мертвецки пьян. Миссис Эвери достался весь его капитал со скукой в придачу, и вдова сделалась центром светской жизни деревни и даже всех окрестностей Тэтчема — разумеется, если аристократическая публика не входила в число гостей миссис Эвери. Теперь она тратит уйму времени на визиты к друзьям и родным в Лондоне и всегда в курсе последних веяний моды; на Эстер она наводит самый настоящий страх. Однако жене викария не подобает бояться миссис Эвери, и Эстер прилагает все усилия, чтобы поддерживать с ней хорошие отношения. В те вечера, когда появляется миссис Данторп, это не тяжкий труд.

Миссис Данторп грузная, с большим бюстом. У нее поблекшие каштановые волосы и вылинявшие голубые глаза. Ей под пятьдесят, и разбогатела она довольно поздно, настолько поздно, что так и не смогла избавиться от гнусавого тэтчемского выговора, как ни старалась. Если бы не ее удивительные способности, она наверняка не стала бы частой гостьей в доме миссис Эвери. Но благодаря им она гордо восседает в обитом шелком кресле, пока прибывают другие гости, каждая из которых приветствует ее если и не с таким же почтением, как хозяйку, то с большим энтузиазмом.

— Миссис Данторп... я так надеялась вас сегодня увидеть! Вы опять усадите нас в круг? Мы услышим что-нибудь от духов? — спрашивает миниатюрная Эсме Буллингтон, и ее голосок звучит лишь немногим громче шуршания камыша, когда она пожимает руки пожилой леди.

Миссис Данторп загадочно улыбается.

— Ну, моя дорогая, это зависит только от желания нашей обворожительной хозяйки. Если она согласится и если на то будет воля всех собравшихся, конечно, я могу предпринять попытку заглянуть в

невидимый мир, — отвечает она достаточно громко, чтобы слышали все, и миссис Эвери сердится.

— Может быть, хотя бы подождем, пока все не соберутся, и выпьем по стаканчику шерри? — предлагает миссис Эвери весьма холодно.

Миссис Данторп как будто вовсе не замечает укора, зато Эсме Буллингтон, покраснев, отходит от медиума.

Эстер вежливо обходит всех собравшихся в комнате, прежде чем подойти к своей близкой подруге Клер Хиггинс, жене одного из зажиточных фермеров Коулд-Эшхоулта. Всего собралось тринадцать дам: старательно подобранное число. Они потягивают шерри из хрустальных бокалов, и уже скоро лица у них под слоем светлой пудры разрумьяниваются, смех становится искренней, и кажется, что свет в комнате дрожит, заставляя ярче блестеть атласные ленты, кожу и глаза. Нарастающее оживление подобно низкому гулу: невозможно точно указать его источник и невозможно не замечать его. Наконец миссис Эвери, которая ценит хорошие манеры превыше всего, решает, что они должным образом пообщались, и тогда она, прокашлявшись, говорит:

— Миссис Данторп, как ваше настроение? Не хотите ли предпринять попытку связаться с духами?

Гостьи разом замолкают и внимательно наблюдают за миссис Данторп, пока та как будто обдумывает вопрос.

— По-моему, вечер сегодня будет удачный, — произносит она наконец, и в ответ раздается взволнованный гул голосов и радостный возглас Эсме Буллингтон.

С серьезными лицами они спешат к большому круглому столу в дальнем конце комнаты, вокруг которого расставлены тринадцать кресел, обтянутых красным плюшем. Миссис Данторп приглашает всех сесть поближе и, оперевшись локтями в стол, взяться за руки. Эстер сжимает одной рукой крошечные пальчики Эсме Буллингтон, а другой — сухую, морщинистую ладонь старой миссис Шип. Пока они болтали и выпивали, за окнами поднялся ветер, и его судорожные порывы похожи на чей-то далекий шепот. Из-за этого ветра ветки глицинии, с уже набухшими почками, царапают оконное стекло, и всем кажется, будто кто-то стучится к ним. Поскольку день стоял теплый, занавески отдернуты и рама немного поднята, чтобы в комнату шел свежий воздух. Но теперь похолодало, и сквозняк леденит своим

прикосновением. Еще не до конца стемнело, однако за отражениями в оконном стекле видно только темное серое небо, испещренное облаками, да кривые ветки старой мушмулы в саду. Эстер невольно вздрагивает и чувствует, как у Эсме напряглась рука.

Служанка гасит лампы и зажигает одну свечу, которую ставит в центре стола, и выходит, не поднимая глаз. Яркое пламя свечи отражается в драгоценных камнях на пальцах миссис Эвери, на ее шее и в ушах. Альберт не одобрил бы такой роскоши на обычной дамской вечеринке. Эстер подавляет приступ раскаяния. В ее сегодняшнем времяпрепровождении Альберт вообще мало бы что одобрил, однако для нее эти собрания имеют невыразимую притягательность. Над столом повисает тишина, дамы перестают ерзать и шуршать юбками и замирают на своих местах. Эстер делает глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Попрошу вас всех направить свои мысли к миру духов и отвлечься от всего, что вы видите и чувствуете, — начинает миссис Данторп. На ней яркая изумрудно-зеленая шаль, отливающая, как крыло скворца. — Закройте глаза, чтобы вас ничто не отвлекало, и сосредоточьтесь. Мысленно посылайте приглашение, приветствуйте тех путников на дорогах незримого мира, которые могут услышать вас и одарить своим присутствием.

Ее голос становится более глубоким и звучным. Эстер так взволнована ожиданием, что ей трудно усидеть на месте, она приоткрывает один глаз и оглядывает стол. Вокруг нее лица приятельниц с закрытыми глазами, и на каждом лице написана мольба и смирение. Миссис Данторп сидит, запрокинув голову, ее губы беззвучно шевелятся.

— Среди нас есть кто-то, кто нарушает энергетический поток, — резко произносит медиум.

Эстер виновато вздрагивает и косится на нее, однако глаза миссис Данторп по-прежнему закрыты.

— Круг мыслей должен быть замкнут, иначе к нам никто не придет, — продолжает она раздраженно.

Эстер поспешно зажмуривается и старается сосредоточиться.

Наступает долгая, ничем не нарушаемая тишина. Только прерывистое дыхание, только тихий стон ветра. Эстер чувствует, как

Эсме рядом с ней напряжена, будто готова сорваться с места, словно испуганный олень.

— Не хочешь ли ты приблизиться? Я почти слышу тебя, — шепчет миссис Данторп едва слышно.

Эстер сосредотачивается изо всех сил. Она представляет себе мир духов как огромную и тяжелую черную дверь, за которой бушует море душ, заплутавших или растерянных, которые пока не нашли дорогу в рай или в ад. Пока миссис Данторп говорит, она воображает, как призрачные пальцы касаются этой двери и толкают, каждый раз приоткрывая ее чуть шире, подчиняясь призывающему их голосу и позволяя живым на мгновение увидеть холодное внеземное царство, сокрытое за этой дверью. Ее сердце колотится так громко, что она опасается, как бы этот стук не услышали другие; давление на виски все усиливается, будто невидимые руки сжимают ей голову. Эсме перестала дрожать, ее рука сделалась вялой, словно дохлая рыба, и почти такой же холодной. От этого у Эстер по коже бегут мурашки, однако она не смеет открыть глаза или повернуть голову, чтобы посмотреть. Что, если они подошли слишком близко к черной двери и уже сами коснулись мира духов? Что, если маленькой Эсме больше нет и на ее месте сидит призрак, руку которого — холодную мертвую руку трупа — сжимает Эстер? Она не может шевельнуть ни единым мускулом, она едва дышит.

— Кто-то говорит со мной! — неожиданно заявляет миссис Данторп, и ее голос звенит от восторга. — Да! Да, я слышу тебя! Назови свое имя... — просит она сипло.

Затаив дыхание, Эстер напрягает слух, чтобы услышать тот голос, который слышит медиум.

— Дух явился с предостережением... предостережением для кого-то в этой комнате! Он говорит, приближаются темные времена... злая сила вошла в один из домов, хотя мы об этом и не подозреваем, — говорит она, и ее голос превращается в жаркий шепот. Эстер слышит, как кто-то ахает, но не может понять кто. — Расскажи нам больше, дорогой дух... Кто ты? Что они замышляют? Откуда об этом известно тебе, ты родственник кого-то, кто находится в этой комнате? Или друг? Мы жаждем твоего мудрого наставления!

Следует долгая пауза, и в шуме ветра Эстер слышатся голоса, полные боли или страха.

— О! Случится что-то ужасное! Он хочет предостеречь нас... Голос слабеет... Прошу, вернись, дух! Я теряю тебя, я не могу разобрать слов, — произносит медиум, потом замолкает, испуганно охнув. — Да сохранят нас святые угодники!

Внезапно раздается громкий треск, удар, от которого стол сотрясается, с неистовой силой поднимается в воздух и грохается обратно на пол. Одна из женщин испуганно кричит, разрывает круг и зажимает рот руками, заглушая возгласы страха. Потом все разом начинают говорить, как воробьи на живой изгороди:

— Что это было?

— А вы почувствовали? Вы что-нибудь видели?

— Господи боже, я думала, что упаду в обморок!

Миссис Данторп возвращается в реальность последней. Руки у нее остались раскинуты в стороны, хотя никто их больше не сжимает. Она медленно опускает голову, закрывает рот, дыхание выравнивается. Все, замороженные, смотрят, как начинают трепетать ее припудренные веки.

— Сегодня я больше уже ничего не смогу. Нашего гостя спугнул какой-то другой дух, который злится и горюет из-за своей кончины. Какая жалость, что мне больше ничего не удалось выпросить у первого духа, потому что он явно принес нам сведения, которые могли бы весьма пригодиться кому-то из нас. Этот сеанс совершенно меня обессилил. Нам еще повезло, что темный дух прошел своей дорогой и не задержался, чтобы тревожить нас, — объявляет медиум.

По комнате разносятся испуганные возгласы. Эстер содрогается при одной мысли, что они могли бы открыть дверь мстительному вурдалаку, который потом стал бы преследовать их, охотиться за ними.

— Эсме, дорогая, ты в порядке? — спрашивает Эстер.

— Я почувствовала его. Почувствовала второго духа — его боль и страдание! — шепчет девушка.

Миссис Эвери хмыкает несколько невежливо и звонит в серебряный колокольчик.

— Принесите миссис Буллингтон бренди. В самом деле, Сэнди, принесите бренди всем нам, — просит она служанку, пришедшую на зов.

— Вы говорите «дух», миссис Данторп, но вы можете сказать, мужчина это был или женщина? Ребенок или взрослый? —

спрашивает Сара Викерс. — Вы можете объяснить, что так его взволновало? Может быть, он... или она... была убита?

— Подобные краткие контакты похожи больше на эмоциональное, чувственное впечатление, чем на связную беседу, — поясняет миссис Данторп. — Я не смогла успокоить его настолько, чтобы он услышал бы те рациональные вопросы, какие задаете вы.

— Но если вы слышали его, наверняка можете определить хотя бы его пол, — настаивает Сара Викерс.

В ее голосе угадывается вызов, и миссис Данторп достаточно умна, чтобы тотчас это понять.

— Речь духов совершенно не похожа на человеческую, уверяю вас, миссис Викерс, но, если бы я решила строить догадки на основании его интонаций, я сказала бы, что это был мужчина. Взрослый мужчина.

— О-о-о! Прекрасно. Жаль, что он задержался только для того, чтобы пнуть стол, вместо того чтобы рассказать о себе. Может быть, мы услышали бы от него имя его убийцы! — Сара улыбается.

— В самом деле, — холодно соглашается миссис Данторп.

Обе женщины сверлят друг друга взглядом.

— А первый? Тот, который говорил с вами, миссис Данторп? — спрашивает Клер Хиггинс, спешно заполняя неловкую паузу. — Можете ли вы рассказать о нем... о ней?

— Это был добрый дух. По-моему, женщина. Она была так озабочена тем, чтобы нас предостеречь, что я не успела спросить о ней самой. Думаю, это была женщина преклонного возраста, утонченная, умная и хорошо воспитанная.

— Что ж, если она была в родстве с кем-то из нас, я бы сказала, что она из хорошей семьи, — задумчиво произносит миссис Эвери. — Моя мать умерла несколько лет назад, — прибавляет она.

Эсме Буллингтон ахает.

— Вы думаете, это говорила ваша мама? Предостережение было для вас, миссис Эвери? — шепчет она, и ее глаза расширяются.

— Ну, если бы у меня в доме появились неожиданные гости, я, безусловно, насторожилась бы.

— По-моему, все мы должны поблагодарить миссис Данторп за эту яркую демонстрацию ее удивительных способностей, — говорит

Эстер, вдруг почувствовав отчаянное желание, чтобы снова включили свет и тени в углах комнаты исчезли.

— О да! Это было незабываемо! — соглашается Эсме, и на ее лицо возвращаются краски жизни.

Постепенно атмосфера в комнате разрезается, снова начинаются разговоры, и каждая принимается сравнивать свои впечатления от визита духа с впечатлениями соседки. Дамы потягивают бренди, едят засахаренные фрукты и учтиво обмениваются сплетнями.

— Миссис Кэннинг, я слышала, у вас новая горничная из Лондона, — говорит миссис Эвери, двигаясь сквозь круг гостей к Эстер. В голосе ее вопрос не звучит.

— Верно, миссис Эвери. Ее зовут Кэт Морли. Она уже начала привыкать, хотя работает не так проворно, как можно было бы ожидать от горничной из большого дома, — отвечает Эстер.

— Я слышала, что она недавно сидела в тюрьме. Это правда? — спрашивает хозяйка, и на ее лице написано неодобрение.

Эстер чувствует, как кровь приливает к щекам. Откуда могли просочиться слухи? Только от Софи Белл, а ведь Эстер особо подчеркивала, что об этом никому не нужно рассказывать.

— Да. Я... э-э-э... — мямлит Эстер.

— Так правда или нет?

— Да, как ни печально, девушка сидела в тюрьме, это правда... Хотя и очень недолго, насколько я знаю... это было короткое заключение...

— Вы приняли в свой дом преступницу? Разве это разумно? — спрашивает миссис Эвери, своим вопросом пригвоздив Эстер к месту.

— Мы... мы с мужем подумали, что это милосердно, мы хотим дать девушке возможность зарабатывать на жизнь, шанс снова обрести место в обществе... В конце концов, она же исполнила свой долг перед законом, — удаётся выговорить Эстер.

Миссис Эвери хмыкает, дергает концы шали, поправляя ее на себе, ее подбородок лежит на груди. В седых волосах стального оттенка играют отблески света.

— Надо же! Так вот в чем причина. Весьма похвально, безусловно, и это меньшее, чего можно ожидать от священника, насколько я понимаю. Скажите, в чем состояло ее преступление?

— Это... это... подробности известны только самой девушке... Кэт Морли. Я не стала расспрашивать ее о деталях. Я подумала, лучше оставить...

— Да вы что! Не могу поверить! Вы просто обязаны были узнать, в чем дело, прежде чем брать ее к себе! Какая глупость не выяснить этого! А вдруг она убийца?

— Если бы она была убийцей, то срок ее заключения был бы гораздо дольше и она вряд ли была бы сейчас настолько молода, чтобы поступить на службу в дом викария, — вставляет Сара Викерс, заметив смущение Эстер.

— Я... я нарочно не стала спрашивать. Прошу прощения, миссис Эвери, — говорит Эстер. Сердце у нее колотится, щеки пылают. Она съеживается под взглядом хозяйки, мечтая, чтобы прожектор гнева в ее глазах потух. — Что бы она ни сделала, Бог ей судья. Я надеюсь... приехав сюда, она сможет оставить все в прошлом.

Брови миссис Эвери в изумлении взлетают, губы вытягиваются в ниточку.

— Похвальное решение, безусловно, — произносит она, и каждое слово подобно удару хлыста.

Внезапно Эсме Буллингтон ахает, зажимая руками рот.

— Миссис Кэннинг, а вдруг предостережение было для вас? Вдруг дух говорил об этой вашей новой горничной как источнике зла, вошедшего в ваш дом? — спрашивает она, хватая руку Эстер своими короткими костлявыми пальчиками.

— О-о-о! Нет, конечно... Разумеется, дух говорил не о Кэт... — Эстер натянуто улыбается.

— Нет ли у вас пожилой родственницы, которая недавно скончалась? — серьезно спрашивает миссис Данторп.

Все двенадцать пар глаз в комнате обращаются к Эстер.

— Э-э-э... Разве что двоюродная бабушка Элиза... Она скончалась четыре года назад от паралича, — признается Эстер.

— Вот же оно! Это была ваша бабушка, наверняка! — восклицает Эсме. — О миссис Кэннинг, будьте осторожны, помните о том, что нам сказали. Источник зла вошел к вам в дом, и вас ждут темные времена... Бедная миссис Кэннинг! Будьте осторожны!

— Ну же, Эсме, возьмите себя в руки, — увещевает миссис Эвери молодую женщину, которая утирает глаза уголком носового платка. —

Я уверена, что никакое зло не может так запросто пустить корни в доме человека, посвятившего себя Богу. Не так ли, миссис Кэннинг?

— Разумеется, — отвечает Эстер.

Весь остаток вечера она ощущает на себе взгляды приятельниц, улавливает выражение жалости и изумления на их лицах. Она улыбается гораздо чаще обычного, чтобы снять напряжение, однако вечер испорчен, и за ее внешним спокойствием скрывается глубокая озабоченность. Она вспоминает пристальный взгляд Кэт, за которым невозможно угадать ее мыслей, вспоминает тени под глазами и болезненную худобу девушки. Кэт в самом деле похожа на больную.

По пути домой Эстер с тревогой задает себе вопрос: будет ли ее еще приглашать миссис Эвери? Она солгала дважды за один вечер, но вторая ложь была во благо, ведь так? Она решила не разглашать никаких подробностей из прошлой жизни Кэт (а она знает больше, чем сказала, хотя и не намного), и она останется верна своему слову. Грохочет гром, словно по небу катятся тяжелые камни, и мощными шквалами налетает ветер, отчего весенние ветки мечутся, стряхивая пыльцу и отпуская только что распустившиеся лепестки лететь по воздуху. Падают первые капли дождя. Эстер плотнее запахивает пальто, сражается с зонтиком, но быстро сдается, потому что ветер угрожает его разорвать.

Небо тяжелое и низкое, и дороги почти не видно. Ее освещает лишь слабый желтый свет из окон, но на окраине деревни нет и такого света, чтобы помочь Эстер преодолеть последний отрезок пути до дому. Она ловит себя на том, что пристально вглядывается в темноту под деревьями и живыми изгородями, напрягает зрение, как напрягала свои чувства во время сеанса. Черные тени как будто наблюдают за ней, ветер словно доносит чей-то шепот. Эстер дрожит и останавливается. Ноги становятся как ватные, колени вот-вот подогнутся. Ветер поднимает вокруг нее вихри, треплет волосы, грозит унести шляпу; Эстер придерживает шляпу рукой, щурит глаза под косым дождем. За садовой стеной дома викария растет огромный конский каштан. На нем уже распустились листья, широкие, юные, нежно-зеленые при дневном свете. Вспышка молнии окрашивает дерево в серые тона преисподней, и Эстер замечает под ним чей-то неподвижный силуэт. У нее перехватывает дыхание. Видно лишь

черный силуэт, неподвижный контур, однако она точно знает, что кто-то смотрит на нее с пристальным вниманием. Эстер пытается закричать, но не может издать ни звука. Она стоит окаменев и думает о страшном духе, который являлся этим вечером, и о жутких словах про зло, которое, возможно, вошло к ней в дом. Эстер цепенеет от ужаса. А в следующий миг, издав испуганный возглас, она бросается к дому, и сердце в груди колотится так, будто готово разорваться.

Кэт ждет, пока не раздастся звук захлопнувшейся парадной двери, и потом снова расслабляется. Она представляет себе, как Эстер стоит, прислонившись к двери спиной, с закрытыми глазами, грудь у нее тяжело вздымается. Кэт улыбается. Она подносит к губам сигарету, спрятанную за спиной, делает долгую затяжку. От дыма она чувствует жжение в груди, кашляет, но все равно курит. Доктор, которого пригласил к ней Джентльмен, одобрил эту привычку, сказав, что горячий дым наверняка поможет высушить легкие. Первый раз за много недель она снова чувствует вкус табака. Она вышла из дому, чтобы покурить подальше от миссис Белл и посмотреть на грозу. Никогда в жизни она не стояла под деревом в непогоду. Никогда не слышала, как ветер треплет ветки и те хлещут друг друга под дождем, словно волны, бьющиеся о берег. Кэт закрывает глаза и слушает, позволяет звукам окутать себя, пока ей не начинает казаться, что она просто лист на дереве, слабый и беспомощный. Вот-вот сорвется и улетит. Когда у нее над головой раздается раскат грома, Кэт улыбается в темноте.

— Где тебя черти носили? — рявкает миссис Белл, когда Кэт возвращается в кухню. — Хозяйка потребовала принести ей бутылку с горячей водой, какао и достать из зимнего сундука шерстяную кофту, а тебя нигде нет!

— Это гроза, а не снежная буря. Едва ли ей нужна шерстяная кофта, — отвечает Кэт, выливая молоко, принесенное из холодной кладовки, в медную кастрюлю. В блестящей посудине белая жидкость выглядит особенно ярко. Кэт размешивает молоко, прежде чем поставить его на плиту.

— Нужна или не нужна, это ее дело, и кто ты такая, чтобы спорить? — ворчит миссис Белл. — Пойди и найди. В сундуке под лестницей. И убедись, что вытряхнула все шарики от моли, прежде

чем отдавать хозяйке. А этим займусь я. Отойди от плиты, пока у тебя молоко не пригорело!

— Да, миссис Белл, — вздыхает Кэт.

— И не давай тут мне... — говорит миссис Белл, но не может толком выразить свое возмущение.

Она умолкает, яростно мешая молоко и качает головой. От ее движений волна проходит не только по молоку — она сама вздымается от груди до бедер.

— Захвати лампу, викарий не любит, когда на лестнице зажигают свет, если хозяйка уже легла, — говорит она вслед Кэт.

— Мне не нужна лампа, — отвечает Кэт, направляясь к лестнице. Она отходит от кухни на несколько шагов, и ее глаза тут же привыкают к темноте.

Продрогшая, Эстер сидит на постели, чувствуя покалывание в пальцах на руках и ногах от притока крови. Голова у нее болит после сегодняшних треволнений. От света лампы комната наполнена желтым светом, но ей кажется, будто она до сих пор видит тени и чьи-то фигуры, затаившиеся в углах, которые исчезают, стоит посмотреть в их сторону. «Злая сила вошла в один из ваших домов...» Эстер хочется, чтобы Альберт поскорее вернулся и разогнал ее страхи своей спокойной улыбкой. Постепенно она и сама начинает успокаиваться и берется за томик проповедей, но легкий стук за дверью заставляет ее похолодеть. Она ждет, напрягая слух, повторения звука. И он повторяется — шарканье и легкое постукивание. Эстер ругает себя за свой страх, за веру в то, что она могла привести за собой в дом призрака.

— Наверняка это кошка, глупая девчонка, — говорит она себе вслух, и привычный звук ее голоса придает ей храбрости.

Чтобы доказать, что она существо разумное и ничего не боится, она встает и подходит к двери. Однако, положив руку на задвижку, мешкает и сглатывает ком. В горле совершенно пересохло. Она открывает дверь как можно тише. За дверью в коридоре кромешная темнота и явственно ощущается сквозняк. Эстер нарочно смотрит по сторонам, хотя ее глаза ничего не различают в угольной черноте, в пустоте, из которой может выскочить что угодно. По коже бегут мурашки, она разворачивается, чтобы вернуться в комнату, и в этот

самый миг у ее правого локтя возникает фигура. Эстер вскрикивает, затем при свете, падающем из спальни, видит блестящие черные глаза и черные волосы.

— Кэт! Господи, вы меня до смерти напугали! — Она нервически смеется.

— Прошу прощения, мадам, я не хотела. Я принесла вам кофту, — говорит Кэт, протягивая длинное вязаное одеяние, от которого разит камфарой.

— Спасибо, Кэт, — говорит Эстер. Сердце у нее колотится.

Кэт стоит, спокойно рассматривая ее. Эстер бросает на нее взгляд и снова ощущает смущение.

— Что вы там делали в темноте? Почему не взяли лампу, не зажгли свет? — спрашивает она.

Кэт моргает и внимательно смотрит на нее.

— Я хорошо вижу в темноте, — отвечает она.

— Черная Кошка, — бормочет Эстер прозвище, которое само, незваное, срывается с языка. Она видит, как замирает Кэт.

— Где вы это слышали? — резко спрашивает девушка.

Эстер нервно глотает.

— Э... нигде, простите, Кэт. Я не хотела... Спасибо, что принесли кофту. Вы, пожалуйста, тоже идите спать. Мне больше ничего не понадобится, — поспешно произносит она.

— Я еще принесу какао, которое вы просили, как только оно будет готово, — возражает Кэт.

— Ах да, конечно. Конечно. Спасибо, Кэт. Простите. — Эстер возвращается в спальню, сама не зная, за что извиняется.

Кэт так и стоит в темном коридоре, когда Эстер закрывает за собой дверь спальни.

Вскоре после этого возвращается Альберт, и выражение лица у него весьма отстраненное. Он неуверенно поглаживает по плечу Эстер, бросившуюся к нему в объятия в тот миг, когда он входит в комнату.

— Альберт, как я рада, что ты пришел, — произносит она, уткнувшись ему в грудь.

— Ты здорова, Этти?

— Да-да. Это просто... из-за грозы. Меня напугал гром, когда я возвращалась домой, вот и все, — говорит она, задыхаясь. — Мне

пришлось выпить какао, чтобы согреться.

— Ну, успокойся, нечего бояться. Как говорит святой Павел: «Ты творишь ангелами Твоими духов, служителями Твоими — огонь пылающий».^[2] В дующем ветре обитают живые духи, ангелы Господни направляют грозовые облака, а могучий раскат грома, может быть, и являет собой колебания воздуха, как уверяют нас ученые мужи современности, но он все же *больше* того — это глас самого Господа!

Альберт улыбается, его глаза горят. Эстер улыбается ему в ответ, не зная, что на это отвечать.

— Пойдем в постель. Сегодня такой холодный вечер, — говорит она.

— Хорошо. Уже поздно, я не буду долго читать.

У него такая привычка: он читает Писание хотя бы по полчаса каждый вечер перед сном, спокойный, сосредоточенный, словно школьник, который знает, что его ждет контрольная.

Когда Альберт наконец закрывает книгу, кладет сверху очки и перемещает все на столик возле кровати, Эстер улыбается. Он выключает лампу, укладывается пониже, сплетает пальцы на груди. Но глаза у него открыты. Эстер не гасит свою лампу, она лежит, глядя ему в лицо. Гроза стихает, однако ветер все еще дует, с силой швыряя дождь в оконное стекло. Комната, освещенная одинокой лампой Эстер, похожа на уютный кокон, защищающий от бури и тьмы. Может быть, из-за этого, а может быть, из-за страха, пережитого вечером, Эстер чувствует острую потребность в утешении. Она изнемогает от желания, чтобы муж коснулся ее, обнял. Она всматривается в его гладкое лицо, в теплый отсвет на коже, посмуглевшей от частого пребывания на воздухе.

Они ни разу не лежали рядом обнаженные, чтобы он был над ней или наоборот. Она никогда не ощущала прикосновения его тела к своей груди, и от этой мысли у Эстер пересыхает в горле, сердце бешено колотится, она почти задыхается. Не говоря ни слова, она придвигается ближе к Альберту и ложится щекой к нему на плечо. Он не шевелится, молчит. Он не может сослаться на усталость, когда его разум столь очевидно бодрствует этим вечером. Проходит минута, и, поскольку он не возражает против ее прикосновения, Эстер снова поднимает голову. Альберт так близко, что она не может сосредоточить на нем взгляд. Он превращается в размытое кремовое пятно в

полумраке, в мягкие оттенки золотисто-коричневого и молочно-белого. Его запах заполняет ее ноздри. Мыло, которым он пользуется для бритья, запах его кожи.

— Ах, Альберт, — выдыхает она, и вся ее любовь и страсть к нему сосредотачиваются в этих двух словах, отчего голос становится глубже, звучнее.

Она позволяет рукам пройти по его груди, вжаться в ткань его рубашки, ища теплую кожу под ней, легкое сопротивление растущих там редких волосков. Подтянувшись повыше, она прижимается ртом к его рту, ощущая чудесное тепло его губ, их мягкость — всего на мгновение, прежде чем он оттолкнет ее.

— Этти... — начинает он, глядя на нее почти с отчаянием, почти со страхом.

— О Альберт, — отчаянным шепотом отзывается Эстер, — почему ты всегда отталкиваешь меня? Ты меня не любишь? Это же не грех, когда муж и жена касаются друг друга, лежат в объятиях друг друга...

— Нет-нет, это не грех, дорогая Этти, — отвечает Альберт.

— Тогда почему? Ты меня не любишь? — спрашивает она, пораженная.

— Конечно люблю, глупенькая! Кто мог бы не любить такую прекрасную жену, как ты? — Альберт выпускает ее руки, снова сплетает пальцы на груди как будто по привычке, однако это оборонительный жест, он ставит барьер между ними.

— Я не такая глупая, Альберт, я... Я не понимаю. Неужели мы муж и жена только по названию?

— Мы муж и жена в глазах Господа, и это священо, это нерушимо, — говорит Альберт, и в его голосе слышится страх. Взгляд блуждает по комнате, как будто он мечтает бежать отсюда.

— Это я знаю и рада этому, однако... наш союз не скреплен. И как же дети, Альберт?

— Я... — Альберт закрывает глаза, чуть отворачивается от нее. — Семья... семья — это то, чего я хочу. Конечно же, хочу, Эстер...

— Хорошо, не буду притворяться, будто разбираюсь в подобных делах, но я точно знаю, что у нас не будет ребенка, пока ты не касаешься меня, не целуешь и не обнимаешь.

Сама того не желая, Эстер раздражается слезами. Они жарко горят на щеках, от них щиплет глаза.

— Ну вот, начинается, перестань, Этти! У нас будет семья, всему свое время! Мы еще молоды и... возможно, мы еще слишком молоды. Возможно, было бы лучше подождать немного, пока мы оба не начнем яснее понимать устройство мира...

— Альберт, в мой следующий день рождения мне исполнится двадцать шесть. Тебе будет двадцать пять. У многих женщин моложе меня уже по трое детей! — Она шмыгает носом, утирая глаза манжетой ночной рубашки. — Но дело не только в этом, не только! Мне необходимо... я нуждаюсь в твоей *нежности*, Альберт!

— Этти, умоляю: успокойся! — просит Альберт, и он кажется таким напряженным, загнанным в угол, смущенным, что Эстер сдается.

— Я не хотела делать тебя несчастным, — говорит она, подавляя рыдания.

— Ты не можешь сделать меня несчастным, дорогая Эстер, — говорит Альберт, и в его глазах читается беспомощная мука. Минуту он смотрит, как она плачет, потом перекачивается на бок, придвигаясь к ней, и утирает ей слезы. Он, кажется, принял какое-то решение. — Что ж, хорошо. Ты не погасишь свет? — просит он.

Эстер потрясена, потому что слышит, как дрожит его голос. Она молча подчиняется.

Эстер ждет в темноте. Альберт придвигается еще ближе, так что касается ее всем телом. Она разворачивается к нему лицом, чувствует его близость, чувствует, как ее дыхание разбивается о его кожу, возвращаясь к ней теплом. Когда он целует ее, она подается к нему, прижимаясь губами к губам. Ей кажется, она сейчас задохнется. Комната кружится, и это чудесное, пьянящее чувство. Она обхватывает Альберта руками, растопырив пальцы, чтобы касаться его тела как можно больше. Перебирает его рубаху, мнет ткань, добирается до кожи и проводит руками, восхищаясь ее теплотой и гладкостью. Альберт дрожит от ее прикосновений. Она осторожно притягивает его все ближе и ближе к себе, пока он, едва не потеряв равновесия, не был вынужден лечь сверху. Держа его крепко-крепко, ощущая, как под тяжестью его тела из легких выходит воздух, она чувствует, как ее

захлестывает мощная волна радости. Она улыбается в темноте и снова целует его.

— Мой Альберт... как я тебя люблю, — выдыхает она.

Его поцелуи сухи, губы крепко сжаты. Эстер, сомневаясь, приоткрывает рот, совсем немного, но Альберт отстраняется.

— Прости, — тут же произносит она.

— Нет-нет. Я... — шепчет Альберт, однако не завершает фразы.

Он сжимает в ладонях ее лицо, чуть придерживая голову, гладит ее по волосам. Эстер слегка выгибается, отчаянно желая ощутить, как его руки сдвигаются ниже, ощутить его прикосновение к груди, животу, бедрам. Она инстинктивно разводит колени, медленно, по миллиметру, чтобы казалось, будто они разошлись в стороны под его весом. Он зависает над ней, и Эстер тянет руки к его бедрам, чтобы прижать к себе. Она действует импульсивно, не в силах сопротивляться желанию. Где-то в недрах ее живота разливается восхитительная боль, она подрагивает от предвкушения, которое подобно трепещущей бабочке. Эстер позволяет своим рукам соскользнуть на его ягодицы и притянуть его ближе. Альберт замирает. Его лицо отстраняется от нее, она слышит его дыхание, быстрое, паническое.

— Альберт, что-то не так? — спрашивает она и тянется за ним, чтобы он снова поцеловал ее.

Однако Альберт отстраняется еще дальше. Он громко сглатывает комок в горле и осторожно сползает с нее, ложится на свою половину кровати, подальше от жены.

— Альберт, прошу тебя! Скажи мне: что не так! — шепчет Эстер, и боль, оттого что ее вот так отвергли, невыносима.

— Мне очень жаль, Эстер, — говорит он смиренно и с сожалением.

Сердце Эстер болит за него, она кусает губы, чтобы не плакать. Но как она ни старается, она не может подобрать слов, чтобы утешить его, не может произнести, что это не важно. Потому что в этот миг это важнее всего на свете. Она долго лежит молча, слишком расстроенная, чтобы заснуть; по его дыханию и неподвижности она понимает, что Альберт тоже не спит. Они всего в нескольких дюймах друг от друга, однако Эстер кажется, что между ними пролегла пропасть.

В своей комнатке на чердаке Кэт сочиняет письмо к Тэсс. «Самым трудным для меня в той гнилой клетке было сознавать, что ты где-то рядом, в такой же клетке, но я не могу увидеть тебя, не могу поговорить», — пишет она, и в мерцании свечи тень от ее пера скачет и мечется. Хотя это неправда. Самым трудным было ждать в холодном, блеклом свете утра, который будил ее очень рано, слушая, как к ней по коридору приближаются шаги и катится тележка. Вот тележка останавливается, двери открываются и закрываются, раздаются крики и звуки борьбы, слышно, как жертва задыхается, кашляет, ее рвет, а тюремщики сыплют проклятиями. Постепенно звук становится все ближе и ближе, и она понимает, что будет следующей. Наступает ее черед. Но ожидание было хуже всего, страх изматывал. С головой, затуманенной от страха и голода, она лежала по утрам иногда по целому часу, слушая, как тележка, грохоча и повизгивая, движется к ней. От этого звука волна ужаса катилась по всем камерам, столь явная, что ее можно было едва ли не пощупать. Нескольких простых предметов, лежавших на небольшой тележке, было достаточно, чтобы даже самые храбрые сердца дрогнули, и слезы наворачивались на глаза Кэт.

«Я отправлю письмо на Бротон-стрит на тот случай, если кто-нибудь там поддерживает с тобой связь, на случай, если ты оставила кому-нибудь свой адрес», — продолжает Кэт. Она замирает, покусывает кончик пера. Как же получилось, что она не знает, о чем написать лучшей подруге? Человеку, о котором она думает чаще, чем о ком-либо другом? «Я так скучаю по тебе, Тэсс. Место здесь совсем неплохое, я вижу это своими обновленными глазами, но все равно я как в западне. Я чувствую себя так, будто все еще в тюрьме. А ты так не чувствуешь? Когда мы с тобой сбежали из дому на самое первое собрание, тогда мы были свободны, Тэсс! В самый первый раз. Не думала я, что все закончится вот так». Кэт смотрит на свою узкую тень на стене, погружаясь в воспоминания. Казалось, они не могли стать подругами, горничная и помощница кухарки. Кэт была выше рангом, и было очевидно, что и за длинным обеденным столом в комнате для прислуги, где они встречались трижды в день, Кэт не станет разговаривать с Тэсс. Тэсс сначала жила в подвальной комнате с Эллен, судомойкой. Но однажды ночью их комнату затопило, и им пришлось ждать не одну неделю, прежде чем там все просохло. Стены

покрылись плесенью, воздух от сырости стал холодным. Поэтому для Эллен поставили раскладную кровать в комнате кухарки, а Тэсс отправили на чердак к Кэт.

Тэсс только что исполнилось шестнадцать, она была совсем ребенком. Кэт стала учить ее грамоте, рассказывала о далеких странах, читала отрывки из Байрона, Мильтона и Китса. В глазах Тэсс загорался огонек при каждом повороте сюжета, страшном или чудесном событии — когда Моряк убил альбатроса или когда Изабелла положила голову своего возлюбленного в цветочный горшок.

В первый раз идея ускользнуть из дому пришла на ум Тэсс. До того момента Кэт даже не задумывалась об этом. Ее приучили быть послушной и почтительной, любить и бояться Джентльмена. Но Тэсс прочла одну брошюрку, которую кто-то оставил в комнате прислуги, и показала ее Кэт. Помахала перед носом в тихом углу коридора, скрытом от взглядов дверью судомойни, где их никто не заметил бы ни из чулана буфетчика, ни из комнаты экономки.

— Давай сходим туда, Кэт! Или слабу? Ну, давай пойдем!

В воскресенье после обеда, в свой единственный выходной, они нарядились в лучшие платья и пошли. И в Кэт загорелся огонь. Потому что там, за стенами дома, была жизнь. Потому что там было полно людей, собравшихся вместе, потому что они этого захотели и она оказалась одной из них. Щеки у Тэсс тогда покраснелись от волнения, а Кэт лишилась дара речи. Казалось, мир начал вращаться заново и больше никогда не вернется на свою старую, скучную орбиту.

Местный зал для собраний был оформлен в пурпурных, белых и зеленых тонах, начиная от оконных переплетов, флагов и полотнищ ткани, которые свисали со всех перил и балюстрад, и заканчивая цветами в вазах, которые стояли повсюду, насыщая воздух своими ароматами. Над головой мягко колыхались громадные транспаранты. На одном было написано: «Кто хочет освободиться, должен бить!» На втором был симпатичный портрет Эммелин Панкхёрст,^[3] и здесь же, в зале, ее называли «борцом за права всех женщин» и восхваляли ее «неколебимое бесстрашие». Было суетно, в помещении стоял гул взволнованных голосов, Кэт и Тэсс стояли позади, пораженные великолепными нарядами дам, которые сидели в первых рядах и, кажется, прекрасно друг друга знали. До сих пор девушки ни разу не сидели в одной комнате наравне с настоящими леди. Для Тэсс этого

было достаточно. Ей было достаточно, что ее считали личностью, считали кем-то, хотя бы недолго. А вот Кэт потрясли до глубины души произнесенные слова, доводы, которые она услышала тем вечером из уст выступавших, они потрясли ее настолько, что, казалось, она впервые в жизни проснулась.

— Мужчина может быть пьяницей, безумцем, преступником, он может быть хромым, непригодным к воинской службе, он может держать белых рабынь, и все равно он имеет право голосовать! Женщина может быть мэром, медсестрой, матерью, она может изучать медицину, стать врачом или учителем, она может работать на фабрике, чтобы содержать себя и семью, но она не может голосовать! Если проститутку признают зараженной венерической болезнью, ее схватят и будут против ее воли держать под замком много месяцев, пока не излечат, однако же мужчины, которые ходили к ней и заразили ее, не понесут никакого наказания! Муж может избивать жену и удовлетворять при этом все свои телесные нужды, а она не имеет возможности ему отказать. Мужчина до брака может развратничать, пробуя себя с разными партнершами, и все равно он сможет потом заключить достойный брак, тогда как женщины, с которыми он встречался, будут отвергнуты обществом!

При этих словах Тэсс захихикала и покраснела, и Кэт шикнула на нее, взяв за руки, чтобы успокоить.

— До тех пор пока голосовать могут только мужчины, правительство нашей страны будет заботиться об экономических нуждах только мужчин. Наши противники подчеркивают, что у нас нет возможности зарабатывать наравне с мужчинами; конечно, откуда взяться этой возможности, когда все самые доходные и важные должности закрыты для нас мужчинами! До тех пор пока у женщины нет политической власти, до тех пор не будет и власти экономической; когда дело касается заработка, женщина остается на самой нижней ступени лестницы. Пока парламент не признает за нами право голоса, ни одна из этих несправедливостей, ни одна из этих несообразностей не будет исправлена! Они говорят: если женщины получают право голоса, то больше не станут слушаться мужчин и все вокруг обратится в хаос. Мы говорим: почему бы мужчинам наконец-то не послушать женщин? Товарищи! Несите наше слово в массы! Потратьте свое

время, потратьте деньги, если у вас есть возможность. Подайте свой голос, заставьте услышать себя!

Раздались бурные аплодисменты, после чего вручали медаль хрупкой женщине, цвет коричневого платья которой был в тон кругам под глазами, — она недавно освободилась из тюрьмы, где сидела за срыв собрания Либеральной партии. Женщина приколотла медаль к платью, а затем пронзительным голосом заговорила о выпавших на ее долю испытаниях, благодарила сестер за поддержку и обещала бороться дальше. Ей аплодировали стоя.

— Пошли, Кэт, нам пора. Уже почти четыре, — тревожно зашептала Тэсс, когда ораторша сходила со сцены.

— Подожди. Я хочу спросить, что мы можем сделать.

— О чем ты, Кэт? Что сделать?

— Ты что, думаешь, это наше первое и последнее собрание? Неужели ты не хочешь им помочь? Стать одной из них? — спросила Кэт с недоверием.

— Стать одной из них? — отозвалась эхом Тэсс, испуганно улыбаясь.

— Ты же слышала, о чем она говорила! Почему мы лишены права голоса? Почему я зарабатываю меньше посыльного, хотя я старше, работаю дольше и занимаю более важную должность, чем он?

— Но... это все не для таких, как мы; у нас имеются обязанности, которые необходимо исполнять. Взгляни на всех этих леди! У них есть время и деньги, чтобы участвовать во всем этом. А что есть у нас?

— А у нас никогда не будет ни времени, ни денег, одни только обязанности, которые необходимо исполнять, если мы ничего не сделаем. Неужели тебе не хочется что-то изменить? — спрашивала Кэт, легонько встряхивая Тэсс.

Глаза у Тэсс были широко раскрыты, она испугалась, но в конце концов кивнула.

— Хочется, Кэт. Если ты будешь рядом со мной. Я хочу что-то изменить, — сказала она, глядя на Кэт с легким изумлением.

— Прекрасно. — Кэт улыбалась. — Пошли. Спросим, что мы можем сделать.

Они взяли брошюры, уплатили по пенни за экземпляр «Голосуй за женщин», выяснили, где располагается местное отделение Социально-

политического союза женщин, СПСЖ,^[4] куда они могут зайти, внести шиллинг за вступление и подписать декларацию верности.

В следующие недели они ходили в лавку на Чаринг-Кросс-роуд, где закупали символику нужных цветов, — здесь продавались всевозможные аксессуары бело-пурпурно-зеленого цвета, от шляпных булавок до велосипедов, — и работали бесплатно, заклеивая конверты, раздавая брошюры, сообщая о собраниях и мероприятиях по сбору средств. С тех пор они каждое воскресенье ходили на собрания, хотя ноги у них ныли, спины болели и они могли бы провести это время лежа на кровати, выпивая в пабе или встречаясь с парнями. Все рабочую неделю они носили свои значки СПСЖ под одеждой, чтобы их не увидели и не отобрали, отныне они были не просто служанками, а суфражистками.

Сначала это была игра, вспоминает Кэт. Игра, где она диктовала правила, а Тэсс по ним играла. Кэт закрывает глаза от боли, неоконченное письмо лежит перед ней. Как она может писать об этом? Как она надеется загладить свою вину? Милая, доверчивая Тэсс, ребенок, которому Кэт затуманила мозги. Тэсс всегда делала все, о чем ее просила Кэт. Но то, о чем просила ее Кэт, погубило Тэсс. Это и должно было закончиться так: все вокруг было забрызгано ее кровью, ее дух был сломлен. Так и должно было закончиться. Кэт ставит подпись, написав всего два коротких никчемных слова: «Прости меня». Она прижимает письмо к груди, как будто оно способно впитать в себя раскаяние, идущее от ее сердца, и сообщить о нем Тэсс.

Глава третья

Из дневника преподобного Альберта Кэннинга

Пятница, 2 июня 1911 года

Вчера вечером в Ньюбери я слушал потрясающего лектора, некоего Робина Дюррана. Это молодой человек, но ум у него развит не по годам. Он до чрезвычайности красноречиво рассказывал об основных догматах религии мудрости, сиречь теософии, совершенно завладев вниманием аудитории. Особенный упор был сделан на духов природы, на доказательства их существования, методы обнаружения, а также причины: как и почему они могут являться по доброй воле — или же, наоборот, не являться — людям, своим соседям по мирозданию. После лекции он говорил со мной весьма убедительно, считая возможным примирить теософию с англиканской верой.

Я возвращался с лекции во время невероятной электрической бури.^[5] Что управляет подобными явлениями, поразительными явлениями, если не Бог, если не высший порядок? Это поразительно совпало по времени с моей проповедью как раз на эту тему. Эстер сильно испугалась грозы, она ослабела эмоционально и нуждалась в утешении. Чтобы успокоить ее, я нашел отрывок из Писания, в котором говорится о присутствии Господа в подобных явлениях, однако на нее не всегда действуют слова. Женщины иногда похожи на детей с их простыми страхами и непониманием.

Мы снова говорили на тему семьи, по ее настоянию начали обниматься, и в конце концов я вынужден был отстраниться от нее. Ее слезы, которыми, как я уверен, она вовсе не пыталась меня разжалобить, тем не менее заставили меня подчиниться ей, что в итоге вылилось в эту неприятную ситуацию. Но она права: возлежать с женой самым целомудренным образом ради зачатия детей входит в обязанности мужа. Я не могу объяснить ей своего нежелания. Я не могу толком объяснить его самому себе. Однако что-то останавливает меня; что-то вынуждает меня воздерживаться от соития. Я объясняю это лишь тем, что у Господа на счет меня — нас — есть иные планы,

какие Он пока еще нам не открыл. Я не осмеливаюсь сказать об этом Эстер, которая всем существом мечтает о детях и которая, кажется, нуждается в физическом проявлении чувств так, как не нуждаюсь я. И все же мы созданы Господом, и Он направляет нас, если мы слышим Его, и поэтому я должен следовать своим чувствам. Молюсь, чтобы Эtti пришла к пониманию того же. Меня терзает мысль о том, что я, возможно, делаю ее несчастной.

1911 год

В понедельник ближе к вечеру, очнувшись от послеобеденного сна, Эстер спускается решительными шагами проходит по дому в поисках мужа. Она идет на звуки негромкой музыки в библиотеку и находит его за открытым фортепиано, свадебным подарком ее дяди. Фортепиано завалено кипами нот, книгами с гимнами и партитурами. Пальцы Альберта легко касаются клавиш слоновой кости. Эстер прислоняется к дверному косяку и с минуту наблюдает за мужем, слушая тихие музыкальные фразы, которые повторяются снова и снова с небольшими вариациями. От усердия он склонил голову, и короткие волоски на шее золотятся при свете послеполуденного солнца. Она не решается его потревожить, боясь вызвать неудовольствие. С той ночи, когда разразилась гроза, между ними сохранилась некоторая неловкость, о которой они не говорят и которая заставляет ее сомневаться в его любви. Проходит минута, он — кажется, почувствовав ее присутствие — распрямляется, оборачиваясь через плечо. Эстер улыбается.

— Извини, дорогая. Я не хотел тебя будить, — говорит он, пока она проходит в комнату, чтобы сесть рядом с ним.

— Ты не разбудил, — уверяет Эстер, радуясь, что он вроде бы всем доволен. — Я сама проснулась и хотела встать. Сочиняешь новый гимн?

— Увы, я сочиняю все тот же гимн, — вздыхает Альберт. — Один и тот же третью неделю! Никак не удается положить слова на музыку... Это ужасно раздражает.

— Тебе нужно отдохнуть, милый, — предлагает она.

— Не могу. Не раньше, чем разберусь с ним.

— Сыграй. Может быть, я чем-нибудь помогу. — Эстер садится на стул рядом с ним, лицом к клавиатуре.

— Хорошо, только он совершенно не готов для игры на публике, — смущенно предупреждает Альберт.

— Я не публика. Я твоя жена. — Эстер улыбается и осторожно берет его под руку, легко, чтобы не стеснять его движений.

Альберт извлекает первый аккорд, настраиваясь на тональность.

— Господь, Отец Небесный, куда ни кину взгляд, небесной щедрости Твоей плоды висят! Твой глас и в птичьей трели, и в рокоте волны — Тебе внимаем мы, Твои сыны... — негромко поет Альберт, его голос прыгает вверх-вниз на каждой ноте, как ребенок, играющий в классики. — Вот видишь! — Он умолкает, расстроенный. — Последняя строчка не ложится на музыку!

Эстер протягивает руку и сама играет последние ноты. Она напевает себе под нос, позволяя мелодии двигаться в собственном ритме.

— А вот так? — Она откашливается. — Твой глас и в птичьей трели, и в рокоте волны — Тебе внимаем мы, Твои сыны, — поет она.

Альберт с обожанием улыбается ей:

— Дорогая, у тебя настоящий дар, я даже завидую. Это ты должна сочинять гимны, а не я! Спасибо. — Он целует ее в лоб, лицо его открыто и сияет от счастья.

У Эстер перехватывает дыхание, она боится заговорить, поэтому улыбается и снова наигрывает простенький мотив; и вот так они сидят, залитые приглушенным солнечным светом, рука в руке, напевая и негромко играя на фортепиано.

К одиннадцати вечера дом становится темным и молчаливым. Опускается тихая ночь, напоенная ароматами и теплая, немного не по сезону. Кэт, неслышно ступая, покидает свою комнату, проходит по коридору, спускается по черной лестнице. Ее ноги уже знают, на какие половицы нельзя наступать и где идти, чтобы не издавать ни звука. Хотя мало что может разбудить дом, где привыкли спать под оглушительный храп Софи Белл, думает она. Оказавшись во дворе, Кэт закуривает сигарету, прислонившись спиной к теплой кирпичной стене и глядя на яркий алый огонек, который вспыхивает при каждой затяжке. Когда он гаснет, у нее перед глазами в темноте остается его след. Вокруг дома ухают совы, переговариваются, словно дети, с помощью свиста и писка. На фоне бархатного чернильно-синего неба мечутся маленькие летучие мыши. Кэт наблюдает за ними, зачарованная их беззвучным полетом. Вдруг ей приходит в голову, что она не сможет вернуться в дом, пойти в свою комнату и лечь в этой новой, добродетельной тюрьме, в которую ее заточили. Вокруг столько

жизни, ночной воздух гудит, как будто насыщен электричеством. Кэт шагает через луг, и ее туфли в густой траве намокают от росы.

Глаза быстро привыкают к темноте, Кэт идет в сторону канала, сворачивает налево, к бечевнику. Сердце ее бьется чаще от того же волнения, какое она испытывала, когда они с Тэсс в первый раз отправились на собрание. Всего полтора года назад. А будто прошла целая жизнь. Теперь она живет в другом мире. Кэт ощущает напряжение чувств, которым она не может подобрать названия, чувств, почти пугающих, от которых она и сама хотела бы отказаться, но не может им противиться. Кровь в ней бурлит, в кончиках пальцев покалывает. В том месте, где склады и мастерские сменяются городскими домами Тэтчема, на мосту сидит компания мужчин, они курят, болтают и смеются. Другая девушка почувствовала бы страх, однако Кэт нисколько их не боится.

— Ого, кто тут у нас? — спрашивает один из компании, когда она направляется к ним, поднимается на мост с берега канала и останавливается, скрестив руки на груди.

Она не видит их лиц, только тени и контуры. От них исходит запах пота — резкий запах рабочих людей в конце долгого жаркого дня. Пиво, табачный дым, грубая холщовая одежда.

— Ты не заблудилась, девочка? — спрашивает еще один.

— Не заблудилась, и я не девочка. Я ищу Джорджа Хобсона, — говорит она; имя само срывается с языка, хотя она даже не подозревала, что запомнила его.

— Надо же, как ему повезло. Тайное свидание, а? — говорит первый мужчина, ухмыляясь так, что все остальные хохочут.

— Не ваше дело. Так вы знаете, где его найти, или нет?

— Ого, да она еще и злюка! Бойкий у вас язычок, мисс. Я уже не так уверен, что Джорджу повезло!

— Он должен быть в «Пахаре» — скорее всего, сидит в задних комнатах, — подает голос мужчина помоложе. — Знаете, где это? Пройдете немного дальше, а у следующего моста повернете направо, потом идите вдоль дороги на Лондон. Там увидите.

— Спасибо. — Кэт отправляется дальше под благодушное улюлюканье и свистки.

Лишь на пороге «Пахаря» она колеблется, потому что дверь низкая, а помещение внутри темное и, несмотря на поздний час,

многолюдное. На мгновение она чувствует страх, будто сейчас снова окажется под замком, будто может угодить в ловушку. Однако она берет себя в руки и вливается в толпу. В пабе есть и другие женщины, но их очень мало: блузки на них в обтяжку, верхние пуговицы расстегнуты, в руках кружки пива, а щеки и губы пылают от поцелуев. «В задних комнатах», — сказал молодой человек. В дальнем конце помещения виднеется грубая деревянная дверь, она закрыта и заперта на засов. Кэт направляется к ней. Когда она берется за засов, то невольно вздрагивает. С другой стороны слышится рев: там хором орет сотня зычных мужских голосов. Неуверенность замедляет движения Кэт, заставляет остановиться. Шум такой, будто по другую сторону двери собралась огромная дикая толпа, а она достаточно знакома с толпой, чтобы ее бояться. Чья-то рука сжимает ее запястье и решительно отодвигает от засова.

— Куда это вы собрались, юная леди? — спрашивает усатый старик.

Его кожа напоминает кору, и она выдергивает руку.

— Уберите от меня свою лапу! — рывкает она, ее сердце ухает.

— Ладно-ладно, никто вас не трогает! Я просто задал вопрос, и все. — Старик невнятно выговаривает слова, однако взгляд у него ясный, и если он захочет ее остановить, понимает Кэт, то сможет.

— Я пришла увидеться с Джорджем. Джорджем Хобсоном, — говорит она, решительно вздергивая подбородок. — Он там?

— А вы ему кто? Жена? Дочь? Мне казалось, у него никого нет, — с любопытством спрашивает старик.

— Кто я такая, не ваше дело. Так впустите меня или нет?

Старик мгновение рассматривает ее, задумчиво жуя измусоленный окурочок.

— Вы знаете, куда идете, да? — Он смотрит на нее с сомнением, тыча в дверь большим пальцем. Оттуда доносится новый взрыв рева толпы. Сердце у Кэт бьется учащенно. Она сжимает губы и коротко кивает, хотя понятия не имеет, что там ждет ее в этой запретной комнате. — Тогда входите, только, чур, никаких сцен, не то я выведу вас за ухо, понятно? — Он наваливается на дверь, отодвигает засов, приоткрывает дверь ровно настолько, чтобы Кэт могла проскользнуть. И она проскальзывает, закусив губу и сжав руки в кулаки.

Воздух в помещении синий от дыма, там духота, жарко, потолок совсем низкий, деревянный, как и стены. Обзор Кэт загораживают ряды мужчин, которые сидят к ней спиной, все они толкаются, вопят, теснят друг друга, хмурятся, размахивают руками, кулаками, записными книжками. Кэт обходит толпу по краю, пока не находит лазейку, и просачивается туда, никем не замеченная, пока не оказывается в первом ряду. Сначала она не узнает его, того улыбчивого человека, который залился румянцем, когда она поняла, что он не умеет читать. Сейчас он раздет до пояса, его могучий торс блестит от пота и крови. Свет играет на его выпуклых, рельефных мышцах. Волосы прилипли к голове, кровь струится из царапины над левым глазом, рисуя яркую линию до самого подбородка. Но его противнику еще хуже. Он выше Джорджа, однако не такой крепкий. Руки длиннее и тоньше, мускулы вздуваются на них, как узлы на канате. У обоих разбиты костяшки пальцев и сочится кровь.

Когда противник наносит удар, Джордж принимает его, шумно выдохнув, но даже не покачнувшись. Он движется плавно, покачавшись, втягивает голову в плечи, словно птица. В нем есть грация, которой трудно ожидать от мужчины его телосложения. Кэт наблюдает за ним, не в силах оторвать глаз. Она никогда еще не видела человека, в котором было бы столько жизни. Она дышит глубоко, ощущая на губах соль от пота, слышит глухой удар — когда костяшки пальцев входят в податливую плоть противника — и общий стон сострадающей толпы. Кэт наваливается на канаты импровизированного ринга, крепко вцепляется руками в грубую пеньку и ободряюще кричит. Какой он необыкновенный, ни на кого не похожий, какой удивительно настоящий по сравнению с толстыми лондонскими полицейскими, с херувимоподобным викарием и с ней самой, исхудавшей до прозрачности.

Еще удар, и у Джорджа из носа, из одной ноздри, течет кровь. Голова запрокидывается набок, и видно, как летят брызги пота. Он резко дергает плечом, на руках вздуваются вены. Уродливые пунцовые синяки расцветают на ребрах. Однако лицо его спокойно и решительно. Кэт видит: он знает, что делает, что сделает в следующую минуту, что, без сомнения, делал раньше, — должно быть, он не замечает сейчас ни напряжения, ни усталости, ни боли. Лицо его противника искажено гримасой усилия и злости. Джордж выжидает.

Он намерен использовать злость противника против него самого. Заставляет его распалиться и рваться в бой, чтобы довести дело до конца. Позволяет нанести несколько сильных ударов, позволяет увидеть дорогу к победе, заставляя сгорать от нетерпения, заставляя проявить беспечность. Джордж выжидает, он покачивается, он парирует удар, направленный в правый глаз, — как раз вовремя, позволяя противнику вскользь задеть лицо, чтобы тот думал, будто в следующий раз он уже не будет так быстр. Это действует. Второй боец напирал, забывал о защите, размахивался для последнего, как ему казалось, удара. Джорджу требуется доля секунды, чтобы развернуть корпус, скрутить тело для выпада. Когда он бьет, его руки движутся так быстро, что трудно уследить глазом: апперкот врежется в подбородок высокому противнику с такой силой, что у того запрокидывается голова. Он падает, оглушенный, и лежит, приподнявшись на локтях, не понимая, что случилось.

Джордж остается в стойке, однако противник медленно опускается на спину и теряет сознание. Снова поднимается рев, оглушительный, сбивающий с мысли, и, не сознавая того, Кэт добавляет свой голос к этому хору, триумфальному воплю, знаменующему победу Джорджа. Деньги переходят из рук в руки, мужчины покачивают головами, Джорджу протягивают кружку пива, хлопают по спине, кто-то набрасывает ему на плечи одеяло, которое он в тот же миг сбрасывает, вместо того принимая от кого-то стул, чтобы сесть, и несвежий кусок муслина, чтобы утереть лицо. Кэт пробивается к нему, решительно настроенная, с широко раскрытыми глазами.

— А я-то, когда тебя увидела, подумала, ты добрый, — говорит она, не здороваясь.

Джордж мгновение смотрит на нее, хмурясь, а потом улыбается, узнавая.

— Кэт Морли, которая хорошо говорит, а ругается еще лучше, — произносит он, вытирая рот тыльной стороной ладони. Хотя он устал и весь в синяках, в глазах у него блеск, и Кэт его узнает. Это тот самый блеск, который заставил ее украдкой выбраться из дома викария среди ночи. — Не ожидал увидеть тебя здесь.

— Похоже, в этом городке развлечения те еще, — замечает она, криво усмехаясь.

— Это точно. Хотя я-то думал, ты сидишь по вечерам дома, молишься с викарием и его женой.

— Ты что, расспрашивал обо мне? — с нажимом говорит Кэт.

— Может, и так, а что? В конце концов, ты сама пришла и нашла меня. — Джордж улыбается.

— Это точно. — Кэт повторяет его слова. Она улыбается, сверкнув мелкими белыми зубами. — Ты всегда побеждаешь?

— Не всегда. Но часто. Здесь очень немногие станут ставить на мое поражение, однако раз в несколько недель находится какой-нибудь парень, которому кажется, будто он может меня побить. — Джордж указывает на проигравшего бойца, который до сих пор лежит там, где упал, всеми, судя по всему, позабытый.

— Неужели никто о нем не позаботится?

— Его компания где-то здесь. Они его подберут, если сами еще держатся на ногах, — заверяет ее Джордж.

— А почему ты почти всегда побеждаешь? У этого парня руки длиннее, чем у тебя, и ростом он выше. А ты легко его победил.

— Не так чтобы легко. — Джордж промокает рану на лбу, и муслиновая тряпка покрывается красными пятнами. — Понимаешь, он, похоже, не знает, что победу приносит не сильный удар, а умение сносить сильные удары.

— Значит, ты умеешь сносить сильные удары?

— Отец научил. Он тренировал меня с детства, — говорит Джордж, все еще улыбаясь, однако блеск в его глазах меркнет.

— Мой отец всегда был ко мне добр, только иногда это даже хуже, — говорит Кэт, скрещивая руки на груди.

— Я кое-что слышал о твоём отце, — признается Джордж.

— Что бы ты ни слышал, это вранье, точно знаю. — Она стоит перед ним, лишь немного выше его сидящего. — Так как, угостишь меня с выигрыша или нет?

— Угощу, Кэт Морли. Обязательно, — говорит Джордж.

— Можешь надеть рубашку, — предлагает она лукаво.

Бой окончен, и бар начинает пустеть. Мужчины спешат по домам, к своим не ведающим, что такое прощение, женам. Кэт с Джорджем идут по мосту. Ночь непроницаемо-черная, и Кэт невидящим взором глядит на бечевник, к которому они приближаются, — она вдруг с

отвращением рисует себе, как пойдет по нему, вернется в свою тесную комнатку на чердаке, где слышно храп миссис Белл.

— Давай я тебя провожу. Ты что, не берешь с собой фонарик? — спрашивает Джордж, приняв ее нежелание возвращаться за страх перед темнотой.

— Не нужно, я дойду сама. Тут не заблудишься, — отвечает Кэт.

Они останавливаются, поворачиваются друг к другу, их лица белеют в темноте.

— Неужели не боишься, Кэт? — спрашивает он с удивлением.

— Чего — не боюсь?

— Гулять со мной, когда ты едва меня знаешь. Того, что тебя увидят со мной.

— Сомневаюсь, чтобы ты хотел меня обидеть, а если я ошиблась, значит сама виновата. А что до того, увидят ли меня с тобой, — если ты расспрашивал обо мне, тебе наверняка рассказали, что я преступница, а может, даже убийца. Я кое-что сама уже слышала. Моей репутации ничто не повредит. Так что это тебя надо спросить: не боишься ли ты, что тебя увидят со мной? — Она лукаво улыбается.

Джордж негромко смеется, и ей нравится его смех. Низкий, звучный.

— Обижать я тебя не собирался, тут ты права. А что касается всего остального, то я не особенно верил слухам, пока ты сегодня не явилась на бой. В общем, по-моему, девушка, которая смогла прийти сюда одна, видимо, способна сделать что-то такое, о чем болтают!

— Я сделала... Кое-что сделала. За что и попала в тюрьму, это правда. Но то, что сделали со мной и другими, такими как я, было гораздо хуже нашего преступления, если то было преступление. И после всего этого я поняла, что не боюсь. Ни сплетен, ни слухов, ни мерзких стерв, которые их распускают, — сердито говорит Кэт. — А теперь спроси меня, что я сделала и что было потом, — вздыхает она. Подобные вопросы как будто преследуют ее, висят на шее мертвым грузом.

— Не буду. Если ты сама хочешь рассказать, я послушаю, но, вообще-то, это не мое дело, — поспешно отвечает Джордж. Кэт снова смотрит на дорогу, проглоченную ночной темнотой. Стало прохладно, и она ежится. — Я тебя провожу. Не до самой двери, если не хочешь,

чтобы нас увидели. Не сомневаюсь, что при желании ты можешь двигаться беззвучно, как призрак, — говорит Джордж.

— Как Черная Кошка, так меня звали в Лондоне. Именно по этой причине. — Она улыбается. — До деревни две мили, значит, тебе идти четыре, а ты дрался. Оставайся-ка на своей барже, отдыхай. Ты вовсе не обязан быть джентльменом, — возражает она.

Джордж откашливается и складывает руки на груди, подражая ей.

— Я пройду эти четыре мили, чтобы поболтать с тобой, Кэт Морли. Как тебе такая причина?

Кэт мгновение смотрит на него и хочет отказаться. Но потом уступает:

— Ладно, идем.

В небе висит маленькая луна, похожая на фардинг, и льет слабый свет на бечевник. В некоторых местах над дорожкой нависают ветки, и там она сужается, стиснутая зарослями болотного ириса и кипрея. Джордж говорит, что пойдет первым. Он здоровенный и цепляет за все ветки, которые хлещут со свистом, заставляя Кэт увертываться. Джордж ворчит и ругается себе под нос.

— Может, я пойду впереди? Я хорошо вижу, — говорит Кэт.

Джордж останавливается на открытом месте, залитом лунным светом, и оборачивается к ней.

— Что, правда как кошка? — спрашивает он. В лишенной красок ночи он сам весь черный и серый, глаза как пустые провалы, выражения лица не понять. На миг он кажется и не человеком вовсе, а неизвестным существом, из камня и теней, а не из плоти. Но в следующий миг он протягивает руку и берет Кэт за подбородок, и рука у него сухая и теплая. — В таком свете ты как египтянка, — произносит он тихо.

— Мама как-то рассказывала, что ее бабушка была испанкой. Она была смуглая, как мы с мамой; все говорили, что я на нее похожа.

Его прикосновение вызывает в ней странные чувства, тревожные: похоже на вторжение, однако она ничего не имеет против. Кэт тянется к руке Джорджа, берет в свою, и даже в темноте она видит, как внимательно он смотрит на нее, какое восхищение написано на его лице.

Когда Кэт возвращается в свою комнату, в доме стоит такая тишина, что ей кажется, будто все нарочно затаились, потому что знают, где она была. Кажется, весь дом замер, напрягся, готов сомкнуться, словно стальной капкан. Даже храпа миссис Белл не слышно. Кэт сбрасывает с себя одежду, вешает у раскрытого окна, чтобы проветрить, избавиться от предательского запаха пива и табака. Потом она неподвижно лежит на кровати, и, хотя сердце ее бьется, она чувствует, что готова драться, вскочить и молотить кулаками, если потребуется. Если они протянут к ней свои лапы, чтобы схватить. Она больше не позволит им. Но это не настоящий страх, а лишь воспоминания о страхе, отчасти вызванные выпитым пивом и накопившимся недосыпом. Она понемногу успокаивается, закрывает глаза, думая, вдруг Джордж так и стоит на лугу, где она оставила его, и ждет, повернув свое избитое, покрытое синяками лицо к чердачным окнам в надежде, что она выглянет и помашет ему? Эта мысль убаюкивает ее, дыхание постепенно становится медленным, глубоким, и Кэт засыпает.

Утром Эстер, голодная до спазмов в пустом желудке, нетерпеливо дожидается, когда Альберт вернется с ранней прогулки, чтобы позавтракать. Она откладывает книгу, которую читала, и переходит в столовую, где уже накрыт стол на двоих. Чистые тарелки блестят, приборы лежат безукоризненно ровно. В тишине комнаты слышно, как громко урчит в животе. Обычно Альберт так не задерживается. «Сколько же времени можно тратить на общение с природой?» — недоумевает она немного раздраженно, потому что голодна.

Вдруг Эстер слышит позвякивание велосипеда и с неподобающей замужней женщине быстротой вскакивает с места, чтобы его встретить. Передняя дверь приоткрыта, Кэт натирает медный поднос для почты кусочком мягкой кожи. Викарий врывается в дверь с такой поспешностью, что налетает на Кэт и хватается за ее плечи, чтобы не потерять равновесия.

— Вот что я скажу: это просто невероятно! — выкрикивает он, как будто продолжая спор, который они вели все утро.

К удивлению Эстер, Кэт испускает протестующий крик и силится высвободиться из рук Альберта, пятится назад, пока не наткнется на

стену, и сердито сверкает на него глазами. Альберт моргает и смотрит на нее так, будто перед ним змея.

— Кэт, ну что ты, детка! Успокойся! — восклицает Эстер, пораженная бурной реакцией девушки на его прикосновение. Прикосновение человека, посвященного в духовный сан. — Это же мистер Кэннинг! Необязательно так... отбиваться, — выговаривает она смущенно.

Кэт успокаивается и смотрит на Эстер странным, отсутствующим взглядом. Эстер видит, что она будто закрывается им, как маской, которая прячет истинное лицо, истинные мысли девушки, ее сущность. Эстер немного отступает под этим взглядом.

— Прошу прощения, мадам. Я просто испугалась, — ровным тоном произносит Кэт.

— Подавайте завтрак. Спасибо, Кэт, — говорит Эстер натянуто, поторапливая девушку жестом, будто прогоняя птицу.

— Завтрак! О нет, я не смогу проглотить ни кусочка! Ах, Эстер! Я пережил нечто удивительное! Самое чудесное, что только может случиться! — восклицает Альберт, снова бросаясь вперед, беря ее за руки и крепко их сжимая. Его лицо покраснелось от удовольствия, глаза блестят от волнения, даже волосы будто взволнованы и торчат во все стороны.

— В чем дело, милый? Что случилось? — спрашивает она пронзительным тревожным голосом.

— Я... я не знаю даже, с чего начать... как объяснить... — Взгляд Альберта скользит мимо нее, устремляется куда-то вдаль. — Слова вдруг кажутся... неподходящими, — говорит он тихо.

Эстер выжидает минуту, потом пожимает его пальцы, чтобы он очнулся.

— Поди присядь, дорогой Берти, и расскажи мне все.

Альберт позволяет увлечь себя в столовую и усадить в кресло, и в этот миг входит Кэт с первым подносом: яйца, котлетки, корзинка с хлебом. Эстер садится на свое место напротив Альберта, кладет себе кусочек хлеба и, стараясь не слишком торопиться, принимается намазывать его маслом.

— Я вся внимание, дорогой мой, — говорит она, потому что Альберт молчит.

Он смотрит, как она начинает есть, затем снова срывается с кресла и несется к окну. Озадаченная, Эстер медленно жует.

— Я гулял в лугах выше по течению реки — один из моих обычных маршрутов. К востоку отсюда есть место — не знаю, видела ли ты его когда-нибудь, — река там мелкая и затененная ивами и зарослями бузины, а камыши в некоторых местах почти с меня ростом, и повсюду рассыпаны полевые цветы, словно ковер из драгоценных камней... Земля там понижается, получается широкая неглубокая впадина, где во время дождей стоит вязкая лужа, но сейчас, летом, там растут великолепные луговые травы, хвощ, лютики, норичник... Туман в этой низине держится как будто дольше обычного. Я наблюдал, как воздух проясняется над низиной, туман медленно поднимается и золотится, тронутый лучами солнца, я видел... видел...

— Что, Альберт? — спрашивает Эстер, встревоженная тем, как говорит муж.

Альберт разворачивается к ней, широко улыбаясь.

— Духи, Эстер! Это были духи природы! Те самые элементали, которых Господь посылает присматривать за животными и цветами, исполнять все бесчисленные работы в своем природном мире! Я видел, как они играют, так же ясно, как вижу тебя! — восклицает Альберт хриплым от волнения голосом.

Кэт замирает, ставя на стол кофейник, со скептическим видом переводит взгляд с Альберта на Эстер и обратно.

— Спасибо, Кэт, — многозначительно произносит Эстер. — Альберт, это же... просто поразительно! Ты уверен?

— Уверен ли я? Конечно уверен! Я видел их собственными глазами, совершенно отчетливо! Изысканные, как орхидеи... Все они...

— Как они выглядели, Альберт? Чем занимались?

— Они были такого же цвета, как лепестки дикой розы: белые, если не присматриваться, однако если присмотреться — с золотистым, розовым и серебристо-жемчужным отливом; все были стройные, словно ветки ивы, одетые в платья... Я не знаю, что это за ткань. Светлая, она струилась вокруг них, как будто была не тяжелее воздуха, и они танцевали, Эстер! Танцевали медленно и грациозно, как колышутся под водой водоросли, легко, плавно, их руки сначала вздымались, потом опускались... О Эстер, по-моему, я стал

свидетелем чуда! Видимо, Господь благословил меня возможностью на миг увидеть то, что обычно скрыто от людей!

— Альберт... это поразительно. Я хочу сказать... — Эстер запинаясь. Альберт сияет, глядя на нее, словно опьяненный увиденным. Она хмурится при этой мысли, смотрит на него внимательнее, невольно слегка подается к нему и как можно незаметнее втягивает носом воздух. Однако запаха ни бренди, ни вина не чувствует, ничего подобного. Эстер неуверенно улыбается. — Совершенно... неслыханно, — произносит она смущенно. — И ты действительно веришь, что эти существа...

— Нет-нет, не называй их существами, дорогая! Они не из того же теста, что кролики или птицы... Это творения Божьи, священные сущности, которые стоят на лестнице творения гораздо выше нас. По сравнению с ними мы просто неуклюжие глиняные болваны! — заключает он торжествующе.

Эстер не знает, что еще сказать. Альберт полон страсти — она с трудом его узнает.

— Разве ты не понимаешь, что это значит? — вопрошает Альберт, разворачиваясь к Эстер и, кажется, вдруг замечая ее недоверие.

Эстер улыбается как можно шире, с живостью распахивает глаза, чтобы показать — она готова выслушать, готова принять все, что он скажет. Однако ее безмолвное ожидание как будто разочаровывает Альберта, плечи его опускаются, лицо меркнет. Наступает долгая пауза, Эстер перебирает столовые приборы, не решаясь отрезать кусочек котлетки, боясь этим жестом разрушить его впечатления.

— Я немедленно должен написать Дюррану, теософу, — заявляет Альберт, снова откидываясь в кресле.

Кэт возвращается в кухню и с грохотом опускает на стол пустой поднос.

— Викарий видел эльфов, — сообщает она учтивым тоном.

Миссис Белл поднимает голову от хлебной печи, потная и красная.

— И что с того? — спрашивает она.

Кэт недоуменно разводит руками.

2011 год

Лия отправилась встретиться с лучшей подругой Сэм в кафе недалеко от своей работы. Она выбрала столик в дальнем углу, подальше от окна, и села ждать. Был вторник, середина серого мартовского утра. Прошла неделя после возвращения Лии из Бельгии, но она так и не оправилась от потрясения, и, как ни странно, ее до сих пор мутило и от свидания с Райаном, и от воспоминания о погибшем солдате. Оба вселили беспокойство, напоминали об обещании, ей было страшно. Лия заказала кофе и выпила его обжигающе-горячим, как только принесли. Кофе немного успокоил ее, а спустя миг влетела Сэм: как обычно, сплошной вихрь — мелькающие коленки и локти; при виде Лии тут же затрясла головой, извиняясь:

— Прости, опоздала! Не могла вырваться; Абигейл всю неделю ведет себя как образцовая стерва и всюду сует свой нос... все знают, в чем дело, но сказать нельзя. Она делает вид, будто все из-за того, что она увидела предварительные цифры за этот квартал, а они неважные. Прости-прости! — выпалила она, задыхаясь, целуя Лию в щеку и стискивая ее в быстром объятии.

— Перестань извиняться! — сказала Лия. — Ничего другого я не ожидала. И ты знаешь, что я никогда не раздражаюсь, если приходится ждать. — Они с Сэм знакомы с первого класса, и Сэм ни разу не пришла в назначенное время.

— Так что же это за важное заявление? Умираю от нетерпения, хочу услышать, — сказала Сэм, заправляя за ухо блестящую прядь волос и переплетая пальцы. Выражение ее лица было открытым, однако взгляд бегал по лицу Лии, ни на чем не останавливаясь, вечно рассеянный.

— Наверное, я преувеличила. Да, конечно. Никакое это не важное заявление, — сказала Лия, делая глубокий вдох. Когда она принимала свое решение, оно казалось ей куда более значительным. Давно она не воодушевлялась по-настоящему, так, чтобы все внутри кипело, чтобы хотелось работать и писать. А теперь, когда она заговорила об этом вслух, слова ее звучали как-то жалко. — Я уеду ненадолго. На пару недель. Собираюсь расследовать одну старую историю. — Она

увидела разочарование на лице Сэм и виновато улыбнулась. — Понимаю, я сильно преувеличила.

— Нет! Я просто... Просто я подумала, что речь пойдет о чем-то другом. Подумала, что ты, может, познакомилась... с кем-нибудь, — проговорила Сэм и тут же замахала руками, увидев, как вытянулось у Лии лицо. — Забудь, что я сказала. Нет, я, конечно, считаю, что это важная новость. Тебе это пойдет на пользу. Видит бог, хватит тебе отсиживаться. А что за история?

— Э-э-э... Я хочу выяснить личность одного солдата Первой мировой войны. Его нашли в Бельгии. Только дело не только в нем. Я чувствую.

— Не в солдате? — уточнила озадаченная Сэм.

— Важно не только узнать, кто он такой, что делал во время войны, но и как он жил до войны. При нем нашли два письма, которые сохранились, что само по себе поразительно. Это очень странные письма. Может, лучше сама прочтешь? — предложила она, выуживая из сумочки помятые листы.

Лия много раз их читала и перечитывала с тех пор, как ушла, оставив Райана лежать в темноте его убогой гостиницы, на простынях, пахнувших ее телом. В письмах было что-то удивительно живое — Лия буквально ощущала страх и отчаяние женщины, исходившие, подобно аромату, от страниц с ее изящным почерком, ее смятение, ее разочарование. Кроме того, Лию озадачивал непонятный тон писем: у этих двоих в прошлом было что-то странное, что-то печальное. Скорее всего, преступление, соучастницей которого чувствовала себя женщина, судя по ее недомолвкам. Тем не менее она писала так, будто они были мало знакомы. Не так, как пишут близкому другу или члену семьи, не так, как пишут соучастники. А умоляющий тон, каким она просила объяснений... Лию бросало в дрожь каждый раз, когда она бралась за письма. И почему солдат сохранил именно эти два письма, если их было больше? Она старалась найти в ее словах что-то, что бы их объединяло, но не смогла. По-видимому, и в других письмах было то же самое.

— Должно быть, ты слишком часто их читаешь, — заметила Сэм, когда Лия вкратце высказала свои сомнения. — Причина может быть в том, что он потерял остальные письма, или же они случайно сгорели, или он так их и не получил, — сказала она. — Кто знает?

— Верно. — Лия нахмурилась. — Хотя не уверена. Он так бережно относился к этим письмам. Так старательно запечатал коробку, хранил при себе даже в бою. Сомневаюсь, что он мог случайно потерять или уничтожить остальные.

— Кстати, куда, ты говоришь, ездила за ними? — спросила Сэм.

Лия поболтала в чашке кофейную гущу, делая вид, будто не слышит вопроса.

— Как ты думаешь, из этого получится статья? — сказала она, вместо ответа.

— Разумеется! При условии, если тебе удастся выяснить, какое преступление было совершено и кто такой этот парень, что за женщина... Разумеется, это будет отличная статья. Как ты нашла эту тему, Лия?

— На прошлой неделе я ездила в Бельгию, поэтому меня и не было в городе. Кое-кто из Комиссии по воинским захоронениям подкинул идею, они еще немного подержат тело у себя. Они надеются, что я успею установить его личность до похорон, — сказала она как можно непринужденнее.

— Из Комиссии по воинским захоронениям? Это не Райан ли? Лия, неужели ты ездила, чтобы увидеться с Райаном? — спросила Сэм серьезно. Она сверлила Лию строгим взглядом, не позволяя уклониться от ответа.

— Не чтобы увидеться! Не для этого! Он действительно связался со мной по поводу этого солдата, и они действительно хотят выяснить, кто он такой. — Лия старалась говорить искренне.

Сэм сидела, скрестив руки на груди и плотно сжав губы.

— Скажи мне, что ты не переспала с ним. Скажи хотя бы это, — произнесла она, и, когда Лия не ответила и даже не подняла на нее глаз, Сэм пришла в смятение. — Боже, Лия! О чем ты думала?!

— Я не думала, — ответила Лия, теребя в руках бумажную салфетку, пока та не порвалась. — Я вообще не думала. По-моему, я не в состоянии думать, когда дело касается его. У меня просто... сносит крышу. Я как мобильник, который положили рядом с микроволновкой! — сказала она с тихим отчаянием.

— По-моему, именно по этой причине мы решили, что тебе нужно держаться от него подальше. Хотя бы год или два. Лия, каждый раз,

когда ты видишься с ним, часть успеха от лечения теряется! Посмотри на себя, у тебя опять измученный вид!

— Спасибо. Ты не сказала мне ничего нового.

— Тогда зачем я вообще все время это говорю? Лия, я серьезно. Райан — закрытый район. Сколько он уже всего испортил! Я даже... Вот сколько! — Она широко развела руки в стороны.

— Все не так просто. Ты относишься к нему как-то по-детски, — пробормотала Лия.

— Ничего не по-детски. Я знаю, как это трудно; ты знаешь, что я знаю. И я была рядом, чтобы помочь тебе собрать осколки, ведь была? Я просто... не хочу делать это еще раз.

— Я в порядке. Честное слово. Теперь у меня есть тема, над которой надо работать...

— Ты собираешься работать над этой темой с Райаном? Будешь с ним на связи? — перебила Сэм.

— Нет. Нет, что ты! Я уехала, даже не попрощавшись. Я послала ему электронное письмо, сказала, что постараюсь сделать все возможное, но и только. Даже никаких отчетов о ходе работы. Либо я в ближайшие недели что-то узнаю, либо нет. И обо всем, что узнаю, сообщу по электронке. Мне нет необходимости снова с ним встречаться.

— Ладно, надеюсь, тебе удастся убедить саму себя, потому что меня ты несколько не убедила.

— Сэм, перестань. Я позвала тебя, чтобы рассказать о расследовании, честное слово. Оно уже стало для меня важнее, чем... важнее того, что случилось в Бельгии. Не надо меня наказывать за то, что я с ним увиделась. И переспала. Я и так наказана. Ладно?

— Ладно-ладно! Хватит об этом. Так ты, значит, едешь... Куда ты едешь? В какую дыру?

— Коулд-Эшхоулт.

— Звучит пасторально. ^[6]

— Угу. Это где-то в Беркшире. Не на краю света, конечно, но хоть уеду из Лондона. Сменю обстановку, так сказать. Займусь новым проектом, — сказала Лия.

— Как он поживает? Как у него дела? — спросила Сэм. Любопытство одержало верх.

— По-прежнему. В отличной форме. Просто-таки великолепно. — Лия с несчастным видом пожала плечами.

— С чего собираешься начать? Я имею в виду расследование.

— С дома викария, наверное. В письмах нет дат, но второе она написала, когда узнала, что он уехал на фронт; значит, это между тысяча девятьсот четырнадцатым и восемнадцатым годом; а первое — за три или четыре года до того. Мне нужно установить, кто жил там в это время, были ли в доме молодые люди призывного возраста и... Это все, что есть. — Она пожала плечами. — Комиссия по воинским захоронениям уже установила, что никто из живших там не был военнообязанным, однако кто-нибудь может знать еще что-то.

Если бы у нее была возможность встать и уехать немедленно, она так и сделала бы. После этого разговора ей отчаянно захотелось заняться делом, выяснить, чего так боялась писавшая письма женщина, чего она не могла понять. Лии вдруг пришло в голову, что мучительное отчаяние, чувствующееся в словах той женщины, — очень похоже на то, что чувствует сейчас и она. Если Лия не в состоянии решить свои проблемы с Райаном, возможно, ей удастся решить проблему Э. Кэннинг? Ей невыносимо захотелось оказаться где-нибудь там, где нет воспоминаний о Райане и о том, что они были вместе, где вообще никто не знает о Райане. Он облепил ее как паутина, и ей хотелось поскорее ее с себя сбросить.

Лия по-прежнему жила неподалеку от Клэм-Коммона,^[7] в квартире, которую они когда-то делили с Райаном. Они прожили там четыре года, съехавшись через два месяца после знакомства. Ни в ком раньше она не была так уверена и обычно не поддавалась сиюминутным желаниям. Она всегда относилась к любви скептически — как Лия говорила о себе, — и вот она встретила мужчину, одно присутствие которого заставляло ее чувствовать себя по-настоящему живой. Ему не требовалось даже касаться ее. Лия с усмешкой говорила друзьям, что наконец-то поняла, о чем поется в популярных песнях, и она не шутила. Ей казалось, у нее открылись глаза — или же сердце. Как будто бы с ней поделились огромной и чудесной тайной. Она всю жизнь была самой настоящей недотрогой, и внутренний голос еще долго выдавал ей суровые народные мудрости: не заносись высоко, чтоб не пасть глубоко; от любви до ненависти один шаг.

Она не захотела съезжать с квартиры, которая ей нравилась и где она прожила два года до знакомства с Райаном. Она решила, что просто будет жить здесь одна. Это снова стала ее квартира, а не их, вот и все. Только это была неправда. Квартира помнила его, хранила память о его присутствии, о его прикосновениях. Несколько недель после его ухода Лия чувствовала его запах, и этот запах сводил ее с ума, пока она наконец не догадалась, что он исходит от занавесок в спальне, где он каждое утро брызгался своим дезодорантом. Она тут же сняла занавески, но минут двадцать посидела на корточках перед открытой дверцей стиральной машины, прижимая к лицу пыльную ткань.

Расцеловавшись с Сэм на прощание, Лия вернулась домой, уложила небольшой чемодан, бросила его на заднее сиденье и вскоре влилась в очередь автомобилей, выезжавших на шоссе М4. Целый час ушел на то, чтобы доползти до въезда, а когда она наконец выбралась из пробки, то по непонятной причине почему-то почувствовала разочарование. Ее грандиозный проект, ее миссия показались нелепыми в маленькой Англии. Спутниковый навигатор велел съехать с главного шоссе на узкую извилистую дорогу между высокими кустами живых изгородей, все еще грязно-коричневыми после зимы. Прошел дождь, и машина подпрыгивала на ухабах, заполненных водой, вжималась в их грязные стенки и трижды резко останавливалась, чтобы пропустить громадные внедорожники, проплывавшие мимо. Когда навигатор сообщил о прибытии на место назначения, машина находилась на перекрестке, за которым зеленел небольшой треугольный луг, а по бокам от него тянулись узкие улицы с симпатичными скрюченными домишками. Посреди луга рос огромный конский каштан, на одном углу стоял почтовый ящик, на другом — телефонная будка, но никаких признаков жизни не наблюдалось. За крышами дальних домов Лия увидела церковный шпиль на фоне крапчатого неба, и ее охватило волнение. Если погибший солдат дружил с обитателями дома викария, он почти наверняка посещал службы в этой самой церкви. Лия выключила двигатель и направилась к церкви. Стояла абсолютная тишина, и она шла едва ли не на цыпочках, не желая ее нарушить. Легкий сырой ветер колыхал голый каштан, стучал узловатыми ветками друг о друга.

Церковный двор пестрел подснежниками, ранними нарциссами и мелкими сиреневыми крокусами. Под каменными надгробиями покоились деревенские мертвецы; поближе к церковной стене надгробия были старые, выщербленные, поросшие мхом и лишайниками, подальше в поле — все более новые, и в самом конце — совсем свежие, буквы на мраморе были острые как бритва, отчетливо виднелись разрезы в дерне. Почему-то смотреть на надгробия Лии было неловко. Все равно что поймать на себе чей-то чужой взгляд в общественной раздевалке — пусть мимолетное, но все равно вторжение в личное пространство. Церковь из серого камня и мелкозернистого песчаника, судя по виду, была построена в Викторианскую эпоху. На верхушке скромного шпиля застыл потертый железный петушок, неподвижный, несмотря на ветер. Дверь была наглухо заперта. Объявления о церковных мероприятиях, написанные на листках пастельных тонов, загибались и трепетали, накрепко пришпиленные к дереву ржавыми кнопками. Лия повернула облупленную металлическую ручку, для уверенности с силой нажала и вздрогнула, когда у нее за спиной раздался чей-то голос.

— Ничего не получится, милочка. Теперь здесь бывает открыто только по выходным, — сообщил ей мужчина с седыми волосами и тяжелым брюхом, выпирающим из-под древней куртки.

У Лии перехватило дыхание.

— А, о'кей. Поняла. Спасибо, — сказала она, вытирая руки о джинсы.

— У миссис Бьюканан есть ключ, она живет в четвертом доме от пустыря, но в это время она — совершенно точно — ушла на свою йогу, — продолжал мужчина.

— О, ничего страшного. Спасибо.

Лия коротко улыбнулась в ожидании, что он пойдет дальше своей дорогой. Мужчина улыбнулся в ответ, но не ушел. Лия надеялась еще немного побродить по кладбищу, может, даже отыскать надгробие с фамилией Кэннинг, датированное подходящим временем, однако собеседник не выказывал желания идти по своим делам.

— Не подскажите мне, как найти дом vicария? — спросила она, подавляя раздражение.

— С радостью, с радостью, — отозвался мужчина. — Повернете отсюда налево, пройдете минуту, пока не окажетесь у школьной

площадки. А там снова налево. Дорога новая, там тупик и стоит много домов. Дом викария под вторым номером, почти на самом повороте. Мимо не пройдете... — Говоря все это, он шел за ней по дорожке, и на мгновение Лии показалось, что он так и будет тащиться за ней всю дорогу, однако у церковных ворот мужчина остановился.

— Спасибо! — сказала Лия, удаляясь уверенным шагом.

«Боже, — думала она, — где вы, грубые, неприветливые и ненавязчивые жители Лондона?» Мужчина оперся руками на столбик ворот и смотрел ей вслед.

Дом номер два оказался маленьким, кирпичным, похожим на квадратную коробку, с мощеной подъездной дорогой и очень аккуратным небольшим газоном. Ранние анютины глазки кивали своими фиолетовыми и желтыми головками из одинаковых горшков под кухонным окном. Черная грифельная дощечка у двери сообщала, что это дом викария, и Лия позвонила, внезапно растеряв всю свою уверенность.

— Чем могу помочь?

Ее приветствовала тоненькая женщина средних лет, которая улыбалась как-то затравленно, как будто в любую минуту ожидала обиды. Кисейная барышня, подумала Лия немного недобро. Барышня казалась на вид нежной и совершенно бесполезной.

— Прошу прощения, кажется, я перепутала адрес, — сказала Лия. Кисейная барышня быстро заморгала, плотнее запахивая синий кардиган. — Я искала дом викария, прежний дом, который был здесь лет сто назад, — пояснила она.

— А-а-а, старый дом. Да, боюсь, вы пришли не туда. Он на другом конце деревни, но это всего пять минут ходьбы. Идите по той улице, где стоит дорожный указатель на Тэтчем, вы увидите его по правой стороне, — разъяснила женщина и уже хотела закрыть дверь, но Лия быстро вскинула руку, останавливая ее.

— Прошу прощения, вы, случайно, не знаете, когда он перестал быть домом викария и превратился в старый дом викария? В смысле, когда церковь продала его? — спросила она.

Женщина посмотрела на руку Лии так, как будто та держала оружие.

— Прошу прощения, этого я не знаю. Скорее всего, в тридцатые годы. В то время много церковной собственности перешло в частные

руки.

— Понятно, спасибо. Большое спасибо. — Лия отпустила дверь и вернулась на дорогу.

Отыскав старый дом викария, Лия постояла немного, переждав промелькнувшую мимо машину, обрызгавшую тротуар. Перед ней был чудесный старый дом — времен королевы Анны, подумала она, — квадратный, симметричный и наполовину разрушенный. Выщербленные красные кирпичи, раствор между ними давно посыпался. Сад перед домом зарос травой, хотя, судя по прошлогодним гераням, мертвым и общипанным, которые торчали из каменных желобов у входной двери, кто-то здесь до сих пор жил и что-то делал. Лия не заметила на подъездной дорожке никаких машин, в окнах не горел свет, хотя день был пасмурный и становился все мрачнее. Она несколько минут простояла, наблюдая за домом, в надежде заметить какое-нибудь движение. Значит, это и есть тот самый дом, где были написаны письма, которые она столь внимательно изучала в последнее время. Сердце чуть дрогнуло при этой мысли. Она как будто подглядывала в чью-то жизнь через крохотную замочную скважину. Ощущая какое-то смутное волнение, Лия прошла по садовой дорожке и с силой стукнула потускневшим медным молотком. Она услышала эхо, раскатившееся по дому.

Дверь открыл — приоткрыл — моложавый мужчина и угрюмо на нее уставился.

— В чем дело? — спросил он хмуро.

Лия успела отметить прищуренные серые глаза, короткие темные волосы, щетину на подбородке и немного удивленное лицо.

— Здравствуйте. Простите, что беспокою... — начала она, но ее тут же прервали.

— Что вам нужно? — резко перебил он.

В прихожей у него за спиной было темно. Лия старалась не заглядывать туда слишком уж откровенно. Ей вдруг отчаянно захотелось попасть в это жилище.

— Меня зовут Лия Хиксон, я занимаюсь одним расследованием...

— Расследованием? Что вы имеете в виду? — снова перебил хозяин.

Лия ощутила, как щеки у нее краснеют от раздражения.

— Я как раз собиралась объяснить. Я ищу одного человека, который...

— Вы журналистка? — спросил хозяин.

— Да, журналистка, — ответила Лия, ошеломленная.

— Какого хрена! — воскликнул мужчина, яростно протирая глаза свободной рукой.

Лия так растерялась, что ничего не могла сказать.

— Как вы меня нашли? Кто дал вам этот адрес? Вы что, не понимаете никаких намеков? Я ушел, слинял, ясно? Если бы я хотел говорить с кем-нибудь из вашей братии, стал бы я уезжать?

— Я... я не понимаю, о чем вы. Я...

— Да бросьте. За последние три месяца я выслушал от вас столько паршивых отговорок. Покиньте мое крыльцо. Вы здесь одна или мне теперь ожидать целую толпу? — спросил он холодно.

— Нет-нет, я одна. И я...

— Ладно. Отлично. Забудьте дорогу сюда. — Он с яростью отчеканил каждое слово. Захлопнул дверь перед ее носом, и Лия простояла столбом секунд двадцать или даже больше, ошарашенная настолько, что не могла сдвинуться с места.

Наконец, клокоча от негодования и чувствуя, как стучит в висках кровь, Лия снова стала стучать, громко и долго. Однако не открыл ни сероглазый хозяин, ни кто-нибудь еще, кто мог оказаться в доме, и из-за двери не доносилось ни звука. Начал моросить дождь, и Лии пришлось отступить. Она вернулась к машине, взяла блокнот и на первом чистом листе вывела с ироническими завитушками: «Местные недружелюбны». Потом она немного посидела, глядя на дождь, который барабанил по лобовому стеклу, стекая ручейками и образуя лужи. Райан любил дождь. Даже это напоминает о нем, а она живет в стране, которая славится своими дождями. Лия вспомнила мокрые волосы найденного солдата, как они лоснились, прилипнув к голове. Сколько же дождей выпало на него за ту сотню лет, пока он лежал, никем не найденный? Она представила себе, как дождь бьет по коже, которая уже ничего не чувствует, просачивается сквозь нее и тело больше не дрожит от холода. Лия решительно прервала поток этих мыслей. Еще не хватало, чтобы мертвец начал сниться.

Она выехала на главное шоссе, затем развернулась и поехала в Тэтчем по А4. Там нашла место для парковки и около часа бродила по

улицам, решив, что не войдет ни в один местный паб. На главной торговой улице под названием Бродвей стояли бесконечные сетевые магазины и крошечные конторы банковских отделений. Люди непрерывно двигались куда-то под морозящим дождем, опустив голову и глаза в землю, покорно огибая грязные лужи. Картина была мрачная, такую можно увидеть только в маленьком городке в конце зимы. Лия нашла старый книжный магазин, где провела полчаса, подсыхая и глаза на полки. Она купила две книги по истории городка, а леди за кассой порекомендовала хороший паб, «Разводной мост», где сдавали номера с завтраком, — на полпути в Коулд-Эшхоулт, в конце тупичка рядом с каналом. Туда Лия и отправилась и сняла там комнату, в которой было не продохнуть от обитой ситцем мебели и туго набитых подушек. Зато там было тепло и сухо, а из окна открывался прекрасный вид на промокшие заливные луга, раскинувшиеся к востоку. Вдалеке, за рядом тополей, похожих на веретёна, Лия разглядела, как ей показалось, шпиль церкви в Коулд-Эшхоулте. Она взяла с подноса чашку чая и уселась возле окна, погруженная в свои мысли.

В «Разводном мосте» было много завсегдаево из местных, которые сидели компаниями у стойки бара или на скамьях за липкими деревянными столами; вновь пришедших приветствовали кивками, улыбками и растянутыми, мягко произнесенными фразами. В восемь Лия спустилась поужинать, и ее провели в обеденный зальчик в дальнем конце бара, холодный и до боли пустой. Она села за стол на двоих, развернувшись так, чтобы хотя бы видеть бар. От пустоты за спиной она поежилась. Лия заказала рыбу с картошкой и пожалела, что не прихватила с собой из номера книжку. На мгновение мелькала смутная мысль, не присоединиться ли к какой-нибудь компании, чтобы послушать здешние легенды, однако разговоры, которые вели посетители, все были личные, компании, казалось, состояли из близких друзей, и она постеснялась. К тому же в рыбе обнаружилось достаточное количество костей, и занятие нашлось.

Когда она подняла голову в следующий раз, то, вздрогнув, увидела, что уже не только она одна осталась без компании. Взгромоздившись на барный стул, сидел, неловко прижав к нему с боков колени, тот самый мужчина из старого дома викария. Хотя Лия

видела его мельком и в полумраке прихожей, она не сомневалась, что это он. Мужчина не удосужился снять свой мешковатый, выцветший зеленый анорак и синюю шерстяную шапку, надвинутую на лоб. «Не отличишь от местных», — подумала Лия, однако, взглянув на его ноги, увидела коричневые кожаные ботинки с металлическими крючками для шнурков. Ботинки были слишком чистые, слишком дорогие. В Лии разгорелось любопытство. Она также заметила, что не только она одна смотрит на него, и слышала приглушенный шепоток в его адрес. Он упорно рассматривал поддон перед собой, с решительным видом приканчивая кружку горького пива.

Лия не смогла удержаться. Она быстро встала, когда он опустошил кружку, и преградила ему путь к двери.

— Здравствуйте еще раз, — сказала она бодро.

Мужчина бросил на нее испуганный взгляд и тут же узнал ее. Он попытался ее обойти, но она последовала за ним.

— Кажется, мы с вами не очень хорошо расстались, и я прошу прощения, если... потревожила вас. Меня зовут Лия Хиксон, как я уже говорила. А вас? — Она протянула ему руку.

Он насмешливо покосился на ее ладонь и не пожал.

— Вы, черт возьми, прекрасно знаете, кто я. А теперь прошу вас: уйдите с дороги и оставьте меня в покое. Неужели я требую слишком много, неужели я не могу пойти в бар вечером в пятницу и чтобы никто меня не преследовал?.. — заговорил он напряженно, понизив голос.

— Уверяю вас, я понятия не имею, кто вы такой, — перебила Лия. — И я вас не преследую. Я здесь сняла номер на несколько дней. Мне сказали, тут хорошо готовят.

— Да, конечно. Вы случайно остановились именно здесь. А дальше следует: «Вам предоставляется шанс изложить свою точку зрения»? Это я тоже уже слышал! — отрезал он.

На скулах у него вздулись желваки, и Лия вдруг поняла, что он измучен. Под глазами мешки, у рта залегли усталые морщины.

— Послушайте... Я не хочу вас мучить, но я действительно не знаю, кто вы. Видимо, вы не настолько знамениты, как вам кажется. Я журналистка, но работаю над темой из истории — о жизни одного солдата времен Первой мировой войны, и я приехала в Коулд-Эшхоулт, чтобы что-нибудь о нем узнать. Он имел какое-то отношение к дому

викария, потому я и постучала в вашу дверь. Не знаю, что вы там сделали — или не сделали, — и боюсь, что мне это совершенно неинтересно. Если только это не поможет мне что-нибудь разузнать о солдате, в чем я сомневаюсь.

Последовала долгая пауза, пока он обдумывал ее слова, и на его лице попеременно отражались облегчение, недоверие и гнев.

— Вы точно не просто?.. — Он закончил жестом, который она не смогла расшифровать.

— Я говорю правду. Честное слово. И если у вас есть время и вы можете на минутку успокоиться, я с удовольствием вас угощу и задам несколько вопросов о старом доме викария.

Он еще минуту рассматривал ее, затем сильно потер глаза левой рукой, так же как раньше у двери. Жест говорил либо о расшатанных нервах, либо о сильной усталости.

— Ладно. Хорошо. Если вы действительно та, за кого себя выдаете, — с неохотой протянул он.

— Я та, за кого себя выдаю, — заверила его Лия, развеселившись. — Только давайте сядем у камина, а то я ужинала в смежном зале, где холодно, как в могиле.

Вся воинственность с него сошла; притихший, он сидел в кресле у камина, и Лия исподтишка рассматривала его в зеркале за стойкой бара, дожидаясь, пока не нальют пиво. Но ей можно было не опасаться, что он заметит ее взгляд. Он сидел уставившись в пространство между колен, рассеянно ковыряя ноготь большого пальца. Размашистым жестом мужчина стащил с головы шапку, и Лия отметила, что голова у него давно нуждается в мытье и, возможно, в стрижке. Волосы слиплись, жесткие и неряшливые. Он был рослый и худощавый, и одежда болталась на нем так, будто он позаимствовал ее у кого-то или же сильно похудел за последнее время. Когда она подошла к столу, мужчина поднял голову, и в его серых глазах снова отразилась тревога, настороженность.

— Стоило уехать из Лондона, чтобы узнать, сколько здесь стоит пиво, — хмыкнула Лия, усаживаясь.

Он не обратил внимания на ее слова.

— Так о чем вы хотите поговорить? О той нелепой истории с эльфами? Если я правильно помню, это случилось как раз накануне Первой мировой войны, — сказал он, делая большой глоток.

Сердце у Лии забилося.

— Да, хотелось бы о ней... — Она выдержала паузу, однако собеседник не отреагировал. — Насколько я понимаю, вы предпочитаете беседовать инкогнито, но, может, все-таки скажете хотя бы, как вас зовут? — подсказала она.

— Прошу прощения, да, конечно. Извините. Последние два месяца были... трудными. Меня зовут Марк. Марк Кэннинг, — сказал он.

Лия улыбнулась, чувствуя, как в животе трепещут крылья бабочек.

Глава четвертая

16 июня 1911 года

Дорогая Амелия!

Хочу написать тебе о новом человеке, который появится в нашем тихом доме. Это мистер Робин Дюрран, он теософ. Вряд ли ты знаешь, кто такой теософ, потому позволь мне тебя просветить — нет, я, конечно, сама не очень сведуща в этом вопросе! Мне пришлось спрашивать у Альберта, и половины объяснений я так и не поняла. Он сказал, что теософия — это поиск мудрости и духовного просветления, с помощью которого теософы хотят освободиться от оков плоти и приобщиться к высшим духовным сущностям. Я бы сказала, что именно это и мы стараемся осуществить через молитву, но, очевидно, у них все совсем по-другому.

Мистер Дюрран — тот человек, чье выступление Альберт слушал пару недель назад в Ньюбери. Он читает лекции о духах природы и тому подобном. Альберт тогда не стал вдаваться в подробности, но несколько дней назад вернулся с утренней прогулки в полной уверенности, что видел именно этих магических существ в лугах рядом с Коулд-Эшхоултом, хотя, похоже, ему не понравилось, что я назвала их «существами».

Должна сказать, что луга в это время года удивительно прекрасны. Они просто сверкают жизнью, полевыми цветами и дикими травами. Травы и тростник растут так быстро; думаешь, стоит остановиться, прислушаться и — услышишь! Если природа действительно может породить некую духовную сущность, то, наверное, наши луга самое подходящее для этого место. Однако я невольно терзаюсь сомнениями. Это кажется настолько невероятным, с тем же успехом он мог бы прийти домой и заявить, что видел единорога! Но, разумеется, он говорит правду, и я, как его жена, обязана его поддерживать и доверять его суждениям. В конце концов, он ученый, священник. Мне до него далеко.

Короче говоря, этот молодой человек, мистер Дюрран, должен прибыть сегодня к полудню, потому что Альберт написал ему о своих наблюдениях. Он проживет некоторое время у нас. Честно говоря, мне

так и не удалось выяснить у Альберта, какое именно время. Миссис Белл хлопочет, готовит на троих обед и ужин, не только для нас с Альбертом. И это лишний раз напоминает, дорогая, что тебе с моим любезным зятем, не говоря уже о милых Элли и Джоне, пора навестить нас. Лишь назови дату, и ваши комнаты будут вас ждать. Если этому мистеру Дюррану придется задержаться, искренне надеюсь, что он человек дружелюбный, а не какой-нибудь там важный и высокомерный ученый, иначе, боюсь, все мои слова будут казаться ему глупыми сверх меры!

Сейчас я напишу кое-что, отчего ты наверняка будешь смеяться, но не смейся, потому что я совершенно серьезна. Я начала беспокоиться, что Альберту чего-то недостает. В смысле телесного устройства, разумеется, а вовсе не в сердечной или душевной сфере. Вчера днем, возвращаясь из школы, я проходила мимо фермы Джона Весткотта и заметила, как его жеребец «случался» с кобылой, — кажется, именно этим словом здесь называют естественное и необходимое действие. Дочери Весткотта, которые у дороги срезали траву для свиней, при виде меня сделали реверанс, что было очень мило с их стороны, но, признаюсь, мое внимание было обращено к сцене у них за спиной. Я понимаю, что вела себя неподобающе, мне следовало бы отвести взгляд, хотя подобные картины весьма обычное дело, когда живешь в сельской глуши. Я ни на секунду не сравниваю моего дорогого мужа с жеребцом, однако я подозреваю, что на каком-то самом низшем уровне физиология всех живых существ — хотя бы в общих чертах — схожа. Но может быть, я и здесь ошибаюсь? Так вот. Это все, что скажу по этому вопросу, потому что заливаюсь краской и ощущаю себя настоящей предательницей, пока пишу тебе эти строки, хотя ты самый близкий мне человек! Если же мне немножко повезло и ты поняла, что я хочу сказать этим сравнением, то твои пояснения были бы как нельзя более кстати, сестричка.

Еще меня беспокоит Кэт Морли. Она по-прежнему очень худенькая и все время выглядит усталой. Как будто не впитывает полноты здешней жизни, хотя не могу понять, как можно сопротивляться такой непритязательной доброте, какая здесь есть. Возможно, причина в некоем скрытом обстоятельстве, которое мне еще предстоит обнаружить, какое-то отклонение от нормы, уходящее корнями глубже, чем мне известно. Я попросила Софи Белл

посматривать на нее ночью, чтобы узнать, не страдает ли она бессонницей, но, насколько я поняла, Софи сама большая любительница поспать и ей чрезвычайно трудно подняться, чтобы заглянуть к девушке. Не представляю себе, чем можно заниматься в долгие темные ночные часы, если не отдыхать. Эта мысль тревожит меня. И еще я знаю от Софи, что девушка почти не ест, а когда все-таки ест, у нее потом начинаются какие-то спазмы или тошнота. Я обязана докопаться до причины. Когда я спрашиваю ее о самочувствии, она уверяет, что все прекрасно и что инфекция, которая поселилась у нее в груди в Лондоне, продолжает отступать. Что делать с человеком, который все еще болен, однако не желает этого признавать? Я стараюсь по мере сил проявлять к ней доброту, однако это не всегда так просто, как должно бы быть. У нее повадки ястреба, маленькой сердитой птицы.

Что ж, мне пора заканчивать письмо и готовиться к приезду мистера Дюррана. Конечно, через несколько дней я все о нем расскажу, хотя сразу прошу прощения за возможную задержку: я ужасно занята, стараюсь вовремя подготовить все необходимое ко Дню коронации — осталась всего неделя, а у нас до сих пор мало материи для флагов. Потом начнется настоящая суматоха. Полагаю, что в итоге все утрясется, однако это не самое подходящее время, чтобы приглашать гостя. Бедняжка Берти. Мужчины ведь не понимают подобных вещей, правда?

Напиши мне поскорее, дорогая Амелия, и подумай (если будешь способна) над тем, что я написала о жеребце. Какой ужас я написала!

Твоя любящая сестра Эстер

1911 год

До обеда еще очень далеко. Резкий стук в дверь отрывает Кэт от размышлений. Она рассеянна все утро, ее взгляд уносится вдаль, сквозь окно в прихожей, которое она должна бы натирать скомканными газетами. Мысли о Джордже Хобсоне отвлекают ее от работы. Прошлой ночью она снова виделась с ним, пила пиво, отчего кружилась голова, а в теле полыхал пожар. И голова кружится до сих пор, в желудке что-то не то, а в висках пульсирует боль. От усталости руки и ноги тяжелые, мысли — неповоротливые. Жарко, несмотря на ранний час, и над верхней губой выступила испарина. Когда стук в дверь вынуждает Кэт сдвинуться с места, она оборачивается, заметив свое отражение в стенном зеркале в тяжелой раме. Серо-белый призрак девушки с провалами глазниц, в грязно-коричневом платье. Это печать Холлоуэя, до сих пор. Когда Кэт открывает дверь, на ее лице написано смутное отвращение.

— Здравствуйте. Чем могу помочь? — спрашивает она молодого человека на крыльце.

Его лицо настолько свежо, насколько серо ее собственное, в одной руке у него большая кожаная сумка, в другой — дорожный чемодан с переброшенным через него пальто. Без пиджака, только в рубашке и жилете, он напоминает ей сына Джентльмена, приехавшего из университета на каникулы. Та же шикарная небрежность.

— Доброе утро. Меня зовут Робин Дюрран, я уверен, что меня ждут.

Молодой человек улыбается. Зубы у него очень белые и ровные, улыбка медленно раздвигает рот, словно потягивается кошка, и вокруг глаз появляются приветливые морщинки.

— Входите-входите. Я доложу миссис Кэннинг, что вы прибыли, — отзывается Кэт безрадостно. Она забирает у молодого человека сумку, вешает его пальто на вешалку в прихожей.

— Благодарю вас. Вы очень добры.

Робин Дюрран по-прежнему улыбается. Кэт резко отворачивается от его благодушно-веселого лица и идет по коридору, чтобы постучать в дверь гостиной.

— Мадам, к вам мистер Робин Дюрран. Говорит, что вы его ждете, — объявляет Кэт.

Эстер роняет ручку и поднимает глаза, заливаясь виноватым румянцем. Кэт лениво задается вопросом, что за сплетни она сообщает в письме?

— О господи! Но не сейчас же? Я не успела подготовиться, и Альберт еще не вернулся... — пугается Эстер.

— И все же он здесь, ждет в прихожей, — тихо произносит Кэт.

— Ясно, хорошо, да... Конечно же, я сейчас выйду, — говорит Эстер, а за спиной Кэт уже стоит Робин Дюрран и вежливо кашляет.

— Прошу прощения — я не мог не услышать, — пожалуйста, не беспокойтесь, миссис Кэннинг. Я слишком рано, и с моей стороны это просто невежливо, поэтому я исчезну до поры. День теплый, просто идеальный для пешей прогулки. Прошу вас, не вставайте, — говорит он жизнерадостно.

Эстер смотрит на него в недоумении, не вымолвив ни слова, и он мгновенно скрывается в дверях.

— Может быть, мне задержать его, мадам? — предлагает Кэт, выдержав паузу.

— Да-да, задержите! Не надо, чтобы он чувствовал себя обязанным уйти... — взволнованно говорит Эстер.

Кэт нагоняет Робина у парадной двери.

— Прошу прощения, сэр, но миссис Кэннинг настаивает, чтобы вы остались, — произносит она без всякого выражения. — Он готова принять вас сейчас.

— В самом деле? — снова улыбается Робин Дюрран. Его улыбка как будто всегда наготове. — В таком случае я обязан остаться. Разве можно противиться подобному приглашению? — Он окидывает Кэт понимающим взглядом, отчего та сразу настораживается, а затем возвращается в гостиную.

— Это он пришел? — спрашивает миссис Белл, когда Кэт заходит в кухню.

— Да. И она теперь в любой момент позвонит, требуя чаю, как только соберется с мыслями и вспомнит об этом, — говорит Кэт, наполняя чайник и ставя его на плиту.

— И какой же он? Молодой, старый, богатый, бедный? — спрашивает толстая экономка.

На столе лежит мясистая баранья лопатка, которая наполняет помещение сладковатым запахом сырого мяса. Вокруг назойливо вьются блестящие синие мухи, дожидаясь возможности сесть, однако Софи Белл, с кухонным полотенцем в руке, всегда готова отразить их атаку.

— Вряд ли бедный. И очень молодой. Наверное, не старше жены викария. — Кэт наливает себе стакан воды и пьет большими жадными глотками.

— Господи, ну как корова на водопое! — досадливо восклицает миссис Белл.

Кэт бросает на нее испепеляющий взгляд.

— Теперь вы знаете, что я слышу каждый день, обедая с вами за одним столом, — бормочет она.

— Еще одно слово — и ты будешь ужинать во дворе или, что скорее, вовсе не будешь ужинать.

— Разумеется, — вздыхает Кэт безразлично.

— И нужно говорить «хозяйка» или «миссис Кэннинг», а не «жена викария». Так полагается. У тебя все, что ни скажешь, выражает одно только неуважение к другим, однако ты не в том положении, чтобы высказываться в подобном духе, — говорит миссис Белл.

— С чего бы мне выражать уважение к тем, кто его не заслуживает?

— С того, что некоторые люди — для тебя, полагаю, почти все люди — его заслуживают, что бы ты там себе ни придумала. Хозяйка предоставила тебе крышу над головой, работу, которой тебе не дал бы никто другой, с твоим-то прошлым...

— Я сама обеспечиваю себя крышей над головой тем, что работаю в этом доме без продыху! А что до моего прошлого... Правящий класс придумывает правила, позволяющие наказывать других, просто для того, чтобы был повод наказывать и держать в узде, я так считаю. И как же мне не презирать их, когда они случайно родились «высшими», *сами написали* законы, чтобы заставить меня удовлетворять все их прихоти, пока они бездельничают целыми днями и не могут элементарно обслужить себя? И я еще должна быть им благодарна, когда на самом деле это *они* должны благодарить *меня*!

Что она может без меня? Я одеваю ее, стираю ее одежду, подаю ей еду и заправляю ее постель! А как бы она жила без вас, кто готовил бы ей еду? Они нуждаются в нас гораздо больше, чем мы в них. Если бы слуги не играли по их правилам, как вы, Софи Белл, мы могли бы кое-что изменить в этой стране. — Кэт завершает свою тираду, прижимает руку к бьющемуся сердцу, наливает еще стакан воды и выпивает его с той же жадностью.

Софи Белл моргает как кролик, разевает рот, и все ее подбородки кольшутся.

— И чему только тебя учили в Лондоне? — произносит она в конце концов, совершенно ошеломленная.

— Чему меня учили? — эхом отзывается Кэт. Она на секунду задумывается. — Тому, что тебя будут подавлять любимыми средствами, если законов не хватит, чтобы обуздать тебя, — отвечает она уже спокойнее.

Софи Белл вроде бы ждет, почти надеясь на продолжение, но, поскольку Кэт не желает говорить, она снова поворачивается к бараньей лопатке и прогоняет мух полотенцем, озабоченно хмурясь.

— Будь хорошей девочкой, Кэт, сбегай срежь немного розмарина для баранины, — рассеянно произносит Софи Белл.

Спешно отложив письмо к Амелии, которое она подписала, но не успела положить в конверт, Эстер разглаживает спереди слегка помявшееся платье и поправляет прическу. Без Альберта, который подсказал бы ей, как именно подобает принимать этого молодого человека и какую степень почтения ему выказывать, она ощущает себя как в открытом море и почти с робостью ждет встречи с гостем. Она слышит, как он приближается, и аккуратно складывает руки перед собой.

— Мистер Дюрран, входите, пожалуйста, — отвечает она на вежливый стук. — Я прошу прощения за мое замешательство; конечно же, мы с нетерпением ждали вас, добро пожаловать. — Эстер улыбается, когда ее гость входит в комнату.

— Прошу вас, не извиняйтесь. Моя мать изругала бы меня за то, что я явился раньше назначенного часа и внес сумятицу в ваши планы. Я счастлив видеть вас, миссис Кэннинг. — Он сердечно пожимает ей руку, на миг задержав ее пальцы в своей ладони.

За окном садовник Блай подстригает изгородь из бирючины, и ножницы скрипят каждый раз, когда он раскрывает их, и щелкают, когда он смыкает лезвия. И под этот мучительный звук проходит их беседа.

— Какая радость видеть вас, мистер Дюрран! Альберт так высоко отзывался о вашей недавней лекции по теософии, — говорит Эстер, надеясь, что правильно произносит слово, и Робин Дюрран коротко улыбается, что заставляет ее в этом усомниться.

Эстер окидывает его внимательным взглядом. Он среднего роста и телосложения, стройный, но довольно широкий в плечах. Его руки при рукопожатии такие же мягкие и теплые, как у нее. Лицо у него овальное, с заметно выдающимися скулами и выступающими надбровными дугами, на подбородке легкий намек на ямочку. Волосы темно-каштановые, довольно длинные и по-мальчишески растрепанные — сплошные мягкие волны и непослушные локоны. У него светло-карие глаза цвета ириски и нет морщин. Эстер хлопает глазами и неожиданно осознает, что глазеет на него неприлично долго. Она чувствует, как щеки заливают румянец и в горле почему-то становится сухо.

— На самом деле моя лекция была не столько о теософии в целом, сколько о духах природы в частности, — это тот предмет, который занимает меня больше всего и с которым я лучше всего знаком, — продолжает Робин Дюрран.

Эстер снова хлопает глазами и несколько секунд не может сообразить, что ответить. Она чувствует себя не в своей тарелке.

— Да, разумеется, — мямлит она в конце концов. — Не хотите ли сесть? Я попрошу Кэт принести чаю. — Она указывает на кресло.

— Благодарю. Вы очень любезны. — Мистер Дюрран снова улыбается, и Эстер, словно зеркало, улыбается в ответ. В самом деле, трудно не улыбнуться Робину Дюррану. — Полагаю, вашего мужа нет дома, потому что он исполняет свои пасторские обязанности? — спрашивает Робин, принимая чашку чая, которую Эстер протягивает ему несколько минут спустя.

— Да, именно так. Он всегда старается побывать в церкви с утра. Кажется, как раз в это время у прихожан есть возможность туда заглянуть, если они нуждаются в священнике. А если он не в церкви, то сам посещает паству...

— Заботится о своем стаде, как и следует хорошему пастырю, — подхватывает Робин Дюрран, чуть приподнимая бровь.

— Именно так, — отвечает Эстер. — Насколько мне известно, вы из Рединга?

— Да. Мои родители до сих пор там живут, в том же доме, где я рос, то есть мы с братьями. Теперь работа заставила их покинуть наши края. Только я один остался недалеко от родного гнезда.

— О, я уверена, что ваша мать очень этому рада, — говорит Эстер. — Я понимаю, как, должно быть, трудно матери, когда все ее дети в конце концов улетают от нее. В метафорическом смысле, конечно. Расскажите, чем занимаются ваши братья, почему они уехали из дома?

— Э... — Робин Дюрран ерзает в кресле, на его лице появляется какое-то странное выражение. — Мой старший брат Уильям служит в армии. Он сделал на редкость успешную военную карьеру, недавно получил звание полковника.

— Боже мой! Должно быть, он такой храбрый! Но сколько треволений для родных... он бывал на войне?

— Да, бывал. В самом деле, он очень храбрый, как вы сказали. И недавнее повышение ему принес весьма мужественный поступок, совершенный им в Южной Африке, он действительно доблестный воин.

Глаза Эстер расширяются от восхищения.

— Похоже, он настоящий герой, — говорит она.

— Так и есть, и создается впечатление, что он еще и пуленепробиваемый. За время службы его подстреливали трижды — дважды в него летели стрелы и один раз пуля из винтовки, — и каждый раз он, совершенно невозмутимый, отскакивал в сторону! — Робин улыбается. — У нас уже превратилось в семейную шутку пожелание, чтобы на маневрах он не высовывался вперед. Дважды он получал царапины, какие можно получить на обычной охоте.

Эстер чуть заметно кивает, не вполне его понимая.

— Ранен стрелами?! Господи боже, неужели где-то до сих пор живут подобные дикари? — выдыхает она. — У вашего Уильяма, наверное, львиное сердце.

— Мой младший брат Джон всего три года назад окончил Оксфорд, у него диплом с отличием по медицине. Он постоянно живет

в Ньюкасле, где усовершенствовал новый хирургический метод удаления... э-э-э, запомнил. Кажется, селезенки? Совсем забыл. В общем, какого-то органа, — говорит он, беззаботно взмахивая рукой.

— Боже, какая у вас талантливая семья! — с восхищением восклицает Эстер. — А ваш отец такой же выдающийся человек?

— О да. Он тоже служил в армии, больше сорока лет, многие годы был губернатором в Индии, пока пошатнувшееся здоровье не вынудило его вернуться в более умеренный климат. Отец на самом деле великий человек. Он ни разу не позволил никому из сыновей потерпеть поражение, — отвечает Робин Дюрран, и лицо его несколько мрачнеет.

— С подобным человеком, наверное... трудно ужиться? — отваживается спросить Эстер.

Робин глубоко вздыхает, как будто размышляя над вопросом, затем качает головой.

— Вовсе нет! На самом деле он душа. Я просто хотел сказать, что он всегда учил нас верить в себя, выкладываться на полную катушку. С подобным воспитанием ребенку легче добиться успеха, — поясняет он.

Эстер слегка краснеет, смущенная тем, что неверно его поняла.

— Что ж, очевидно, вы преуспели в... теософии. — Она улыбается. — Я знаю, что на Альберта ваша лекция произвела глубокое впечатление...

— Боюсь, избранная мною сфера деятельности не из тех, какие отцу легко понять. И как мне кажется, точно не из тех, где о человеке можно сказать, что он преуспел, — здесь мы имеем дело с братским человеку творением, с единением равных, с принесением в жертву гордости и личной корысти, — совершенно серьезно отвечает мистер Дюрран.

— Да-да, конечно, разумеется. — Эстер кивает. В короткую паузу вклинивается скрип и шелканье садовых ножниц. — О, кажется, я слышу велосипед Берти! — восклицает она с некоторым облегчением.

Альберт широко улыбается, пожимая руку Робину Дюррану, его лицо пылает от волнения, и Эстер даже не помнит, чтобы когда-нибудь видела его таким. Уж точно не в день их свадьбы, когда на его лице была написана испуганная сосредоточенность, как будто он ужасно

боялся сделать или сказать что-нибудь не то. Она рада видеть его таким воодушевленным и с жаром пожимает ему руку, когда он останавливается рядом с нею.

— Вы, конечно же, хотите осмотреть место. Низину на заливном лугу. Я сомневаюсь, правда, что мы с вами увидим кого-то из элементалей сейчас, когда уже так поздно и солнце стоит высоко. Я впервые увидел их на заре, в точности в тот час, который вы в своей лекции называли наилучшим, — говорит Альберт.

— Я действительно охотно осмотрел бы место, — кивает Робин Дюрран. — Но нет нужды идти туда сейчас, если из-за этого придется задержать обед. Что скажете, миссис Кэннинг?

— О, обед не придется задерживать. Ты ведь не станешь возражать, Этти? Это не отнимет у нас много времени, — произносит Альберт раньше, чем Эстер успевает раскрыть рот. Он не сводит глаз с Робина Дюррана, пока говорит, хотя и наклоняет голову к жене, как бы понимая, что так полагается.

— Конечно не стану. Можете делать все, что считаете нужным, джентльмены, — отвечает Эстер. — Я скажу миссис Белл, чтобы подавала обед не в час, а в два. Насколько я знаю, в духовке дожидается отличная баранья лопатка.

— Возможно... я покажусь невежливым, но не могли бы вы также передать кухарке, что я не ем мяса ни в каком виде. — Мистер Дюрран улыбается несколько несмело.

— Не едите мяса? — восклицает Эстер раньше, чем успевает вспомнить о манерах.

— Именно так, не ем. Теософия учит нас, что частица животной природы съеденного скота физиологически входит и сливается с человеком в процессе поглощения его плоти, таким образом огрубляя, утяжеляя разум и тело и сильно затормаживая развитие внутренней интуиции, внутренних сил, — поясняет теософ с обезоруживающей улыбкой.

Эстер на мгновение теряется. Она смотрит на Альберта, который спокойно набрасывает на плечи легкое пальто и хлопает по карманам, убеждаясь, что не забыл носовой платок.

— Что ж, хорошо. Отлично. Конечно, я передам, — бормочет она, почему-то побаиваясь реакции Софи Белл.

Мужчины шумно покидают дом, и, когда дверь за ними захлопывается, Эстер неожиданно остается в полной тишине. Она стоит у окна прихожей, глядя, как они идут по тропинке и сворачивают к лестнице через изгородь. Альберт все время с живостью говорит о чем-то, быстро жестикулируя; Робин Дюрран шагает степенно, высоко подняв голову. Эстер делает глубокий вдох и коротко выдыхает. Как бы ей хотелось, чтобы они позвали ее с собой. Альберт не обернулся у ворот и не помахал, как обычно.

Кэт, стоя у окна гостиной, видит, как уходят мужчины, и на минутку подставляет лицо под солнечные лучи. Она очень хочет согнать с кожи серый оттенок, выжечь его без остатка солнечным светом. Она уже обратила внимание на здешних фермерских жен и детей — какие у них румяные, золотистые лица и веснушки, похожие на крупички тростникового сахара! Вот такой она хочет быть. Когда она рядом с Джорджем, то холод вытекает из нее. Тот самый холод, смертоносная, липкая гниль. Воспоминания, полные страха и боли. Джордж и солнце — вот два источника жизни, которые помогают ей двигаться и днем и ночью. Она отворачивается от окна и продолжает вытирать пыль, медленно возя мягкой тряпкой по рельефам резного кресла. Ей нравится ощущение гладкого дерева под рукой. На столе письмо, которое писала Эстер, когда пришел Робин Дюрран. Письмо, из-за которого жена викария покраснела, отложив перо. Кэт неторопливо подходит и останавливается перед столом, читая письмо.

Она читает о том, что ее хотят проверить по ночам, спит ли она. От этого сердце подскакивает куда-то к горлу и начинает сильно колотиться. Эстер чувствует, как ее заполняет ярость, ей не хватает воздуха. Чтобы ее проверяли, надзирали за нею, держали в заточении! Она тяжело дышит, слишком рассерженная, чтобы ощутить признательность Эстер за заботу о ее здоровье, за беспокойство из-за ее возможной скрытой болезни. Когда она дочитывает последний абзац, недоверчивая улыбка растягивает рот. Она едва не смеется вслух — не потому, что она бессердечная, — просто повстречать в одном предложении викария и спаривающегося жеребца... В следующий миг она слышит шум за дверью и спешно отходит от стола. Тряпка для пыли зажата под мышкой, и она не успевает взять ее в руку, не успевает притвориться, будто все это время невинно вытирала пыль,

когда входит Эстер. На лице жены vicария написано смятение, однако при виде Кэт она неуверенно улыбается. Кэт улыбается в ответ, быстро и сдержанно, и спешно выходит из комнаты.

Конечно, их с Тэсс застукали. Однажды воскресным днем их увидел один из лакеев, когда они раздавали брошюры у штаб-квартиры Либеральной партии. Точнее, пытались раздавать. Мужчины проходили мимо, грубо отпихивая их руки, шагали прямо на них, будто бы они стали невидимками. Один или два кинули на них угрюмые взгляды, бормоча: «Какой позор!» На них было подобие униформы, какую они соорудили сами как могли: с правого плеча спускалась наискосок лента зеленого, белого и пурпурного цвета. Ленточки тех же цветов украшали тульи шляпок. Они не могли себе позволить обязательные белые платья для гольфа, которые стоили семь шиллингов и шесть пенсов, не могли позволить короткие дерзкие юбки, зелено-пурпурные, длиной всего лишь до лодыжки. Они были из рабочего класса, и это было очевидно всем, однако в них так же безошибочно узнавались суфражистки.

Они держались рядом, работая бок о бок, смеялись в ответ на грубость мужчин, отпускали замечания по поводу их фигур и одежды, их надутости и прилизанности. Ни один, конечно, не взял брошюры, но девушки все равно выкрикивали свои лозунги и умудрились впихнуть агитационную литературу нескольким проходившим мимо женщинам. Потом Кэт заметила, что в их сторону движется по улице Барни, запихивая в карман только что купленную пачку сигарет. Она на мгновение замерла, понимая, что он узнал их, увидела, как изменилось выражение его лица. Он, конечно, не остановился, чтобы заговорить с ними, он ни за что не подошел бы к ним на публике. Однако, проходя мимо, он с трудом сдерживал радостную ухмылку от своего открытия. Барни был легко возбудимым, он обожал доставлять неприятности людям, «подтрунивать», как это называл он сам. И Тэсс, и Кэт пришлось отбиваться от его ухаживаний, когда он появился в доме на Бротон-стрит, поэтому он обозвал их «сапфистками» и его похоть сменилась враждебностью.

Весть о том, чем занимаются на улице горничная и вторая помощница кухарки, Барни сообщил экономке, затем она стала известна дворецкому и наконец дошла до Джентльмена. Он вызвал их обеих к себе в кабинет. Тэсс тряслась всем телом, от кудряшек до

стоптанных подметок на туфлях, но Кэт стиснула ей руку и решительно вздернула подбородок. Она знала, что ее так просто не выгнать. Мать объяснила ей это перед смертью.

— Итак, Кэтрин и Тереза, — начал Джентльмен.

Услышав свое имя, Тэсс задрожала еще сильнее, как будто до этого мгновения она почти надеялась уйти незамеченной. Кэт перехватила взгляд Джентльмена, не желая отводить глаз, хотя для этого ей потребовалось все ее мужество. Кабинет представлял собой внушительную комнату, заставленную книгами, — на стенах сплошь темное красное дерево, на полу темно-красные ковры. Слабый осенний свет лился в высокие окна, отчего кабинет смутно напоминал церковь. Тихий, пахнувший пылью воздух был прохладным и неподвижным. Джентльмену было лет шестьдесят, он был высокий, широкий, похожий на шкаф. Линия челюсти была подчеркнута бакенбардами, хотя сами кости давно заплыли жиром, однако его глаза, пусть маленькие, были живыми и добрыми. Конечно, если только он не напивался и не играл. Он не умел ни того ни другого.

— Я слышал, что вы обе сильно увлеклись политикой, — проговорил он, улыбаясь, как будто эта мысль забавляла его.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, сэр, — заявила Кэт.

Тэсс упорно глядела в пол, безмолвная, как статуя, если бы не ее испуганное сопение.

— Брось, Кэтрин, не разыгрывай передо мной дурочку-служанку, тебе это не к лицу, — упрекнул он ее.

Кэт заморгала и чуть поубавила стали во взгляде, поняв, что распекать их не будут.

— Мы не делаем ничего плохого. Вторая половина воскресенья — наше свободное время. Это не преступление — вступить в политический союз или партию, не преступление — агитировать за них.

— Я всегда считал, что воскресенье для того, чтобы вы могли в это время навестить родственников, заняться шитьем или чтением или иным полезным делом, — мягко предположил Джентльмен.

— Половина воскресенья принадлежит только нам, — упрямо возразила Кэт.

— Кэтрин! Господи, ты такая же упрямая, как твоя мать! — Он коротко рассмеялся.

— Благодарю вас, сэр, — ответила Кэт, едва заметно улыбаясь.

Джентльмен снял очки и положил их на бухгалтерскую книгу перед собой. Он откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и как будто на минуту задумался. Девушки стояли, застыв, как часовые.

— Да, ты совершенно права: в том, что вы делаете — раздаете брошюры и тому подобное, — нет никакого преступления. Я полагаю, вы не получаете денег за эту работу? Прекрасно. Но в последнее время стоит раскрыть газету — и непременно наткнешься на заметку о том, что какая-нибудь девушка была арестована за очередную глупость, придуманную этими бунтарками в синих чулках. Они заходят слишком далеко. Они противоречат природе, ведут себя совершенно не по-женски. Однако я не из тех, кто запрещает свободу мысли, даже среди своих слуг. Продолжайте, если уж вам кажется, что так надо. Но чтобы я больше не слышал о том, что вас видели на улице выкрикивающими лозунги и пристающими к горожанам, которые идут на заседание своей партии. Я говорю — хватит! Я не потерплю, чтобы из-за подобного экстремистского поведения мой дом снискал дурную славу. Я понятно сказал?

— Но мы можем бывать на собраниях? — уточнила Кэт.

— Вы можете оставаться членами Социально-политического союза женщин и посещать собрания, да. Можете читать литературу, если вам нужно, однако не оставляйте ее на глазах у других слуг. И чтобы я не слышал, что вы пытаетесь навязать свои новейшие идеи другим девушкам.

— Можно нам носить небольшие значки с цветами Союза?

— Пока вы в стенах этого дома — нет, нельзя, — ответил Джентльмен, и его глаза сверкнули. Переговоры всегда доставляли ему огромное удовольствие.

— Но Эмма же носит крестик. Почему же мы не можем носить значок?

— Эмма очень набожна. Если вы хотите носить распятие, то тоже можете. Но я надеюсь, что вы не сравниваете нашего Господа Иисуса с Эммелин Панкхёрст? — Он улыбнулся.

Кэт старалась сохранить бесстрастное выражение лица, однако уголки губ у нее чуть дрогнули.

— Разумеется, нет. Потому что, если бы Господь был женщиной, нам не пришлось бы так упорно сражаться за основные социальные

права, — сказала она.

— Если бы Господь был женщиной? Если бы Господь был женщиной! — Джентльмен засмеялся. — Кэтрин, какая же ты смешная! Не нужно было учить тебя читать. В самом деле, похоже, капля знания для женщины преопасная штука! — веселился он. Кэт перестала улыбаться, ее взгляд снова стал стальным. Джентльмен на мгновение замолк. — И взгляд у тебя как у матери... А теперь обе возвращайтесь к работе. — Он отпустил их взмахом руки. — Больше я ничего не хочу об этом слышать.

Кэт развернулась, чтобы уйти и потянула за руку Тэсс, выводя ее из оцепенения.

— Погоди-ка, Кэтрин. Вот, почитай-ка это. Может быть, мы еще сделаем из тебя мыслящую социалистку, быть суфражисткой неприлично, — сказал Джентльмен, протягивая ей стопку брошюр Фабианского общества.

Кэт с жадностью их схватила и прочла название на верхней: «Памфлет № 144. Станок: его хозяева и слуги». Джентльмен знал ее страсть к чтению — он сам ее прививал.

— Спасибо, сэр, — сказала она, искренне обрадовавшись.

Он рассеянно похлопал ее по плечу и отвернулся. Как только они снова оказались под лестницей, Тэсс шумно вздохнула, как будто в течение всего разговора не осмеливалась дышать.

— О боже, я уж думала, он нас вышвырнет на улицу! — заплакала она.

— Не говори глупостей, я же обещала, что ничего не будет, — сказала Кэт, беря ее за плечи и слегка встряхивая.

Тэсс утирала с глаз слезы облегчения и улыбалась.

— Не понимаю, откуда в тебе столько храбрости, чтобы разговаривать с ним вот так! Я бы, наверное, умерла от страха!

— Ты не понимаешь? Неужели трудно догадаться? — серьезно проговорила Кэт.

— О чем догадаться, Кэт? Что ты хочешь сказать? — спросила Тэсс с недоумением.

Обернувшись через плечо, Кэт увидела, что миссис Хеддинггли возвышается в темном дверном проеме своей комнаты. Экономка взирала на нее осуждающим взглядом.

— Не важно. Пошли, пора за работу, — сказала она.

После того случая они пару недель не ходили агитировать. А когда пошли снова, то старались держаться подальше от тех магазинов, куда заходит за табаком и спичками Берни.

Эстер застала Кэт наверху подвальной лестницы, застывшую, погруженную в воспоминания. Ее неподвижность беспокоит Эстер, и мгновение она колеблется, не зная, что делать. Наконец Эстер громко кашляет и видит, как девушка вздрагивает.

— А-а, Кэт... Не могли бы вы зайти ко мне в гостиную? — произносит она и идет обратно, а темноволосая девушка следует за ней.

— Мадам? — произносит Кэт и останавливается перед ней, опустив руки.

Эстер хотелось бы, чтобы она либо сцепила их перед собой, либо держала за спиной, однако она не знает, в какие слова облечь подобную просьбу. Просто ей кажется неправильным, что руки просто болтаются по бокам. Эстер будто боится, чтобы руки вдруг не сделали чего-то, что им не положено.

— Кэт... — Эстер улыбается. — Я получаю от миссис Белл некоторые жалобы на вас, потому что вы не всегда проявляете должное уважение... Нет, прошу вас, давайте договорить, — произносит она, когда Кэт, кажется, хочет запротестовать. — Очевидно, вам требуется время, чтобы привыкнуть к здешней жизни, и это вполне естественно после... того, что вам пришлось пережить. Я подробно расспросила миссис Белл о вашей работе, и оказалось, что у нее нет никаких нареканий. Должна сказать, если у Софи Белл нет никаких нареканий, то их ни у кого не может быть!

— Эта женщина меня ненавидит, — сообщает Кэт без всякого выражения.

— Нет! Я уверена, что нет! Если она с вами строга, то только потому, что очень заботится о том, чтобы все было сделано как надо... В любом случае мы с викарием довольны вашей работой и будем довольны еще больше, если вы и дальше останетесь с нами, однако я вынуждена просить вас: выказывайте миссис Белл то уважение, какого она заслуживает. В конце концов, она экономка и проработала в этом доме много лет. Не стоит враждовать с ней, — завершает речь Эстер. Кэт смотрит на нее пристальным взглядом и ничего не отвечает. Эстер

надеется, что в данном случае молчание знак согласия. — Ладно, этот вопрос мы решили. Вот, Кэт, это я приготовила для вас. Небольшой подарок, чтобы вы могли украсить свою комнату. — Она протягивает Кэт рамку с картиной, вышитой крестиком.

Кэт мгновение смотрит молча, но, когда она снова поднимает голову, глаза ее блестят от нахлынувших чувств.

— Спасибо, мадам, — произносит она отрывисто, как будто у нее сдавлено горло.

Эстер улыбается, понимая, что Кэт сейчас удивлена и обескуражена.

— Пожалуйста, детка. А теперь можете вернуться к работе, — говорит она, отпуская ее.

Кэт выходит из комнаты, напряженно вздернув плечи.

В кухне Кэт бросает вышивку на стол и смотрит на нее, гневно прикусив нижнюю губу. Входит мальчик от бакалейщика с коробками, сияясь разглядеть из-за стопки пакетов с мукой, рисом и желатином, куда он идет.

— Нет, разве можно в такое верить? — обращается к нему Кэт, гневно махая на вышивку в рамке.

— В какое, мисс? — спрашивает мальчик. Ему на вид не больше двенадцати лет.

— Вот в такое! — Кэт поднимает подарок и яростно потрясает перед ним.

Мальчик подходит ближе, близоруко щурит глаза и читает с запинкой:

— До... до...

— Достоинство! — гневно отрубает Кэт.

— Достоинство слуги — в сми... рении, — читает мальчик, поднимая на нее глаза, чтобы понять, верно ли он прочел.

— Ты можешь в это поверить? — снова спрашивает Кэт.

Мальчик пожимает плечами в недоумении.

— Я точно не знаю, мисс, — мямлит он и спешно отходит от нее.

— По какому поводу сыр-бор на этот раз? — интересуется миссис Белл, вразвалку входя в кухню и бухая на плиту чайник.

— Ничего такого, что касалось бы вас, миссис Белл, — отвечает Кэт равнодушно.

— Все в этом доме касается меня, девочка моя, — поправляет экономка. Она замечает вышивку на столе, берет и рассматривает. — Это она для тебя вышила? — (Кэт кивает.) — Так из-за чего же ты кипятишься?

— Я... я не согласна с этим утверждением.

Миссис Белл смотрит на нее проницательными глазами:

— Да уж, конечно, как тебе согласиться, с твоим-то характером и собственным мнением по любому поводу. А ты не можешь просто быть благодарна за то, что у тебя добрая хозяйка, которая хочет сделать тебе приятное, вместо того чтобы отколотить тебя палкой. Первый джентльмен, у которого я служила, спускался в кухню и бил горничных, если ему казалось, что чай слишком холодный, или слишком горячий, или слишком долго кипел. Потому я вот что тебе скажу: тебе повезло, что ты попала сюда, и всегда помни об этом! — Ее руки, скрещенные на груди, похожи на окорока.

— Почему для нас должны быть какие-то другие правила, Софи? Разве мы не такие же люди, как и те, что наверху? — спрашивает Кэт.

Она снова берет подарок Эстер и рассматривает его. Эстер вышила в углу голубые васильки и среди них маленькую полосатую кошку с выгнутой спиной. Кэт проводит пальцем по картинке и хмурится.

— О чем ты говоришь, девочка? Разумеется, для них и для нас разные правила!

— Но почему так должно быть? — резко спрашивает Кэт.

— Потому что так было всегда и так всегда будет! Что с тобой произошло, как ты могла забыть свое место в мире? — гроыхает миссис Белл.

— Я не верю, что у меня есть место в мире, — бормочет Кэт.

— Нет, есть. Оно здесь, в этой кухне, где ты помогаешь мне собрать поднос к чаю. — Миссис Белл гневно отворачивается обратно к плите.

Позже Кэт вешает вышивку Эстер на стену в своей комнате, на то место, где висело распятие. Кровь вскипает каждый раз, когда она читает девиз, но маленькая полосатая кошка, спрятавшаяся в васильках, ей нравится. В эту ночь Кэт не находит себе места. Она с трудом дожидается, пока все в доме не затихнет, выскальзывает из

комнаты и спускается по черной лестнице во двор. Миссис Белл пока не храпит. Когда Кэт оглядывается на дом, окна в спальнях еще светятся. Ее еще могут вызвать, чтобы приготовить горячее питье или принести книгу из библиотеки. От этой мысли сердце начинает учащенно биться. Но она не позволит держать себя в заточении, не позволит, чтобы ее контролировали. Пусть жена vicария обнаружит, что ее нет дома, гневно думает она. Пусть ее вышвырнут. Уж лучше оказаться на улице, чем быть узницей. Ночь стоит тихая и теплая. С лугов время от времени доносится гортанное кваканье жабы, жужжание и скрежет насекомых. В воздухе пахнет разогретыми кирпичами, сухой травой и легкой сыростью от выпавшей росы.

Кэт, неслышно ступая, доходит до дальней стены дома, где двор ограничивают несколько хозяйственных построек. Здесь расположены дровяные навесы и сарай садовника, теплицы и чулан для инструментов. В этом чулане vicарий держит свой велосипед. Кэт отыскивает его в темноте на ощупь, чертыхаясь, когда ее ищущие руки натываются на разные предметы, которые двигаются и грохочут, когда лопата, которую она задевает ногой, летит на цементный пол. Она подхватывает ее в последний момент трясущимися руками. До сих пор она каталась на велосипеде всего раз — брала у посыльного мясника в Лондоне. Она ругается про себя из-за негромкого скрипа, который издают колеса, пока она катит велосипед по садовой дорожке и дальше, за ворота. Она не видит ни огонька сигареты у себя за спиной, ни Робина Дюррана, который следит за ней пристальным взглядом, привалившись к передней стене дома и выдувая синие облачка дыма в ласковое небо.

Кэт долго ведет велосипед по дорожке, прежде чем сесть на него, поскольку боится упасть, и она действительно падает — она так ошеломлена движением вперед, что забывает держать руль и скатывается на травянистую обочину. Кэт смахивает песок с поцарапанных ладоней и колена, поднимает велосипед, подтыкает юбку и снова закидывает ногу за раму. Она не спасует перед штуковиной, с которой так запросто управляется хилый vicарий в своих коротких штанах. Постепенно Кэт набирает скорость и понимает, что чем быстрее она катится, тем проще держать равновесие и управлять велосипедом. Она еще несколько раз едва не падает, и потом у нее начинает получаться. Кэт доезжает по заросшей травой

тропке до берега канала. Свет ей не нужен. Светлый пыльный бечевник совершенно прямой, и его прекрасно видно между зарослями темно-зеленых камышей, коровьей петрушки, чертополоха, щавеля и одуванчиков. Кэт жмет на педали настолько быстро, насколько ей хватает смелости; ветер перебирает ее стриженные волосы, заставляет слезиться глаза и холодит кожу. Она невольно улыбается в темноте, взволнованная и беспечная. Она собиралась проехать мимо баржи, где ночует Джордж, чтобы отправиться искать его в Тэтчем, однако в каюте на борту горит свет, и Кэт резко тормозит.

От такой остановки у нее кружится голова, она стоит на дорожке, пытаясь отдышаться. Воды канала недвижные и молчаливые, и при слабом свете звезд она видит, как по ним беззвучно скользят водоплавающие птицы. Перегнувшись с берега, Кэт негромко стучит по борту баржи. На костяшках пальцев остается облетающая краска. Внутри раздается грохот, шарканье ботинок по доскам. Джордж открывает дверь каюты и поднимает лампу, свет бьет по глазам, заставляя Кэт закрыть лицо рукой.

— В глаза же! — говорит она.

От этих слов в груди что-то сжимается, и она заходится в приступе кашля, перегнувшись пополам от острой боли под ребрами. Значит, кашель все еще живет в ней. Он пока никуда не делся.

— Кэт, это ты? Тебе плохо? — Джордж вглядывается в темноту, прикрыв рукой лампу.

— А сколько девушек навещают тебя по ночам, Джордж Хобсон? — спрашивает она насмешливо, когда приступ проходит.

— Только Черная Кошка. — Он улыбается.

— Значит, это я. Ты чем-то занят? Почему не в городе?

— Я не могу ходить в город каждый вечер, Кэт Морли. Не то быстро пропью все, что у меня есть. Даже очень быстро, — говорит он с сожалением. — Почему ты задыхаешься? Ты что, бежала бегом?

— Я ехала на велосипеде, — говорит Кэт. — Взяла велосипед у викария и домчалась сюда мигом, не то что пешком! Я и обратно вернусь мигом, а значит, смогу подольше побыть с тобой.

— Ты взяла велосипед? Вероятно, это значит, что ты спросила разрешения...

— Не говори глупостей. Если он не знает, то и не расстроится. Но что ты делаешь здесь, в такой конуре, целыми вечерами?

— Поднимайся на борт, покажу, — предлагает Джордж.

В приглушенном свете лампы его лицо очерчено тенями. Морщинки вокруг глаз, прорезанные солнцем, складка над бровями, твердая сильная челюсть. Синяки, оставшиеся после последнего боя, посветлели и напоминают едва заметные коричневые следы, словно отпечатки грязных пальцев. Рубашка расстегнута на груди, рукава закатаны. Как много обнаженного тела. Как много живой плоти, жизненной силы. Кэт радуется, вглядываясь в него и ощущая, как сама с каждой секундой становится сильнее. От его улыбки что-то внутри отпускает ее, словно новые зеленые листочки развернулись на хрупком стебле. Она берет Джорджа за руку и перешагивает на палубу, однако нерешительно останавливается у двери в каюту. Пространства за ней действительно немного.

— Я... Мне не нравятся тесные помещения, — говорит она.

— Если хочешь, я не буду закрывать дверь, — отвечает Джордж, нисколько не задетый ее признанием.

Кэт сходит вниз на пару ступенек и садится, обхватив руками колени. У нее над головой по-прежнему расстилается небо, бескрайнее и вселяющее уверенность.

Каюты узкая и низкая. В ней ничего нет, кроме койки у одной стены, нескольких полок и плитки — у другой. На постели вместо матраса лоскутные коврики, а вместо покрывала старое одеяло. На плитке стоит жестяной чайник, но угли под ним давно остыли. Джордж наблюдает, как ее взгляд быстро скользит по его жилищу. Он слегка хмурится, вдруг ощутив сомнение.

— Согласен, живу небогато. Наверное, даже бедно, с точки зрения тех, кто привык бывать в хороших домах.

— Я *работаю* в хорошем доме, — поправляет его Кэт. — Но живу я в каморке на чердаке, где в такую жару нечем дышать, — говорит она.

— Действительно жарко. Я даже огонь не хочу разводить, поэтому не могу угостить тебя ни чаем, ни какао.

— А у тебя всегда есть какао? — спрашивает Кэт, удивленно приподняв бровь.

— Честно говоря, нет, — признается Джордж. — Зато точно есть имбирное пиво.

— Имбирное?^[8]

— С детства его обожаю. — Джордж застенчиво пожимает плечами. — Не откажешься?

— Ладно, давай. Выпью. У меня из-за кашля в горле совсем пересохло.

— Почему ты так кашляешь? А иной раз слышно хрип, когда ты говоришь. Что-то мешает тебе дышать. — Он снимает с полки коричневую бутылку, разливает содержимое по двум жестяным кружкам.

Кэт размышляет, прежде чем ответить. Ей вовсе не нравятся его слова, — оказывается, болезнь, которая поселилась в ней, заметна со стороны.

— Когда я сидела в тюрьме, переболела воспалением легких, — коротко отвечает она. — До сих пор не прошло. Доктор сказал, что это надолго, хотя я лично надеялась выздороветь быстрее.

— Должно быть, там было очень сыро и мрачно, если ты подцепила такую болезнь, — осторожно предполагает Джордж.

— Так и было. Но заболела я не из-за этого. А из-за того, как со мной обращались. Из-за того, что с нами... делали, — говорит она, отхлебывая имбирное пиво и не сводя глаз с темного напитка в кружке.

Джордж заводит толстый шершавый большой палец под ее подбородок и разворачивает к себе, чтобы посмотреть в глаза.

— Я бы с удовольствием потолковал с теми, кто плохо с тобой обращался, — говорит он мрачно. — И не только потолковал бы. Ты же крошка. С теми, кто дерется не в своей весовой категории, у меня разговор короткий.

— Хотела бы я это видеть! Чтобы ты вышел против тех скотов, которые называют себя охранниками. — Кэт улыбается. — Чтобы они отвели своего собственного лекарства.

— Насколько я понимаю, работа у них грубая и жестокая. Неудивительно, что за нее берутся только грубые и жестокие люди. Мой отец как-то тоже попал в тюрьму — для нас, детей, и для матери это было в радость. Он напился до полусмерти, по своему обыкновению, и набросился на полицейских, которые пытались отвести его домой. Они поволокли его за руки, за ноги, мордой вниз на глазах у всех его дружков, и он вскипел! Я был рад, что они подержали его у себя, а то, если бы его привели домой, за его оскорбленное

достоинство пришлось бы расплачиваться нам. — Он качает головой при этом воспоминании.

— Каким ремеслом занимался твой отец?

— Ремеслом? Это неподходящее слово. Он был просто работник, помогал на фермах, перебивался случайным заработком. Работал где мог. Если у кого-то была работа слишком тяжелая или слишком грязная для других, посылали за моим стариком. Обычно его звали рубить щенкам хвосты, когда появлялся новый помет. Он их откусывал.

— Откусывал хвосты? Какой ужас!

— Так считалось лучше — зубами сжимается кожа вокруг ранки. Однако на это способен только дикарь, потому и звали отца, — поясняет Джордж. — Я помню их жалобный визг, всех этих маленьких щенков. У меня от него кровь стыла в жилах, а папаша даже не морщился.

— Но я-то не пьяница. И в тюрьме я делала все, что мне приказывали охранники.

— Все, что приказывали охранники? Всегда?

— Ну... наверное, не всегда, — признается Кэт, снова опуская голову. По правде говоря, она находила бесчисленные способы понемногу нарушать тюремные правила. Это из-за ее поведения тюремщики сосредоточили внимание на Тэсс, хотя та была послушная и ее могли бы вовсе не замечать. Кэт судорожно глотает. — Может, поговорим о чем-нибудь другом?

— Мы можем поговорить, о чем только пожелаешь, Кэт Морли, — мягко произносит Джордж.

Кэт снова окидывает взглядом каюту, прихлебывая имбирное пиво.

— Почему ты не снимешь комнату в городе?

— Я снимал, но потом Чарли Уилер, хозяин и капитан этой баржи и еще трех барж, которые курсируют от Бедвина до Твикенхэма, сказал, что я могу жить на борту, если пожелаю, причем бесплатно. Он сэкономит на стороже, а я сэкономлю на жилье.

— А на что ты откладываешь? — спрашивает Кэт.

Джордж на мгновение задумывается, прежде чем ответить, затем снимает с полки стопку газет и протягивает ей помятый и потрепанный листок.

— Перевозкам по воде приходит конец, Кэт. Некоторые участки канала в плохом состоянии, приходится продирааться среди водорослей и упавших деревьев, шлюзы текут так, что с трудом наполняются. Осталось немного перевозчиков, потому что теперь железные дороги проложены повсеместно и они гораздо быстрее. Чарли Уилер приверженец традиций, он по-прежнему перевозит небольшие грузы для местных, однако скоро и ему придется свернуть лавочку, — говорит Джордж.

Кэт рассматривает листок. На нем зернистая фотография: пароход с толпой девушек в форменных платьях воскресной школы, все улыбаются фотографу из-под полей соломенных шляпок.

— «Незабываемые прогулки по воде», — читает она.

— Угу, так это назвал один человек, с которым я познакомился. Он ходит до Бата и Брэдфорда, а когда-то был таким же перевозчиком, как Чарли Уилер. Теперь он неплохо зарабатывает, лучше, чем раньше, устраивая катания по каналу.

— И ты хочешь перейти к нему? — спрашивает Кэт, и лицо у нее вытягивается. Она моментально понимает, что не вынесет жизни в Коулд-Эшхоулте, если Джордж уедет.

— Нет! Что ты, вовсе нет, я хочу купить собственное судно и заняться тем же самым! Лодку придется брать старую, потому что новая мне не по карману, но я смогу сам отремонтировать ее. Я бросил бы якорь в Хангерфорде, там прогулочных лодок пока нет. И у меня были бы разом и дом и работа, и я бы в кои-то веки был совершенно свободен, — объясняет Джордж спокойным и решительным тоном.

— Вот здорово! Быть свободным! — Кэт смотрит куда-то вдаль, захваченная этой мыслью. Она с трудом себе представляет, что значит жить в свое удовольствие, но от одной этой мысли по спине бегают мурашки от восторга. Затем она вздыхает. — Я вряд ли когда-нибудь буду свободной.

— Любой человек может быть свободным. Все дело в том, чтобы отыскать способ.

— Сколько тебе еще придется копить, чтобы купить лодку?

— Немного. Наверное, месяца четыре. Даже меньше, если удастся провести еще несколько боев... Ну и разумеется, выиграть.

— Конечно, ты выиграешь! Никто не сможет тебя побить — я видела, как ты дерешься. Ты просто как Гектор, как Ахиллес.

— Как кто? — хмурится Джордж.

— Были такие герои.

— Да ну? Ты-то откуда знаешь?

— Мой отец научил меня читать, когда я была еще маленькой. Он давал мне книжки, какие обычно ребенку из бедной семьи просто негде взять. По-моему, это его забавляло, — угрюмо поясняет Кэт.

— С чего бы это?

— Он знал, что меня в жизни ждет. Ровно то, что было суждено по рождению. Так зачем было утруждать себя, чтобы расширять мой кругозор, учить меня? Я постоянно задаюсь этим вопросом.

— Может быть, он просто хотел, чтобы у тебя была хорошая опора для начала. Может, он думал, что ты сможешь изменить свое положение с теми знаниями, которые он тебе дал?

— Он с легкостью мог бы изменить мое положение, однако он сделал меня прислугой. Это был жестокий дар. И бессмысленный. — Она мотает головой.

— Но все же дар, и, наверное, сделал он его с добрыми намерениями. Мой отец не дал мне ничего, кроме колотушек.

— Вероятно, он сделал тебе подарок, не сознавая того, — он научил тебя драться, и теперь, с этим умением, ты заработаешь денег и станешь сам себе хозяин. — Кэт протягивает руку, проводит по буграм мышц на руке Джорджа, заводит ладонь ему за шею.

— Большинство девчонок убежали бы от меня, увидев, как я дерусь, узнав, чем я занимаюсь. В конце концов, это против правил, против приличий, — говорит Джордж негромко, придвинувшись к ней. Она поднимает голову, и они соприкасаются лбами.

— Что мне до каких-то приличий? Они всего лишь маска, под которой люди могут быть жестокими и бесчестными, — произносит вполголоса Кэт.

Она целует его, и на одно испуганное мгновение он замирает, неуверенный, а потом обхватывает ее обеими руками, без труда пересаживает со ступенек на свое колено и прижимает к себе. Кэт позволяет ему это, ощущая, как жар затопляет их обоих, чувствуя вкус его губ, слыша, как быстро бьется сердце и стучит в ушах. Она заводит руку за спину, чтобы захлопнуть дверь каюты, а Джордж увлекает ее на узкую кровать, и ее уже не волнует, что каюта маленькая, а потолок низкий. Она этого не замечает.

В воскресенье по окончании службы Эстер стоит рядом с Альбертом у церкви, вежливо раскланиваясь с прихожанами. Солнце ослепительно сияет в чистом голубом небе, и лучи его настолько ярки, что видна каждая травинка в церковном дворе, каждая крапинка слюды в гранитных надгробиях. Лучи играют в буйных волосах Робина Дюррана, высветив золотистые и рыжевато-каштановые пряди, которых Эстер до сих пор не замечала. Ее внимание отвлекает рука, прикоснувшаяся к плечу.

— Это и есть ваш гость? — спрашивает Клер Хиггинс, понизив голос, чтобы не услышал викарий.

Солнечные лучи сыграли злую шутку с лицом Клер, высветив волоски над верхней губой и черные угри на ее в общем-то хорошеньком носике. Эстер вдруг пугается: сколько же у той изъянов сейчас выставлено напоказ.

— Да, мистер Робин Дюрран, теософ. Они с Альбертом занимаются изучением духовной стороны жизни наших лугов, — шепчет в ответ Эстер.

Клер окидывает Робина взглядом с ног до головы. Выражение ее лица томно-оценивающее, отчего Эстер ощущает легкое беспокойство.

— Он женат? — спрашивает Клер, не сводя глаз с теософа и медленно разглаживая концы шелковых зеленых лент, которыми завязана ее шляпка.

— Нет, дорогая, но ты замужем, — замечает Эстер.

Она осуждающе поднимает брови, глядя на подругу, и они обе смеются.

— Представь меня ему, — шипит Клер, когда Робин вальяжной походкой приближается к ним.

— Леди, нельзя ли мне проводить вас до деревни? — Он улыбается им, изящно сцепив руки за спиной.

— Мистер Дюрран, позвольте представить вам миссис Клер Хиггинс, мою добрую подругу.

— Миссис Хиггинс, рад познакомиться, — говорит Робин, бодро пожимая ей руку.

— Я искренне надеюсь, что вас не смутили любопытные взгляды, которые на вас бросали во время службы, мистер Дюрран, — говорит

Клер. — Боюсь, здесь у нас, в Коулд-Эшхоулте, редко бывают столь примечательные гости. И уж конечно, не спиритуалисты.

Они втроем отходят от церкви и неспешно идут по посыпанной гравием дорожке к воротам.

— Что ж, боюсь, мне придется вас разочаровать, миссис Хиггинс, потому что я и не примечателен, и не спиритуалист.

— Неужели? Разве теософ отличается от спиритуалиста? — спрашивает Клер.

— Отличается, миссис Хиггинс. Очень отличается.

— Между прочим, мы тут на днях устраивали спиритический сеанс. Только не рассказывайте викарию, не то у Эстер будут неприятности! — заговорщическим тоном сообщает Клер.

— Клер! — возмущается Эстер, однако Робин улыбается ей так сердечно, что она успокаивается.

— Не бойтесь, я надежно храню тайны, — говорит он. Клер сияет, многозначительно пожимая руку Эстер. — Но позволите ли вы предостеречь вас в этом отношении? — продолжает Робин. — Боюсь, большинство *медиумов*, как они себя именуют, всего-навсего шарлатаны.

— О-о-о! Только не миссис Данторп! — возражает Клер. — Она способна заглянуть за грань материального мира, чтобы узреть мир духовный... Мы ведь обе это на себе испытали, не так ли, Эстер? Я совершенно уверена, что у нее в самом деле есть способности.

— Полагаю, она беседует с покойниками? — серьезно уточняет Робин.

— Э-э-э... Да, беседует, — отвечает Эстер, уже не очень в этом уверенная. — Хотя на самом деле я ни разу так и не увидела тех духов, с которыми она говорит и которых слышит...

— Боюсь, вы, как и множество других хороших людей, обмануты этой женщиной. — Робин качает головой. — Духов мертвых не существует — в том смысле, в каком утверждают ярмарочные медиумы. — Он пренебрежительно машет рукой. — Со смертью тела индивидуальное сознание человека вновь воссоединяется со вселенской душой и ожидает в блаженстве своего последующего рождения. Усопший теряет собственную личность, потому призраков, хранящих знания о своих прежних жизнях, попросту не существует, — поясняет он.

— О боже! Неужели? Но она всегда казалась такой искренней в своих действиях, а ее способности... — бормочет Клер, совершенно обескураженная.

— Я нисколько не сомневаюсь в ее искренности, миссис Хиггинс. И не нужно стыдиться того, что вы попались на эту удочку. Попадались тысячи людей до вас! И я вовсе не утверждаю, будто эту леди не посещают озарения или же у нее нет способностей. Но дело в том, что, даже если способности имеются, она никогда не училась, а потому ошибается, — добродушно поясняет Робин.

— Что ж, наверное, нам больше не стоит туда ходить? — Клер с беспокойством смотрит на Эстер.

— Боже мой, боюсь, я огорчил вас и испортил вам все веселье! — Робин останавливается и поворачивается к Клер и Эстер, молитвенно сложив руки. — Умоляю, простите меня. Я не сделаю дальше ни шагу, пока вы меня не простите, даже если это означает, что я останусь без обеда!

Он действительно стоит на месте, скорбный и умоляющий, пока Клер не начинает хихикать, и Эстер чувствует, как ее губы расплзаются в улыбке.

— Значит, вы меня прощаете? Вижу, вижу по вашим лицам. — Он широко улыбается.

— Пойдемте, мистер Дюрран. Я не допущу, чтобы вы остались без обеда, — уверяет его Клер.

— Что ж, по крайней мере теперь я могу не беспокоиться кое о чем, — произносит Эстер.

— И о чем же? — спрашивает Робин.

— Дело в том, что во время нашего... нашей последней встречи с миссис Данторп она получила серьезное предостережение от одного из духов. То есть решила, что получила его.

— О-о-о!.. А ведь верно, Этти! — восклицает Клер.

— Судя по ее словам, дух сказал, что в один из наших домов явилось зло, которое принесет всем нам большие беды. После некоторых споров было решено, что предостережение адресовано мне, — легкомысленным тоном отвечает Эстер, хотя прекрасно помнит, как ее пробирала холодная дрожь, помнит темную фигуру под деревом, наблюдавшую за ней.

— Вам? Неужели? Не бойтесь, дорогая моя, — говорит Робин. — Я совершенно уверен, что миссис Данторп слышала эхо собственного неумного воображения. Я поставил бы на это последний шиллинг.

— Мистер Дюрран! — доносится сзади голос Альберта. Они останавливаются и оборачиваются — викарий мчится за ними неровной, неуклюжей рысью, и полы его рясы хлопают по коленям. — Мистер Дюрран, я хотел спросить, не могу ли я представить вас кое-кому? — спрашивает он, задыхаясь.

— Разумеется, преподобный отец. Леди, надеюсь, вы меня извините? — Робин грациозно склоняет голову.

Альберт коротко кивает жене и ее подруге, после чего ведет теософа прочь, слегка касаясь рукой спины гостя.

— Он душка, — бормочет вполголоса Клер. — Знаешь, что я думаю? Я думаю, твой муж немного приревновал, когда увидел, как ты прогуливаешься и беседуешь с этим молодым человеком! — Она слегка подталкивает Эстер локтем.

— Да что ты! — смеется Эстер. — Нет, конечно. Неужели тебе действительно пришло это в голову? — отваживается она на вопрос.

— Конечно! Он очаровательный молодой человек... И такой красивый. Я видела-видела, как он тебе улыбался... Может быть, у викария есть повод для ревности, а? — спрашивает она игриво.

— Клер, ну хватит! — увещевает ее Эстер, однако не может удержаться от улыбки.

— И вот что еще я тебе скажу: я тоже ревную. Какой у тебя чудесный гость! В нашей «Парковой ферме» таких не бывает. Это несправедливо, — вздыхает Клер, подхватывая Эстер под руку, когда они снова трогаются с места.

Эстер не отвечает, слегка пристыженная, — оказывается, это так приятно, когда тебе завидуют.

Глава пятая

Кэт слышит у ворот скрип телеги молочника и выходит с молочными кувшинами ему навстречу. Еще нет семи утра, небо чистое и бесцветное, словно стекло. Барретт Андерс, молочник, человек худощавый и молчаливый. От его комбинезона разит коровником, зато руки у него розовые и чисто вымытые. Рот теряется под свисающими усами, такими же седыми, как и волосы.

— Пожалуйста, как обычно, Барретт, — просит Кэт, подавив зевок.

В первый час после пробуждения, очнувшись от не принесшего отдохновения сна, она плохо соображает и ее знобит. Кэт ставит на землю тяжелые кувшины, пока молочник отмеряет две пинты пахты, пинту снятого молока и пинту сливок, погружая в бидоны жестяную черпалку с длинной ручкой. Лошадь, крепкий коб^[9] с массивным крупом, задирает хвост, шумно выпускает газы и оставляет на дорожке кучу навоза. Кэт закатывает глаза.

— Вот спасибо большое, мне еще и за лошадью убирать, — ворчит она.

Губы Барретта кривятся под усами.

— Хозяйка будет довольна, эт' точно. Эт' бесплатное удобрение для ее роз, — произносит он неспешно.

— Очень любезно с твоей стороны, старая ты кляча, — благодарит Кэт лошадь.

Когда Барретт снова садится на козлы и медленно катится по дороге между изгородями в деревню, Кэт на мгновение замирает с кувшином в руках. Ей нравится тишина и спокойствие, влажная свежесть в воздухе. Как хорошо, как не похоже на тяжкую и удушливую дневную жару. Над головой проносятся с криками стайка стрижей: крылья назад, тела вытянуты в полете. На запад, туда, где небо гораздо более синее. Кэт смотрит вслед птицам, страстно мечтая отправиться за ними.

В этот миг она слышит, как за спиной отворяется дверь, звучат приглушенные голоса. Она оборачивается и видит викария и теософа, которые выходят из дома, с биноклями и сумками. Викарий

вышагивает красиво, при каждом шаге опуская на гравийную дорожку трость из полированного ореха и продолжая проникновенную беседу. На мистере Дюрране щеголеватое полотняное пальто, одна рука непринужденно опущена в карман, в другой он несет фотокамеру в квадратном футляре из мягкой свиной кожи, коричневого цвета и с позолотой. Когда они проходят мимо нее, Кэт успевает расслышать слова викария, сказанные вполголоса.

— ...и я верю, что именно по этой причине всегда чувствовал такую глубокую любовь к деревне и к дикой природе, находя в них утешение, потому что рядом со мной, хотя я об этом даже не подозревал, находились все эти элементарии — создания, стоящие выше и ближе к Богу, чем все человечество, вместо взятое, — изрекает он.

Викарий настолько увлечен своими мыслями, настолько восхищен собой, что не замечает горничной, которая стоит, залитая утренним светом, рядом с молочными кувшинами.

— Возможно, что все обстоит именно так, Альберт. Вы прежде всего должны обладать хотя бы небольшими способностями, чтобы просто заметить их, с этого все мы начинали. Скажите, когда вы увидели их в первый раз, вы находились в состоянии, близком к трансу? — спрашивает теософ.

Кэт хмуро смотрит им в спину, когда они проходят мимо в тридцати футах от нее. Минуты покоя испорчены. У ворот, у выхода на улицу, теософ оборачивается незаметно для викария и улыбается Кэт — чересчур понимающей, чересчур фамильярной улыбкой, которая ей совсем не нравится. Она отворачивается и поднимает очередной кувшин, чтобы отнести его в кухню.

Кэт знает, что они ушли по меньшей мере на час. Теософ быстро приспособился к привычке викария вставать ни свет ни заря и до завтрака бродить по лугам. Впрочем, теперь это не просто прогулки. «Призывания» — так называл их теософ, когда она как-то вечером подавала ему очередной омлет с сыром. Кэт терзает любопытство или что-то похожее на него, и она неслышно поднимается по лестнице, проходит по коридору до гостевой комнаты, куда поселили мистера Дюррана. Она беззвучно закрывает за собой дверь на тот случай, если Эстер проснулась и может услышать, отдергивает занавески и стоит, упершись руками в бока и осматриваясь. В комнате полный

беспорядок. Каждое утро она прибирается и каждый вечер стелет постель и задергивает занавески; и за этот короткий промежуток времени теософ умудряется устроить такой разгром, какого не увидишь даже в детской. Одежда и обувь на полу, на кресле, на оттоманке; тарелка с корочками сыра и веточками от винограда стоит на шелковом стеганом покрывале, на котором видны жирные отпечатки пальцев; высокая стопка книг у кровати развалилась; простыни, сбившиеся в комок, съехали на пол. Одна подушка полностью вылезла из наволочки.

— Господи, у него, что ли, падучая? — бормочет Кэт, поднимает одежду, встряхивает и аккуратно вешает на плечики в гардероб. Она заправляет постель и находит ботинкам пары, грязные выставляет за дверь, чтобы отнести вниз и начистить. Она снова складывает книги в стопку, и в этот момент из них выпархивает конверт.

Кэт поднимает его, и адрес привлекает ее внимание. «Мистеру Р. Дюррану. Отель „Куинз“, Ньюбери». Неужели, прежде чем приехать к викарию, теософ жил в гостинице? Нисколько не колеблясь, Кэт открывает конверт и вытаскивает письмо, осторожно держа кончиками пальцев. Бумага гладкая и дорогая, чернила непроницаемо-черные, письмо написано всего двумя неделями раньше.

Дорогой Робин!

Боюсь, ты не обрадуешься содержанию моего письма, но мы с твоей матерью после долгих обсуждений согласились, что именно будет для тебя лучше. Конечно же, мы любим тебя, твоя мать любит даже чересчур: она души в тебе не чает и не отказывает тебе ни в чем. Иногда я задаюсь вопросом: сознаешь ли ты это и не склонен ли использовать эту любовь для своей личной выгоды? Для тебя это было бы вполне естественно, поскольку мы, кажется, что-то упустили в твоём воспитании. Однако пришло время тебе становиться на ноги. Твоя теософия, Робин, не доведет тебя до добра. Я не предлагаю тебе бросить ее; ради бога, продолжай ею заниматься, если хочешь, но лишь ради удовольствия. Для карьеры это занятие не годится. Тебе пора взяться за что-нибудь перспективное, что-то такое, что поможет создать тебе имя и сколотить состояние. Бери пример с братьев: медицина, армия. Они нашли для себя благодатную нишу. Я вовсе не предлагаю тебе заняться медициной, — в конце концов, ты не

обладаешь научным складом ума, как Джон. Но заклинаю подумать еще раз об армии. Мы твердо уверены, что дисциплина и порядок помогут тебе найти место в жизни. Даже если ты начнешь снова утверждать, будто армия — это не твой путь, я буду настаивать, чтобы ты нашел хоть какой-нибудь путь — любой достойный путь. И потому, хотя об этом мне больно писать, я вынужден отклонить твою последнюю просьбу о деньгах. Я не могу — и совесть моя чиста — и дальше посылать тебе деньги, зная, что это позволит тебе тянуть с решением вопроса о твоих занятиях. Я знаю, что ты способен на многое, как и твои братья, и я буду помогать тебе до конца. Знаю, что ты не разочаруешь нас и у нас еще будут причины тобой гордиться. Уверен, с тобой все в порядке.

С наилучшими пожеланиями,

У. Э. Дюрран

Дочитав письмо, Кэт аккуратно убирает его в конверт. Кладет между двумя книгами и старательно их поправляет, чтобы конверт не торчал наружу. Она вспоминает новое льняное пальто Робина Дюррана, дорогой кожаный футляр его фотоаппарата. Ставит на место его ботинки из хорошей кожи и улыбается.

С наступлением темноты Кэт отправляется на свидание с Джорджем к мосту на окраине Тэтчема. На фоне построек у причала он выглядит всего лишь темным силуэтом, и его выдает только движение руки и оранжевый огонек сигареты. При ее приближении он улыбается, и она различает светлую полоску зубов, а когда зажигает для нее спичку, то на лице его написаны одновременно страсть и смущение. И что-то в душе Кэт тянется к нему, что-то неумолимо подталкивает ее: он как магнит, и все железо в ее крови стремится к нему.

— Что, в город пойдём? — спрашивает Кэт, останавливаясь рядом, достаточно близко, чтобы ощутить тепло его тела, уловить слабый запах опилок и лошадей, исходящий от одежды.

Он тянется к ней и берет за руку.

— Мне бы так хотелось увидеть тебя при свете солнца, — говорит он. — Вечно мы в темноте. Роман двух привидений.

— Роман? Так вот что у нас? — спрашивает она насмешливо. — Тогда при свете дня я растаю, как облако.

— Я почти верю в это, Черная Кошка. Почти верю! — отвечает он серьезно.

— Я могу встретиться с тобой в воскресенье после обеда. Или же ты приходи на праздник в Коулд-Эшхоулт в День коронации. Можем встретиться там, — предлагает она. Однако Джордж качает головой:

— Завтра утром я уйду с грузом. Меня не будет несколько дней.

— А-а-а... — отзывается Кэт, и сердце у нее падает. — В таком случае не будем терять эту ночь.

— Не будем. — Джордж улыбается. — Пошли. Я хочу показать тебе кое-что.

Он ведет ее за собой, но не в город, а прочь от канала, в лабиринт пустынных складов и ветхих мастерских, которые теснятся вокруг небольшой площади — заброшенного центра некогда оживленной торговли на канале.

— Куда мы идем? — спрашивает Кэт.

— Уже пришли. Давай поднимайся, — говорит Джордж, указывая на узкую металлическую лестницу, привинченную к стене самого большого строения.

— А что наверху? Туда можно?

— С каких это пор тебя волнует, можно что-то или нельзя, Кэт? — спрашивает он.

Кэт пожимает одним плечом и начинает подниматься.

— Ты прав, — бросает она.

Лестница длинная, перекладыны, рассчитанные на мужчин, отстоят слишком далеко друг от друга. Оказавшись наконец наверху и ступив на выложенную керамической плиткой крышу, она тяжело дышит. Кэт сгибается пополам, воздух колет грудь тысячей стеклянных осколков. Она успевает вдохнуть разок, прежде чем начинается приступ кашля, сотрясающего тело. Боль мучительна, режет грудь как ножом. Джордж ничем не может помочь, пока приступ не пройдет. Он хочет поддержать ее, однако прикосновение к ребрам невыносимо, и она слабо отталкивает его. Когда приступ проходит, Кэт остается сидеть на крыше, притянув к себе колени и уткнувшись в них лицом. Горло саднит, зато железные прутья, стянувшие грудь, слабеют с каждым осторожным вдохом.

— Тебе лучше? — с тревогой спрашивает Джордж. Он берет ее за руку, гладит большим пальцем косточки ее пальцев.

Кэт кивает.

— Этот кашель действительно выбивает меня из колеи, когда начинается так неожиданно, — извиняется она. — Но думаю, все не очень страшно, как может показаться. Доктор сказал, таким образом тело избавляется от того, что ему мешает. — Она поднимает голову, видит в мягком свете звезд озабоченные морщинки на лице Джорджа и ощущает укол совести. Многие женщины покинули Холлоуэй в куда худшем состоянии, чем она. Некоторые, возможно, и вовсе не смогли выйти из тюрьмы — ей не у кого спросить. Она вдруг с пугающей ясностью видит Тэсс, скорчившуюся в углу камеры, словно сломанная кукла. — Не смотри так испуганно, это случилось по крайней мере не на лестнице, — говорит она, и голос ее слегка дрожит.

— Не надо было заставлять тебя лезть сюда. Я забыл... Прости меня, Кэт.

— Нет, не извиняйся. Если с каждым приступом из меня выходит немного болезни, ты, наоборот, помог мне. Так что же мы будем делать на крыше?

— Погляди вокруг. Мне здесь очень нравится. После жаркого дня плитки держат тепло часами, можно просто лежать, греться и смотреть на мир вокруг. Смотри! — говорит Джордж, и Кэт слушается его.

Рядом с ними были верхушки каштанов, а внизу сплошь глубокие тени и очертания крыш. На востоке огни Тэтчема разливали по небу бледно-желтое свечение, а еще дальше, едва видимые на горизонте, слабо переливались огни Ньюбери. Небо у них над головами было сиреневое и чернильно-синее, усеянное холодными белыми звездами.

Кэт делает глубокий, осторожный вдох, чувствует запах разогретого гудрона от дороги, просмоленных досок складов.

— Какая мирная картина, правда? Ни ссор, ни лжи, ни драк. Никаких мерзостей. Все это осталось внизу, как навоз. Будто мы оказались далеко-далеко в море. Ведь так? — негромко спрашивает Кэт.

— Никогда не бывал в море. — Джордж обнимает ее за плечи, тянет руку, чтобы погладить по голове.

— Я тоже. Но я читала об этом.

— Вокруг на много миль ни души. Если не считать старика Клементя, который ночует под мостом, — говорит Джордж мягко.

— Значит, я полностью в твоей власти.

Кэт улыбается. Их приглушенные голоса кажутся громкими в тишине ночи. На дереве рядом с ними шуршат и хлопают птичьи крылья — они потревожили устроившихся на ночевку пернатых, — легчайший ветерок холодит кожу.

— Нет, Кэт, это я — в твоей, — отвечает Джордж.

Их поцелуи нетерпеливы, поспешны. Кэт стягивает с Джорджа рубашку, покрывает поцелуями его торс, ощущая на губах соль. Сначала Джордж нерешителен, он прикасается к ней с осторожностью, но в глазах у него разгорается огонек желания, и Кэт говорит:

— Я не калека, Джордж Хобсон.

Он запускает пальцы в ее подстриженные волосы, притягивает к себе, целует ей шею и одним легким движением сажает на себя верхом, тесно прижимая, чтобы заниматься любовью в тихом ночном воздухе, от которого руки покрываются гусиной кожей.

Праздничный день, когда отмечают годовщину коронации Георга Пятого, начинается с безоблачного утра, и к полудню над землей стоит жаркое марево. Листья на берегах слегка сворачиваются, как будто обожженные, показывают серебристую изнанку; музыканты духового оркестра с покрасневшими лицами играют, потея в своих нарядных мундирах. На лугу перед церковью выстроился ряд навесов и шатров, боковые стенки у них закатаны и подвязаны, чтобы воздух хоть немного двигался. Яркие полотняные знамена натянуты по всему периметру деревенского луга и вдоль улочки, ведущей к церкви, а Клер Хиггинс, которая отвечает за цветочные украшения, в тревоге мечется от композиции к композиции, потому что растения вянут на жару.

— Клер, дорогая, очень жаль, но ты ничего не можешь сделать. Зайди выпей лимонаду, пока ты не упала от усталости, — зовет ее Эстер.

— Если мне удастся пристроить душистый горошек в тень дерева, наверное, он протянет еще часок... — отвечает Клер звенящим голосом, не позволяя отвлечь себя от дела.

— Возьми хотя бы зонтик от солнца! — кричит ей вслед Эстер и уходит под белый тент, прячась от обжигающих солнечных лучей. — Кэт, как там чай? — Эстер улыбается.

Кэт обливается потом в чайном шатре, где кипятит на небольшой плитке чайник за чайником, чтобы наполнить большой бак. Платье на спине стало мокрым от пота, волосы прилипли к лицу, но чепец снимать нельзя. На шее осталась отметина: Джордж поцеловал ее слишком крепко и появился синяк. Волосы уже отросли, и Кэт торопливо расправляет их за ухом, чтобы его прикрыть.

— Готов, мадам. Но все просят лимонад. Для чая слишком жарко, — отвечает Кэт без всякого выражения.

— Глупости! Чай в жаркий день освежает гораздо лучше. Я и сама не прочь выпить чашечку.

Целый день Кэт заваривает и подает чай жителям Коулд-Эшхоулта. Эстер и другие женщины подкладывают печенье и кексы в красивые многоярусные вазы, ставят на столы миски с клубникой со сливками. Дети расхватывают замороженный шербет и лижут быстро-быстро, потому что шербет через секунду начинает таять и капли его стекают по рукам до самых локтей. Он сладкий, и осы злобно гоняются за детьми по всему лугу. Робин Дюрран переходит от стола к столу, заложив руки за спину, словно чиновник, явившийся с проверкой. Викарий и небольшая группа мужчин и женщин следуют за ним. Кэт наблюдает за теософом с недоумением, не понимая, как за столь короткое время он сумел завоевать такое положение.

— Так это и есть новая горничная Кэннинггов? Кэтрин, не так ли? — вопрошает миссис Эвери, проходя мимо чайного стола со своими приятельницами. Она сдвигает очки к переносице острого носа и глазееет сквозь стекла на Кэт сверху вниз.

— Обычно меня называют Кэт, мадам, — отвечает девушка, которой не нравится тон миссис Эвери.

— Я не с *тобой* разговариваю, детка. А она дерзкая, не так ли? Только недавно из Лондона, и, насколько я понимаю, о причинах лучше не упоминать, — замечает миссис Эвери своей подруге.

Кэт охватывает злость. Она поднимает перед собой чайник, растягивает рот в дежурной улыбке и говорит с сильным лондонским акцентом:

— Чаю, мэм? Чашечку первосортного «Имперского»?

— Нет, благодарю, — бросает миссис Эвери и отчаливает прочь, презрительно сморщив нос.

— Высокомерная старая корова! — бормочет Кэт себе под нос.

— Улыбнитесь, леди! Посмотрите сюда! — произносит мужчина в коричневом полотняном костюме и шляпе-котелке. У него на штативе стоит фотоаппарат, нацеленный на чайный шатер.

— О-о-о! Это же из газеты! — говорит Эстер.

Кэт подходит к выходу из своего шатра, продолжая сжимать посеребренный чайник, который она совала под нос миссис Эвери. Она видит, как жена викария и прочие деревенские леди расправляют плечи и берут зонтики. Камера издает громкий щелчок.

— Еще разок, с вашего позволения! — кричит фотограф. — Стойте точно как стояли, больше улыбок!

Кэт смотрит в объектив камеры, сверкающий под ярким солнцем. Она смотрит прямо в него, стараясь как-нибудь испортить фотографию. Леди впереди, сплошь в белом кружеве и оборках, под легкими муслиновыми вуалями, жеманно улыбаются для фотографии. Кэт радуется, зная, что на заднем плане на фотографии будет она, маленькая, черная, сердитая. Она борется с желанием высунуть язык.

Кэт злится не только из-за жары и тоскливой работы. Еще из-за того, что у нее нет ни минутки свободной, чтобы самой насладиться праздником; а потом, когда все закончится, все будет убрано и вычищено, ей еще предстоит каким-то образом переделать все дела в доме викария. На этой неделе в номере «Голосуй за женщин» были прекрасные фотографии с коронационной процессии женщин, которая состоялась в Лондоне неделю назад, семнадцатого июня. Лошади везли платформы, украшенные цветными лентами, великолепными фестонами и гирляндами цветов. Собрались суфражистки со всего Лондона, на них были чудесные костюмы Свободы и Справедливости, а также национальные наряды Британской империи. Как бы Кэт хотелось быть с ними. Идти рядом с белыми пони с гирляндами алых английских роз или нести жезлы с орлами. Как бы ей хотелось быть частью чего-то столь же славного, прекрасного и, самое главное, осмысленного. Она наблюдает из шатра, как деревенские мужчины приступают к игре в перетягивание каната, в то время как женщины сплетничают и объедаются пирогами. В следующий миг перед ней возникает человек, который только что всех фотографировал.

— Добрый день, мисс. Нельзя ли мне получить чашку чая? — спрашивает он, сгружая фотоаппарат на стол и вытаскивая носовой платок, чтобы вытереть лицо.

— Сколько угодно. Для вас я заварю свежий, не из бака. Вам тоже приходится весь день работать на жаре, — говорит Кэт.

— В аду не такая жара, правда? — улыбается низкорослый фотограф. У него острое личико, мальчишеское, но огрубевшее и лоснящееся от пота, с рыжеватыми бакенбардами и такой же рыжеватой бородкой.

— Здесь у бака уж точно.

— А у меня по-прежнему останется шанс получить свежий чай, если я признаюсь, что сегодня уже закончил работу? — спрашивает он.

Кэт картинно наливает ему чай, и репортер снова улыбается.

— Для какой газеты фотографии? — спрашивает она.

— «Тэтчемский вестник». Я надеялся собрать какие-нибудь сплетни для светской хроники, пока болтался здесь, но все были ужасно вежливы и патриотичны. Иными словами, скучны. — Он принимает из ее рук чашку чая и опускается в деревянное кресло.

— А вы не познакомились с новым любимчиком Коулд-Эшхоулта? С теософом? — спрашивает Кэт.

— Видел его мельком. Он очень хотел, чтобы я сделал его портрет.

— Ничего удивительного.

— Они с викарием вместе работают над какой-то академической статьей или чем-то подобным. На самом деле я почти ничего не узнал. Должен сказать, звучит не слишком увлекательно. Но трудно ожидать от викария, что он подкинёт горячую новость. — Он отхлебывает чая, поднимает глаза на Кэт и видит, что она задумалась. — А почему вы спросили, мисс? Вам что-то известно?

Она кидает на него быстрый взгляд и снова задумывается.

— Мне не поздоровится, если они узнают, что я проболталась. К тому же репортеру, — начинает она осторожно.

— Но я даже не знаю, кто вы, и обещаю не выяснять, — говорит репортер, истово прижимая руку к сердцу.

— Ладно, — произносит она наконец. — Немного расскажу вам о Робине Дюрране.

В конце недели, когда приносят газету, Кэт забирает ее и ныряет в узкую дверь, на лестничную площадку. Она усаживается на ступеньку на полпути к кухне и пролистывает газету, пока не находит фотографию. Она улыбается, увидев на ней себя в тени шатра, за спиной у Эстер и прочих, застывших на переднем плане, залитых светом. В нижнем левом углу страницы помещена скверная, зернистая фотография викария, который молодцевато улыбается в объектив, а рядом стоит Робин Дюрран. Подбородок у викария вздернут, грудь колесом. Кэт недоумевает: с чего бы ему так раздуться от гордости? Она переходит к светской хронике, где сплошь деревенские сплетни, собранные неким автором под псевдонимом Проныра. Кэт пробегает текст глазами, пока не натывается на имя, которое ищет.

«Мистер Робин Дюрран, к явному восторгу некоторых леди в нашей деревне, посетил праздник в Коулд-Эшхоулте. Мистер Дюрран, родом из Рединга, уверяет, что способен видеть фей, гоблинов и прочих представителей волшебного народца и приехал к нам поохотиться на них в заливных лугах, в чем ему помогает наш достойнейший викарий, преподобный Альберт Кэннинг. Охотятся они три недели, но, увы, пока безуспешно. Каким именно способом мистер Дюрран собирается поймать фею, а также что он будет с нею делать, Проныре доподлинно неизвестно. По некоторым сведениям, отец мистера Дюррана, почтенный мистер Уилберфорс Эдгар Дюрран, в прошлом губернатор одной из провинций в Индии, без восторга относится к необычным увлечениям сына. Возможно, мистер Дюрран пытается преуспеть в охоте на эльфов в надежде найти горшочек с золотом, чтобы порадовать отца».

— Кэт, детка, где ты? Иди сюда, неси посуду для завтрака! — Голос миссис Белл эхом разносится на лестнице.

Кэт складывает газету и, неслышно ступая, входит в кухню.

— Чему это ты так улыбаешься? — с подозрением спрашивает экономка.

Кэт поднимает бровь, однако ничего не отвечает. Миссис Белл хмыкает.

— Ладно, если сделала что-то нехорошее, молись, чтобы я не узнала, — говорит она.

Кэт уносит наверх тарелки для завтрака, кладет газету на буфет и ждет.

Перед обедом она смахивает пыль со всех картин в коридоре и на лестнице. Туго скрутив кончик тряпки, вытирает все завитки и впадины затейливых резных рам. Тяжелые, написанные маслом портреты всех Кэннингов, предков викария, — их приукрашенные изображения навеки остались на холстах. «Вот так богачи покупают себе бессмертие», — думает Кэт, изучая каждый портрет, заглядывая в мертвые глаза. Кто-то открывает новые земли, что-то изобретает, сочиняет роман или пьесу. Для тех же, кто для этого недостаточно умен, недостаточно смел или талантлив, всегда есть портрет, а в наши дни — фотография. Чтобы знать наверняка: их имена будут жить, их лица не обратятся в прах. «Как обращусь в прах я, — размышляет она. — Когда-нибудь». Бедняки слишком заняты работой, заняты выживанием, чтобы беспокоиться об увековечивании себя после смерти. Они тысячами исчезают каждый день, незримые для грядущих поколений. «Никто вообще не узнает, что я жила на свете». Кэт старается не думать об этом, потому что эта мысль продиктована просто тщеславием, однако она все равно неутешительная.

Неожиданно по коридору из гостиной в библиотеку проходит Альберт, и Кэт ахает. Викарий странным образом отсутствует в доме, не телом, но духом. Он переходит из комнаты в комнату так тихо, с таким рассеянным видом, что Кэт зачастую не знает, где он. Это приводит в замешательство — по крайней мере, прислугу. Прислуга всегда знает по звукам в доме, где хозяйева. Прислуге это нужно знать, чтобы вовремя разминуться с хозяевами, переходя с места на место, наводя порядок, но оставаясь при этом незаметными. Тогда можно устроить себе минутный отдых, прислониться на секунду к теплому камину, бросить взгляд на свое отражение в зеркале с золоченой рамой, поглядеть из окна на широкий мир снаружи, — мир, с которым у слуг нет точек соприкосновения. Кэт снова и снова отвлекается от чистки камина или от пыльных книжных полок, обнаружив, что викарий сидит у нее за спиной, читает или пишет в своем дневнике, совершенно не сознавая ее присутствия. Он как кот, который засыпает в самых неподходящих местах, где на него можно наступить. Кэт не по себе, когда она знает, что он рядом.

Она слышит, как в дальнем конце коридора дверь библиотеки открывается, скрипнув, и закрывается со стуком. Кэт замирает.

— Вы видели это? — Голос Робина Дюррана звучит громко и резко, нарушая тишину.

Кэт слышит шлепок газеты, которую с силой бросили на стол.

— Робин! — Голос викария звенит от удовольствия. — Наша фотография? Да, видел. По-моему, вышло очень даже неплохо...

— Я говорю не о фотографии, я говорю о сплетнях, которые напечатал обо мне этот... этот Проньра! — отрубает Робин.

Его голос полон негодования. Кэт представляет, как от гнева у теософа кривится рот. Она прикусывает губу, чтобы подавить смех, делает несколько шажков в сторону библиотеки и смотрит в щель между двустворчатыми дверями. Робин нависает над Альбертом, у него на скулах играют сердитые желваки, а викарий читает короткую заметку. «Значит, попало в точку», — думает Кэт.

— Послушайте, Робин, этот Проньра — репортер самого низшего пошиба, всем это известно, и никто не обращает внимания на его писанину. Пусть вас это не волнует... — успокаивающе говорит Альберт и несмело прокашливается.

— *Воображаемый народец* — так он их называет. Воображаемый! Неужели он держит меня за непроходимого дурака? Как он смеет считать, будто знает о подобных вещах больше меня? Как он смеет?

— Послушайте, Робин, не стоит принимать это так близко к сердцу... Никто не придаст значения такой статейке, — говорит Альберт, и теперь в его голосе слышна тревога.

— И эта шуточка о горшке золота для моего отца... Что он имел в виду? Неужели он побывал в Рединге и приставал с расспросами к моему отцу? Возможно, расспрашивал тамошних слуг о том, что мой отец думает о теософии? — вопрошает Робин.

Кэт, затаив дыхание, ждет, что вот-вот он сложит два и два и догадается, откуда ветер. Грохот сердца отдается у нее в ушах.

Викарий бормочет что-то, его слов Кэт не слышно, но его голос звучит печально и кротко:

— Они понятия не имеют, о чем говорят, эти узколобые идиоты, которые при виде меня прячут в усы усмешку... Ни черта не понимают! Они понятия не имеют, кто я и кем я стану!

— Робин, прошу... В самом деле, не стоит так огорчаться...

— Нет, еще как стоит! Сколько лет меня окружают неверующие, сомневающиеся, которым лишь бы посмеяться над тем, чего они не понимают. Надоело! Я еще увижу их раскаяние, когда имя мое прогремит по всему миру! Когда меня признает сама Блаватская! Они подавятся собственными словами!

— Все так и будет, Робин, — неуверенно говорит Альберт.

В узкую щелку Кэт видит его огорченное лицо, видит, как он встает, поворачиваясь вслед за мечущимся по комнате теософом, словно цветок за солнцем. Когда Робин оказывается с ним рядом, викарий протягивает руку, как будто желая положить ее другу на плечо, однако теософ разворачивается и сердито шагает к окну. Следует долгая пауза, викарий огорченно молчит, а теософ, сердито стиснув кулаки, смотрит в окно. В тишине Кэт не смеет тронуться с места. Она не уверена, что сумеет уйти беззвучно.

— Мы так медленно идем к успеху. Слишком медленно, — резко говорит Робин. — Я здесь почти месяц, а мы не увидели ничего. Я чувствовал их присутствие, да... Однако они не пошли на контакт. Это паршивое фотоателье, куда вы меня отправили, раз за разом отдает пустые засвеченные пленки. Так дело не пойдет, Альберт.

— Да, конечно, мне очень жаль... Но что же делать? — спрашивает Альберт, и Кэт становится почти жалко его — такой умоляющий у него голос. — Как же быть?

— Теософ должен стараться жить жизнью чистой, нравственной, одарять тех, кто находится рядом с ним, всем, чем только может. Добротой, щедростью, пониманием. — Робин втолковывает ему, словно ребенку. — В основе всего — чистота. Но главное, человек обязан прилагать все усилия, чтобы донести учение о Божественной истине до как можно большего числа людей. И вот к этому последнему я намерен стремиться упорнее всего.

— Но как? — спрашивает Альберт.

Когда они заговорили, Кэт немного отошла от двери. Ей по-прежнему было их слышно, но в случае необходимости она могла в любую минуту убежать.

— Я собираюсь предъявить миру неопровержимые доказательства того, что в теософии заключена истина, — заявляет Робин. — Предъявить фотографию. Я покажу человечеству, что мир элементарей существует на самом деле, я приведу весь мир к осознанию

необходимости принять теософию и, сделав это, заставлю умолкнуть всех дураков, скорых на суждения!

— Я, конечно же, помогу вам. Сделаю все что угодно. Я много тружусь, постоянно тружусь. Надеюсь в будущем стать мудрее, опытнее... — произносит Альберт с жаром.

— Но вы же сдерживаете меня! — обрывает его Робин. Следует испуганная пауза. — Альберт... мне кажется, что вы — единственная причина, по которой я до сих пор не увидел элементалей. Вы же не адепт, ваши внутренние вибрации в диссонансе с ними! Пока вы не обладаете умением настраиваться на их энергетическую частоту, ваше присутствие для них невыносимо!

— Но... но... Я же первый увидел элементалей, Робин... Я увидел их первым!

— Они выбрали вас, чтобы показаться, — это правда... Я уже говорил, что вы потенциально способный человек. Но у нас нет времени ждать, пока вы не добьетесь необходимого уровня точности. Сейчас мне нужно продолжать без вас, дружище, — говорит теософ. Следует долгое напряженное молчание, и, когда Робин заговаривает снова, голос его звучит тише. — Вам не приходила мысль, что в то утро они, возможно, проникли в ваш разум и увидели там меня — в ваших воспоминаниях о моей лекции? Вы не задумывались о том, что, обнаружив себя перед вами, они на самом деле звали меня? — спрашивает Робин, и гнев из его голоса испаряется, уступая место чему-то сухому и холодному, как зола.

Викарий долго молчит.

— Так вы не хотите, чтобы я помогал? — спрашивает он наконец, и Кэт хмурится. Голос у него как у ребенка, сраженного горем.

— Нет. Не во время призывания на лугу.

— Может быть, как с диким животным, необходимо снискать доверие, прежде чем станет возможным общение... — рискует предположить Альберт.

— Если я надеюсь запечатлеть стихийный дух на фотографии, мне потребуется мобилизовать все мои внутренние способности, и я не могу допустить, чтобы кто-то нарушал равновесие... Однако продолжайте свои занятия, Альберт. Спрашивайте меня обо всем, что вас интересует, и я научу вас всему, что знаю сам, — говорит Робин, теперь уже мягче. — Вы же только в начале долгого пути к

просветлению, но уже сделали первые шаги, первые и самые важные! Не теряйте мужества. Уже скоро, когда у меня будут доказательства, вы станете участником величайшего переворота в мышлении целого поколения!

— Значит, вы уверены, что преуспеете? Там, где не преуспел никто? — спрашивает Альберт.

— Я преуспею, — уверенно отвечает Альберт, и в его голосе звенит сталь.

Внезапно ощутив тревогу, Кэт скользит по коридору в сторону кухни, куда они точно не последуют за нею.

Утром в пятницу жара наступает, как только солнце поднимается над горизонтом. Эстер сидит за своим туалетным столиком, занимаясь прической и чувствуя, какие влажные волосы у корней. Альберт давно ушел. Глядя на его взбитую, нетронутую подушку, можно предположить, что он вообще не входил в спальню. Эстер спала беспокойно, простыни сбились, так что трудно сказать наверняка. Она смотрит на подушку Альберта, такую белую в лучах солнца, что режет глаза, и размышляет о словах теософа, великом множестве слов, сказанных им с момента приезда в основном Альберту. Слова, словно капли дождя, скатываются с его губ. И Альберт впитывает их, подобно иссохшей земле. Она видит это по его лицу — он слегка хмурится, он рассеян, взгляд направлен куда-то вдаль. В последнее время ей кажется, что Альберт не бывает один, без Робина Дюррана. Теософ постоянно с ним рядом. Или же это Альберт постоянно рядом с Робинем? Эстер вздыхает.

Накладывая кольдкрем на уголки глаз, она принимается мысленно сочинять письмо Амелии. «Я не возражала бы так сильно, если бы знала хотя бы примерно, сколько еще он пробудет у нас... — набрасывает она. — Жалованье священника скромно до чрезвычайности. Настолько скромно, что я не могу позволить себе установить телефон, хотя мне очень хочется. Но мы содержим этого молодого человека столько времени, а сколько ему еще потребуется для завершения работы?» Как бы ей хотелось услышать голос сестры. Однако, даже если бы они располагали средствами, Альберт, скорее всего, все равно запретил бы телефон — его недоверие к современным изобретениям крепнет день ото дня. «Мне кажется, если бы он мог, то

запретил бы автомобили, отменил поезда и скатал железнодорожное полотно! Слава небесам, он хотя бы признает пользу электрического освещения». Теперь ее слова звучат так, будто она критикует Альберта и их гостя, и, внезапно ощутив себя ворчливой женой и никудышной хозяйкой, Эстер останавливается. Спальня неожиданно кажется слишком тихой, слишком спокойной. Эстер охватывает отчаянное желание поговорить хоть с кем-нибудь.

Внизу, в гостиной, она обнаруживает Альберта, который с унылым видом сидит над газетой. Теософа в кои-то веки нет рядом. Эстер наклоняется, чтобы поцеловать Альберта в щеку.

— Доброе утро, любимый. Как дела? — спрашивает она.

— Все хорошо, Этти. Просто отлично, — рассеянно отвечает Альберт.

Улыбка сходит с лица Эстер.

— Я не подозревала, что ты меня ждешь. Прости, что не спускалась так долго. Думала, ты давно ушел с мистером Дюрраном, — говорит она.

— Ничего страшного. Зато я смог почитать газету, прежде чем заняться более важными дневными делами.

— Почему ты не пошел сегодня утром с мистером Дюрраном?

— Да так. Мы хотим проверить одну его теорию. Да, именно теорию. Но я сейчас прочитал в газете весьма неприятную новость.

— Правда? Надеюсь, ничего страшного?

— Накануне вечером полиция арестовала несколько человек за игру. Сегодня они предстанут за это перед судьей. Они делали ставки, причем на петушиных боях! Всего в двух милях от Тэтчема, можешь себе представить? Из всех кровавых и грубых способов испытать удачу они выбрали этот: стравливать друг с другом две несчастные глупые птицы!

— Боже, какая жестокость! Какая дикость! — восклицает Эстер.

— Один из арестованных Дерек Хичкок с фермы «Последняя миля». Житель Коулд-Эшхоулта, мой прихожанин, — сообщает Альберт, и его голос полон тревоги, лицо темнеет.

— Дорогой, но ты же не можешь ежесекундно удерживать на праведном пути каждую душу! Не будь к себе слишком строг. Человеку свойственно ошибаться, это в его природе. Ты проделываешь достойную восхищения работу, неся людям слово Божие...

— Но это всего лишь малая толика грязи, окружающей нас, Эстер! Она повсюду, в сердцах всех мужчин и всех женщин! Вот только на днях я без предупреждения зашел к Смитам, всего лишь хотел спросить, почему их старшая дочка давно не показывается в церкви, — а оказывается, она ждет ребенка, Этти! Она беременна, хотя ей всего семнадцать и она не замужем. — Альберт качает головой, поднимая на жену глаза, полные отчаяния.

Эстер присаживается на подлокотник его кресла и крепко сжимает его руки:

— Альберт, многие юные девушки сбиваются с пути, поддавшись сладким обещаниям своих ухажеров... Конечно, это печально, для девочки это просто трагедия, но она еще может исправиться, может вернуть благосклонность Господа, если покается. Да и большинство людей вокруг добрые, хорошие, честные. Дорогой Альберт, что вызвало в тебе такое огорчение? — Эстер нежно обхватывает ладонями его лицо.

Альберт чуть отстраняется, как будто не хочет встречаться с ней взглядом, однако Эстер не отпускает его.

— Причина в том, что сказал мне сегодня утром Робин, — неохотно признается он.

— И что же он сказал? — спрашивает Эстер несколько резче, чем собиралась. Альберт с тревогой смотрит на нее, и она улыбается. — Что же он сказал, милый?

— Он попросил меня больше не ходить с ним на луг по утрам. Он предполагает, что ему удастся сделать фотографии, если меня не будет рядом. На тот случай, если мои ненастроенные и нечистые вибрации отпугивают элементалей. — Голос Альберта полон горя.

— Твои нечистые вибрации? Но это же глупость! Нет никого чище тебя душой, Альберт...

— Он, скорее, имеет в виду, что я необразован. В теософском смысле. Мне не удается настроить свое внутреннее «я» так, чтобы... быть в гармонии с ними. Возможно, по этой причине ему до сих пор не удалось запечатлеть их на пленке, а мне не удалось увидеть их еще раз. Из-за того, что мне не хватает знаний.

— Но... Берти, это же ты увидел их первый! Как же ты можешь теперь отпугивать их? — спрашивает Эстер.

— На самом деле они позволили мне лишь мельком увидеть их. Наверное, я действительно, не сознавая того, вошел в состояние транса, которое теперь не могу повторить... — Альберт рассуждает как будто сам с собой. — Наверное, так и было. Скорее всего, после того как я увидел их, мое сознание сделалось слишком беспокойным, я чересчур одержим эгоистичным желанием увидеть их снова, узнать ближе. Должно быть, я для них подобен грубому бряканью цимбал, настолько велико мое желание! Да, теперь я понимаю, я был так глуп и недостоин!

— Альберт, прекрати сейчас же! Ты никогда не был глупым, сколько лет я тебя знаю — с самого детства, Берти! И уж точно никогда не был недостойным. Всегда только добрым, хорошим и щедрым. И если эта теософия заставляет тебя думать иначе, тогда это попросту ложное учение и тебе, наверное, лучше бросить его раз и навсегда! — кричит Эстер.

— Этти! — взрывается Альберт, внезапно охваченный гневом. — Не смей так говорить!

Эстер отшатывается, уязвленная.

— Надеюсь, я не помешал, — произносит Робин Дюрран, появляясь в дверях, как будто он стоял там все время: одна рука в кармане, другая сжимает фотокамеру «Френа».

Эстер, от неожиданности пугаясь, соскакивает с подлокотника кресла и отворачивается. Кожа на груди под воротником идет мурашками, ей не хватает воздуха.

— А, Робин! Нет-нет, конечно нет, — говорит Альберт, и щеки у него пылают.

В напряженной тишине слышно дыхание Эстер.

— Доброе утро, мистер Дюрран. Надеюсь, вы хорошо спали? — произносит она наконец сдавленным голосом, более высоким, чем обычно.

Робин Дюрран улыбается ей своей привычной томной улыбкой: губы растягиваются медленно, от середины к краям. Мгновение его взгляд как будто пронизывает ее насквозь. Она чувствует, как лицо заливают жарким румянцем, ей хочется отвести глаза, закрыть лицо руками, как ребенку. Но нельзя. Кровь громко пульсирует в висках, приливает к щекам, и она знает, что он видит ее румянец. Еще секунду

он удерживает ее своим взглядом, затем моргает, непринужденно обводит глазами комнату.

— Хорошо, благодарю вас. Здесь мне всегда отлично спится — деревенская тишина благостна для тела и разума. Вы так не считаете?

— Да-да, конечно, — выдавливает Эстер. Она кашляет, прочищая горло, и переплетает пальцы. — Мне всегда казалось, что деревня умиротворяет, — прибавляет она, однако Робин Дюрран смотрит на викария, и здесь его медленная улыбка производит совершенно иное действие.

Альберт, кажется, затаил дыхание, он сам растягивает рот в неуверенной улыбке.

— Так что же? — спрашивает он, и Робин Дюрран улыбается шире.

— Да, Альберт. Да! Я их видел! — говорит он.

Альберт хлопает в ладоши, не в силах выразить радость словами, прижимает сложенные ладони ко рту, словно в молитве, все его прежние тревоги улечиваются. Какое-то пугающее предчувствие стискивает внутренности Эстер, подобно злобному червю, однако она даже под страхом смерти не может ни дать ему название, ни понять, что теперь делать.

Глава шестая

В понедельник, в разгар солнечного утра, Кэт стирает белье Эстер в деревянном корыте, полном мыльной воды. Она вышла во двор, где можно брызгаться как угодно, ощущая при этом на лице лучи солнца. Эти предметы одежды считаются слишком деликатными, чтобы отправлять их к прачке, и стирать их дело хлопотное. Кэт выдергивает китовый ус из половинок корсета и промывает пластины по одной, затем берет мягкую щетку, чтобы, осторожно проводя по атласной ткани сверху вниз, согнать с нее все пятна и запах пота. Половинки корсета необходимо выполоскать у колонки, вставить обратно пластины китового уса, возвращая изначальный вид, и разложить сушиться на солнце, чтобы придать белизну. Каждые полчаса, пока части корсета сохнут, ей приходится проверять их, подправлять, подтягивать, чтобы сохранить правильную форму.

Панталоны на этот раз в пятнах. На ластовице и штанинах темные следы запекшейся крови, которые становятся коричневыми в воде и источают запах ржавого железа. Кэт морщит нос, оттирая их, выжимая, споласкивая, повторяя все заново; руки у нее болят и распухают от воды. Она рада, что Джордж не видит ее за этой работой.

— Ты еще не закончила? — удивляется миссис Белл, высовываясь из двери буфетной.

Кэт сердито показывает ей пятна.

— Двенадцатилетняя девчонка сумела бы подоткнуться лучше, чем жена викария! — восклицает она.

— Придержи язык! — Шокированная, Миссис Белл озирается по сторонам.

— От души желаю, чтобы викарий исполнил свой супружеский долг и не пришлось бы отстирывать кровь хотя бы девять месяцев. Или ему по сану не полагается?

— Ну, эту пару трудно себе представить... — Миссис Белл невольно хихикает. — Только вот что... Проявляй хоть какое-то уважение, — спешно напоминает она Кэт.

— Между прочим, я ни разу не слышала, чтобы они этим занимались. А вы? — Кэт проказливо улыбается.

— Как тебе не стыдно! Я не подслушиваю! — отвечает миссис Белл, но теперь и у нее в глазах горит веселый огонек.

— Подозреваю, что подслушивать пришлось бы очень старательно. Скорее, будет похоже на сопение двух кроликов, чем на рев быка, — замечает Кэт, и миссис Белл хохочет, не в силах сдержаться.

— Кэт, ты просто бесенок! — взвизгивает она и тут же, спешно закашлявшись, умолкает, когда через боковые ворота во двор входит Эстер и направляется в их сторону.

Эстер провела утро, обучая чумазных и худых детей в Блюкоут-скул, маленькой благотворительной школе, устроенной для бедняков их прихода. Школьное здание когда-то было часовней. Маленькое старинное строение из камня, с высокой покатой крышей и низкими узкими дверными проемами, очень тесное и даже какое-то жалкое, как кажется Эстер, стоит на окраине Тэтчема, у дороги на Лондон. Однако в учебные дни школа оживает от голосов двадцати маленьких девочек, которые болтают и смеются, их слова рассыпаются по комнате, долетают до сучковатых балок под крышей. Когда входит Эстер, болтушки быстро рассаживаются за парты, умолкают и смотрят на нее большими глазами, блестящими, как стеклянные бусины. Эстер любит этот момент. Она стоит, скрестив руки на груди и чувствуя, как колотится сердце.

Эстер учит девочек готовить и шить, составлять композиции из сушеных растений, а еще хорошим манерам и грамматике. Она старается обучить их всему, что, как ей кажется, может пригодиться в жизни. И хотя почти все они из самых бедных семей, все рано выйдут замуж и нарожают детей, будут гробить здоровье в поле или пойдут прислуживать в одно из больших окрестных поместий, Эстер все равно приятно сознавать, что выученное стихотворение никогда не будет лишним и принесет утешение даже самой огрубевшей душе. Обычно она возвращается с уроков с новыми силами, в приподнятом настроении и с легким сердцем. Но только не в этот раз. Какое-то смутное беспокойство преследует ее, как будто она положила не на свое место важную вещь. Возвращаясь назад, она мысленно прокручивает в голове события последних недель, безуспешно пытаюсь понять, где именно она потеряла что-то чрезвычайно важное.

Необычный звук заставляет Эстер поднять глаза, и до ее сознания доходит, что Софи Белл, стоя рядом с Кэт у корыта, хохочет. Эстер замирает, понимая, что первый раз в жизни слышит, чтобы ее экономка смеялась в голос. Она улыбается, направляясь к своим служанкам, однако при виде хозяйки они тут же замолкают. Кэт продолжает стирать, а Софи Белл отводит взгляд так виновато, что у Эстер остается отчетливое ощущение, будто причиной смеха была она сама. Ужаснее всего, что на глаза у нее невольно наворачиваются слезы, она быстро моргает и улыбается, стараясь скрыть их.

— Доброе утро. Кажется, у вас все хорошо? — спрашивает она. Кэт и миссис Белл кивают и согласно бормочут. — На обратном пути из школы я зашла к миссис Тригг, миссис Белл. Она интересовалась, как вы поживаете.

— О, и как она? Ей стало лучше? — спрашивает Софи.

— Боюсь, что нет. Она по-прежнему лежит. И очень радуется посетителям, — говорит Эстер.

Миссис Белл отрывисто кивает, отчего ее подбородки колышутся.

— Я обязательно зайду к ней в ближайшее время, мадам, — говорит она.

Эстер переводит взгляд на корыто и видит пятна, которые отстирывает Кэт, мыльную пену, грязными кольцами засыхающую у ее локтей. Может быть, они смеялись из-за этого? И снова Эстер чувствует, как щиплет глаза, она отворачивается к дому.

Именно в этот миг из дома доносится грохот, скрежет и тяжелый удар. Три женщины быстро переглядываются. Эстер проходит мимо Софи Белл, которой требуется время, чтобы развернуться, и первой входит в заднюю дверь. В коридоре, ведущем в кухню, есть еще одна дверь, в холодную кладовую. Это небольшое помещение, в котором три стены наружные. Чтобы в него попасть, нужно спуститься по трем ступенькам; пол в нем каменный, полки из сланца, даже в жару они довольно долго сохраняют прохладу. Свет проникает в единственное крошечное окошко размером примерно в шесть квадратных дюймов, расположенное в стене, напротив двери, под самым потолком. В окне нет стекла, только сетка, которая защищает от насекомых и грызунов. Оно похоже на небольшую пещеру, к чему и стремился строитель. Любое мясо и сыр, молоко, сливки и фрукты — все скоропортящиеся продукты — благополучно хранятся на сланцевых полках, а с потолка

на жутковатых крюках свисают окорока. Робин Дюрран стоит, привалившись к наружной стене холодной кладовки, когда Эстер проносится мимо него.

Причина грохота становится ясна сразу же. В белой луже на полу коридора валяются осколки большой фаянсовой миски.

— Что случилось? Это же тесто для пудинга! — восклицает миссис Белл, которая приковыляла вслед за хозяйкой.

Эстер бросает взгляд на Робина Дюррана, который в кои-то веки кажется серьезным, затем оглядывает небольшое помещение и видит Альберта, который набирает в охапку продукты.

— Альберт, что здесь происходит? — спрашивает она.

— Всю эту ерунду надо вынести, Этти. Робину нужна кладовка, — бодро сообщает ей Альберт.

— Но... но это же холодная кладовая, мистер Дюрран. Разве она может быть вам полезна? — спрашивает Эстер.

— Еще как может, дорогая миссис Кэннинг. Дело в том, что я решил сам проявлять фотографии. Сегодня утром пришло все необходимое оборудование... В местных лабораториях не умеют справляться с такой тонкой работой; кроме того, они слишком долго печатают фотографии, — поясняет Робин. Он отталкивается от стены и сцепляет руки за спиной, даже не пытаясь помочь Альберту в его трудах. — Я приношу глубочайшие извинения за тесто, миссис Белл, — с невозмутимой улыбкой обращается теософ к разгневанной экономке.

— Но... Я не понимаю, — говорит Эстер. — Здесь у нас хранятся продукты... При чем тут ваши фотографии? — спрашивает она.

— Прошу прощения, дорогая, — говорит Альберт, протискиваясь мимо них к кухне, нагруженный сырами и беконом.

— Мне нужна темная комната, миссис Кэннинг. Комната, куда не проникает свет и где я мог бы благополучно проявить фотографии. Это помещение с единственным крохотным окошком и толстой дверью идеально подходит.

— Это просто невозможно, ваше преподобие! В такую-то погоду! Все испортится за час, если вынести из холодного помещения! Может быть, мы смогли бы обойтись без кладовой зимой или даже весной... но теперь? Нет-нет, так не годится... — протестует миссис Белл.

— Тем не менее, миссис Белл, это замечательное помещение нам нужно. Мистеру Дюррану требуются определенные условия, — говорит викарий ровным голосом, и лицо его непреклонно.

— А не может ли он определить, каким образом я буду обходиться без кладовки? — грубит экономка, к явному удовольствию Робина Дюррана.

— Все, хватит об этом, миссис Белл, — вмешивается Эстер, стараясь говорить как можно мягче.

Экономка с угрюмым лицом скрывается в кухне. Эстер чувствует, как участился ее пульс, слышит странный шум в ушах.

— Альберт... — говорит она, стараясь привлечь внимание мужа, когда тот возвращается из кухни и принимается составлять стопку из мисок с фруктами и овощами. — Альберт! — Она понижает голос, чтобы ее слышал только он: — Наверняка можно было найти другое место для оборудования мистера Дюррана! Так не годится, во-первых, оно под лестницей, и миссис Белл нельзя упрекнуть в том, что она воспротивилась вторжению в ее владения. А во-вторых, в такую жару это просто безумие выносить еду из холодной кладовой! Очень жаль, что ты не посоветовался со мной, прежде чем... Я сразу сказала бы тебе, что это место неподходящее...

— Подходящее, Этти. Робин обегал весь дом, и это единственное помещение, в котором можно устроить темную комнату, — настаивает Альберт.

— Ну... А как насчет дворовых построек? В старом деревянном сарае вообще нет окон, там наверняка можно было поставить какие-то столы для работы?

— Старый деревянный сарай? Там же сплошная пыль и пауки, Эстер! Не смей меня! Разве можно, чтобы Робин занимался таким тонким и важным делом, как проявка фотографий с элементами, когда на него сыплется штукатурка и опилки? Нет, тебе придется примириться с этим неудобством!

— Но... Тебе вообще не следовало сюда спускаться! — шепчет Эстер горестно. «Два таких неприятных события за последние пять минут — хохот Софи Белл и Альберт под лестницей, в женском царстве», — думает она.

— Прощу прощения, — снова говорит Альберт, проходя мимо нее с грузом фруктов и овощей.

Эстер разворачивается, чтобы поглядеть ему вслед, и перехватывает взгляд теософа, который по-прежнему без дела топчется в коридоре. Она не в силах выдержать его взгляда и опускает глаза, чтобы скрыть гнев.

— Мне очень жаль, что я доставляю вам неудобства, — говорит Робин, в его голосе нет и намека на раскаяние.

Эстер стискивает зубы и выдавливает из себя мимолетную улыбку, прежде чем пойти вслед за мужем. Она не находит в себе сил принять его извинения.

— Я нисколько не сомневаюсь, что вы справитесь, миссис Белл. Вы женщина с большими потенциальными возможностями, — с неудовольствием сообщает Альберт экономке, когда Эстер нагоняет его.

— Ну хоть молоко, ваше преподобие. Что плохого, если я оставлю молоко, оно ведь не займет много места...

— Это не обсуждается. Риск загрязнения слишком велик. Вот так. Приношу свои извинения за доставленные неудобства, миссис Белл, но в данный момент нужды нашего гостя важнее всего. Наша работа имеет первостепенное значение. И я буду признателен, если вы сами вынесете оставшиеся припасы и мы больше не услышим ваших жалоб, — говорит викарий и уходит наверх по лестнице.

— Мадам, вы не могли бы с ним поговорить? Оно же прокиснет! — взывает Софи Белл к Эстер, когда Альберт удаляется на достаточное расстояние.

Эстер, которой не хватает воздуха, может только беспомощно помотать головой.

— Простите, Софи. Прошу вас... Просто сделайте все, что возможно, — говорит она.

Эстер оборачивается в сторону коридора, однако Робин Дюрран уже вышел во двор, оставив после себя наполовину опустошенную кладовую и расплзшееся по полу тесто, на которое слетаются мухи. Спустя несколько секунд появляется Кэт, она вытирает руки о фартук, и на ее лице написано негодование.

— Как вам это нравится: теософ отправил меня сюда убирать за ним! — бросает она и еле заметно вздрагивает, заметив, что Эстер по-прежнему в кухне. — Прошу прощения, мадам, — бормочет она.

— Ничего страшного, все в порядке, Кэт. Прошу вас, займитесь, — слабым голосом произносит Эстер и стремительно выходит из кухни, спасаясь от гнева обеих женщин.

На верхней площадке лестницы Эстер останавливается, совершенно растерянная: куда идти и что делать дальше? Кажется, будто в доме что-то изменилось, будто кто-то пришел, пока ее не было, и немного передвинул мебель, отчего все оказалось не на своих местах. «Наша работа имеет первостепенное значение». Слова Альберта эхом отдаются в голове. Может быть, это и есть та важная вещь, которую она упустила? Неужели все началось в тот день, когда Альберт ворвался в дом и сообщил ей, что видел элементалей? Тогда она с трудом поверила, что он говорит серьезно. Чувствуя себя выбитой из колеи, почти испуганной, Эстер входит в гостиную и в полном одиночестве присаживается на краешек стула.

Миссис Белл ждет, пока не затихнут шаги Эстер, а затем оборачивается к Кэт, лицо ее все еще искажено от гнева.

— Что здесь творится? — спрашивает Кэт.

— Нашему молодому гостю потребовалась *темная комната*. Чтобы делать фотографии, кажется; хотя какие фотографии могут получиться в комнате без света, лично я понятия не имею. И моя холодная кладовая как раз подходящее для этого место! Ни одна другая комната во всем доме ему не годится, нужна именно эта! Продукты придется вынести, чтобы он мог заниматься в кладовке всем, чем пожелает. К концу дня у нас останется прогоркшее масло и прокисшее молоко!

— Ладно, успокойтесь. Темная комната нужна, чтобы проявлять фотографии, а не снимать их, — говорит Кэт.

— Проявлять? Что это значит?

— Пластины очень чувствительны к свету до проявки, то есть до того, как на них появятся картинки. Пока не закончится химический процесс, нельзя, чтобы на них попадал свет, даже самый слабый, иначе все будет безнадежно испорчено, — объясняет Кэт.

— Скажи, ради всего святого, откуда ты-то это знаешь? Нет, лучше не говори. Ты узнала об этом в Лондоне, — бормочет миссис Белл.

— Именно так. Фотография была любимым хобби Джентльмена.

— Ну конечно. Что ж, раз ты такая всезнайка, может, скажешь, как сохранить молоко, чтобы не скисло до обеда? — ехидно интересуется экономка.

Кэт на мгновение задумывается.

— Может, и скажу, — отвечает она беспечно. — Нет ли у жены викария какой-нибудь непромокаемой подстилки для пикника?

— Да, есть. В сундуках. Только на что она нам?

— Сначала найдем, а потом покажу, — говорит Кэт.

Она окидывает взглядом коридор, прежде чем подняться по лестнице, и замечает силуэт теософа, который до сих пор стоит во дворе. Ей неприятна мысль, что отныне он вхож в полуподвальные помещения, может подслушивать ее слова, подглядывать за ее работой. Она не может назвать причину, но предпочла бы, чтобы он держался подальше отсюда, кухня — ее безопасная гавань, куда теперь проник неприятель.

Кэт находит то, что ей нужно, в комодe в коридоре: два больших полотнища водостойкой промасленной ткани. Приносит из теплицы моток крепкой джутовой веревки, затем они с экономкой укладывают мясо и молочные продукты в корзину с крышкой. Каждая подхватывает корзину за одну ручку, и они идут в сад за домом, доходят до конца лужайки, где тенисто от старых яблоневых деревьев, на которых кое-где видна омела. Защищенная от палящего солнца, трава здесь высокая и зеленая. Это прохладный и покойный уголок.

— Что это ты задумала, детка? — спрашивает миссис Белл, когда Кэт тяжело опускает на землю свою половину корзины.

Кэт указывает на кладку из крошащихся камней, закрытую подгнившей деревянной крышкой.

— Старый колодец, — говорит она, сдвигая крышку на одну сторону.

Из темного зева шахты несет сыростью и грибами, под крышкой плесень и паутина. Кэт убирает паутину, спокойно стряхивает паука, который побежал по ее запястью.

— Фу, как тебе не противно! — Миссис Белл передергивается.

Кэт поднимает на нее глаза.

— В жизни, Софи Белл, есть вещи похуже пауков, — произносит она.

— Для тебя, миссис Белл, — поправляет ее экономка, однако поправляет механически, как будто она говорит по привычке и за ее словами не стоит никакой обиды.

— Ладно. Мы увяжем все в плотные свертки, а потом опустим в колодец на веревке и привяжем ее... Вот к этой поперечной палке, — объясняет Кэт, поднимая с травы обломок деревянного поддона и укладывая его поверх колодца.

— Наверное, там внизу холодно. Во всяком случае холоднее, чем в кухне, — размышляет миссис Белл.

— Скорее всего, так и есть. — Кэт откидывает крышку корзины и принимается выкладывать ее содержимое в густую траву.

— Молочные кувшины туда не опустишь. Придется держать их в тазах с холодной водой прямо в кухне.

— А если к обеду начнет скисать, остатки прокипятим. Тогда не прокиснет хотя бы до утра, — прибавляет Кэт.

Легкий ветерок шуршит пергаментными листьями у них над головой. Миссис Белл стоит, широко расставив ноги, и силится отдышаться. Она смотрит в зев колодца с мрачным недоверием, он пугает ее.

— Откуда ты узнала, что здесь есть колодец? — спрашивает экономка.

— Ну, я... просто осматривала окрестности, — говорит Кэт.

— Как же, осматривала она! Скажи лучше, совала всюду свой нос.

Миссис Белл стоит неподвижно и смотрит на колодец, она и не думает вынимать продукты. Кэт уже набирает воздуха, собираясь попросить ее о помощи, когда Софи Белл снова заговаривает.

— По-моему, я не могу подойти к нему. Нет, не могу. Чтобы подойти совсем близко, да еще заглянуть... — Она чуть вздрагивает и прячет руки под мышки, как будто защищаясь.

— Почему? Что там страшного? В конце концов, женщина вашей комплекции точно уж не рискует в него упасть, — говорит Кэт, продолжая разгружать корзину. Однако, подняв глаза, она видит, что лицо экономки побледнело, став изжелта-белым, словно масло, которое она держит в руке. — Вам нехорошо? — спрашивает Кэт мягче.

— Мой Уолтер погиб в колодце. Обычно я стараюсь об этом не думать, насколько это возможно. Не вспоминать. Но время от времени

думается невольно, — говорит Софи Белл, и голос ее звучит совсем по-другому, гораздо тише обычного, тускло и покорно.

— Уолтер? Никогда не слышала, чтобы вы о нем упоминали. Кто этот Уолтер?

— Мой сынок, кто же еще! Ему было всего пять, когда я потеряла его. — Софи Белл крепко сжимает губы, отчего на подбородке собираются складки.

— Он упал в колодец? — тихонько спрашивает Кэт.

— Старшие мальчишки подначивали его. Мелкие паршивцы. Я понимаю, они не желали ему зла, но тогда мне, конечно, хотелось спустить с них шкуру. Они говорили, что ему слабо` спуститься по веревке до самой воды. Вот он, глупый, и спустился — не понимал, что делает. Мальчишки рассказывали, что ему почти удалось выбраться обратно, но потом он соскользнул с веревки и упал в воду. Ударился головой о стенку, и все.

В тишине, наступившей после слов миссис Белл, прилетела малиновка и уставилась на них. Кэт отламывает маленький кусочек сыра и бросает ей в траву.

— Какой ужас, Софи, — тихо произносит Кэт, и ее голос сдавлен от тоски. — Как мне жаль.

— С тех пор прошло уж двадцать лет, а я все равно тоскую по нему. На следующей неделе у него был бы день рождения. Сейчас он был бы примерно твоего возраста.

— Значит, вы были замужем?

— Разумеется, я была замужем, будь оно неладно! Не все же любят тыкать в нос своими несчастьями, как ты, Кэт Морли. Теперь ты спросишь, что случилось с моим мужем? Он помер от опухоли. Года через два после того, как Уолтер упал в колодец. Невеликая потеря для меня, как и для человечества, однако ж он подарил мне Уолтера, и за это я ему благодарна. Уолтер был хороший мальчишка. Такой добрый, веселый.

— Я понятия не имела о том, что вы пережили, — тихо говорит Кэт. Ей хочется взять Софи за руку, однако экономка стоит, крепко переплетя руки на груди. — Должно быть, вам было очень трудно вынести это. Неудивительно, что характер у вас испортился.

— А оттого, что я целыми днями выслушиваю твои дерзости, он точно не улучшится, юная леди. Ты знаешь, что у тебя имеется дурная

привычка сообщать вслух обо всем, что только приходит тебе в голову? — замечает Софи, и Кэт едва заметно улыбается.

— Да, мне уже говорили. Но вы ведь могли снова выйти замуж, родить другого ребенка, — продолжает она.

Миссис Белл печально качает головой:

— Только девчонка, у которой нет детей, может думать, будто так просто заменить одного другим. Когда они уходят, то забирают с собой всю твою душу. Кроме того, вокруг таких, как я, ухажеры не ходят толпами. И даже если бы я встретила кого-нибудь, кто мне бы понравился, рожать было бы поздно.

— Ну, не знаю. С вашими кулинарными талантами вы могли бы найти путь к сердцу какого-нибудь мужчины. — Кэт улыбается.

— Что-то ты сегодня раздаешь мудрые советы налево и направо. Давай поскорее покончим с нашим делом и пойдем готовить обед. Не то уже скоро хозяйка проголодается и будет у нее урчать в животе. Не говоря уже об этом ученом молодом человеке, у которого такая чертовски важная работа.

— Да, и кто бы мог подумать, что настолько важная! Викарий принимает его как короля, — замечает Кэт.

— Может, он заслуживает? Наверное, он знает что-то такое, чего не знаем мы.

— Я в этом не очень уверена, — бормочет Кэт. Миссис Белл смотрит на нее вопросительно, и Кэт пожимает плечами. — Викарию следует быть осторожнее. Известно, что у Робина Дюррана нет своего дома. И кажется мне, что он не прочь бы осесть здесь.

— В каком смысле осесть? — Экономка хмурится.

Кэт снова пожимает плечами.

— Увидим, — говорит она.

Тарелки после обеда были вымыты, вытерты и поставлены на место, обеденный стол прибран, салфетки либо снова сложены и разглажены, либо брошены в корзину для стирки. Закончив с домашними делами, Кэт выскальзывает через заднюю дверь, медленно проходит через двор и сует в рот сигарету. Джордж ушел на несколько дней с баржей, повез груз леса вверх по течению до Суррея. Квадратные в сечении столбы для заборов с заостренными концами, только что оструганные, светлые и влажные. Кэт видела, как мужчины

грузили их, когда ходила в Тэтчем, чтобы отправить письмо Эстер. Грузили на баржу Джорджа и еще на две, которые, по-видимому, шли туда же. Лошади, выведенные из жалких конюшен, пытались хватать длинную зеленую траву, пока их запрягали, вскидывали головы и отмахивались хвостами от полчищ мух. На руках у мужчин были толстые холщовые рукавицы, штаны подвязаны веревками под коленом, чтобы не забрались перепуганные крысы, которые бросились врассыпную, как только горы бревен начали разбирать и грузить на баржи. Джордж, в рубахе, прилипшей к спине, шурился от слепящего солнца. Она не стала его окликать, решив, что нехорошо мешать ему во время работы. Ей было радостно, что она увидела его, хотя он ее и не заметил. Как будто она получила больше, чем он собирался дать. И теперь ей не терпелось, чтобы он вернулся. Она могла бы вечером прогуляться, но в прогулке нет особенного смысла, когда некуда идти.

Кэт шарит в карманах, отыскивая спички, но тут рядом с ней в темноте расцветает огонек, заставляя ее вздрогнуть. Робин Дюрран склоняется к ней, освещенный ярким неровным пламенем, и чуть улыбается, предлагая прикурить. По неизвестной причине первым делом Кэт хочется отказаться. Однако она прикуривает, делает долгую затяжку и кашляет.

— Спасибо, — произносит она настороженно.

— Пожалуйста, Кэт, — отвечает он, и в его устах странным образом ее имя звучит фамильярно.

Кэт оглядывает его в слабом свете, падающем от двери. Он немного отодвигается, прислоняется к стене, его тело картинно застывает: таз выдвинут вперед, голова откинута назад.

— Что вы здесь делаете? Вы ведь даже не курите, — замечает Кэт. Она привыкла считать задний двор своим местом, а эти минуты после ужина — своим временем.

— Я курил, курил. Докурил как раз перед вашим приходом. Простите, если напугал, — говорит он, поворачивая к ней голову.

Черты его лица мягко освещены. Чистый, гладкий лоб, глаза, утонувшие в тени. Длинная линия нижней челюсти. Какое красивое у него лицо, сознает Кэт. Просто безупречно красивое, словно лик святого или образ любви. Но еще оно непроницаемое, нечитаемое. А его учтивость похожа на маску.

— Вы меня не напугали.

— Верно. Могу поспорить, вас не так просто напугать, — говорит он.

Кэт пропускает его слова мимо ушей, снова делает долгую затяжку. Кончик ее сигареты яростно полыхает.

— Я слышал, вам довелось кое-что испытать. Пройти огонь и воду, как говорят, — замечает он вполне дружелюбно.

— Кто вам рассказал? Мне казалось, жена викария не любительница сплетен.

— О, можете быть уверены, это не наша дражайшая Эстер. Но в таких маленьких городках слухи распространяются быстро. Уж мне ли не знать. На днях я слышал, как девочка лет шести назвала меня «любителем эльфов». Не хотите ли мне объяснить, с чего она это взяла?

Кэт коротко улыбается.

— Могу поспорить, это была маленькая девочка с темными кудряшками и вздернутым носиком, — говорит она.

— Именно так. И вы знаете эту маленькую паршивку?

— Это Тилли. Дочка миссис Линчком, нашей прачки. Полагаю, Софи Белл делится с нею всем, что знает, а девочка у той смышленная.

— Вполне возможно. Кроме того, я видел, как вы слоняетесь под дверью, когда я беседую с викарием и его женой. И судя по всему, внимательно прислушиваетесь, — произносит он насмешливо. Кэт вздергивает подбородок, отодвигается от него и ничего не отвечает. У нее над головой порхают ночные бабочки, летящие на свет из коридора, и стряхивают легкую пыльцу со своих бархатистых крыльев. — Бросьте, Кэт, не прикидывайтесь скромницей. Это вам не идет.

— Откуда вам знать, что мне идет? Что вы вообще обо мне знаете?

— Я все сказал. — Он улыбается.

— Вы слишком много улыбаетесь. Вас наверняка упрекали в том, что вы насмешничаете над людьми, — произносит она вежливо.

— Как ни странно, очень редко, — признается Робин. — А вы необычная девушка для служанки, Кэт Морли.

— А какой должна быть служанка? Мне казалось, ваше Общество не делает различий между классами или расами?

— Верно, не делает. И хотя подобных различий существовать не должно, они тем не менее существуют. Теософия также учит, что если кто-то обречен на тяжкий труд или страдания в этой жизни, то это наказание за дурные поступки в жизни предыдущей. Закон вселенной, справедливое возмездие кармы.

— Да, я слышала, как вы говорили об этом на днях. Я служанка, потому что в какой-то прежней жизни кого-то убила, так получается? — спрашивает Кэт сухо.

— Возможно. — Робин улыбается, довольный тем, что ее уязвил.

Кэт на минуту задумывается.

— Да, возможно. Но возможно, что в прежней жизни я была голодной нищей, но очень хорошим человеком, и это моя награда. А вы, может, были королем, но нечестным и злым. И нынешняя жизнь — ваше наказание. — Она указывает на него — на его растрепанные волосы, измятую одежду. Робин Дюрран негромко смеется. — Справедливое возмездие кармы, говорите? Ничего тут нет справедливого, — заключает Кэт.

— Разве христианский образ мысли справедливее? Когда божество создает человеческую душу и дарует ей всего лишь одну жизнь, и за эту жизнь человек терпит боль, страдания, бесконечные бедствия — и все это вовсе без всякой причины? Или же только для того, чтобы испытать человека на прочность? Каким жестоким должен быть такой бог!

— Но как душа, получив новое тело, может научиться на своих прежних ошибках, если о них не помнит? — спрашивает Кэт.

— Э-э-э... — Робин Дюрран колеблется. — Э-э-э... С помощью теософического учения можно прийти к ясному пониманию своего положения.

— Это не ответ. Вы говорите: чтобы получить знание, люди должны для начала иметь доступ к этому знанию. Но как может нищий, например, в африканской пустыне догадаться о существовании подобного великого плана? В вашей кармической теории не больше справедливости, чем в деспотичной и бездумной вселенной.

— Так вот во что вы верите! В великое ничто? Вы атеистка? — спрашивает Робин.

Кэт морщится при этом слове; ей не хотелось бы, чтобы его услышал викарий или его жена. Она докуривает сигарету, каблуком

растирает окурок о кирпичи. Ночь душная и липкая. Наверняка будет трудно заснуть. Вдалеке зловеще гроыхает гроза. На западе небо цвета индиго, все обычные ночные звуки приглушены. Тело Кэт тоскует по Джорджу, по его сильным, уверенным рукам.

— Я побывала на грани смерти. И вперед я смотрела очень внимательно. Там ничего нет, — наконец произносит она отрывисто.

— Вы очень странная девушка для служанки, — повторяет Робин.

— Вы не едите мяса, зато пьете вино и бренди, вы курите. Я бы сказала, что вы очень странный человек для теософа.

— Кэт, в Общество входят вовсе не святые. Обычные грешники, которые лишь хотят стать лучше. — (При этих словах Кэт закатывает глаза, отталкивается от стены, складывая руки на груди, и направляется к двери.) — Что, неужели спать? Разве сегодня вы не отправитесь на свидание со своим дружкой? — спрашивает Робин, сама любезность.

Кэт замедляет шаг, бросает на него встревоженный, сердитый взгляд. Теперь его улыбка кажется ей жесткой, взгляд многозначительным, отчего ей становится совсем не по себе. Робин пожимает плечами нарочито небрежно.

— Слухи ходят. Но не стоит меня бояться. Я сохраню вашу тайну. — Тон у него самый беззаботный, обращающий его утверждение в ложь. Кэт хмурится и заходит в дом. — Погодите, неужели вы не задержитесь, чтобы поболтать со мной еще немного? — просит он. И снова эта медлительная, ленивая, ослепительная улыбка.

— Очень мне нужно с вами болтать! — отрезает Кэт, но тут же, опомнившись, немного сбавляет тон. — Доброй ночи, сэр, — исправляется она и оставляет его одного в темноте.

Утром Кэт принимает у почтальона небольшую стопку писем и раскладывает их на посеребренном подносе, чтобы поставить на стол во время завтрака, когда вдруг замечает на одном из конвертов собственное имя. Маленький серый конверт надписан круглым детским почерком, которого она не узнаёт. На штемпеле значится «Лондон». Сердце Кэт больно сжимается. «Тэсс», — думает она, убирая письмо в карман фартука, и быстро несет поднос к столу. Со стуком ставит его перед викарием и удаляется, не заметив вежливой благодарной улыбки Эстер и того, как пристально наблюдает за ней

Робин Дюрран. Во дворе она разрывает конверт, щурится, глядя на блеклую бумагу. Небо над головой белое от облаков, таких плотных и однородных, что они даже не похожи на облака, — кажется, что небу просто надоело быть синим.

Письмо оказывается не от Тэсс.

Дорогая Кэт!

Я пишу тебе, потому что знаю, что миссис Хеддинггли вскрыла письмо, которое ты написала нашей Тэсс. И хотя Тэсс сейчас не живет у нас, миссис Хеддинггли все равно не следовало открывать письмо, а следовало переслать его дальше. Мы все видели имя Тэсс на конверте, а я еще пробралась к ней в комнату и посмотрела. Это был нехороший поступок, только она сама первая поступила плохо, открыв письмо. Я не читала, клянусь, я только взглянула, чтобы узнать, от кого письмо, и списала твой новый адрес. Тэсс теперь в работном доме. Называется он Фрошэм-хаус, на Сидалл-роуд, недалеко от Сохо. Говорят, этот дом не такой страшный, как некоторые, но место все равно плохое, и те, кто туда попадают, выходят худыми и слабыми, если вообще выходят. Никто из нас ничем не может ей помочь, потому что денег у нас нет, а у нее нет никакой родни. Должна еще сказать, что, хотя миссис Хеддинггли поступила плохо, не переслав твое письмо, она защищала Тэсс после того, что случилось, но хозяин ее не послушал. Посетителей в Фрошэм-хаус пускают только каждое третье воскресенье месяца после обеда. В прошлом месяце мы с Эллен ходили туда, чтобы навестить Тэсс, но она к нам не вышла. Надеюсь, ты живешь лучше. Кэт, без тебя и без Тэсс наш дом уже не тот.

Сьюзен

Работный дом. Тэсс. Кэт перечитывает письмо еще раз, ее сердце наливается тяжестью, как будто в груди свинец. Она закрывает глаза и сжимает руку в кулак, бумага мнется, царапает кожу. Как он мог так поступить? Джентльмен, с его благодушными шутками и прогрессивными идеями. Кто, как не он, должен был знать, что без Кэт Тэсс будет тише воды ниже травы. Должен был знать, что для уволенной без рекомендаций сироты остается два пути. Либо зарабатывать на жизнь своим телом, либо идти в работный дом.

Несправедливость жжет горечью горло, как сгусток желчи. В этот миг, несмотря ни на что, она ненавидит его. Тэсс ребенок; как можно было поставить ее перед таким выбором. Она ни за что не пошла бы в проститутки. Она боялась мужчин, верила, что в один прекрасный день явится принц, добрый и поэтичный, который потеряет голову при виде ее золотистых локонов и нежной белой кожи и женится на ней. Как знать, возможно, и явился бы. Пусть не принц, а какой-нибудь торговец или телефонист, но полюбил бы Тэсс. А теперь не будет ничего, кроме бесконечного тяжкого труда, изгрызенного крысами хлеба, вони стариков и слабоумных, которых держат в сырых комнатах без всякой помощи. Как он мог!

Когда Кэт досрочно выпустили из тюрьмы, она еще не понимала, что больше не увидится с Тэсс. Кэт вышла за десять дней до того, как истекли ее два месяца: в легких пылала инфекция, она была кожа да кости, волосы обриты, потрескавшиеся губы кровоточили. Союз женщин прислал приветственную делегацию, чтобы встретить ее и двух других девушек, освобожденных в тот день, выпущенных раньше срока, потому что они тоже были больны, а правительство не хотело делать из них святых мучениц. Их привезли в кебе в зал, где перед ними поставили парадный завтрак, произносились речи, восхвалявшие их за храбрость. Только эти речи и помогли Кэт удержаться и не рыдать всю дорогу от облегчения и боли. Она держала себя в руках, она молчала, плотно сжав растрескавшиеся губы, и лишь пробормотала слова благодарности, когда к ее воротнику приколотли медаль за Холлоуэй.

Она не смогла притронуться к еде, которую им приготовили. Две другие девушки ели: одна вежливо попробовала бутерброд, кусочек пирога, фрукты, вторая набросилась на еду с такой жадностью, что едва не подавилась. Женщины уговаривали и Кэт поесть, чтобы восстановить силы. Ей даже принесли чашку мясного бульона, когда она отказалась от всего остального. Кэт попыталась сделать глоток, но не смогла и в конце концов незаметно выплюнула бульон обратно в чашку. В вычурном позолоченном зеркале в конце зала она заметила свое отражение. Бледный, оборванный призрак с корками вокруг рта, синяками на шее и запястьях. Одежда висела на ней мешком, лицо под шляпой было уродливо-серым.хлопотавшие вокруг нее женщины из

приветственной делегации походили на круглых лоснящихся птиц, откормленных куропаток или голубок с выпяченными грудками и блестящими веселыми глазками. Кэт смотрела на свое отражение, с трудом узнавая себя.

Позже ее отвезли на Бротон-стрит, и Джентльмен тут же показал ее своему личному врачу. Она в первый и единственный раз ездила в его автомобиле. Она была истерзана, измучена, но все же оценила необычные достоинства нового экипажа. Лишь позже, когда Тэсс все еще была в тюрьме, а Кэт сказали, что для нее подыскали новое место в деревне, до нее дошло: возможно, она никогда больше не увидит подругу и не получит шанса загладить свою вину. В тот день, когда она уезжала из Лондона, ее отправили на Пэддингтонский вокзал автобусом. С ней поехала миссис Хеддинггли — чтобы убедиться, что Кэт действительно уехала. И всю дорогу до вокзала из глаз Кэт лились слезы — она не утирала их, и они капали с подбородка.

— В это воскресенье? Прошу прощения, Кэт, это даже не обсуждается, — говорит жена викария, когда Кэт излагает свою просьбу.

Эстер Кэннинг сидит за письменным столом в залитой утренним светом комнате и выкладывает из фиалок, желто-фиолетовых анютиных глазок и розовых флоксов композицию, которую собирается засушить под прессом. Она работает быстро, поскольку из-за жары лепестки уже подвяли. Несколько разорванных фиалок лежат, отмеченные в сторону.

— Посетителей пускают только в третье воскресенье месяца. А это как раз ближайшее воскресенье. Если я не попаду в этот раз, то придется ждать целый месяц, мадам...

— Ты сообщаешь об этом в последний момент, Кэт, а завтра приезжает моя сестра с семейством... Ты нужна здесь. Мне очень жаль, но я не могу тебя отпустить. Обещаю, ты поедешь в следующем месяце. Как тебе такое предложение? Третье воскресенье августа будет полностью в твоём распоряжении, чтобы компенсировать полдня, которые ты потеряешь на этой неделе. Рано утром есть один поезд. Если поехать этим поездом, у тебя будет достаточно времени, чтобы навестить подругу. — Эстер радостно улыбается, как будто обещает ей увеселительную прогулку.

Она закрывает деревянную крышку пресса и принимается закручивать винты, сдвигая доски, между которыми лежат несчастные цветочки, стиснутые, расплюснутые. Кэт старается дышать ровно, но чувствует, как сдавливает грудь, будто бы Эстер одновременно затягивает винты и на ней. Как же ей объяснить, что такое лондонские работные дома? Слова никак не складываются в разумные фразы, этому мешает отчаяние. За этот месяц Тэсс, может быть, заболеет и угаснет. Может быть, не умрет, но свет в ее душе угаснет, ее наивность будет уничтожена, ее дух раздавлен, как лепестки цветов, и она не согдится даже для гербария. Кэт видела людей, выкупленных из работного дома. Они похожи на пустые раковины. У них в глазах ничего нет, кроме пустоты, — это призраки отчаяния.

— Прошу вас, — пытается она снова, и у нее голос окончательно садится. — Это очень важно. Тереза моя подруга, и я виновата в том, что она осталась без работы... Я виновата. Мне необходимо увидеть ее. Я должна привезти ей что-нибудь, чтобы немного облегчить ей там жизнь... — умоляет она.

— Кэт, пожалуйста. Хватит об этом. Я уверена, что о девушке заботятся. В конце концов, работные дома и созданы для таких, как она, чтобы у бедняков были кров и пища... И разумеется, работа, за которую и даются эти блага. За месяц она никуда не денется и будет также рада, когда вы приедете к ней, я уверена. Я же должна заранее знать, когда вы хотите взять выходной. Вы понимаете меня? — Эстер слабо улыбается, несколько не тронутая мольбой Кэт. Блага? Кэт смотрит на нее с недоумением. Неужели эта женщина действительно думает, что в подобных местах есть хоть что-то благое? Она стоит перед ней совершенно неподвижно, не в силах сдвинуться, не веря до конца в то, что услышала. Эстер продолжает возиться со своим гербарием, затем поднимает голову, слегка раздраженная. — Это все, Кэт.

Остаток душного дня Кэт работает торопливо и усердно, сердито оттирает плитку на полу в прихожей, так что на спине проступают темные пятна пота; сдергивает простыни с кровати с такой силой, что могла бы их разорвать; нарезает овощи с откровенной и пугающей бездумностью. Из-за чего попадает ножом по большому пальцу, но не замечает этого, пока Софи Белл не заглядывает ей через плечо и не

принимается ругаться от испуга при виде липких алых пятен на стручках фасоли.

— Да какая муха тебя сегодня укусила? — вопрошает экономка.

— Я хочу выйти! — вот все, что в силах ответить Кэт, от отчаяния голос ее дрожит, и язык почти полностью лишается подвижности.

— Так ради бога, детка, вот же дверь! — ворчит Софи Белл. — Стой спокойно! — Она перевязывает палец Кэт обрывком чистой тряпицы, туго обматывает бечевкой. Почти в тот же миг кровавое пятно расцветает на ткани, словно розовый бутон. — Глубокий порез. Вот глупая девчонка, — произносит Софи Белл, и эти слова проникают в сознание Кэт, она чувствует, что Софи Белл права.

В конце дня наконец-то начинается дождь. Толстое одеяло облаков, теплое и влажное, окутывало дом весь день, постепенно становясь все темнее и тяжелее. В половине шестого упали первые капли, теплые, словно вода в ванной, мягкие, как подтаявшее масло. Кэт накрывает стол к ужину, ощущая отвращение к изобилию, к избыточности, к тому, как теософ отказывается от мяса, вальяжно, небрежно. А скольким людям в мире нужно это мясо, размышляет Кэт. Теперь же оно отправится обратно в кухню, где испортится, его придется выбросить, потому что холодная кладовка забита игрушками этого эгоистичного молодого человека. Она убирает со стола, поджав губы, лицо ее хмуро. А потом, когда с работой покончено, она выскальзывает под проливной дождь и тут же мокнет до нитки. Выводит из сарая велосипед викария и идет с ним, звякающим, вдоль стены дома, но дождь заглушает все звуки. У ворот она останавливается, перекидывает ногу через раму, запрокидывает голову, позволяя дождевым каплям смыть с себя этот день и все, что он принес. Ее гнев подобен запаху духов — прилип, от него не избавиться. Дождевые капли падают быстро и бьют по лицу почти больно. При вспышке молнии Кэт закрывает глаза и сквозь закрытые веки видит красное свечение. Слышит раскаты грома, похожие на стук ее сердца — неровное, неприятное биение, заставляющее кровь бежать быстрее. Если молния попадет в нее, думает Кэт, она не будет возражать. От прикосновения чьей-то руки к плечу она охает.

— Снова на прогулку? В такую-то погоду? — спрашивает Робин Дюрран, перекрикивая шум дождя.

— Что вы здесь делаете? — спрашивает Кэт, озадаченная его внезапным появлением.

Он держит пиджак над головой, но тот уже промок насквозь, капли просачиваются сквозь ткань, стекают по рукам, пропитывают рубашку.

— Я заглянул к вам в комнату, а вас там не оказалось. Я догадался, что вы, наверное, собрались на очередное свидание. Должно быть, он великолепный любовник, если вас даже такая гроза не останавливает, — улыбается Робин.

— Так и есть! — резко говорит Кэт, но Робин лишь шире улыбается.

Новая заноза впивается в сознание. Он приходил к ней в комнату? Никто не узнает об этом, если он двигался тихо и был осторожен.

— Пропустите меня.

— Секундочку. У меня для вас есть работа. В воскресенье на рассвете жду вас у перехода через изгородь. — Робин проводит языком по нижней губе, слизывая дождевые капли.

— Я не приду!

— Придете. Или же я нечаянно проговорюсь о ваших вечерних променадах. Викарий очень озабочен чистотой и нравственностью своей паствы. Мне кажется, ему найдется что сказать по этому поводу в собственном доме. — Все это теософ высказывает непринужденно, как в обычном разговоре, даже как будто немного сучая.

Кэт сверкает на него глазами, пытается понять, действительно ли он способен ее выдать, и угадать, для чего она ему понадобилась.

— На рассвете в воскресенье, — повторяет он и ухмыляется, словно задиристый ребенок, совершенно беззлобно, как будто он вовсе не угрожал ей только что, не пытался подчинить своей власти.

Кэт отпихивает его руку, нажимает на педали, чтобы оказаться от него подальше. Она почти ничего не видит перед собой в темноте сквозь толщу дождя и с трудом переводит дыхание от kloкочущей ярости. Джордж не вернулся, однако она все равно крутит педали во всю мочь, велосипед бешено петляет по лужам, по узким каменистым тропкам. Лишь бы оказаться подальше от дома викария, лишь бы хоть на минуту почувствовать себя свободной.

Глава седьмая

Эстер слышит, как подъезжает к воротам повозка, запряженная пони, под ложечкой что-то радостно екает, как в детстве, и радость смешивается с облегчением. Она торопится к парадной двери и машет сестре и своим племянникам, пока те выбираются из повозки, а мистер Баркер расстегивает ремни, которыми привязан багаж, и составляет его на землю.

— О-о-о, вот с этим, пожалуйста, поосторожнее! Тут очень хрупкое! — кричит Амелия.

Мистер Баркер стискивает зубы под своими усами и угрюмо кивает.

— Амелия, дорогая! Как я рада тебя видеть! Идите сюда, дети, дайте-ка я на вас посмотрю, — зовет Эстер. Она останавливает детей на расстоянии вытянутой руки: одиннадцатилетнего Джона, у которого песочного цвета волосы и худощавое лицо, да и сам он кожа да кости, и восьмилетнюю Элли, пухленькую и жизнерадостную, со светло-серыми глазами и ямочкой на подбородке, как у фарфоровой куклы. Ее сине-белая матроска туго обтягивает кругленький живот и совсем помялась за время путешествия. «Я в ее возрасте была точно такой же», — думает Эстер, ощущая почти болезненный приступ любви к племяннице. — Боже мой, как же вы выросли! Я вас просто не узнаю! Невероятно! — восклицает она.

Элли улыбается, зато Джон чуть закатывает глаза, а потом смотрит в землю, от смущения шаркая ногами.

— Джон, не делай такого лица! Поцелуй тетю, — резко наставляет его Амелия.

— Ну же, ну же! — Эстер опускается на корточки и улыбается детям. — Мне не нужны вымученные поцелуи, только те, которые от души. Что скажешь, Джон?

Племянник Эстер придвигается к ней и быстро целует в щеку, а Элли раскидывает руки для объятий, в которые Эстер с радостью ее заключает.

— Побегайте пока по саду, разомнитесь, дети. Марш! Когда станет жарко, приходите, я дам вам лимонаду! — кричит она им вслед,

когда они с облегчением топают прочь и скрываются за высокими цветочными бордюрами и залитыми солнцем кустами.

— О, слава богу! — выдыхает Амелия, опуская сумочку и обнимая сестру. — Джон всю дорогу вел себя отвратительно. Он не виноват, просто он расстроен, что отец с нами не поехал...

— Да, а где же Арчи? Разве он не собирался приехать?

— Собирался, вплоть до самой последней минуты. Прости меня, Этти! Это так на него похоже — у него была назначена встреча в клубе, о которой он мне сразу не сказал, а потом и сам позабыл. Но я здесь, и дети тоже, и я не сомневаюсь, что мы прекрасно проведем время и без него. — Амелия улыбается. Она на пять лет старше Эстер и обладает грацией и изяществом, которым младшая сестра всегда завидовала.

У Амелии кошачьи скулы и узкий подбородок, синие, с миндалевидным разрезом глаза. Когда она в первый раз выехала в свет, весь сезон все только и обсуждали ее красоту, но теперь на щеках и под глазами у нее залегли легкие впадины, кожа утратила сияние юности.

— Эми, ты какая-то усталая. Ты здорова? — спрашивает Эстер настойчиво. Улыбка Амелии немного меркнет, и, к ужасу Эстер, на глаза наворачиваются слезы, блеснувшие на солнце. — Эми, в чем дело? Что-то случилось? — спрашивает она, хватая сестру за изящные руки с длинными пальцами.

— Не здесь, — говорит Амелия, понижая голос, когда в коридоре у нее за спиной появляется Кэт. — Мы расположимся в наших прежних комнатах?

— Э... Нет, к сожалению, в детской спальне теперь живет мистер Дюрран... Я подумала, что будет невежливо переселять его, поскольку он там уже несколько недель и успел прижиться...

— Да, ты говорила, — отзывается Амелия, усмехнувшись.

— Кэт приготовила для детей западную спальню, я уверена, что там им будет хорошо.

— Кто-нибудь поможет девушке нести вверх наш багаж? — спрашивает Амелия, глядя на тонкие руки и хрупкие плечи Кэт, которая поднимает один из чемоданов, откидываясь назад всем телом, чтобы оторвать его от земли.

— Я справлюсь, мадам, спасибо, — проговаривает Кэт сквозь стиснутые зубы, с трудом дыша.

— Стойте, позвольте я, — говорит Робин Дюрран, появляясь в дверном проеме. Он забирает у Кэт чемодан, легко принимая из ее рук, и заносит в прихожую.

— О! Мистер Дюрран... как любезно с вашей стороны. Позвольте представить вам мою сестру, миссис Амелию Энтвисл. Эми, это наш гость, теософ мистер Робин Дюрран, — произносит Эстер, стараясь, чтобы тон не выдал ее. Она сама не знает точно, что именно пытается скрыть, однако в последнее время постоянно скрывает что-то. Совершенно точно, скрывает.

Робин деликатно пожимает руку Амелии.

— Счастлив познакомиться, миссис Энтвисл, — говорит он, улыбаясь своей широкой, обезоруживающей улыбкой, и Амелия невольно улыбается ему в ответ.

— Взаимно, — отвечает она.

— Я сейчас на станцию, а потом в Рединг. Надо уладить несколько дел... Однако я надеюсь, что буду иметь удовольствие увидеть вас за обедом, миссис Энтвисл. Если уж я собрался в город, не найдется ли у вас для меня поручений, миссис Кэннинг? — Он обращает свой смеющийся взгляд на Эстер, которой очень трудно выдержать его.

— Нет, спасибо, мистер Дюрран. — Она отвечает резче, чем ей хотелось бы.

— В таком случае, леди, желаю вам хорошего дня. — Он отвешивает им насмешливый поклон и неторопливо идет к воротам.

Когда он исчезает из виду, Амелия оборачивается к сестре и окидывает ее оценивающим взглядом.

— Нам нужно многое сказать друг другу, — говорит она, когда они входят в дом.

В холле Кэт снова берется за тяжелый чемодан, оставленный Дюрраном.

Сестры устраиваются в тени вишневого дерева на задней террасе дома, где легкий ветерок колышет замерший воздух. Они сидят на ажурных металлических стульях, которые так нагрелись, что обжигают ноги даже через юбки. Амелия изящно обмахивает лицо красивым шелковым веером, не сводя внимательного взгляда с детей,

которые носятся по всему саду, играя во что-то «серьезное»: глаза у них сощурены, брови нахмурены.

— Не помню такого жаркого лета! — восклицает она наконец. — По дороге сюда мы проезжали мимо детей, которые играли на улице, и знаешь, что они делали? Макали соломинки в пузыри расплавленного гудрона и приклеивали их к сараю, составляя буквы и картинки! Представь себе, расплавленный гудрон в десять часов утра!

— Невероятно. Эта жара меня доконает, — говорит Эстер.

— Меня тоже. А ты не упоминала в письмах, что этот мистер Дюрран такой...

— Какой такой?

— Такой молодой и красивый, — говорит Амелия, внимательно глядя на сестру.

— Разве нужно было сообщать, что он молод? Что касается красоты... Если честно, я как-то не замечала. Он в самом деле красив? — отвечает Эстер уклончиво. Она внезапно ощущает смущение, как будто ее поймали на лжи.

— Конечно, ты замечала, не разыгрывай передо мной невинность. У тебя же есть глаза. Или ты смотришь только на Альберта?

— Возможно... Кроме того, мистер Дюрран наш гость. Разумеется, я просто не думаю о нем в этом смысле. И к тому же... — Она неуверенно умолкает.

— Что?

— Нет, ничего. Лучше скажи мне, Эми, что так тревожит тебя? — спрашивает Эстер, чтобы сменить тему.

Кэт подходит к столу с подносом, на котором стоит чай со льдом и лимонад, лежат свеженарезанные апельсины и ломтики лимонного кекса, пропитанного мадерой. На лбу у нее матовые капельки пота. Амелия дожидается, пока горничная снова не исчезнет в дверях, а потом вздыхает:

— Только ты не рассказывай об этом ни одной живой душе, даже Альберту. Обещаешь? Так вот... у тебя есть некоторые проблемы с Альбертом, дорогая... те, о которых ты мне писала. Боюсь, что у меня с Арчи трудности совершенно иного свойства. — Она прикрывает рот веером, как будто желая задержать слова.

— Я... я не совсем тебя понимаю, Эми, — шепотом произносит Эстер, когда детишки пробегают мимо с раскрасневшимися лицами и

слипшимися от пота волосами.

— Я застала его... его... На днях он... Он был с нашей горничной Даниэль.

— Нет! О моя дорогая... Это ужас! Ты уверена?

— Боюсь, точнее некуда. Разумеется, я избавилась от девицы. Это случилось всего неделю назад, и, по правде говоря, именно по этой причине он не приехал сегодня. Такое случалось и раньше, Этти, хотя я никогда не рассказывала тебе. Мне было стыдно... Но он обещал, он давал слово, что подобное не повторится. А теперь он говорит, что у него имеются потребности, которые он вынужден удовлетворять, и что он не владеет собой, — произносит она, чуть задыхаясь от негодования. — Как ты думаешь, это правда? Может ли мужчина в самом деле стать рабом своих плотских желаний?

Эстер размышляет, прежде чем отвечать. Она берет сестру за руку, пылающую от жара, и вскоре их ладони становятся влажными.

— Я думаю... думаю, любой человек может стать рабом своих желаний, если позволит себе. Судить каждого, наверное, следует по его поведению — по тому выбору, который делает человек, когда у него есть разные варианты.

— Ты права, — печально произносит Амелия. — Нет оправдания тому, что он сделал. Это подло.

— Но, Амелия, ты же, как никто другой, знаешь, что я ничего не понимаю в желаниях и страстях мужчин, — говорит Эстер, чуть заметно улыбаясь. — Арчи совершил большой грех и против тебя, и против Бога. Но наверное... простить грех было бы по-христиански? Конечно, если виновная сторона покается...

— В том-то и дело, Этти! На этот раз... на этот раз он, кажется, нисколько не раскаивается. Он как будто... рассердился на меня за то, что я помешала ему! Это было чудовищно! Невыносимо! — Амелия закрывает лицо руками и негромко плачет.

— Дорогая, Эми, не плачь! Дети не должны видеть... Прошу тебя, милая моя. Арчи тебя любит, любит детей. Я знаю это, и ты знаешь. Наверное, мужчинами действительно правят куда более могучие силы, чем нами, женщинами... Иначе такой хороший человек, как Арчи, не стал бы себя вести подобным образом. Разве мы умеем читать в сердце другого человека? Читать по-настоящему? Прошу тебя, не плачь.

Амелия в конце концов поднимает голову и промокает глаза платочком.

— Однако же я рассказала ему, что у меня на сердце. Своей неверностью он убивает мою любовь к нему. Наверное, если это случится еще раз, сказала я ему, от нее совсем ничего не останется. — Она всхлипывает. Эстер настолько потрясена, что не может ничего ответить. — А как твоя супружеская жизнь, Этти? Есть ли что-то хорошее? — спрашивает Амелия.

Эстер опускает глаза, прячет пальцы в складках хлопчатобумажного платья. Гладкие пальцы с чистыми блестящими ногтями. Почему-то ей невыносим сам их вид, она ощущает такой приступ отвращения к себе, что сжимает руки в кулаки, стискивает так, что ногти впиваются в ладони.

— Я вышла замуж по любви, Амелия. Ты знаешь... Наши родители были этим недовольны, хотя и выказывали свое неудовольствие, как всегда, деликатно. И я думала: пусть я выбрала человека скромного, ограниченного в средствах, зато я люблю его и сама любима, наши дети будут расти, окруженные любовью... — Она смотрит на выгоревшую на солнце лужайку, где Джон дразнит сестру: держит у нее над головой ленту, вытянутую из ее косы, и отдергивает каждый раз, когда та пытается схватить ее. Маленькая девочка подпрыгивает и тянется за лентой, все время улыбаясь, не теряя дружелюбия и терпения; и снова Эстер чувствует неистовый прилив нежности к ней, ощущая общность их жизненного пути.

— Но... Неужели ты не любима?

— Любима. Как сестра, как друг. Но не так, как люблю его я. Не как жена. Не как... любовница. — Она делает глубокий вдох и медленно выдыхает, словно тяжесть собственных слов еще сильнее пригибает ее к земле. — А теперь у него новый друг, новый наперсник, и, боюсь, его мысли с каждым днем все дальше от меня.

— Не может быть, Этти! Альберт всегда был так предан тебе, — возражает Амелия.

— Наверное, был когда-то. Но теперь все по-другому. Даже паства страдает из-за его увлечения мистером Дюрраном.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну... скажем, на днях заходила Памела Эркхарт, чтобы узнать, не заболел ли викарий, поскольку он не навещал их уже недели две,

если не больше. Надо сказать, что отец миссис Эркхарт очень стар и болен и может умереть со дня на день. Он так страдает, несчастный, каждый день его вера подвергается испытанию на прочность, и он давно уже не в состоянии посещать церковь. Поэтому Альберт стал заходить к нему сам, чтобы утешить в болезни и вместе помолиться хотя бы дважды в неделю, однако эти визиты прекратились с появлением у нас теософа. Не знаю, что и думать, Эми. Это так не похоже на Альберта — пренебрегать своими обязанностями, однако его новое увлечение, кажется, для него важнее всего остального.

— Это новое увлечение... ты имеешь в виду теософию или мистера Дюррана? — спрашивает Амелия многозначительно.

— Теософию... Или, может быть, и то и другое, — отвечает Эстер, глядя на сестру и пытаясь прочесть что-нибудь на ее лице.

— Да, подобные перемены вселяют тревогу. Очень странно... Хотела бы я понять, что в этом человеке так привлекает Альберта?

— По-твоему, сам мистер Дюрран, а не его идеи вызывают интерес у Альберта?

— А как ты думаешь, дорогая? В конце концов, насколько я понимаю, Альберт достаточно давно знает об эльфах и теософии. Отчего же тогда этот интерес сделался всепоглощающим, когда появился мистер Дюрран?

— Эми... я не понимаю тебя, — с отчаянием произносит Эстер.

— Возможно, я ошибаюсь. Мне нужно еще раз увидеть этого молодого человека, лучше узнать его, — отвечает Амелия, откидываясь на спинку стула и глядя куда-то вдаль. Солнце уже высушило ее слезы, остались лишь бледно-розовые подтеки на пудре.

— Разумеется, ты его увидишь, — отвечает Эстер, все еще пытаясь понять смысл слов сестры.

В кухне Кэт ставит пустой поднос на стол и идет к раковине. Опускает руку в таз с водой, в которой должны охлаждаться молочные кувшины, однако вода теплая. Кэт плещет ею на запястья, обтирает мокрыми руками шею, надеясь хоть немного освежиться.

— Молоко к вечеру скиснет, — предупреждает она миссис Белл, которая сидит, втиснув телеса в кресло и разостлав перед собой газету.

— Оно скиснет еще быстрее, если ты будешь совать в таз горячие руки, — замечает экономка.

— Не могла удержаться. Я набегалась на этой жаре и просто таю. А вот кое-кому не повредило бы немного подвигаться, — бормочет она, впрочем беззлобно.

Лицо Софи Белл налилось кровью, щеки в сеточке лопнувших кровеносных сосудов, а когда она слишком много ходит по кухне, то верхняя губа у нее белеет, а взгляд становится мутным. Кэт вовсе не хочется, чтобы экономка грохнулась в обморок. Ее тогда не поднять, и придется перешагивать через ее тушу целый день, пока жара не спадет и она не поднимется сама.

— Возьми вон там, — выдыхает миссис Белл. — Я оставила нам чаю со льдом. И налей мне тоже стаканчик.

Кэт снимает льняную тряпку с кувшина в буфете, вспугнув стайку сомлевших мух, которые тщетно надеялись на каплю влаги. Кусочки льда, отколотые утром от глыбы, доставленной из Тэтчема, растаяли полностью, однако чай до сих пор холодный и пряный от свежей мяты и лимонов. Кэт пьет, как ребенок, зажмуриваясь от приятной прохлады, которая растекается по телу.

— По крайней мере, работы сегодня поменьше, поскольку мужчин не будет целый день, — произносит Софи Белл. — Ты не слышала, куда отправился любитель эльфов?

— Он сказал, в Рединг, — отвечает Кэт, вытирая рот фартуком. — У него там какие-то «дела, которые надо уладить».

— Гм. Я тут заходила на неделе к Долорес Миккель, у нее сестра работает в одном большом доме в Рединге, так она говорит, что семья, где служит ее сестра, много лет знакома с семьей Дюрран. Она мне сказала, что мистер Робин не всегда был теософом, — сообщает Софи Белл, и ее глазки хитро блестят, как бывает всегда, если она сплетничает.

— Правда? — спрашивает Кэт. Она понимает, что очень хочет узнать об этом человеке как можно больше. В голове вдруг всплывают слова: «Знай своего врага». Врага?

— Правда. Он очень долго учился, потом вернулся, и его родители, приходя в гости, каждый раз рассказывали о нем что-нибудь новенькое. Сначала он был поэтом, потом писал статьи в газеты. После собрался посвятить себя Церкви, стать методистским священником, ни больше ни меньше. Он съездил в Грецию, прожил там несколько месяцев, хотя никто, кажется, не знает толком, чем он там занимался.

По возвращении решил баллотироваться в парламент! От Либеральной партии. Но проиграл выборы. Ну а про последнее его увлечение мы знаем: теофил, или кто он там теперь, причем уверяет, что всегда только этим и занимался. — Миссис Белл презрительно взмахивает рукой, отчего та вся колыхается.

— Теософ. Ну-ну. Похоже, он сам не знает, кто он такой и во что верит. — Кэт недобро улыбается. — Любопытно.

Миссис Белл поднимает на нее глаза, с подозрением сощурившись:

— Ты же не собираешься звонить об этом повсюду, особенно перед ним? Я слышала, как ты разговаривала с ним во дворе. Ты ведь будешь осмотрительна, Кэт?

— Да, Софи Белл. Тут нет ничего опасного.

После обеда, в положенный ей свободный час, Кэт сидит у себя в комнате, затаив дыхание и прислушиваясь, ей кажется, будто в коридоре раздаются чьи-то шаги. Но это лишь дом скрипит от жары, потому что расширяются нагретые балки и доски. Небо за открытым окном ослепительно-синее. Она слышит приглушенные голоса жены викария и ее сестры; будто поднимаясь по спирали, голоса звучат все громче и громче; дети взволнованно спорят о чем-то и упрекают друг друга, звуки их голосов приближаются, а затем затихают — будто пролетела стайка птиц. Кэт никак не удается выбросить из головы, что Робин Дюрран приходил ночью к ней в комнату, что он знает о ее ночной жизни. Эта мысль похожа на зудящую боль, на жужжание насекомого, которого никак не прогнать. Наверняка теософ собирается каким-то образом использовать это против нее. Если им руководит похоть, размышляет Кэт угрюмо, то его ждет большое разочарование. Она выцарапает ему глаза раньше, чем позволит прикоснуться к себе. Однако же она встретится с ним, как он велел. Хотя бы потому, что за ее гневом скрывается любопытство. В таких мыслях незаметно пролетают драгоценные минуты отдыха. Кэт встряхивает головой и берется за карандаш. Еще одно письмо к Тэсс, на этот раз с другим адресом. Чувство вины жжет ее изнутри, как кислотой, мешает ясно думать. «Мне невыносимо сознавать, что ты там. Я найду способ вытащить тебя, клянусь», — пишет она. Какой способ? Что она может?

Она закусывает нижнюю губу, снова пишет «клянусь». «Умоляю, будь сильной, Тэсси. Держись, пока я не найду способа».

Тэсс быстро надоела суфражистская деятельность, тогда как Кэт все больше и больше в нее втягивалась. Для Тэсс это был лишь предлог вырваться из дома, где они проводили большую часть своей жизни, ей важно было не столько заниматься политикой, сколько просто сбежать. Она шутила, смеясь вполголоса, что не знала бы, за кого голосовать, даже если бы им сейчас предоставили избирательное право. Как бы то ни было, это была возможность оторваться от работы. Несколько недель они раздавали брошюры, продавали ленты, навязывали прохожим экземпляры «Голосуй за женщин» и выкрикивали лозунги, вызывая недовольство уважаемых мужчин и женщин.

— Я не понимаю, почему они относятся к нам с таким неодобрением, — сказала как-то Тэсс, обиженная холодной реакцией богатых леди. — Это, в конце концов, для их же блага. — Она закусила нижнюю губу как ребенок, заправила за уши волосы и с достоинством расправила манжеты — точно так же она делала, когда миссис Хеддингсли или кто-то из старших приходил оценить ее работу.

— Потому что богатые всегда против того, что делают бедные, если только речь не идет об обслуживании, — с глубокой убежденностью ответила ей Кэт. — Держись. Еще полчаса — и я угощу тебя горячим шоколадом, — сказала она, обняв Тэсс за плечи.

Вскоре выяснилось, что только эти угощения и заставляют Тэсс продолжать деятельность в Союзе, и тогда Кэт поняла, что не имеет права вынуждать подругу ходить вместе с ней. Честно говоря, ей хотелось, чтобы у нее была компания, хотелось разделить с кем-то свои рискованные приключения. И поскольку Тэсс была членом Союза, Кэт казалось неправильным уходить по воскресеньям из дому без нее или же одной бывать на вечерних собраниях, когда выпадала такая возможность, чтобы послушать, как прекрасные леди из Союза рассуждают о правах и законах, о голосовании и справедливости. Она не чувствовала бы себя и вполнину такой храброй и дерзкой, если бы не Тэсс, которая всегда немного сомневалась, которую всегда требовалось подбадривать.

Кэт перестала писать и крепко зажмурилась от приступа острой тоски. Она использовала подругу. Использовала Тэсс, чтобы казаться себе такой, какой ей хотелось быть, чтобы впервые в жизни обрести хоть какую-то власть над другим человеком.

Через два месяца после того, как они уплатили по шиллингу и вступили в организацию, Кэт сказала секретарю своего местного отделения, что они охотно перешли бы к более активной деятельности. Она сказала это тихо, как будто их могли подслушать, однако та резко вскинула голову.

— На что вы готовы? Бить окна? Выступать на митингах? — спросила она отрывисто. Кэт закивала, и стук сердца громко отдавался в ушах. Пожилая женщина коротко улыбнулась, глядя пронзительными темными глазами поверх очков со стеклами в форме полумесяца. — Отлично, товарищи. Хорошие девушки. Я вас запомню.

Кэт натянуто улыбнулась и вышла в главное помещение, где лежали кипы листовок, стены были сплошь завешаны знаменами и транспарантами, а в рамках висели портреты мучениц от суфражизма. Здесь имелось великолепное изображение святой Жанны Д'Арк, покровительницы Союза женщин, которая гневно смотрела сверху вниз из-за ряда волонтерок, раскладывавших брошюры по конвертам. В комнате было душно от запаха бумаги и чернил для пишущих машинок, воздух был затхлый и теплый, в нем звучало непрерывное гудение голосов, шаги и звяканье машинок. Здесь находилось сердце боевой организации, где планировались битвы и анализировались причины поражений. Кэт это нравилось. Деятельность, которая не имеет никакого отношения к уборке или готовке, к тому, чтобы упростить жизнь лентяев, неспособных ничего сделать самостоятельно. Тэсс не было рядом, когда Кэт подписала их обеих на военные действия. Тэсс ждала снаружи, наблюдая за маленькой обезьянкой шарманщика в крошечной алой шапочке и красном жилете и радостно смеясь над ее трюками.

Робин Дюрран вернулся из Рединга как раз вовремя, чтобы сразу сесть за обеденный стол. Лицо его сияет, волосы растрепаны.

— Простите меня. Надеюсь, я не заставил вас ждать? — отрывисто произносит он, по очереди оглядывая Альберта, Эстер и

Амелию, и в кои-то веки отводит глаза, а улыбка у него какая-то натянутая.

Эстер замечает его волнение.

— Вовсе нет, Робин. Нисколько. Надеюсь, вам удалось найти в городе все необходимое? — спрашивает Альберт. У викария, как всегда, опрятный и собранный вид, мягкие волосы зачесаны назад, бакенбарды аккуратно разглажены и подстрижены.

Эстер удивленно смотрит на него, поскольку они действительно ждали Робина в девять, однако лицо Альберта открыто и безмятежно.

— Да, нашел. И заодно навестил родителей, не виделся с ними уже несколько недель. Мой младший брат как раз приехал в гости, так что я повидался сразу со всеми, — сообщает он, усаживаясь едва ли не раньше женщин и небрежным жестом бросая на колени салфетку; он тянется к бокалу, хотя Кэт еще не наполнила его.

Альберт замечает его жест и сам встает, чтобы принести с буфета вино. Эстер через стол ловит вопросительный взгляд Амелии, когда бокал теософа оказывается наполненным раньше, чем у нее.

— И как поживают ваши родные? Надеюсь, в добром здравии? — спрашивает Эстер.

— О да, совершенно. Все оч-чень хорошо... — отвечает Робин, странно выделяя слово «очень».

— Кажется, ваш брат врач?

— Если точнее, хирург, а тут есть разница, и весьма существенная, на что он не преминул бы вам указать, — язвительно говорит Робин.

В комнате, где окна были открыты весь день, душно и жарко. Робин проводит пальцем под воротником, его покрытое испариной лицо блестит.

— Здесь слишком жарко, не правда ли? — спрашивает Альберт. — Когда вернется горничная, я попрошу ее снова открыть окно.

Однако Кэт едва успевает выполнить просьбу, как первые ночные бабочки и прочие насекомые летят в комнату, устремляясь к лампе, отчего Амелия испуганно вскрикивает. Кэт снова закрывает окно и наблюдает, как мотыльки кружат по комнате.

— Больше ничего не нужно! — резко говорит Альберт, и Кэт выходит с каменным лицом.

Эстер в этот момент случайно бросает взгляд на Робина и совершенно ясно видит, как он подмигивает уходящей Кэт правым глазом; Эстер также замечает, что девушка даже не глядит в его сторону.

— Я недавно спросила своих учениц в Блюкоут-скул, как должны выглядеть феи и чем они занимаются. У каждой оказалось вполне сложившееся мнение на этот счет, и они нарисовали мне очень милые картинки, — говорит Эстер, чтобы заполнить неловкую паузу.

Робин кивает, лоб его по-прежнему нахмурен.

— Подозреваю, это были хорошенькие маленькие девочки с крылышками, как у бабочек? — коротко предполагает он.

— Да, вариации на эту тему, — подтверждает Эстер.

— Мне кажется, что большинство детей на самом деле ясновидящие, но половое созревание ограничивает их разум, а земные дела мешают развитию внутреннего зрения, — говорит Робин. — Именно поэтому дети так много знают об элементах и так часто в их фантазиях появляются эльфы. Мне бы очень хотелось поговорить с вашими ученицами о том, что они видят, миссис Кэннинг.

— Разумеется, вы могли бы прийти, мистер Дюрран, только, боюсь, школа закрыта до конца лета. Учеба возобновится, только когда соберут урожай.

— Жаль. — Робин пожимает плечами.

— Но почему эти самые духи природы принимают человеческое обличье? С чего бы им являться в образах девушек, пусть с крыльями и некоторыми другими нечеловеческими атрибутами? Если они хранители деревьев и других растений — души этих растений, как раньше говорила Эстер, — тогда они должны бы выглядеть как растения? — спрашивает Амелия, и в ее голосе звучит неприкрытый скептицизм.

Эстер чувствует, как сердце колотится быстрее, от смущения она неловко ерзает на стуле. Она мысленно умоляет сестру умолкнуть. Робин натянуто улыбается, глядя минуту в свой суп, прежде чем ответить.

— Разумеется, потому, что элементы способны проникать в наши мысли, в наш разум, и они принимают ту форму, какую находят там, форму, в которой они могут предстать перед нами и быть

понятыми. Форму, которая кажется им прекрасной и которая нам тоже кажется прекрасной.

— Они способны читать наши мысли? — спрашивает Альберт, кажется несколько обескураженный этой идеей.

— Ну, может быть, не очень ясно и разборчиво, однако достаточно хорошо для того, чтобы извлекать из нашего сознания образы и чувства. И наверняка достаточно хорошо, чтобы улавливать эмоции и вибрации внутренних энергий человека, — отвечает Робин, глядя на Амелию так пристально, что та вынуждена отвести глаза.

— Но ведь их поведение явно... служит какой-то определенной цели, разве не так? — спрашивает Альберт, как будто действительно желая объяснить все дамам.

— Конечно. Они действуют исключительно для того, чтобы достичь своей цели: донести поток энергии до своих подопечных. Они передают абстрактные приказы своих старших, дэвов — народа, родственного низшим ангелам.

— Низшим ангелам? В самом деле? — удивляется Амелия, не скрывая недоверия в голосе. — И как же выглядят эти дэвы?

— Я никогда не видел их собственными глазами. Требуется гораздо более высокий уровень посвящения, чем тот, какого я пока достиг, однако в один прекрасный день я надеюсь подняться до него. Те же, кто видел, описывают их громадные размеры и ужасающую силу. Они во многом ассоциируются с силовыми линиями Земли, с могучими энергетическими потоками планеты. Я уверен, что именно образы дэвов лежат в основе наших традиционных преданий о драконах и великанах.

— О драконах? Вот как? — Амелия бросает на сестру веселый взгляд.

— Уверяю вас, никто не разбирается в этом лучше мистера Дюррана, миссис Энтвисл, — настороженно произносит Альберт. На его лице явственно отображается мысленное усилие, в глазах — тревога.

Эстер хочется потянуться к нему, взять за руку, однако за столом это было бы неприлично.

— О, нисколько не сомневаюсь, — отвечает Амелия, иронически поднимая брови.

Робин улыбается тонкой, задумчивой улыбкой, как будто над понятной лишь избранным шуткой.

Эстер отчаянно ищет способ перевести беседу на другую тему, однако Робин заговаривает раньше, чем она успевает что-то придумать.

— Существует немало свидетельств тому, что, несмотря на первичность своей природы, элементали живут жизнью куда более свободной и радостной, чем все человечество, вместе взятое. Цель теософии в том, чтобы восстановить утраченное равновесие, позволить человеку, полностью сознающему свое положение и окружение, жить свободнее, меньше зависеть от повседневности и материального мира, — сообщает он, опуская ложку и складывая руки перед собой на столе. — Джеффри Ходсон, величайший ясновидец, видел ундин — водных элементалей — в Ланкашире. Он заметил их в струях быстро текущего потока. Эти существа — некоторые из них были до двенадцати дюймов ростом — парили в радугах, образовывавшихся из-за водяных брызг, впитывая живительную энергию солнца и воды, пока ее не становилось так много, что они уже не могли ее в себя вместить. Он заметил, с какими усилиями, как сосредоточенно они собирали и удерживали накопленную энергию, пока уже не готовы были лопнуть. И тогда они испускали ее в миг наивысшей эйфории, и их краски переливались, глаза блестели от великой радости и восторга, после чего они погружались в полусонное состояние блаженной неги.

Эстер смотрит в свой суп, на ложку, которая застыла над тарелкой. Она не смеет поднять глаз ни на кого за столом. По щекам расплзается густой румянец.

— И какой же вывод мы должны сделать из этого опыта? — холодно интересуется Амелия.

— Наверное, такой, что сдерживая наши... наши природные ритмы... ради социальных норм и правил, мы все дальше отодвигаем себя от уровня элементалей и от божественных процессов в природе, — говорит Робин, и в его голосе нет даже намека на что-нибудь непристойное. — Экстаз ундин, очевидно, питает воды и растения вокруг потока. Ундины же впитывают в себя жизненную силу и воды, и растений, чтобы освободиться от напряжения.

— Вы предполагаете, что... человеческие существа могут достичь подобного состояния? — спрашивает Амелия, хотя Эстер мысленно умоляет ее помолчать.

Робин переводит взгляд с Амелии на Альберта, затем на Эстер, которая, ощущая на себе его взгляд, невольно поднимает голову.

— Я предполагаю... что было бы излишним попытаться, — говорит он.

В наступившей тишине ночные бабочки и мухи шуршат и стучаются о стеклянную люстру, заставляя дрожать маленькие подвески, а искры света — танцевать по стенам. Альберт прочищает горло.

— Не угодно ли еще хлеба, миссис Энтвисл? — предлагает он любезно.

В субботу ночью Кэт не может заснуть. Она вспоминает бабочек в столовой: утром они станут вялыми или умрут, вцепившись в складки занавесок и углы оконных рам. По непонятной причине это ее тревожит — то, что их заманили в ловушку по прихоти викария. Сестра у Эстер очень красивая, с такими же синими глазами, как у Джентльмена. Кэт просто оторопела, когда эти глаза устремились на нее в первый раз, впервые встретились с ее взглядом. Она ожидала, что ее будут бранить или читать нотации. Ожидала, что ее узнают, однако взгляд голубых глаз миновал ее, лишь беспечно скользнув по лицу, — богачи всегда так смотрят на прислугу, — и это почему-то ее оскорбило. Глубоко за полночь снизу доносится грохот. Кэт морщится, ее пульс становится чаще. Может быть, кто-то из детей упал с кровати, а может быть, Робин Дюрран рыщет по дому с неизвестной целью. Красивый, беззаботный, коварный Робин Дюрран. Чего он добивается? Хорошо бы немного поспать. Завтра к полудню возвращается Джордж. Вечером она увидится с ним, и ей не хочется выглядеть измученной, с серым лицом, вялой. Однако сон не идет. Кэт лежит, прислушиваясь.

Смерть украдкой проникает в ее комнату, чтобы составить ей компанию. Кэт проваливается в мучительное забытие, возвращаясь к смертному одру матери: тьма и мрак за задернутыми занавесками, отовсюду отвратительно пахнет кровью, и за этим запахом скрывается смрадный дух смерти, его не заглушить и не прогнать ароматами цветов, которые Кэт принесла и расставила вокруг кровати, трав,

которые она бросала в огонь. Подушка матери была в багровых пятнах. Каждый раз, когда она кашляла, появлялось все больше пятен. Она с трудом поворачивала голову набок, чтобы мокрота впитывалась в подушку. Они уже не пытались вытирать ее платками. У них не было столько платков. Мать больше не поднимала головы, чтобы сплевывать в миску, и Кэт была не в силах приподнимать ее каждый раз. Очень уж часто пришлось бы это делать. Истощение организма — этот вердикт врачи вынесли еще несколько месяцев назад, и в их голосах не было ни надежды, ни намек на утешение. И мать угасала — под конец она превратилась в призрак, опустошенный, лишенный речи и сил. Глаза ее выцвели, стали серыми, как волосы и кожа. Еще одна тень в комнате. Такая непохожая на себя, такая безжизненная. Кэт определила, что мать умерла, только потому, что сип в легких затих, а потом и вовсе прекратился. Внешне она совершенно не переменилась. Кэт встала и посмотрела на нее, не совсем понимая, что делать дальше. Это прерывистое влажное сипение, размеренное, как биение ее собственного сердца, так долго было частью ее жизни, что тишина напугала ее. Она стояла дрожа и слушала, пока от тишины не заболела голова. Ей было тогда двенадцать лет.

Как только небо начинает светлеть, Кэт встает, вытряхивая из головы образы, навеянные бессонницей: о прошедших годах, о поколениях людей, которые рождаются и умирают, пока медленно тикают ночные часы. Спина ноет, мышцы затекли от долгого трудового дня и ночи, проведенной в одной и той же позе. Когда она потягивается, суставы хрустят. Она выгибает спину, словно танцовщица, ощущая, как сухожилия растягиваются, возвращаясь к жизни. Кэт умывает лицо — струи воды ударяют в таз громко, будто раскаты грома, — расчесывает волосы цвета воронова крыла, тихо одевается и беззвучно спускается по лестнице. В доме стоит тишина: люди не движутся, стены не хрустят, не шумят заключенные в ловушку бабочки, не бегают неугомонные дети. Воздух неподвижный и гладкий, как шелковое одеяло, мягкого серого оттенка. Кэт как можно тише поднимает засов на задней двери, огибает сад по самому краю, пока не выходит через боковые ворота на дорогу между живыми изгородями. Небо блеклое, почти лишенное цвета, нечто среднее между серым, желтым и голубым, — солнце еще не приблизилось к

восточному горизонту. Пустой желудок урчит, и Кэт пытается вспомнить, когда ела в последний раз. Она находит под живой изгородью несколько ягод дикой земляники и медленно съедает их, наслаждаясь тем, как сок брызжет под языком.

Робин Дюрран уже ждет ее у лестницы через изгородь, которая пересекает луг. Кэт от удивления замедляет шаг, увидев его. Она была почти уверена, что он не придет, почти уверена, что этот час существует только для нее одной. Но конечно, это иллюзия, навеянная безлюдьем. На дальнем конце деревни мычит корова, и ее печальное мычание эхом разносится в неподвижном воздухе. Робин Дюрран поднимает голову, заслышав ее шаги, в предрассветном сумраке черты его лица почти неразличимы. Кэт останавливается, держась на расстоянии, и видит, как блестят его белые зубы.

— Можете подойти ближе, я не кусаюсь, — говорит он негромко.

— Понятия не имею, кусаетесь вы или нет. Я постою здесь, пока вы не объясните, зачем я вам понадобилась, — отвечает Кэт.

— Пойдемте. Давайте немного отойдем от дороги. Я не хочу, чтобы кто-нибудь вас заметил.

— С чего бы это? Куда мы пойдем?

— В луга. Я нашел там прекрасное место. — Он протягивает руку, чтобы помочь ей перебраться через изгородь, однако Кэт останавливается. Рот у нее плотно сжат, взгляд угрюмый. Робин качает головой, опускает руку. — Послушайте, клянусь, что и пальцем вас не трону. Даю честное слово.

Кэт еще секунду размышляет, затем с большой неохотой переходит через изгородь, по-прежнему игнорируя протянутую руку.

— Невелика цена честного слова шарлатана, — бормочет она себе под нос. Кэт идет сбоку от Робина Дюррана, чтобы видеть его лицо.

У него на плече большая кожаная сумка, в другой руке фотоаппарат «Френа», которым он беззаботно размахивает на ходу.

— Я? Шарлатан? Какое сильное слово, Кэт Морли, и совершенно несправедливое. Почему вы так меня называете?

— Я верю своим глазам. Кто, как не шарлатан, стал бы очаровывать викария, дурачить его жену, шантажировать горничную, и все это в один день? Вы как змея, которая ослепляет своей красотой, а потом наносит удар, — говорит ему Кэт.

— Я еще и змея. — Он негромко смеется.

— Я верю своим глазам, — повторяют Кэт.

Они идут в высокой траве, обувь намокает от утренней росы, потревоженные насекомые неуклюже взлетают и кружат над ними. Предутренний хор с каждой секундой становится громче, разливаясь над травянистым ковром приливной волной. Несмотря ни на что, Кэт чувствует, что успокаивается. Невозможно не успокоиться, когда все вокруг кажется таким тихим, таким мирным.

— Люблю это время, — произносит Робин Дюрран, делая глубокий вдох.

Кэт тотчас снова настораживается.

— Куда мы идем? — настойчиво спрашивает она, ежась от утренней прохлады. Кожа у нее бежит мурашками, она скрещивает руки на груди.

— Уже пришли. Здесь, у излучины, есть чудесная старая ива...

— Я знаю это место. И что?

— Знаете? Откуда вы его знаете?

— Разве человек не имеет права смотреть по сторонам? Даже если это прислуга? — натянута спрашивает Кэт.

— И почему вы постоянно так подчеркиваете свое положение? Кэннинги простые люди, и он и она. Почему вы так противитесь своей судьбе? — Робин, кажется, искренне недоумевает.

Кэт окидывает его подозрительным взглядом.

— Я слышала, вы когда-то были поэтом. Священником, политиком? — спрашивает она. Робин смотрит на нее, хмурясь, и Кэт улыбается. — Как вы сами говорили мне, мистер Дюрран, в таких деревнях слухи распространяются быстро.

— Ладно, и что с того?

— Вам бы понравилось, если бы вам еще в детстве сказали: ты не будешь поэтом, ты не будешь священником или политиком? Ты должен стать банковским клерком. Вам бы понравилось, если бы вам даже не позволили попробовать что-то другое? Не разрешили понять, чего вам на самом деле хочется, кем бы вы хотели стать?

— Банковским клерком? С чего бы...

— Я для примера! — отвечает Кэт.

— Но вы же из рабочего класса, Кэт. Подобные вещи неизменны...

— Неужели? — взвывается Кэт. — А что делает их таковыми? Что заставляет меня быть рабочим классом?

— Ваше... происхождение и недостаток образования... Ваше рождение, Кэт. Уж это-то вы понимаете?

— Ага, вот мы и докопались до сути. Мое рождение. В моей крови есть что-то такое. Слугами рождаются, как говорит миссис Белл. И вы согласны? — спрашивает она.

Робин смотрит на нее, озадаченный, и размышляет, прежде чем кивнуть:

— Думаю, да.

Кэт невесело улыбается.

— Что ж, вот вам и ответ, — говорит она.

Минут через десять они доходят до ивы, деревня у них за спиной совершенно скрылась из виду, если не считать церковного шпиля, серого и тонкого, нацеленного в мраморные небеса. Почва плавно идет вниз к реке, где старое дерево свесило свои неподвижные конечности: гибкие ветви печально склоняются до самой воды, плещутся, морща зеркальную гладь.

— А теперь пора поторопиться, — говорит Робин, опускаясь на одно колено в мокрую траву и открывая кожаную сумку. — Нужно успеть до света. К тому же викарий может потерять терпение и отправиться следом.

Над рекой в воздухе висит бледная дымка тумана, достигающего до плеч, она колыхается и дышит тем живее, чем ярче разгорается небо на востоке.

— Да что это такое, в конце концов? Что за игру вы затеяли?

— Никаких игр, Кэт Морли. Я просто хочу сделать ваш портрет, — отвечает он, на этот раз вынимая из сумки что-то завернутое в бумагу.

— Мой портрет? Фотографию? Зачем?

— Да, именно фотографию. У меня нет времени, чтобы рисовать вас. Кроме того, рисунок будет вовсе не таким убедительным... доказательством. А вот камера... камера лгать не может. — Он смотрит на нее, улыбаясь, затем поднимается и отдает ей свои свертки.

— Что это?

— Разверните.

Кэт делает так, как он сказал. В одном свертке оказывается одеяние из тончайшей белой кисеи, в сложенном виде похожее на пушистое облако. Кэт проводит пальцами по ткани, смущенная, перекидывает одежду через плечо, чтобы развернуть второй сверток. И едва не роняет его от удивления. Человеческие волосы. Длинные, скользкие льняные пряди, которые льются в руках, словно атласные нити.

— Настоящие волосы? Ничего не понимаю.

— Надевайте платье и парик, — командует Робин Дюрран, и в его голосе звучит нетерпение. Он готовит фотоаппарат, снимает крышку с объектива. — Только сначала снимите свое платье. Иначе будет просвечивать.

Кэт на мгновение задумывается, запрокидывает голову и смеется.

— Тише! — шипит Робин.

— Так это костюм? Хотите приодеть меня, сделать фото и заявить всему миру, что я элементарь?

Она снова смеется, не веря своим ушам. На лице у Робина вспыхивает сердитый румянец.

— Сделайте то, что вам говорят. Переодевайтесь! — отрезает он.

— Вы обманщик! Жулик! Вы верите в эльфов не больше, чем я! — насмешничает Кэт.

— Я не жулик! — кричит Робин Дюрран, вскакивая на ноги и возвышаясь над Кэт; от гнева грудь его вздымается, лицо наливается кровью. Его голос уносится в туман и растворяется в нем.

Кэт смотрит на него снизу вверх, несколько не испуганная.

— Наконец-то я вас поняла, — произносит она спокойно.

Робин делает глубокий вдох:

— Я не жулик. Элементарии существуют. Я по-настоящему верю, в самом деле... Даже не верю, а знаю. Это интуиция, а не вера. Они настоящие. Все это по-настоящему.

— Тогда к чему наряжать горничную в парик и фотографировать ее?

— Я... я не знаю. Почему у меня ничего не получилось? Почему они не хотят появляться перед камерой, как прочие существа, лишённые плоти, которые уже появлялись в прошлом...

— Вы действительно верите в них? В эльфов? — Кэт внимательно всматривается в него. Робин кивает. Кэт пристально изучает его, затем

мочает головой. — Потрясающе!

— Они сделают мне имя. Это... это непременно сделает мне имя. Так должно быть, — объявляет он.

— Ни разу в жизни не встречала человека, который верит в собственную ложь.

— Это не ложь. И как же тогда викарий? Вы говорите, что его бог — ложь, но он же верит в него.

— Тоже верно, — размышляет Кэт. — Что ж, хорошо, пусть вы обманываетесь так же, как и викарий, если от этого вам будет легче.

— Кэт, Кэт... — Робин улыбается. — Я не обманываюсь. Это мир, слепо занятый своими делишками, не сознает великого порядка вещей... это мир обманывается. И пусть фотография, которую я сделаю, будет в некотором смысле фальшивкой, однако сейчас теософия требует, чтобы ее последователи собрались с силами и несли знания широкой публике. Собрались с силами и просветили бы людей, которые иначе так и умрут, не догадываясь о великих истинах, известных нашим адептам. А я уже понял, что люди предпочитают оставаться в невежестве, если от этого им легче. Они не увидят сути, пока их не заставят. Я заставлю их увидеть суть. Я не оставлю им путей к отступлению, — говорит он с жаром.

— Вы лишились рассудка, — отвечает Кэт учтиво.

— Нет, — возражает он. — Я обрел его. Переодевайтесь. Иначе я расскажу, чем вы занимаетесь, куда ходите, и с вашими прогулками будет покончено, — отрубает он коротко и жестко. — Быстрее. Я могу вас уничтожить, если пожелаю. И не думайте, что меня что-нибудь остановит.

Кэт замирает, взгляд ее делается жестким.

— Сколько деликатности в этой вашей теософии, с помощью которой вы надеетесь меня просветить. — В ее голосе слышится горечь.

Развернувшись к теософу спиной, она снимает рабочее платье и надевает поверх рубашки наряд из кисеи. Он длинный, свободный и такой легкий, что льнет к телу от каждого ее движения. Кэт опускает голову — она видела, как это делали женщины в Лондоне, — и надевает парик. Стоя с опущенной головой, она замечает стрекозую красотку в каком-то дюйме от своего лица — стрекоза прицепилась с изнанки к светлому листку ириса: синее тело, сверкающие радужные

крылья трепещут, согреваясь для полета. «Сколько в мире тайн, сколько скрытой красоты, — думает она. — Все эти прекрасные создания действительно существуют, но только нам этого мало. Вечно мы ищем что-то еще». Парик тяжелый и грозит сползти под собственным весом. Только благодаря заколкам, которыми Кэт подкалывает свои волосы, он держится на голове. Она поправляет его, затем поворачивается к Робину Дюррану. Тот таращит глаза.

— Ну? — спрашивает она.

Длинные волосы обрамляют лицо. Она чувствует их непривычную тяжесть на спине. Совсем недавно у нее были длинные волосы, но, конечно, не такие длинные, как эти. Как же быстро она привыкла к тому, что их нет, хотя, когда ее только обрили, ей казалось, будто ее выставили голой на всеобщее обозрение.

— Вы изумительно выглядите, Кэт, — негромко произносит Робин. — Да. Вы именно то, что надо.

— В таком случае давайте быстрее закончим, — отзывается она.

Робин секунду смотрит на нее, потом хихикает:

— Ничего не получится, если вы так и будете стоять, скрестив руки на груди, моя милая.

— Я не ваша милая. Как, по-вашему, мне еще стоять?

— Да вообще не надо стоять. Танцуйте. Вон там, у края воды, где туман погуще. И снимите туфли.

— Танцевать?

— Танцевать, — отвечает Робин твердо.

Кэт отходит от него, ее босые ноги ступают по холодной и мокрой траве. Мягкая материя платья легко прикасается к коже, заставляя ее вздрагивать. Она никогда в жизни не танцевала. Не танцевала по-настоящему. Время от времени Джентльмен устраивал музыкальные вечера, не настолько грандиозные, чтобы называться балами, однако на них приглашался квартет музыкантов играть вальсы и квикстепы для двадцати — тридцати блистательных пар, а прислуга собиралась внизу у лестницы или даже под дверями великолепного салона, чтобы послушать музыку, разбиться на пары и устроить пародию на танцы, которая очень всех веселила. Это ее единственный опыт по части танцев, и сейчас, она знает, это не годится. Элементали не вальсируют с невидимыми кавалерами. Она вспоминает, какие ощущения пережила, когда ей впервые удалось оседлать велосипед викария и

доехать до баржи Джорджа. Ветер, бьющий в лицо, кровь, быстрее бегущая по венам, восторг от скорости и движения. Она думает о Тэсс в работном доме, о Джентльмене, который не спас ее. Кэт делает прерывистый вдох, все в ней вспыхивает от гнева.

Она раскидывает руки в стороны и подпрыгивает как можно выше, выгибается дугой и запрокидывает голову. Она приземляется тяжело, жесткая трава колет ноги. Кэт останавливается, делает глубокий вдох и бежит вперед, набирает скорость и снова подпрыгивает. И хотя сначала она чувствует себя глупо — ей кажется, будто мир смеется над ней, скачущей словно полоумная, — вскоре она забывает об этом. Сердце тяжело колотится, она часто дышит, продолжая носиться и скакать, высоко вскидывая ноги, вытягивая носок, широко разводя руки, или же всплескивая ими над головой, или заводя за спину. Она брыкается, кружится, неистовствует, и в этом заключена свобода — в отказе от приличий, мышцы горят, в рот и в нос бьет ветер. Она попирает всех их ногами: Робина Дюррана, Джентльмена, миссис Хеддингсли, Эстер Кэннинг. Она танцует, пока не начинает задыхаться, тогда она приваливается к старому дереву, чтобы отдохнуть, совсем позабыв о Робине Дюрране и его фотоаппарате, а потом она танцует снова, и ее охватывает тот же восторг от движения — возможность жизни и свободы. Когда она наконец замирает, вокруг нее с любопытством кружит стрекоза-красотка, треща крыльями, вспыхивая синими искрами в первых лучах солнца, расползающихся по небосводу. Отдышавшись, Кэт сознает, что даже не кашлянула. Ей нет нужды кашлять. Она улыбается, пока не замечает краем глаза Робина Дюррана, который стоит, медленно накручивая крышку на объектив.

Пав духом, Кэт роняет руки, и стрекоза рывком улетает прочь, исчезая в разгорающемся дне. Она сдергивает с головы парик, отбрасывает со лба потные волосы и идет к теософу.

— Это было просто чудесно. Вы выглядели... изумительно. Прекрасно, Кэт, — говорит ей Робин, и голос у него звучит иначе, в нем едва ли не уважение.

Кэт смотрит в сторону, протягивая ему парик.

— Нет ничего прекрасного во лжи, — отзывается она холодно. — Могу я идти?

— Да, — говорит он смиренно. — Да, вы должны вернуться раньше, чем вас хватятся.

— А вам предстоит важная работа, — добавляет Кэт саркастически, кивая на фотоаппарат.

— Кэт, об этом никому ни слова. Даже тому человеку, к которому вы спешили в грозу. Отныне будем надежно хранить тайны друг друга, — говорит он, и тон у него странно дружеский.

Кэт смотрит на теософа с отвращением, отходит на несколько шагов, повернувшись к нему спиной. Непонятное отчаяние охватывает ее. Кэт вдруг ощущает себя бессильной, уязвимой. Она чувствует, что никогда не освободится от того, что они сейчас сделали.

Глава восьмая

2011 год

Лия доехала до Ньюбери, где нашла уютное кафе с бесплатным интернетом. Третий день подряд по небу ползли низкие тучи, и она угрюмо смотрела на дорогу, останавливаясь на бесконечных светофорах и слушая, как серая вода шумит под колесами. Отыскав кафе известной ей сети, Лия взяла большую чашку горячего шоколада, устроилась в углу на диване и включила ноутбук. Кончики пальцев у нее были красные и онемели от холода. Проливной дождь бил по окнам, оставляя на стекле кристаллы ледяной крупы, пол в кафе блестел от влажных следов. Здесь пахло влажной одеждой и влажными волосами, возле двери стояли мокрые зонтики. Лия просмотрела список «Входящих», не обнаружив ничего интересного, пока не добралась до вчерашней почты. Там оказалось письмо от Райана. Сердце сильно забилося. Лия сделала глубокий вдох, ненавидя эту свою реакцию, какую вызывало любое упоминание о Райане, и открыла письмо.

Жаль, что ушла вот так, не прощаясь. Очень на тебя непохоже — ты обожала прощаться. Спасибо, что взялась за этот небольшой проект, который я нашел для тебя, я оценил. Наш покойник тоже. После твоего отъезда он отправился отдыхать — его задвинули обратно в холодильник. У нас тут прибыла очередная партия со строительной площадки нового жилого квартала — я же говорил, что покойники здесь по десятку за шиллинг. И обеспечивают таких, как я, денежками на карманные расходы. Дай мне знать, как продвигается расследование. Через пару недель приеду на шестидесятилетие отца. Может, встретимся, чтобы обсудить то, что ты раскопаешь? Я был рад снова увидеться с тобой. Честное слово. Хотя ты и позволила мне заплатить за ужин, не оставшись на завтрак.

Будем на связи.

Райан

Лия дважды прочла письмо, затем сердито перевела курсор на кнопку «удалить», но палец завис, дрогнул. Через несколько секунд, вздохнув, она убрала курсор. Вышла из почты и напечатала в строке поиска: «Фотографии эльфов из Коулд-Эшхоулта». Сначала посыпались ссылки на разнообразные сайты, посвященные оккультизму и паранормальным явлениям. Примерно в середине списка обнаружился адрес сайта деревни. Она открыла ссылку, перешла от объявлений о церковных службах и рекламы местных работников на вкладку «История». В двух абзацах уместилась вся жизнь деревни, начиная со скудных записей в «Книге Страшного суда»^[10] и заканчивая сведениями об упадке торговли из-за обветшания канала и о Второй мировой войне. Там же были черно-белые фотографии церкви и давным-давно умерших работников фермы, которые стояли, опираясь на вилы, на фоне наполовину сметанных скирд. Лия всматривалась в их глаза, как всегда зачарованная старыми фотографиями незнакомых людей. Глаза, скрытые тенями, неразличимы — лишь белая или серо-стальная точка вместо радужки. Люди, которые, стоя перед камерой, не думали о том, что через восемьдесят лет она будет сидеть в кафе, изучая их лица. Их жизни, их мысли, навсегда исчезнувшие. В конце страницы была приписка, где говорилось:

«Возможно, самым необычным эпизодом в истории Коулд-Эшхоулта оказалась публикация в 1911 году серии фотографий, сделанных ведущим спиритуалистом нашего времени, который заявил, что сфотографировал эльфов, живущих в заливных лугах на краю деревни. Робин Дюрран наслаждался недолгой славой после первой публикации снимков, которые были признаны подлинными его коллегами-спиритуалистами и прессой. Позже их подлинность была подвергнута сомнению, несмотря на горячую защиту со стороны vicария Коулд-Эшхоулта Альберта Кэннинга. Живут ли эльфы в наших лугах? Решать вам!»

Ниже были помещены две черно-белые фотографии. На первой был широкий ровный летний луг, поросший высокой травой и чертополохом, и на заднем плане — расплывчато — высокие деревья. В центре возвышалось одинокое дерево, плакучая ива, согнутая от

старости, с почти серебристыми, светлыми листьями. Судя по уклону, ива стояла на берегу реки, хотя воды не было видно. Справа от дерева виднелась маленькая, слегка размытая фигурка. Это была женщина, пойманная в объектив, по-видимому, в прыжке или в танце. В миг неудержимого полета: руки и голова запрокинуты, светлые волосы, почти белые, струятся за спиной, растрепанные, длинные, едва ли не в половину роста самой фигурки. Лица не видно, его черты не в фокусе. Только изящный контур носа и подбородка, очень светлая кожа, глаза, очевидно, закрытые. Трудно понять, какого роста эта женщина, потому что ива могла оказаться высотой и в пятнадцать, и в тридцать футов, а трава — и в фут, и в три. Картинка вселяла странное беспокойство. Небо плоское, светлое, того же оттенка, что и бесформенное просвечивающее одеяние на фигуре. Ткань льнет к худому телу, по-детски плоскому, но в угловатых руках и ногах угадывается что-то взрослое, так же как и в пропорциях тела. Вся сцена словно из другого мира, полного света. Как будто освещение в тот день было особенным либо воздух был подернут дымкой. Фотография выглядела жутковато, но Лия всматривалась в нее, пока не заболели глаза. Танцующая фигура казалась ей больше похожей на привидение, чем на эльфа.

На второй фотографии рассмотреть ее было еще труднее. Почти весь кадр занимала сама ива, снятая крупным планом, и в ее тени фигура казалась бледным пятном. На этот раз она не танцевала, а стояла, прижавшись к стволу, протянув руки вверх, к ветвям, опустив повернутую вбок голову, отчего черты лица снова терялись в тени дерева и волос, которые свисали ниже пояса, похожие на длинные нити паутины. Жалея, что под рукой нет принтера, Лия долго изучала фотографию, едва не носом уткнувшись в монитор. Если кто-то хотел поверить в эльфов, решила она, то смог бы. Фотографии были старые, нечеткие, фигура бесполоя и трудноразличимая, однако же все равно ощущалась ее необычайная красота и изящество. От Марка Кэннинга она знала, что человек по имени Робин Дюрран, сделавший фотографии, в то время гостил в доме викария и его жены, прадедушки и прабабушки Марка. Значит, Марк был прямым потомком той женщины, которая писала письма солдату, однако доступ к ее ДНК никак не поможет идентифицировать личность солдата. Эти письма, интуитивно понимала Лия, были написаны не члену семьи. Неужели она писала Робину Дюррану?

Из-за туч вышло солнце, нестерпимо яркое, отчего на монитор стало трудно смотреть. Заморгал от неожиданного света, Лия отвернулась от окна. Она пролистала несколько сайтов, посвященных паранормальным явлениям, где и фотографии и тексты были второй производной от знаменитых фей из Коттингли, на подлинности которых, как известно, настаивал сэр Артур Конан Дойл. На одном сайте она наткнулась на короткую биографию Робина Дюррана, в которой он был представлен скорей теософом, нежели спиритуалистом. Лия выписала незнакомое слово в записную книжку. Откинулась на спинку дивана и, щурясь, посмотрела в окно на шагавших по улице людей. Из-за резкого света улица неожиданно сделалась черно-белой, люди и здания превратились в силуэты с четко очерченными контурами. В другое время года это же солнце смягчило бы все краски и осторожно высветило бы многочисленные оттенки. Но сейчас оно было пронзительное и безжалостное, как нож. Лия взглянула на часы. Марк Кэннинг пригласил ее в полдень осмотреть старый дом викария — до встречи остался час. В пабе он рассказал ей, что фотографии с эльфом неизменно вызывали легкое замешательство у его родителей и у бабушки с дедушкой, которые всегда руководствовались логикой и не тратили времени на подобные глупости. Тот факт, что их предок, викарий Альберт Кэннинг, совершенно безупречный во всем остальном, уверовал в столь откровенную ложь, считался весьма странным и даже трагичным.

Вспомнив о Марке, Лия представила его себе таким, каким увидела в последний раз, в темноте перед баром, когда они церемонно желали друг другу спокойной ночи. Мышца под глазом подергивалась, лицо серое, что было видно даже в тусклом свете одинокой лампочки над дверью. Явный признак нервного истощения. Лия прижала пальцами кожу под своим глазом, искренне сочувствуя Марку. Марк, кажется, не заметил ее странного жеста. За весь вечер она больше не расспрашивала о нем, лишь в самом общем смысле, пытаясь установить степень его родства с Эстер Кэннинг. Ей хотелось засыпать его вопросами, однако он держался настолько замкнуто, что она побоялась его отпугнуть. Его вспышка гнева на нее за то, что она журналистка и, возможно, интересуется именно он, разумеется, еще больше подогрела ее любопытство. Почувствовав лишь крохотный укол совести, она снова развернулась к компьютеру и набрала в

«Гугле» его имя. Появились ссылки на статьи. Не с самыми крупными заголовками, зато со сведениями такого рода, какие мусолят неделями, оставляя по две-три колонки где-нибудь на восьмой или девятой полосе. Она пробежала глазами несколько статей, закусив от изумления губу и тараща глаза. Теперь она смутно припомнила, что краем уха слышала что-то об этом деле, но было это утром за завтраком, когда она бездумно смотрела телевизор, на самом деле пропуская все мимо ушей. Ничего удивительного, что он не желал говорить с журналистами. В последние полгода они его истерзали.

В полдень она снова пришла на заросшую травой дорожку у старого дома викария. Дождевые капли с дверного молотка сбежали ей на руку, и она сразу почувствовала, что продрогла, и спрятала в шарф подбородок. В запущенном саду начали кое-где появляться островки ярких красок. Пурпурные гиацинты и бледно-желтые нарциссы, мятно-зеленые стрелки тюльпанов, пробившие себе дорогу сквозь слой гнилой коричневой листвы. Лия вспомнила «Таинственный сад», [11] любимую детскую книжку. Кучи жухлых листьев лежали повсеместно, кое-где в полфута высотой, но к лету, даже если никто не станет им заниматься, сад превратится в непроходимые джунгли. Растениям, чтобы ожить, требуется гораздо меньше помощи, чем воображают садовники, подумала Лия. Она оглядела стену рядом с дверью. Деревянная рама ближайшего окна сгнила до самого основания. Краска сохранилась лишь в виде отдельных чешуек, замазка, на которой держалось стекло, раскрошилась, и то тут, то там на разбухшей от сырости древесине проступал восковой оранжевый грибок. Неожиданно раздался грохот засова, отодвигающегося на двери.

Марк открыл дверь рывком, от которого Лия содрогнулась.

— Чертова дверь вечно заедает в дождливую погоду. Входите скорее, дождь ведь, — сказал он. С прошлого раза, когда она видела его, он побрился и вымыл голову, но по-прежнему казался измученным, однако был спокойнее, чем раньше.

— Спасибо. Я просто любовалась садом, — сказала она, улыбаясь, чтобы он не решил, будто она критикует его.

Марк закатил глаза:

— Знаю. Все пришло в упадок, не только сад. Отец действительно запустил хозяйство. Мне следовало бы чаще помогать ему, но... вы же знаете, как это бывает. Жизнь вносит свои коррективы. Дом стоит пустой уже полгода. С тех пор, как отец... — Он заколебался.

— О, простите. Его больше нет? — мягко спросила Лия.

— В некотором смысле да, больше нет. Входите.

Лия вошла в прихожую, просторную, но мрачную. Она подняла глаза. Одиноким голый патрон над головой висел без лампочки. Пауки развесили на проводах пыльные паутины. Воздух был застоявшийся, словно одного жильца этому дому было мало, чтобы наполниться жизнью. Пахло отсыревшей штукатуркой и холодными грязными полами, зимняя промозглость здесь ощущалась острее, чем на улице под дождем.

— Не предлагаю снять пальто — оно вам еще пригодится, — проговорил Марк, криво усмехнувшись, словно прочел ее мысли.

— В старых домах бывает промозгло. — На ее лице отразилось сочувствие.

— В особенности в этом. Бойлер накрылся. Единственное теплое место — кухня, там мне удалось оживить плиту. Хотите кофе?

— Да, спасибо.

Они прошли в заднюю часть дома, где свет из кухни мягко вливался в полумрак коридора. Лия вглядывалась в двери и углы, не в силах скрыть любопытство. Судя по всему, ремонта здесь не делали лет двадцать, если не тридцать. В гостиной стояли некогда дорогие диваны и кресла с продавленными подушками. Резьба на мебели была покрыта толстым слоем пыли, сама мебель в основном из темного дуба, который Лии всегда казался унылым. Потрепанные журналы для автомобилистов и рыбаков на стеллаже в коридоре были десятилетней давности. Абажуры на торшерах выцвели, выбеленные солнцем за многие летние месяцы, а ковры до того истерлись, что изначальные узоры и краски исчезли и стало видно нити основы. Бросив взгляд через плечо, Марк прочел на лице ее мысли.

— Не пугайтесь. Мой отец был человек консервативный. Не видел смысла что-то менять, пока это работает. А уже перед переездом был не в состоянии что-то отремонтировать.

— Я вовсе не пугаюсь, — поспешно возразила Лия. — Мне просто очень интересно. Я читала письма, которые ваша прабабушка

писала здесь много лет назад...

— Вы принесли их? Хотелось бы взглянуть, — проговорил он, выдвигая для нее кухонный стул.

— Конечно. — Лия покопалась в сумочке.

— Не торопитесь. Сначала кофе.

Он наполнил помятый металлический чайник, с грохотом опустил на горячую плиту. Рядом с плитой находился угольный люк, зев которого был покрыт мерцающей черной пылью. Кислый запах золы шел из него, заполняя помещение, и тончайшие угольные пылинки лежали кое-где на липкой виниловой столешнице. У противоположной стены находился продавленный зеленый диван с кучей скомканных одеял на одном конце, а на низком кофейном столике рядом с диваном, среди пустых чашек, стоял небольшой телевизор. В кухне предметы были такими же старыми, как и все в этом доме: столешницы из белого искусственного мрамора, дверцы шкафов из искусственной березы. Марк попытался выдвинуть намертво заклинивший ящик, скрипнув зубами от раздражения. Он быстро сдался, запустил в щель руку и выудил чайную ложку, подцепив ее кончиками пальцев.

— Теперь вы понимаете, насколько это подходящее место, чтобы спрятаться. Дом, позабытый временем, — проговорил он угрюмо.

Лия не знала, стоит ли рассказывать о том, что она успела прочесть в интернете. Она украдкой взглянула на его озабоченное лицо и сочла за лучшее промолчать. В его серых глазах застыло напряжение, и она поняла, что с Марком нужно обращаться очень осторожно. Хотя все уже было позади, во всяком случае суд. Марк был оправдан, но он до сих вел себя так, будто ждал нового следствия.

— Должно быть, в свое время это был величественный дом. То есть он и сейчас великолепный, но... — Она осеклась.

— Не волнуйтесь. Я прекрасно понимаю, в каком он состоянии, никаких обид. Дом викария обычно бывал самым лучшим в таких небольших деревушках, за исключением, конечно, помещицкого дома. В те времена викарий считался самой значимой персоной после землевладельца.

— Как получилось, что дом остался в собственности вашей семьи, когда перестал быть домом викария?

— Точно не знаю. Должно быть, мои прадед и прабабушка выкупили его у церкви. — Он пожал плечами.

— Не сохранилось ли у вас каких-нибудь детских воспоминаний о ней? Об Эстер Кэннинг?

— Нет, совершенно никаких. Извините. Она умерла до моего рождения. Зато я хорошо помню своего деда Томаса, сына Эстер, хотя и он умер, когда я был совсем маленьким.

— Значит, дом перешел к вашим родителям? И вы росли здесь?

— Нет-нет. Он достался моим дяде и тете. Здесь росли мои кузены. Я бывал в гостях несколько раз на рождественских каникулах. Дом перешел к отцу лет десять назад, когда умер дядя.

— Почему не к вашим кузенам?

— Один из них погиб в автокатастрофе, когда ему было двадцать два года, а кузина переехала в Австралию и утратила связь с семьей. Я лет пятнадцать ничего о ней не слышал. — Он поставил на стол две кружки с кофе и заметил напряженное выражение ее лица. — Да, знаю-знаю. Мое семейство нельзя назвать счастливым и гармоничным. — Он кривовато улыбнулся. — Доказательством тому мое нынешнее положение, — прибавил он, как будто обращаясь к самому себе. — А у вас? Семейная гармония или «Шоу Джереми Кайла»? — спросил он.

Лия улыбнулась:

— Семейная гармония, в основном. У нас все очень традиционно. Земля под Лондоном, золотистые ретриверы, и все в таком духе. Мать в Женском институте, отец играет в кегли. Можете себе представить картину.

— Звучит неплохо. Вы часто с ними видитесь?

— Да, пожалуй, часто. Хотя они не любят Лондон — слишком шумно для них. Мне вечно приходится ехать к ним самой, чтобы увидеться.

— Что заставило вас переехать в Лондон?

— А что заставляет всех? Работа, друзья, культура. Разве вы туда не за этим поехали? — спросила она, не успев подумать.

Он застыл, лицо его потемнело.

— Мне казалось, вы не знаете, кто я такой, вообще ничего не знаете обо мне.

— Сегодня утром посмотрела в «Гугле». Простите. Вы вели себя так странно при первой встрече... — Она постаралась улыбнуться, однако Марк помрачнел.

— Не без причины, — сказал он.

— Понимаю. То есть... теперь понимаю. И я не собираюсь ни о чем расспрашивать вас, — заверила она.

Он некоторое время угрюмо смотрел в свой кофе, нахмутив темные брови, опустив глаза.

— Спасибо.

— Вот, читайте, — сказала Лия, быстро протягивая письма.

Марк пробежал страницы.

— Что ж, — произнес он, роняя листы на стол. — Понятно, почему вы так ими заинтересовались. Драматично, не так ли? Она явно была сама не своя. Жила в «страхе и подозрениях», и все было «таким странным и мрачным»...

— Именно. У вас нет никаких соображений по этому поводу? Не слышали никаких семейных сплетен или преданий о чем-то, что она могла иметь в виду? Может быть, вы догадываетесь, кому она могла писать?

— Господи, Лия! Это же было почти за шестьдесят лет до моего рождения! Я никогда в жизни ее даже не видел. Единственный семейный скандал, о котором мне известно, связан с эльфами. Да и это не совсем скандал: какой-то парень умудрился убедить кучку людей в существовании фей. А потом все они снова разубедились, — произнес он, подводя итог.

— Жаль, что она не ставила дат. И что у нас нет конвертов с почтовыми штемпелями. Ничего нет. Если в тот год этот теософ проводил здесь много времени, то есть вероятность, что она писала ему. Значит, погибший солдат может оказаться Робинот Дюрранот. Мне необходимо узнать о нем больше. Для начала — что значит теософ?

— Не знаю. Очевидно, это как-то связано с религией или спиритизмом. В те времена многие верили в весьма странные вещи. Например, в бога. — Он улыбнулся.

— Не стоит так шутить, вы будете удивлены, узнав, насколько некоторые люди болезненно воспринимают подобные шутки.

— О-о-о, знаю. Я всегда это считал двойными стандартами. Кто угодно может явиться к моему порогу и заявить, что я веду неправильную жизнь с точки зрения их любимого бога, но если я встану и заявлю, что бога нет, то все вокруг страшно обидятся.

— Похоже, вы говорите, исходя из личного опыта?

— Ну да, с моей невесткой. Всего лишь один эпизод моей печальной истории.

— Мне показалось, вы не хотите о ней говорить?

— Не хочу, — подтвердил он, быстро пожав плечами.

Он отвернулся и поглядел в кухонное окно, а Лия как следует рассмотрела его лицо. Длинный прямой нос, густые волосы, подернутые сединой. Он казался худым, немного измученным, спина устало сутулится, плечи вздернуты, под вылинявшим джемпером угадываются выпирающие кости. Его взгляд слишком уж легко устремлялся в никуда, скользя мимо нее, словно следуя за своими мыслями. Неожиданно Лия увидела, какой он уязвимый, — жизнь прошла по нему тяжелым катком. Ей была знакома усталость, сопровождавшая каждое его движение, она прекрасно помнила ее по тем долгим дням кризиса, когда она ушла от Райана. Слова так и вертелись у нее на кончике языка: «Я знаю, что ты чувствуешь». Марк сделал глубокий вдох и резко выдохнул через нос.

— Вы не голодны? Не хотите пообедать? — спросил он.

— Конечно. Спасибо.

С разрешения Марка Лия отправилась на экскурсию по дому, пока он взбивал в миске яйца и резал грибы для омлета. Она шла по широкой лестнице со все нараставшим волнением, которое поднималось в ней, как пузырьки, словно в детстве, невольно заставляя улыбаться самой себе и учащенно дышать. Рассохшиеся половицы поскрипывали под ногами. Полы отсырели, но воздух был сухой, как старые кости, настолько сухой, что першило в горле и хотелось чихнуть. Она заглянула в хозяйскую спальню, которая до недавнего времени принадлежала отцу Марка. Занавески с обильными россыпями пышных роз, некогда алых, а теперь ржаво-коричневых, как засохшая кровь. Гардероб, туалетный столик, комод — мебель слишком маленькая для просторной комнаты. Кровать с массивным изголовьем красного дерева, на которой горой под покрывалом лежали пыльные пуховые одеяла, подушки в лоснящихся желтых пятнах, как будто от апельсинового сока, а на самом деле от пота и кожного сала всех, кто спал на них. Запах здесь стоял знакомый, одновременно отталкивающий и умиротворяющий. Так пахнет старая одежда, не стиранный и ношенный так долго, что успевает принять форму тела и

впитать его запахи. На радиочасах горели красные цифры 00:00, и каждый раз, когда цифры начинали мерцать, раздавалось слабое электрическое жужжание. Стояла чайная машина тридцатилетней давности, пыльный пресс для брюк, набор проволочных плечиков на крючке за дверь. Лия заглянула в каждый угол этой печальной, запущенной комнаты, находя ее одновременно угнетающей и волнующей. Она словно подсматривала за чужой жизнью, но в таком тихом мире, таком старомодном, что он вовсе не походил на реальность.

Одна дверь открывалась в смежную ванную: ванна со следами серо-голубого известкового налета; растрепанная и истертая зубная щетка в надтреснутой желтой кружке с надписью «Проснись и пой!», выведенной на боку жирными буквами; бритва в засохшей мыльной пене с остатками щетины. Коврик вокруг раковины и унитаза потемнел от плесени, по низу кружевной занавески пророс мох — окно не закрывалось до конца, и на подоконник просачивались капли дождя. Лия потянула на себя раму, немного приоткрыла и выглянула наружу, в сад за домом, где трава была по колено, поседевшая после зимы. Слева она увидела высокую стену двора и несколько разнородных построек, в одной из крыш зияла дыра. Два упитанных лесных голубя сидели бок о бок на коньке крыши, нахохлившись и распушив перья от дождя.

Лия продолжила путешествие, неслышно переходя из комнаты в комнату, как будто опасаясь кого-нибудь потревожить, хотя в комнатах, похоже, много лет никто не жил. В них стояла случайная мебель, лежал ненужный хлам (в одной спальне оказалось три стула-туалета для инвалидов и магазинный манекен), отсыревшие картонные коробки с книгами и журналами, одеялами, игрушками и кухонной утварью. Комнаты в мансарде, похоже, служили чуланам не один десяток лет. Коробки и сундуки возвышались кривыми башнями в три ряда. Лия добралась до окна в одной из этих спален, чтобы оценить их вид. На подоконнике стоял запыленный старый ящик для фруктов, в который запихнули стопку картинок в рамках, большинство из них были без стекол. Лия смела несколько мумифицированных мух и пригляделась. Выцветшие акварели; небольшая гравюра Карла Первого; еще одна — с котятками, играющими клубком; вышивка (слова девиза так выгорели, что она с трудом смогла прочитать) с

небольшой полосатой кошкой в уголке, выгибающей спину среди цветов; фотография дома, сделанная сепией, с подписью «Дом викария в Коулд-Эшхоулте, 1928 год», аккуратно напечатанной внизу. Лия взяла эту фотографию и понесла вниз, чтобы показать Марку.

Нижний этаж был лучше обустроен, однако на всем лежала печать давнего запустения, отчего Лию охватила легкая грусть, как будто она сама, как этот дом, затосковала по людям, которые жили здесь когда-то. Дверь, ведущая, по-видимому, в подвал, была заперта, и Лия с сожалением отошла, подергав ручку. Она вернулась в кухню, где Марк включил крошечное радио, и помещение наполнилось голосами дневных новостей. Марк стоял у плиты, повернувшись к ней спиной, и с бесстрастным видом жарил омлет. Лия опустила на стул, и Марк резко развернулся, когда она стукнулась коленом о стол.

— Среди ваших знакомых, случайно, нет журналистов, которые пишут о недвижимости? Наверное, придется выставлять дом на продажу. Какое-то время я надеялся, что отец вернется сюда, но зря. И чем быстрее мы свикнемся с этой мыслью, тем лучше, — проговорил он рассеянно, как будто она и не уходила из кухни.

— Журналистов, которые пишут о недвижимости? Я уже говорила, что не работаю в газете. Я фрилансер, — осторожно напомнила ему Лия.

Настроение, захватывая его целиком, кажется, менялось у него, как облака на небе в ветреный день. Даже сейчас, когда он стоял к ней спиной, было заметно, насколько он напряжен. Лия отодвинула письма Эстер Кэннинг и положила сбоку фотографию дома, не зная, что сказать.

— А что с вашим отцом? Он болен? — спросила она, не успев прикусить язык.

Марк снова посмотрел на нее, словно пытаясь прочесть ее мысли. Его взгляд смягчился, лицо обмякло.

— Он в доме престарелых.

Лия всматривалась в Марка, пытаясь угадать его возраст, чтобы вычислить, сколько лет может быть его отцу. Марк заметил ее пристальный взгляд, коротко и горько улыбнулся:

— Ему семьдесят, на тот случай, если вам интересно. Только у него раньше времени возникла деменция.

— О-о-о! Мне очень... правда, очень жаль это слышать.

— Это такая пакость. Страшная, отвратительная вещь, которая случилась с хорошим, добрым человеком, и это несправедливо. Впрочем, как и жизнь в целом. Когда я навещал его в последний раз, он вообще меня не узнал, — монотонно проговорил Марк, подходя тем временем к столу со сковородкой и раскладывая омлет на тарелки.

— Спасибо, — пробормотала Лия.

— На здоровье. — Он сел напротив и принялся есть омлет так, будто Лии вовсе не было здесь: взгляд снова устремился в пустоту, челюсти двигались механически.

Лия взяла вилку и медленно принялась за еду. Омлет снизу пригорел, грибы не прожарились и торчали, жесткие и сухие, из яичной массы. Она из вежливости ела, стараясь улыбаться, и наблюдала, как Марк тщательно прожевывает сырые грибы; постепенно его внимание снова переключилось на нее.

— Редкостная гадость у меня получилась, — сказал он наконец, и Лия сочувственно улыбнулась. — Ну ее к черту, пойдете в паб.

После более-менее сносного обеда из пива с бутербродами они отправились на заливные луга. Дождь прекратился, небо приобрело оттенок китайского фарфора, пухлые белые облака клубились прямо над головой, пока они шли по тропинке вдоль озера, уходя все дальше от канала. Почва чавкала под ногами, дерн пружинил в стоячей воде.

— Этих озер, вероятно, еще не было, когда Эстер писала свои письма и были сделаны фотографии с феями, — сказал Марк, шагая вперед с засунутыми в карманы руками.

— Откуда они взялись?

— Затопили гравийный карьер, почти весь. Хотя кое-где в здешних местах гравий до сих пор добывают. Раньше выгодное было дело. — Он чихнул — у них обоих из-за холодного ветра текло из носа. Марк даже раскраснелся, глаза блестели, отчего он казался оживленным.

— Думаю, тогда эти места были более открытыми. Меньше тропинок и полей, больше общинных земель и заливных лугов, — предположила она.

Марк пожал плечами:

— Возможно. Это часть реки. Она петляет на всем протяжении, впадая в канал и вытекая из него между Ньюбери и Редингом. Иногда

река и канал сливаются в одно русло, иногда расходятся. И по всему течению встречаются небольшие притоки и озера.

— Видимо, вероятность того, что дерево с фотографий сохранилось...

— Близка к нулю, я бы сказал. Оно и на фотографиях выглядит старым, а если оно было старым сто лет назад... Даже если его не срубили, оно должно было рухнуть само, — сказал Марк.

Он остановился, чтобы снова свериться с фотографией. В кабинете отцовского дома они обнаружили экземпляр брошюры, написанной его прадедом Альбертом Кэннингом, где рассказывалось о фотографиях и обстоятельствах съемки. Там же были и две фотографии, которые Лия видела в интернете, и еще две, на которых фигура была видна хуже.

— Так, вдоль канала ряды высоких деревьев, как здесь, и река раздваивается. — Он повернулся к ней и пожал одним плечом. — Мы никогда не узнаем, те ли это деревья, однако очень похоже на то. И луг идет вниз, в точности как на фотографии. Это место будет ничем не хуже, — сказал он, передавая Лии брошюру и осматривая окрестность.

Лия еще раз внимательно взгляделась в фотографию, затем подняла глаза. Марк был прав: пейзаж вокруг действительно похож на тот, что изображен на фотографии, как и любой другой, виденный ими за утро. Солнце казалось необычно ярким после стольких дождливых дней, и она прикрыла глаза брошюрой. Ручей, бежавший у ног, был чистый и быстрый, он деловито спешил вперед, прорезая себе путь среди травы. На дне виднелись коричневые и оранжевые камешки, обломки серого и белого кремня, пучки зеленых водорослей, струившихся вместе с течением. В короткой траве виднелись катышки овечьего и кроличьего помета, живая изгородь поодаль была испещрена кроличьими норами. Внезапно наступила весна, как будто потребовалось лишь солнце, чтобы Лия это увидела. Одуванчики с пушистыми желтыми венчиками, маленькие белые маргаритки, какие она знала с детства, крошечные пурпурные цветочки с пушком на листьях, каких она никогда не видела. Она нагнулась и подняла с земли палку, бросила в воду, глядя, как ту стремительно уносит течение. На другом берегу вспугнутый фазан рванул с места, удирая от них, потешно вскидывая на бегу ноги. Лия улыбнулась и глубоко вдохнула. Воздух был сырой и прохладный, с привкусом земных недр

и мягкой дождевой воды, зато солнце у нее над головой струило тепло, чудесный поток жара, какого она не ощущала с самого сентября. Она попыталась себе представить призрачный свет с фотографии, заливающий яркий пейзаж перед ней. Возможно, фотограф использовал какой-нибудь светофильтр? В самом деле, непохоже, чтобы там был туман, одно незнакомое, неяркое свечение, которое смягчает все линии таким образом, чтобы поселить сомнение. Сомнение или уверенность? Лия снова набрала в грудь побольше воздуха, наполняя легкие до предела.

— Боже! Как же приятно видеть голубое небо! — воскликнула она, снова распрямляясь и вытирая руки о джинсы. Она развернулась к Марку и увидела, что он смотрит на нее странным пристальным взглядом. — Что-то не так?

— Ничего, — ответил он и покачал головой, к нему вернулась прежняя хмурая обеспокоенность. — В детстве я часто приходил сюда играть с кузенами. Летом мы купались, не совсем здесь, чуть подальше, там, где излучина реки и течение помедленнее. Вода была холодная. — Он содрогнулся от воспоминания. — Каждый раз пробирало до костей. Но мне, конечно, приходилось лезть в воду. Не мог же я один оставаться на берегу.

Лия сунула руки в задние карманы джинсов и огляделась кругом, рассматривая окрестности.

— Что собираетесь делать дальше? — спросил Марк. В его голосе звучал искренний интерес и как будто отказ от своего мнения, словно он полностью отдавался на ее милость.

Она поглядела на него, щурясь на солнце, и поняла, что ему вовсе нечем заняться. Неудивительно, что он сделался такой легкой добычей своих настроений и воспоминаний.

— Не знаю, — призналась Лия. В конце концов, допустила она мысленно, эти фотографии с феями могут вовсе не иметь никакого отношения к тому, о чем писала Эстер. — Давайте немного пройдемся, воспользуемся тем, что больше не льет как из ведра. А потом, если вы не возражаете, мне бы хотелось внимательнее рассмотреть книги из кабинета. Там может найтись что-нибудь о теософии или об этом Робине Дюрране.

— Конечно. — Марк кивнул. — Эта тропинка ведет на край поля.

Он двинулся в указанную сторону, и штанины его джинсов внизу потемнели, пропитавшись водой с высокой травы. Он остановился, дойдя до грязной тропы, посмотрел, как Лия поднимается вслед за ним, дождался, чтобы она нагнала его, прежде чем вести дальше, словно неразговорчивый экскурсовод.

Позже Лия вернулась в кабинет старого дома vicария и принялась исследовать полки. Она обнаружила книги по теософии с выцветшими и потрескавшимися корешками, с лоскутами бумаги, свисающими с обложек; еще одну тоненькую книжку о фотографиях; и вовсе ничего о том, что хоть как-то касалось бы несчастного случая. Длинные ряды плотно составленных «Ридерз дайджест», солидный набор энциклопедий, тонны романов, в основном исторических, приключенческих, с героинями на обложках, неизбежно облаченными в корсаж с глубоким декольте и вздымающейся грудью. Лия искала, листала, надеясь получить какой-то результат, хотя и подозревала, что, скорее всего, ничего не выйдет. Она противилась острому желанию залезть в ящики принадлежавшего отцу Марка письменного стола, широкого, с обтянутой кожей столешницей, походившего на спящее животное, свернувшееся в темном углу; однако бумаги, оставленные на столе, когда она немного пролиستала их кончиками пальцев, оказались выписками из банковских счетов, чеками за свет и воду, листками календарей за последние два года и списками покупок, где каждый пункт был зачеркнут так старательно, что слов было не разобрать.

Когда солнце пошло на закат, Марк принес ей кружку чая. Войдя, он включил свет, отчего она заморгала. Лия и не заметила, как сгустились сумерки, натекли, как темная вода, в углы комнаты.

— Спасибо, — сказала она, когда он осторожно поставил кружку на стопку старых газет рядом с объемистым креслом, в котором она устроилась.

Кожа на подлокотниках была потертая, и, читая, Лия принялась тереть пальцами торчавшую набивку, рассеянно выдергивая ее жесткие внутренности. Россыпь крошек лежала у нее на коленях и на полу под ногами.

— Господи! Простите! Я не заметила, что делаю! — воскликнула она, спешно заметая следы преступления.

Марк коротко улыбнулся.

— Не стоит из-за этого волноваться, честное слово. — Он окинул взглядом кабинет, от пыльных складок на занавесках до захлавленных полок стеллажа. — Иногда нужен посторонний человек, чтобы ты увидел очевидное, — сказал он как будто себе самому. — Весь дом рассыпается, как это паршивое кресло. От всего нужно избавиться. Разом.

— Но... этот дом принадлежал нескольким поколениям вашей семьи... — проговорила Лия мягко. — Неужели не стоит сохранить хотя бы что-то?

— Сомневаюсь, что я когда-нибудь буду здесь счастлив. А кроме меня, никого не осталось. Нет, конечно, есть еще мои племянницы и племянник, невестка. Однако не думаю, что она захочет здесь жить. Не думаю, что привезет детей. Во всяком случае, пока я жив, — проговорил он мрачно.

Лия смущенно стряхнула остатки набивки с джинсов.

— Но ведь ваш отец пока еще жив? И это его дом. Разве вы можете что-то сделать, даже если захотите?

— Да. Он дал мне доверенность.

— А-а-а, — протянула Лия.

Она отхлебнула чая и вытянула ноги. Лия слишком долго просидела в одной позе, лодыжки и ступни затекли, и сейчас в них как будто иголки вонзились, миллион муравьев укусил разом. Не успев сдержаться, она забарабанила ногами по полу, словно ребенок, чтобы разогнать кровь.

Марк поднял голову, поглядел на нее с удивлением.

— Встаньте и попрыгайте, — велел он. — Самый лучший способ.

Морщась от боли, Лия послушалась. Она, в одних носках, запрыгала по вытертому до основы ковру кабинета, половицы прогибались, тусклые лампы жужжали над головой. Остановившись, она широко заулыбалась собственной глупости; Марк улыбнулся скупю, будто его лицо отвыкло от улыбок.

— Лучше? — спросил он, и она кивнула. — Что намерены делать дальше? — спросил он уже во второй раз за день.

Лия перестала улыбаться и осторожно посмотрела ему в глаза:

— Нельзя ли мне познакомиться с вашим отцом?

Дом престарелых оказался шикарным, современным зданием из коричневого кирпича, которое стояло, увитое диким виноградом, в окружении аккуратных садов; окна сияли чистотой, машины выстроились на парковке ровными рядами. Прошло два дня с тех пор, как Лия попросила Марка о визите сюда. Он остановил машину — заляпанный грязью «рено» — на безупречной гудронированной подъездной дороге, и на его лице отразилась угрюмая тревога, отчего Лия разнервничалась. Он заглушил мотор, и они минуту посидели в тишине, прислушиваясь к тиканью разогретого металла.

— Удалось ли вам еще что-нибудь разузнать? О теософии и об этом Дюррале? — спросил Марк в конце концов, как будто они выехали на машине, чтобы поболтать, а не для чего-то еще.

— О Дюрране. Нет. Вероятно, он потерпел фиаско в тысяча девятьсот одиннадцатом году, когда сделал фотографии в Коулд-Эшхоулте, о нем больше нет никаких упоминаний ни в брошюрах, ни в книгах. В Сети тоже ничего не удалось найти. Полагаю, если доверие к его фотографиям пошатнулось, о нем просто забыли. После того лета он как будто исчез, — сказала она. — Возможно, отправился на войну, впрочем до нее оставалось еще три года, к тому же это было бы странно для теософа. Из того, что я о нем прочла, следует, что он наверняка отказался бы от службы по религиозным соображениям. Для него любая жизнь была священна. Но возможно, после того лета он по каким-то причинам забросил теософию. Кстати, можете спрашивать у меня по теософии что угодно. Я теперь эксперт. Восточная философия, сплавленная с западным спиритуализмом, различные уровни духовного мира, многочисленные классы духовных существ, духовное прозрение. Реинкарнация. Аскетизм. Карма. Ясновидение. Третий глаз... Спрашивайте. — Она улыбалась, перечисляя и загибая пальцы.

Марк по-прежнему смотрел на дорогу и на нее поглядывал только искоса. Лицо его было печально.

— Вы готовы? — спросил он.

Улыбка Лии погасла.

— А вы? — спросила она.

Марк кивнул, отстегнул ремень безопасности.

— Только... не ждите слишком многого, хорошо? — предостерег он.

У стойки их приветствовала улыбчивая молодая медсестра с мягкими рыжими волосами, она записала их имена и выдала значки для посетителей, которые они пристегнули к одежде. Внутри здания было очень светло и жарко, и Лия оттянула горловину джемпера, который вдруг сделался слишком душным и тугим.

— Вы выбрали удачное время. У нас сегодня определенно хороший день, — зачирикала медсестра, протягивая им журнал для подписи.

Лия не поняла, имеет ли она в виду день в целом или же день отца Марка в частности.

— Хорошо. Очень хорошо, — отозвался Марк.

Поскольку он не сдвинулся с места, медсестра указала на коридор слева от стойки.

— Одиннадцатый номер, вы же помните? — проговорила она. — В общей комнате можете приготовить чай или кофе, если захотите.

— Спасибо, — сказала Лия, направляясь к коридору.

Марк двинулся за ней следом, но так и не нагнал, и Лия шла на пару шагов впереди, с нарастающим смущением считая двери. Запах в здании стоял сильный. Сладковатый, спертый запах людей и поношенной одежды, какого-то грубого искусственного освежителя воздуха и главное — тошнотворной смеси аммиака и хлорки. Лия делала неглубокие, опасливые вдохи, точно как в тот раз, когда Райан показывал ей тело погибшего солдата.

Джефффри Кэннинг сидел в кресле у окна в маленькой комнате, выходящей на сады перед домом и подъездную дорогу, по которой недавно проезжали Лия с Марком. Ковер на полу был зеленый, синтетический и очень жесткий. Мебель казалась только что из магазина: шпон светлого бука, на вид хлипкий, стулья набиты чем-то твердым. На окнах были вертикальные жалюзи, развернутые до упора. Сам Джефффри с виду был крепкий мужчина. Хотя он сидел, видно было, что он высокий. Ни намека на старческую сутулость. Он выглядел подтянутым и сильным, как будто бы мог вскочить и приветствовать их сердечным рукопожатием, услышав робкий стук Марка в дверь. Но он не вскочил. Он сидел, отвернувшись к окну, волосы у него были ровные, густые, серебристые.

— Папа? — позвал Марк, неловко топчась в дверях.

Лия протиснулась мимо него, силясь улыбнуться. Джефф бросил быстрый взгляд в их сторону, и на его лице ничего не отразилось. Марк стиснул зубы. Лия заметила, как у него напряглась каждая мышца. Она слегка подтолкнула его рукой, заставив поднять на нее глаза, а затем пройти через комнату к отцу.

— Папа, как ты? Это я, Марк. — Он наклонился над креслом Джеффа и похлопал отца по широкой морщинистой ладони, сжимавшей подлокотник.

Джефф издал слабое хмыканье.

— Наконец-то! Куда ты запропастился? Ты ушел больше часа назад, — проговорил отец Марка совершенно спокойно.

— Э-э-э... прости. Мне пришлось... немного задержаться.

— Ладно. Ничего страшного. Я им сказал, что ты вот-вот будешь, — продолжал Джефф, слегка улыбаясь. — Возьми стул, сынок, не стой столбом. Твоя мать сейчас принесет чай.

Лия видела, что последние слова Марку было особенно тяжело слышать. Она на секунду сжала ему руку, подбадривая, затем пододвинула два пластмассовых стула, похожих на школьные и стоявших по другую сторону от кровати. Из-за коврового покрытия ее обувь наэлектризовалась, и, когда она коснулась стульев, пробежали крошечные искры, от которых закололо пальцы.

— Спасибо, — пробормотал ей Марк. Джефф снова созерцал вид за окном, чуть покачивая головой, как будто соглашаясь с каким-то выдвинутым утверждением. И снова Марку пришлось коснуться руки отца, чтобы привлечь его внимание. — Пап? Это Лия Хиксон, мой друг, — представил он.

Лия улыбнулась, пробормотала «здрате», но Джефф на нее и не взглянул. Это было так странно, так неприятно, хотя она и понимала, что он не виноват. У него были такие же серые глаза, как и у сына, но они блуждали от одного конца сада к другому, будто выискивая что-то. Те же выступающие скулы, как и у Марка, то же худощавое лицо, прямой нос. Марк был не такой крупный, как отец, меньше ростом и не такой широкоплечий, однако сходство все равно было сильное.

— Вы просто копия отца! — тихонько сказала она Марку, который печально кивнул.

— На самом деле, нет. Я пошел в родню по материнской линии. Все так говорили. Это руки Гиддонов! — сообщил ей Джефф,

заговорив так внезапно, что они с Марком подскочили.

Джефф протянул руки, растопыбив пальцы, прямо Лии под нос и держал, пока не устали мышцы и от плеча к кончикам пальцев не пробежала дрожь.

— Хватит, папа, — сказал Марк, мягким движением возвращая руки старика обратно на колени.

Джефф выглядел удрученным и озадаченным, как будто не мог вспомнить, зачем вообще поднимал руки.

— Не понимаю, почему ты все время так меня называешь, — пробормотал он жалобно.

Марк с тоской посмотрел на Лию.

— Давайте я заварю нам чаю, — предложила она живо, встала, хотя никто ей не ответил, и выскользнула за дверь.

В общей комнате в конце коридора она наполнила кипятком три кружки из исходящего паром электрического титана, бросила в каждую по чайному пакетику и поставила на пластмассовый поднос вместе с маленьким металлическим кувшинчиком молока.

— Вы из клуба? — спросила ее пожилая женщина, беззвучно появившись за спиной.

Лия вздрогнула. Женщина была миниатюрная, похожая на птичку, такая прозрачно-тонкая, что вызывало недоумение, как она вообще стоит без посторонней помощи. Над морщинистой головой был белый пух, легкий, как у одуванчика. «Наверняка она раньше была блондинкой», — подумала Лия.

— Нет, не из клуба. — Лия смущенно улыбнулась.

Лицо женщины вытянулось, как будто она была ужасно разочарована.

— Но когда же они придут? Мне сказали, во вторник, так мне сказали. Если они не появятся в ближайшее время, будет уже поздно... — произнесла она дрожащим от волнения голосом.

— Прощу прощения... я не знаю, когда они придут, — ответила Лия. — Уверена, что уже скоро.

Женщина больше ничего не сказала, но так и стояла, глядя на нее снизу вверх с таким ожиданием, что Лия неловко взяла поднос и ушла, чувствуя себя ужасно, до боли виноватой. Это место словно портал, перекресток бесчисленных миров, подумала она. Место, где время и

смысл разные для каждого обитателя, и миры, в которых они живут, реальные, прошлые или воображаемые, накладываются друг на друга.

Вернувшись в одиннадцатый номер, Лия отжала и вытащила чайные пакетики. Пока она этим занималась, Марк успел поспрашивать отца о здоровье, о том, как с ним обращаются. И получил несколько ответов, в основном бессвязных.

— Я побывала в вашем замечательном доме, мистер Кэннинг. В старом доме викария, — сказала Лия, ставя перед мужчинами кружки с чаем. — Обожаю старые дома. Должно быть, приятно жить в доме с такой историей.

— Да, мои дед и бабушка выкупили дом у церкви. После войны. Дед у меня был священником, — сказал ей Джефф так отчетливо и ясно, как будто они все утро только об этом и говорили.

— Верно. И звали его преподобный Альберт Кэннинг, — решила подбодрить его Лия, однако Джефф увлекся ручкой своей кружки.

— Следите за детьми, чтобы не играли рядом с колодцем, понятно? — проговорил он, предостерегающе поднимая палец.

— Хорошо, будем следить, — сказала Лия осторожно. Джефф кивнул, довольный. — Вы помните своих бабушку и дедушку, мистер Кэннинг? Мне хотелось бы немного поговорить о них. В особенности о вашей бабушке Эстер Кэннинг. Я нашла несколько ее писем...

— Я, между прочим, не глухой, — сказал Джеффри несколько оскорбленным тоном.

Лия взяла себя в руки. Она в самом деле говорила слишком громко, считая, что так до него лучше дойдет.

— Извините, — сказала она, взглянув на Марка. Тот, пожав плечами, сдержанно улыбнулся. Лия немного подождала, не начнет ли Джеффри рассказывать, но он вернулся к созерцанию сада.

— Чтобы не играли возле колодца. Там живет призрак мальчика. Маленького мертвого мальчика, — бормотал старик, и голос его становился все тоньше и пронзительнее.

— Какого мальчика, мистер Кэннинг? — спросила Лия, силясь объединить единым смыслом его разрозненные фразы.

— Кто вы такая, мисс? — спросил ее Джеффри, снова развернувшись к ней с обескураживающим, неожиданным проворством.

— Я?.. Я Лия... — начала она объяснять, однако Джефф повернулся к сыну, заговорщически пнув его в колено.

— С блондинками проще, а? — проговорил он, хулигански улыбаясь.

— Так говорят, — согласился Марк, удивленно подняв бровь на Лию.

Она глубоко вдохнула, не зная, как быть дальше. Мысли Джеффри скакали с предмета на предмет, как непоседливые воробьи.

Небо за окном затягивали облака — огромные, серо-белые, тяжелые от непролитого дождя. Воздух в комнате посерел, прогоняя краски с их лиц и с яркой мебели. Марк вскочил, быстро включил верхний свет, как будто сумрак был для него невыносим.

— Мистер Кэннинг, вы не расскажете мне о своих бабушке и дедушке? Хоть что-нибудь.

— Напрасно теряете время, — сказал ей Марк ровно, возвращаясь на свой стул. Он сел, положив ногу на ногу, ковыряя большим пальцем шов на джинсах.

— Что-нибудь о скандале в семье? Который случился до вашего рождения? — настаивала Лия.

— Лия... — устало запротестовал Марк.

Джеффри Кэннинг развернулся к ней, на его лице играла любезная, недоумевающая улыбка, в глазах легкое беспокойство, как будто он наконец понял, что забыл что-то важное. Лия ободряюще улыбнулась и сжала его руку.

— Джон Профьюмо. Вот был скандал так скандал! Да. Чэдная девушка, такая была красотка! — сообщил он. — И другая! Блондинка. — Джеффри глубокомысленно закивал.

Марк недоверчиво покачал головой:

— Только это и вспомнил! Он всегда обожал Кристин Килер.

— Значит, шансов на то, что он что-нибудь вспомнит, почти нет, — сказала Лия, пав духом.

— Он помнит, но... — Марк помахал рукой в воздухе, — поди разберись в этом. Все спуталось. Дорожки между воспоминаниями и мыслями заросли сорной травой. Связи утрачены...

— Он мог не знать о фотографиях эльфов. В конце концов, не такой шумный был скандал. Вероятно, они позабылись через пару лет... — Лия вздохнула.

— Фотографии эльфов? Дело было не в них, Мэнди! Вовсе нет. За ними крылась большая тайна, такая, о которой нельзя рассказывать никому. Каждый раз, когда я спрашивал, что тогда произошло, мне говорили про скандал с «фотографиями эльфов», но это неправда. Я слышал их разговоры. Хотя ссор в доме не было, нет-нет, — сказал Джефф, с жаром пожимая ей руку. Сердце у Лии забилося чаще, она сильнее стиснула его ладонь, и он восторженно заулыбался.

— Так что же это была за большая тайна, мистер Кэннинг? Что произошло? — спросила она с нажимом.

Джеффри подался к ней, наслаждаясь эффектом.

— Убийство! — прошептал он громко, широко, по-детски, раскрыв глаза. — Жестокое убийство!

Мурашки пробежали у Лии между лопатками. Было что-то странное в том, как загорелись у Джеффри глаза, в том, как он прошептал это слово, как будто изображая, как оно звучало, когда он сам услышал его. Она вдруг поверила, что это подлинное воспоминание, что убийство произошло на самом деле и что именно из-за него так страдала Эстер Кэннинг. Убийство!

Глава девятая

1911 год

— Они... просто изумительные. Изумительные. Честное слово, это удивительные фотографии, — выдыхает Альберт, склонившись над столом и над фотографиями, будто не желая осквернить их прикосновением руки.

Робин Дюрран улыбается, лицо его светится от осознания своего триумфа. Он как будто не в силах говорить и молча протягивает руку, чтобы взять викария за плечо. Альберт поднимает руку в ответ, накрывает своей ладонью ладонь теософа, крепко сжимает его пальцы. По неизвестной причине пылкость этого жеста отвлекает Эстер от созерцания фотографий, и она ближе придвигается к мужу, сама осторожно кладет руку на другое его плечо. Так они и стоят, Эстер и Робин, по обе стороны от викария, пока тот сидит за столом и рассматривает фотографии теософа, которые отпечатаны этим же утром и слегка еще пахнут проявителем. Выдержав паузу, Робин мягко убирает руку с плеча Альберта, но тот не тянется к руке Эстер. Она борется с острым желанием ущипнуть его, навалиться всем весом, чтобы он ощутил ее присутствие.

Но вместо этого подается вперед и берет одну из фотографий.

— Осторожнее, Этти, — предостерегает Альберт. — Их легко испортить отпечатками пальцев или чем-нибудь еще.

— Я не испорчу, дорогой, — говорит ему Эстер. Она подносит фотографию к глазам настолько близко, насколько позволяет зрение. Странное, бесполое существо, облаченное в прозрачный белый наряд, с густыми волосами, ниспадающими за спину. На большинстве кадров это просто размытое пятно, различить черты лица невозможно, контуры тела теряются в складках ткани. Но на двух или трех отчетливо видна человеческая фигура, которая прыгает на тонких ногах, раскинув руки. — Ты видел таких же, Берти? Это одно из тех существ, о которых ты говорил мне?

— Да, — подтверждает Альберт, хотя в голосе нет полной уверенности. — Только это, кажется, отчетливее сформировано и гораздо выше ростом...

— Вполне ожидаемо, — быстро вставляет Робин. — Я предполагал, исходя из ваших описаний, Альберт, что вы видели существ поменьше, вероятно, это были элементарии, связанные с какими-то дикими цветами или луговыми травами. Я и сам встречал таких в здешних лугах, и они действительно меньше, у них более простая форма. А это, по-моему, хранительница старой ивы.

— Дриада? — спрашивает Альберт.

— Да, так их называли в античные времена. Как и дерево, которое она опекает, дриада крупнее и сложнее других природных духов. Я старался вовлечь ее в диалог, но она отнеслась ко мне настороженно, и это, наверное, справедливо, хотя я сделал все, что было в моих силах, посылая ей волны любви и приветствия.

— Возможно, это было грубо, — говорит Эстер, не в силах сдержаться. Робин бросает на нее взгляд. — То есть я хочу сказать... если она прожила в этом дереве на лугу так долго, вероятно, вы, как пришелец, не имели права приветствовать ее в собственном доме.

— Что ты, Этти. Не говори глупостей. Робин имеет в виду свои душевные вибрации. Речь вовсе не о принятом в обществе этикете, — говорит Альберт.

— Ясно, — произносит смущенная Эстер. — Но и я не это имела в виду...

— Ничего, все в порядке, миссис Кэннинг. Я вас понял. Разумеется, с такими чистыми и тонко чувствующими существами нужно быть осторожным, — говорит Робин благосклонно.

— Посмотрите, посмотрите на этот снимок. Лицо почти различимо. И какое прелестное, совершенно, совершенно прелестное... — Альберт показывает фотографию теософу, который берет ее и внимательно вглядывается, взгляд его туманится.

— В самом деле прелестное, — бормочет он.

— Робин, мы обязаны немедленно опубликовать их! Их должен увидеть весь мир! Я лично позвоню газетчикам; кстати, нет ли среди них кого-то, кому бы вы хотели показать фотографии прежде всего? И можно ли сделать копии?

— Конечно, разумеется. Мы непременно сделаем все, как вы говорите, Альберт, — успокаивает Робин викария, дрожащего от волнения.

— Что ж, джентльмены, вынуждена оставить вас с вашей... важной работой. Эми, должно быть, уже одела детей. Мы обещали свозить их в Тэтчем, купить сладостей, — весело произносит Эстер, однако, если она и надеялась вызвать какие-то эмоции сообщением о своем отъезде, ее ждало разочарование.

— Даже не знаю, что и думать, — признается Эстер сестре, когда они медленно бредут по Бродвею в Тэтчеме, держа над головой зонтики от солнца, лучи которого бьют едва ли не с физически ощутимой силой.

Элли с Джоном тащатся следом, ссорясь из-за пакетика с лакричными конфетами. Городок затих, придушенный жарой. Из кузницы доносится стук молота по металлу, медленный и неровный, как будто даже у Джека Мортон, привыкшего к жару, в этот день отяжелела рука. А те обитатели Тэтчема, которые решились в это время на неспешную прогулку, морщатся от неистового солнца. Жирные мухи выются у них над головами с доводящим до белого каления упорством.

— Пойдемте, дети. Спустимся к реке, посмотрим на уточек, — бросает Амелия через плечо, и в ее голосе слышится нетерпение. — Ты имеешь в виду фотографии? Ничего удивительного. Конечно, я должна сначала увидеть их собственными глазами, прежде чем высказывать свое мнение, однако... — Она пожимает плечами.

— Однако? Ты подозреваешь, что они... ненастоящие?

— Как они могут быть настоящими? Прошу прощения, Этти, но это уже чересчур. Эльфы на вашем лугу. Вот еще! И ты утверждаешь, что он был совершенно один, когда делал фотографии и когда проявлял их?

— Ну да. Альберт с ним больше не ходит «призывать», а в кладовку Робин никого не пускает. Это теперь его *проявочная*. — Эстер с опаской обходит развалившегося посреди тротуара пятнистого пса мясника. Веко у пса дергается, когда она задевает его краем подола.

— Ага, вот и ответ! У него было полно возможностей подправить изображения... Не понимаю, как он вообще надеется убедить кого-то, если сделал все в такой тайне, — заявляет Амелия.

— Кажется, что... это похоже на реального человека... фигура... Только... все слишком размыто, поэтому трудно сказать, фея ли это или просто... женщина, — говорит Эстер неуверенно. — Но ведь это же не может быть человек. Кто? Никто по доброй воле не стал бы участвовать в подобном обмане. И ни у кого в деревне нет таких длинных и светлых волос, никто не танцует на лугу до восхода солнца. Нет. Должно быть, здесь другое объяснение... Может быть, они настоящие, — заключает она. — Альберт в этом уверен.

— Да. Совершенно очевидно, что Альберт сильно... увлекся всем этим.

— О да. Он верит всему, что бы ни сказал Робин, — подтверждает Эстер, даже не пытаясь скрыть горестных интонаций в голосе.

— Поразительно, как быстро они сошлись.

— Воистину. Очень близко сошлись. Иногда... иногда я ловлю на себе взгляд мистера Дюррана, он смотрит так странно, что у меня возникает вопрос...

— Какой, Этти?

— Я спрашиваю себя, не знает ли он обо мне что-то такое, чего ему не следовало бы знать?

— Ты хочешь сказать, что Альберт мог проявить нескромность? Рассказать о вашей... супружеской жизни?

— Возможно, как я делюсь с тобой, так Альберт... делится с Робинем, — произносит она с сомнением.

Амелия делает резкий короткий вдох и на мгновение задумывается.

— Та речь, которую он произнес вчера вечером, об ундинах... ты предполагаешь, что он имел в виду?... — высказывает она догадку.

— Ты должна лучше меня понимать, если он имел в виду именно это, — отвечает несчастная Эстер.

— Мне кажется, он просто хотел смутить нас! Какой мерзавец! — Амелия говорит, понизив голос, шокированная. — Что ж, это только подтверждает то, что я подозревала с самого начала, сестричка.

— А что ты подозревала?

— Что этот мистер Дюрран не тот, за кого себя выдает. Будь осторожной, моя дорогая. Не подпускай его близко и... постарайся вообще держаться подальше от всего, что связано с эльфами.

— Но как я могу держаться подальше от того, чем так увлечен мой муж? — спрашивает Эстер.

Амелия молчит несколько минут, видимо глубоко задумавшись.

— Должна признать, ситуация непростая. Мне кажется, лучше всего как можно меньше говорить об этом вне дома, стараться заронить в Альберте зерно скептицизма, если такое вообще возможно, и надеяться, что это дело скоро завершится. Приступ безумия, вызванный небывалой жарой, вот и все, — произносит она в конце концов.

— Скептицизма? Да Альберт уже пишет об этом статью! Они собираются обратиться в газеты, опубликовать фотографии... Наверняка это должно означать, что Робин честен. Что он не собирается никого обманывать. Иначе он не стал бы рисковать и выставлять себя на всеобщее обозрение.

— Но что ему терять, Этти? Он никому не известен, он жаждет признания... тогда как у Альберта серьезная репутация, он заметная фигура в обществе, давно служит Церкви... Он придает респектабельности всей затее, однако же если разразится скандал... — серьезно произносит Амелия.

— В таком случае Альберт пострадает гораздо больше, чем мистер Дюрран?

— Несомненно, дорогая.

— Но... что же мне делать? — восклицает Эстер, готовая расплакаться от страха.

Амелия берет ее за руки.

— Не смотри так испуганно! Скорее всего, эта затея вовсе ничем не кончится. Возможно, это даже хорошо, что они выставят фотографии на всеобщее обозрение. Если они произведут какое-то впечатление, то мистер Дюрран, наверное, отправится вместе с ними в турне. Вероятно, это ускорит его отъезд из вашего дома.

— Ты в самом деле так думаешь? — с надеждой спрашивает Эстер.

— Нужно надеяться и ждать, — говорит Амелия, и, хотя губы ее улыбаются, глаза серьезны.

На реке дети из Тэтчема плещутся в зеленой воде, прыгают с моста, испуская восторженные вопли, беспечно плавают от берега к

берегу, где трава уже втоптана в грязь. Элли с Джоном наблюдают за ними с завистью и негодованием, прекрасно зная, что нет смысла даже подступать к матери с вопросом, можно ли и им тоже. Они только смотрят и хмуро жуют лакрицу, проводя черными языками по серым губам. Воздух у реки прохладнее — здесь тень от высоких каштанов, да и вода освежает. Обе сестры идут очень медленно, находят скамью, чтобы присесть. Уток на реке нет: их спугнули дети, устроившие здесь такую кутерьму.

— Как же мне не хочется, чтобы ты завтра возвращалась в город, Эми, — негромко признается Эстер.

— Мне тоже, дорогая. Но... так надо. Я должна многое сказать мужу.

— И что ты ему скажешь?

— То же самое, что говорила тебе. Что если он будет продолжать так себя вести, я не смогу его любить. Возможно, это не произведет на него впечатления. — Она печально пожимает плечами. — Возможно, произведет. Но что еще мне остается?

— Что остается любой женщине? — соглашается Эстер. Она думает о Кэт и улыбается. — Моя горничная Кэт как следует отчитала бы нас за подобные пораженческие настроения. Она даже побывала в тюрьме, отвоевывая для нас право голоса.

— И к чему все это? Какая нелепость. Они приносят больше вреда, чем пользы, эти глупые бунтарки.

— Именно, — бормочет Эстер. — Не найдется ли у тебя еще совета для меня? Это касается моего... супружеского ложа... — спрашивает она, и, хотя старается говорить непринужденным тоном, в словах слышится дрожь, отчего они кажутся хрупкими — вот-вот разобьются.

Амелия снова берет ее за руки.

— Только тот же самый. Если ты ляжешь поближе к нему, улыбнешься и попросишь его тебя обнять, то с твоей стороны дело сделано, дорогая. Если чего-то недостает, то недостаток здесь не твой, а Альберта. Поэтому я ничем не могу тебе помочь, ведь это не твоя вина, — говорит она.

— Да. Именно это я и боялась услышать.

— Значит, мистеру Дюррану пора покинуть нас? — говорит Эстер Альберту, лежа на прохладной простыне и откинув одеяло во внезапно наступившей темноте спальни, когда погасили все лампы.

Окно до сих пор открыто, чтобы веяло свежим воздухом, и по деревне разносится эхом голос лающей вдалеке собаки. Эстер переворачивается на бок, глядя в лицо Альберту, как делает обычно в постели, стараясь различить его черты в бледном свечении звездного ночного неба. Его глаза раскрыты и мягко поблескивают. Он не отвечает довольно долго, а когда начинает говорить, голос его сдавлен от тоски:

— Очень надеюсь, что нет. Возможно, только на время. Он хочет поехать с фотографиями в Лондон, в штаб-квартиру Общества. Но после... молюсь, чтобы он вернулся к нам. К элементам в наших лугах.

— Ты хочешь, чтобы он вернулся? — спрашивает она, уже прекрасно зная ответ.

— Конечно хочу. Он многому учит меня... Я чувствую, как мой разум раскрылся за те недели, что он провел со мной. Мир стал для меня совершенно другим.

— Да, он многому тебя... научил, — отзывается она.

— Не знаю, что буду делать, если он не вернется. Не знаю... как буду жить дальше, — шепчет Альберт рассеянно, как будто говоря с самим собой.

— Ну же, Берти, у тебя всегда есть я, какие бы гости ни приезжали и ни уезжали, — говорит она рассудительно, протягивая руку, чтобы утешительно погладить его по плечу. — Разве не так?

— Да, конечно, Этти, — отвечает Альберт, несколько не утешенный.

— В конце концов, не вечно же ему жить у нас. Мы просто не можем позволить себе его содержать, — замечает она многозначительно.

— Разве ты не понимаешь, Этти? Это же все правда! Все, о чем он рассказывал нам со дня своего приезда. Но ты воспринимаешь некоторые его слова с долей иронии — нет-нет, не отрицай. Я слишком хорошо тебя знаю, дорогая Этти. Так вот, все это оказалось правдой. И теперь он сможет доказать это всему миру... ты же понимаешь,

насколько это важно, Эстер? Как важно все, что случилось здесь этим летом?

— Да, — шепчет Эстер, ощущая, как подступают слезы, потому что в душе она вовсе не согласна.

Она не чувствует правды, не разделяет уверенности мужа. На фотографии она увидела красивую фигурку, тоненькую, босоногую танцовщицу на заливном лугу. Но как бы она ни старалась, она не видит феи. И не хочет, чтобы Робин Дюрран возвращался. Она хочет, чтобы вернулся Альберт, хочет, чтобы он снова принадлежал ей, если не телом, то душой. Она смотрит на него долго, но потом ее веки постепенно тяжелеют и закрываются, а его глаза остаются открытыми и блестят в свете звезд, который льется с небес.

В первый раз с тех пор, как она освоила велосипед, Кэт идет в Тэтчем пешком. Прожив несколько дней без Джорджа, она так хочет его увидеть, что это желание больше похоже на страх, от него дрожат кончики пальцев, а мысли бьются в висках, словно пойманные насекомые. Стоит вечер, лиловый и синий, почти ничего не видно, но луг полон жизни: шуршит тростник, трещат и щелкают крылья кузнечиков, сипло кричат испуганные водоплавающие птицы. От усталости у Кэт кружится голова. Она не спала днем, не спала ночью и предыдущим днем, она почти не ела, думая о Тэсс, Джордже и Робине Дюрране, думала так долго и напряженно, что они стали кружить перед ее внутренним взором, пока ей не сделалось дурно. Она танцевала на заливном лугу то ли неделю назад, то ли год, то ли десять лет. Время ведет себя странно. Миссис Белл застала ее, когда она стояла над стиральным корытом, опустив руки по локоть в воду, и терла нижнюю сорочку, хотя вода давным-давно остыла. Когда она выпрямилась, руки распухли и сморщились. Кэт шагает по бечевнику мерно, как часы, как метроном. Шаг-другой, левой-правой, и только поэтому она идет куда надо.

Баржа Джорджа стоит на привычном месте, и в каюте горит свет. Кэт останавливается, удивленная, чувствуя радость и облегчение. Она поднимается по трапу медленно, осторожно, не уверенная в том, что может сохранять равновесие. Сила, какую она ощущала в себе, танцуя, — ее покинула. Когда Джордж, услышав шаги, выходит из каюты, она падает ему на руки.

— Кэт, что стряслось? Ты нездорова? — Он загорел еще сильнее, лицо стало коричневым, остались лишь белые полоски в морщинках вокруг глаз, потому что он часто щурился.

— Нет-нет, я здорова. Просто устала. Я почти не спала, — признается она, улыбаясь ему, как пьяная.

Он всматривается в ее лицо, пробегает руками по телу, как будто проверяя, все ли на месте, откидывает со лба короткие пряди, целует ее в губы.

— Сядь, Черная Кошка. У тебя совсем измученный вид. — Он улыбается. — Смотри-ка, я привез пива. Не хочешь ли выпить стаканчик?

— Имбирное?

— Ага, хотя я прихватил и обычного эля на тот случай, если вдруг тебе захочется.

— Нет, давай имбирное, — отвечает она.

— Что тут случилось без меня?

— Разве что-то должно было случиться?

— Я вижу по твоим глазам, Кэт. Плохие новости? — Джордж снимает с крючков две кружки, наполняет их.

— Плохие новости есть всегда. Я сама плохая новость, — говорит она, и он ждет объяснений. — Моя лучшая подруга Тэсс, которую арестовали и посадили вместе со мной в тюрьму — если честно, только из-за меня, — оказалась в работном доме, потому что ей некуда было идти. Она совсем еще ребенок! Ей даже нет восемнадцати! Я хотела поехать к ней сегодня, потому что это был единственный день, когда туда пускают посетителей, но меня не отпустила жена викария. Это я виновата! А Джентльмен... Ведь он мог ее уберечь от работного дома. Мог бы позволить ей вернуться... Он знает, что от нее не будет никаких неприятностей. Не то что от меня. Он мог бы отправить ее сюда — вот, что он должен был сделать! Отправить ее сюда вместо меня. Это я заслужила работный дом, а не она. Не она! — Кэт говорит сбивчиво, слезы катятся по щекам, она не успевает понять этого, а потом их уже не остановить.

— Тише, перестань! Слезами ты ей никак не поможешь, — мягко произносит Джордж, держа ее лицо обеими руками и утирая слезы большими пальцами.

— Я должна помочь ей, я... Я обязана. Наверное, я поняла все правильно... Наверняка так и есть! — рыдает она, и слезы льются из ее раскрытых глаз.

— Кэт, любимая моя, ты говоришь чепуху...

— Она должна приехать сюда, получить мою работу. Я ненавижу эту работу... Я не могу. Кругом сплошная ложь... Я как в плену! Но Тэсс не будет бунтовать, как я. Она стала бы для них прекрасной горничной, она была бы благодарна, как, по мнению всех, и должно быть. Они должны взять ее!

— Но если они возьмут ее, куда пойдешь ты? Могу поспорить, две горничные им не нужны, — говорит Джордж, чуть хмурясь и удерживая руки Кэт, которая пытается ими размахивать.

— Я уйду. Наплевать куда. Просто уйду... Куда-нибудь, — говорит она, а потом умолкает, осознав то, что сказала. — Я не могу остаться здесь навсегда. Я стану как Софи Белл. Я свихнусь, — бормочет Кэт.

— Возможно, я могу предложить тебе другую работу, — спокойно произносит Джордж. Он выпускает ее руки, отходит в дальний угол каюты, где под узкой койкой задвинута его сумка с инструментами. Он выдвигает ее, ищет что-то. — Я хотел спросить об этом при других обстоятельствах и не сегодня. Но, значит, пора.

— Наверное, я найду другую работу. Не прислуги. Научусь печатать на машинке... Или наймусь на фабрику...

— Это же просто другая служба. Кэт, выслушай меня. — Он опускается перед ней на колени, чтобы их глаза оказались на одном уровне. — Говорю же тебе, я могу предложить кое-что получше.

Кэт хмурится, силясь сосредоточить свой взгляд, свои мысли на нем. У него на ладони что-то вспыхивает серебром.

— Это кольцо моей бабушки. Я успел навестить своих и забрал его. Его сохранили как раз на тот случай, если оно когда-нибудь мне понадобится, и вот понадобилось.

— Ты хочешь его продать? Но денег... За него не дадут столько денег, чтобы ее поддержать... — Кэт качает головой, глядя на тонкое серебряное колечко.

— Нет же. Не хочу я его продавать, дурочка. Я хочу, чтобы мы поженились! — восклицает Джордж. Кэт смотрит на него во все глаза. — Я хочу, чтобы это было твое обручальное кольцо. Я люблю

тебя, правда. Я хочу, чтобы ты всегда была со мной. И ты сможешь оставить работу, если пожелаешь. Мы снимем жилье в Хангерфорде, пока я не скоплю на лодку... Если захочешь, найдешь другую работу, или же буду зарабатывать я, как и полагается мужчине... — Поскольку Кэт молчит, Джордж постепенно сбивается и умолкает. Он пристально смотрит ей в лицо, выражение которого ему непонятно. — Тебе нечего мне ответить? — с тревогой спрашивает он.

Кэт запускает пальцы в его волосы, проводит по его широким плечам. Она целует его в шею, глаза, покрывает поцелуями лицо, обнимает. Он более реальный и живой, чем все на этом свете, и, проваливаясь в сон, она спрашивает себя, как объяснить ему свой отказ.

Кэт лишь по счастливой случайности просыпается, когда небо начинает приобретать бледно-серебристый оттенок. Она лежит неподвижно, не понимая, почему болит спина, почему замерзли ноги и где она вообще. Некоторое время она наслаждается изумительным ощущением отдыха. Живот сводит от голода. Потом она поднимает голову и видит Джорджа. На узкой койке нет места для двоих. И он всю ночь пролежал на спине, а Кэт спала у него на груди, как на матрасе. Он похрапывает, шевелится от движения Кэт, и она вздрагивает от неистовой любви к нему, которую сменяет паника. Заря разгорается, а она всю ночь крепко проспала у него в объятиях. Меньше чем через час она должна быть умытой и одетой, готовой открывать дом, подавать завтрак, начинать новый день, а она в нескольких милях от дома, спала в одежде, отчего та помялась и стала несвежей. А у нее нет даже велосипеда викария, чтобы вернуться быстрее. Она как можно тише поднимается, но Джордж открывает глаза:

— Куда ты?

— Уже светает! — говорит она отрывисто, потому что ее одолевает тревога. — Не могу поверить, что проспала... Мне пора. Они всё поймут... я же выгляжу как бродяжка!

— Не бойся ты так... До восхода еще есть время. — Джордж садится, поводит плечами, разминая мышцы. — Между прочим, для такой худышки не такая уж ты легкая. — Он улыбается.

— Не могу поверить, что ты позволил мне вот так спать.

— Тебе это было нужно. Я хотел тебя разбудить, но ты спала так спокойно. А я закрыл глаза всего на пять минут и, должно быть, тоже заснул.

Кэт наскоро расчесывает волосы пальцами, отряхивает юбку и блузку. Надев туфли, она поворачивается к выходу. Джордж перехватывает ее руку:

— Подожди! Подожди секунду, Кэт. Ты же так и не ответила. На мое предложение.

— Сейчас нет времени, Джордж, — отвечает Кэт, пытаюсь вырваться и убежать.

— Да или нет — это такие короткие слова, их можно сказать быстро, — возражает он, и теперь его голос звучит настороженно. — Я всегда буду добр к тебе, Кэт Морли, — прибавляет он, когда она колеблется и не смотрит ему в глаза.

— Я знаю. Знаю, что будешь. Но я не могу выйти за тебя, Джордж.

— Почему не можешь? — спрашивает он, и его лицо вытягивается.

Кэт крепко обхватывает плечи руками, ей вдруг становится холодно и тошно.

— Почему не можешь? Ты любишь кого-то другого? — говорит он сердито и в то же время испуганно.

— Нет!

— Разве я для тебя недостаточно хорош?

— Ты был бы хорош для любой женщины, Джордж, и это чистая правда, — отвечает она печально.

— Тогда почему же ты не хочешь выйти за меня?

— Потому что ты будешь мною владеть! А я так не могу, Джордж! Ни ты, ни кто-то другой... Хватит с меня того, что я рабыня у викария и его жены. Я не променяю один вид рабства на другой.

— Я говорю о замужестве, а не о рабстве...

— Но это ведь одно и то же! Если бы ты слышал истории, которые рассказывали женщины в Лондоне, о том, во что вылилось их замужество, как с ними обращались... Если я выйду за тебя, ты получишь право меня бить! Забирать у меня деньги, моих детей, все, что у меня есть, хотя, видит бог, у меня почти ничего нет... Ты получишь право на мое тело, хочу я того или нет! Сможешь посадить

меня под замок, чтобы я больше никогда не увидела белого света... У тебя будет на это право... — Она задыхается, кашляет, чувствует, как трясутся руки от страха перед собственными словами.

— Я не сделаю ничего такого! Неужели ты думаешь, что я на это способен? — спрашивает он, ошеломленный.

— Нет! Я знаю, что ты не способен, Джордж; я говорю лишь о том, что такое брак и почему я не хочу замуж. Ни за тебя, ни за кого! — выкрикивает она. — Я не позволю, чтобы мною владели!

После ее слов в каюте наступает тишина. Джордж отворачивается, снова садится на кровать, не глядя на Кэт. Ей становится трудно дышать, горло пересохло и болит. Она мгновение колеблется, а затем выбирается из каюты и отправляется обратно в Коулд-Эшхоулт.

Из дневника преподобного Альберта Кэннинга

Вторник, 18 июля 1911 года

Сегодня Робин уехал в Лондон. Но сначала отправил телеграмму, предлагая организовать собрание высших членов Общества, и, хотя до отъезда не получил от них ответа, я не сомневаюсь, что все там с нетерпением ждут обещанных им доказательств, размышляя, каким образом извлечь из них наибольшую пользу, чтобы распространять учение дальше и просвещать народ. Все равно что ходить в тени самого Господа — знать, что подобное находится рядом с тобой. Это настолько чудесно, что невозможно думать ни о чем другом. Я мечтаю оказаться в лугах на заре и чтобы Робин был рядом, чтобы меня снова затопило ощущение *правильности*, которое приходит в подобные моменты. Да, я мечтаю об этом. В конце концов, человеческая раса в ярком свете дня кажется совершенно ничтожной и никчемной. Я поймал себя на том, что моя паства вызывает во мне едва ли не отвращение, со всеми их немощами и нечестивостью, с их одержимостью материальными благами и их *любострастием*. Привести их к истине — вот непосильная задача, и я, к собственному стыду, вынужден сознаться, что эгоистичная моя часть предпочла бы сохранить поразительное открытие между мной и Робинотом. Однако это не путь теософии, и я должен работать, чтобы подавлять подобные мысли.

В последнее время я не могу спать. Лежу без сна, пока не начинают петь птицы, и размышляю о чудесах земли и о том, как близко я подошел к их тайнам. Ибо знание есть первый шаг к просветлению, а с просветления начинается путь к ясному внутреннему видению и росту высшего сознания. Мне кажется, я не могу спать, потому что пробуждается мое внутреннее зрение. А когда я все-таки засыпаю, на рассвете или чуть позже, то меня одолевают сны, очень беспокойные сны. Мои собственные человеческие сомнения и страхи приходят, чтобы насмешничать надо мной, испытывать мою решимость. Часто в этих снах я вижу лицо Робина Дюррана, как будто он тянется ко мне, желая направить на верный путь. И даже когда я просыпаюсь, его лицо стоит перед моими глазами. Он постоянно в моих мыслях, и я ощущаю его благостное влияние на каждый мой поступок. Поистине дни будут долгими и пустыми, пока его не будет. Как мне хочется, чтобы он предложил мне поехать с ним и я мог быть с ним рядом, помогать ему в эту эпоху больших перемен.

Мне не найти слов, чтобы описать, какая аура благословенной гармонии и знания окутывает этого теософа. Он исключительный. Вот таким и должен быть человек! Он обладает терпением и знаниями, одновременно пылок и рационален. Он настоящее воплощение незапятнанного человеческого духа. Как иначе объяснить то ощущение мира и радости, какое наполняет меня в его обществе? Эстер не понимает. Говоря о нем, она постоянно раздражается, а порой высказывает откровенные глупости. Мне не следует упрекать ее за это, потому что она не знает истины, почти не понимает эзотерических идей. Женщины не так благочестивы, как мужчины, меньше любят науки и не всегда способны к серьезным размышлениям. Мудрость несвойственна их природе, и их нельзя за это винить. Хотя теософия учит, что внутри Общества не может быть дискриминации по половой принадлежности, я не могу согласиться с каждым пунктом учения.

Пока Робина не будет, я сам пойду в луга, и меня непременно снова охватит та умиротворенность духа, которая и позволила мне в первый раз увидеть элементалю. Я сделаю это. Я не могу потерпеть поражение. Ибо если я не сделаю этого, то я не лучше игроков из паба, не лучше любодеев из темных переулков. Я отобью все их атаки на благопристойность, переборю собственную нечистоту, денежные нужды, из-за которых я не в состоянии увидеть снова то, что видел

однажды. Ведь сам Чарльз Ледбитер сказал, что, когда природные духи оказываются рядом с обычным человеком, это подобно урагану, который ударяет в выгребную яму. Я не буду обычным человеком. Если я достигну этого, Робину действительно будет к кому вернуться. Достойный единомышленник, достойный последователь его учения. Он наверняка вернется.

1911 год

Проснувшись, Эстер некоторое время не может понять, что не так. Она слышит, как Кэт внизу тихонько открывает ставни — легкий стук дерева о дерево, когда они соприкасаются со стенами. Воздух неподвижный и душный, слишком теплый. Кожу слегка пощипывает, разгоряченную и липкую в тех местах, где ее касалась простыня, и мысли текут медленно и сонно. Потом Эстер понимает — она не одна. Впервые за долгое время — она даже не помнит, когда это было в последний раз, — она просыпается раньше Альберта, он лежит в постели рядом с ней, спит на спине, чуть приоткрыв рот и хмуря лоб. Негромкий звук его дыхания нарушает ставшую привычной тишину. Прошло шесть дней с тех пор, как Робин уехал в Лондон, и от него пока нет вестей. И если Альберт волнуется и ждет его с нетерпением, то Эстер довольна и даже счастлива — в первый раз за все последние недели. Она осторожно переворачивается на бок лицом к мужу. Поскольку занавески еще задернуты, свет, проникающий в спальню сквозь плотную ткань, окрашен в густой охряной оттенок. Во сне Альберт сбросил с себя одеяло и лежит, широко и беззаботно раскинув руки и ноги. Эстер с обожанием улыбается, глядя на него, а он бормочет что-то неразборчивое и слегка покачивает головой.

На ночь Альберт надевает длинную, свободного покроя рубашу из выбеленного льна и такие же точно штаны. Теперь его пижама измялась из-за беспокойного сна, собралась складками и скомкалась, ему было бы очень неудобно, если бы он бодрствовал. Эстер протягивает руку и осторожно кладет ему на живот, после чего с изумлением отдергивает ее. У него в паху, под выбеленной льняной тканью, что-то твердое, чего она еще ни разу не ощущала. Альберт снова бормочет, на этот раз совсем тихо. Эстер смотрит на тело мужа, однако, как ни старается, никак не может представить, какой же формы то, что она нащупала, — странное, почти неестественное, как будто вовсе не связанное с расслабленным, распростертым телом. Чувствуя, как учащенно бьется сердце, Эстер с еще большей осторожностью нашаривает пуговицы на штанах Альберта. Ткань грубая, и ей приходится работать обеими руками, и она действует, сосредоточенно

закусив губу, чтобы он ничего не почувствовал и не проснулся. Он не чувствует. И наконец Эстер видит. Изогнутый твердый отросток плоти на нежной коже внизу живота: атласная кожица в сетке кровеносных сосудов, насыщенного коричневато-розового цвета, от него исходит мускусный запах, не похожий ни на какие другие запахи мужа.

Эстер замирает, ошеломленная, затем ее охватывает отвращение и страх. Она думает, уж не это ли уродство и является причиной, по которой муж не хочет обнимать ее или по-настоящему близко прижиматься к ней по ночам. Она лежит оцепеневшая, приподнявшись на одном локте, и ее терзают вопросы и сомнения. Однако чем дольше она размышляет, тем понятнее становятся некоторые намеки из писем Амелии, и она начинает догадываться, что это... то самое состояние, которого необходимо достичь, чтобы их тела соединились друг с другом. Наконец-то, в первый раз, она наблюдает его. Осторожно, поглядывая одним глазом на лицо спящего Альберта, она касается отростка, позволяя пальцам легонько пройти по коже. На ощупь он лихорадочно горячий, гладкий и странный. Альберт тихонько стонет и немного выгибает спину, вздрагивая, словно от ночного кошмара. Эстер думает, не разбудить ли его, но она слишком увлечена исследованием его анатомии. Она обхватывает отросток рукой и легонько сжимает, пробуя его на прочность, пытаясь понять, отчего он такой. Альберт вздыхает, слегка выгибаясь от ее ласки. Непонятный отросток в ее руке словно стал еще тверже, и ей даже кажется на мгновение, что она ощущает в нем биение пульса. Проведя пальцами до самого кончика, который как будто обтянут тончайшей замшей, Эстер улыбается, изумляясь и радуясь тому, что наконец-то узнала что-то новое о муже. Если он стеснялся этого, то теперь, когда она уже все увидела, он ведь больше не станет стесняться? Теплая волна растекается между бедрами и доходит до живота. Поддавшись порыву, Эстер наклоняется и целует его в губы.

Альберт просыпается с резким вдохом, в глазах его отражается совершенное недоумение, как будто он ожидал увидеть перед собой кого-то другого. И это выражение сохраняется, даже когда он слегка отворачивает от нее голову и делает вдох, чтобы заговорить. Эстер до сих пор сжимает рукой его отросток, и она отчетливо улавливает миг, когда он начинает терять свою твердость и размеры его уменьшаются.

Альберт отодвигается от нее, выбирается из кровати и суетливо застегивает пуговицы на пижамных штанах.

— Эстер, что ты творишь?! — кричит он, голос его сдавлен, напряжен, то ли от страха, то ли от ярости.

— Ничего особенного, мой любимый, на самом деле все прекрасно... Я так обрадовалась оттого, что наконец-то проснулась рядом с тобой... Мне просто захотелось коснуться тебя, и я увидела... — Она указывает на низ его живота, но улыбка у нее пропадает, когда она видит гневное выражение его лица.

— Замолчи! — отрезает он, наконец-то справившись с пуговицами и с отчаянной поспешностью натягивая халат. Он затягивает пояс с такой яростью, что ему приходится приложить усилия, чтобы тут же ослабить его. — Я запрещаю тебе отныне трогать меня, когда я сплю! Никогда!

— Но, Берти, я всего лишь...

— Нет. Мы не станем об этом говорить! Забудем об этом...

— Я не хочу забывать! Альберт, здесь нечего стыдиться или... смущаться, дорогой. Это же так естественно, — произносит она, все еще надеясь, наперекор мучительным сомнениям, что это именно так. — И я же твоя жена... мы женаты. У нас не может быть тайн друг от друга, ничего такого, чего другой не понял бы... — Она умолкает.

Альберт подходит к окну и широко распахивает занавески, как будто приглашая в дом весь мир, как будто не желая оставаться наедине с женой. Его руки безвольно опущены, пальцы подергиваются.

— Это просто неприлично... бесстыдно трогать меня вот так! — говорит он, и голос его меняется от чувств, которым она не в силах подыскать название.

— Берти, прошу тебя...

— Мы не станем об этом говорить, — повторяет он.

— Но я хочу говорить об этом! Мы должны говорить о подобных вещах, Альберт, иначе навсегда останемся во мраке! — в отчаянии кричит она.

— Что значит — во мраке? Это же ты ввергаешь во мрак наш дом, ты — своей непристойностью!

— Непристойностью? Непристойно для жены касаться мужа? Мужчины, с которым ее соединил Бог? Непристойно желать жить как

муж и жена, вместо того чтобы жить... как брат и сестра? Ты носишь сан, Альберт. Я понимаю и уважаю это. Но ты не монах! Какой смысл жениться, если не позволять нам... спать вместе, касаться друг друга, отказываться от детей, Альберт? — Ее голос срывается от волнения.

Альберт стоит и смотрит на нее несколько минут, его челюсть трясется, на скулах желваки.

— Ты не понимаешь... Где тебе понять! — произносит он наконец, его голос звучит жестко.

— Нет, не понимаю. И все больше не понимаю тебя, Берти. Что я такого сделала, чтобы ты так со мной обращался?.. Прошу, объясни мне!

— Я... я же всегда был добр к тебе, разве не так? Был хорошим мужем?

— Да, но...

— Тогда прошу тебя, Эстер, хватит докучать мне этим! Неужели ты хочешь от меня только... физической близости? Неужели так отчаянно нуждаешься в ней, что готова добиться ее исподтишка, когда я не осознаю того, что происходит, потому что сплю? Как самая скверная непотребная женщина?

— Как ты смеешь обвинять меня? Как ты можешь называть меня непотребной женщиной, когда мы женаты больше года, а я до сих пор девственница? — говорит она, хотя ее душат рыдания.

Лицо Альберта бледно и блестит от пота. Вид у него больной.

— Я... Прости меня, — произносит он наконец тихо. Глаза его устремлены вдаль. Он чувствует ком в горле и смотрит на рыдающую Эстер, будто она дикое, не поддающееся пониманию животное. Наконец он разворачивается и медленно направляется в свою уборную, а Эстер, протянув руку, хватает его за край пижамы.

— Альберт, подожди! Прошу, не уходи... Останься, поговори со мной! — умоляет она.

— Ну же, Этти... — невнятно бормочет он. — Мне нужно одеться.

Он удаляется в уборную и закрывает за собой дверь, лицо у него удрученное и одновременно отстраненное.

Стоя в постели на коленях, Эстер зажимает рот рукой и чувствует мускусный запах, оставшийся на коже. Она рыдает и, как ни старается, не может остановиться. Эстер дрожит в жаркой комнате и наконец

садится, пытаясь унять дрожь. Но успокоение не приходит, она чувствует лишь опустошение, а за ним и новое, неожиданное понимание, что возбуждение Альберта прошло, когда он открыл глаза и увидел *ее*. Эстер передвигается на край постели, сидит, свесив ноги. Ей пора подниматься, одеваться к завтраку, но все это кажется таким никчемным. Таким же никчемным, как и она сама.

Кэт слышит улюлюканье раньше, чем видит несчастную жертву толпы. Она пришла в Тэтчем, чтобы отправить письма и посылку от Эстер, и теперь ей пришлось зайти за свежим мясом к мяснику. Это приходится делать чаще, чем раньше, поскольку погода все еще жаркая, а в доме викария мясо теперь хранить негде. Если его держать в колодце больше суток, оно подергивается серебристо-зеленым налетом, становится скользким от влажной пленки, которая липнет к пальцам и испускает острый уксусный запах, вызывающий тошноту. Когда Кэт проходила сегодня мимо баржи Джорджа, ее сердце затрепетало, а в горле пересохло. Однако дверь каюты оказалась заперта, изнутри не доносилось ни звука, и она не заметила никаких следов пребывания там хозяина. Кэт прошла дальше, ощущая легкий трепет в животе — крылья бабочек страха, готовых вспорхнуть. Кэт не понимает, что это значит. В дальнем конце Бродвея, где в широком просвете между рядами лавок образуется подобие недостроенной площади, на шатком деревянном возвышении стоит пухлая женщина. Шляпка не спасает ее от палящего солнца, лицо покраснелось и лоснится от пота. Дыхание у Кэт перехватывает, когда она замечает, что у женщины за спиной висит, покачиваясь, бело-зелено-пурпурный флаг, у нее над головой полотнище ткани той же раскраски, и ленты тех же тонов вяло болтаются в недвижимом воздухе. «Восстаньте! Идите и завоюйте!» — написано на полотнище от руки пурпурными буквами, которые отчетливо выделяются на белой полосе. На транспаранте поменьше, растянутом рядом с ней, написано: «СПСЖ Ньюбери. Велосипедные войска». Облизнув пересохшие губы, ощущая странную тоску — почти такую же, как после смерти матери, пусть и не настолько сильную, — Кэт пробивается через толпу.

Шумят в основном мужчины, хотя к ним присоединилось и несколько женщин. Они смеются, обмениваются замечаниями, стреляют возмущенными взглядами из-под ресниц. У тех людей,

которые стоят в передних рядах и, возможно, хотели бы послушать речь, мало шансов что-то разобрать. Пухлая женщина пытается перекричать гвалт, но это ей не под силу.

— Как объясняла сама миссис Панкхёрст... как миссис Панкхёрст сама объясняла, право голоса является первым символом! Во-первых, символом, во-вторых, гарантией и, в-третьих, инструментом! Сестры! Товарищи! Жизнь ваша никогда не улучшится, пока правительство нашей страны не будет подотчетно всем нам! — кричит она, и поднимается новая волна свистков и брани. Ораторша, низкого роста, с короткими каштановыми кудряшками и круглым кротким лицом, кидает беспомощный взгляд на буйствующую толпу. — Голосование — это инструмент, с помощью которого мы можем исправить перекосы в образовании, в законодательстве, в системе занятости, — сейчас и то, и другое, и третье ориентировано главным образом на интересы мужчин! — говорит она, но ее слова теряются в общем шуме. — Говорят, что мужчины и женщины находятся в двух разных сферах бытия: дом для женщин, работа и управление для мужчин, — и сферы эти обозначены самим Богом, а потому остаются отделенными друг от друга. Говорят, что мир политики слишком грязен и груб для любой женщины. Но если дом только выигрывает от нежной заботы и чистоты женщины, в таком случае и публичная жизнь может стать лучше. Если она настолько грязна и груба, так дайте нам вычистить и облагородить ее! — кричит она храбро.

— Тихо! — кричит Кэт, слова сами собой срываются у нее с языка.

— Да заткни свою пасть! — орет мужчина рядом с ней, глядя на Кэт сверху вниз и одобрительно ей улыбаясь.

— Нет... это вы все заткнитесь! Пусть она говорит! Неужели вы не можете просто вести себя прилично? — кричит Кэт.

— Бог мой, да тут еще одна, — бормочет мужчина своему приятелю, отступая от Кэт и окидывая ее холодным взглядом.

— Дайте ей сказать! — снова кричит Кэт, на этот раз громче.

Еще несколько человек оборачиваются на нее. Ораторша храбро продолжает речь, но Кэт больше не слышит ее. Этот комариный писк не в состоянии перекрыть шум толпы, нарастающий, как прилив. Кэт чувствует запах пота, касается чужой влажной кожи. В стоячем воздухе смешанное дыхание людей, жаркие испарения и злость.

Мужчина рядом с Кэт и его приятель начинают петь, взявшись за руки и вскинув головы в пародии на мюзик-холльное ревю.

— На острове без женщин смогу прожить, с волками злыми начну по-волчьи выть. В тюрьму заприте — смогу я все стерпеть, но с суфражисткой спать — вот это смерть! — распевают они, после чего разражаются хохотом, радуясь собственному остроумию.

При упоминании тюрьмы Кэт чувствует, как черная ненависть растекается в груди, горькая, словно желчь.

— Заткнитесь! Замолчите вы, шлюхины дети! — выплевывает она в их сторону.

— Сама следи за языком, потаскушка! Не то я тебе устрою, — произносит сквозь стиснутые зубы первый мужчина. Он тыкает пальцем, толстым и грязным, ей в лицо, и она отталкивает его руку.

Как раз в этот миг вопль с помоста на миг заставляет толпу утихнуть. Ораторша с ужасом смотрит на свои белые юбки, теперь в подтеках красного сока. Кто-то из публики запустил в нее подгнившими помидорами, и они прилипли к тонкому муслину: почерневшие семена, ошметки кожицы и мякоть.

— Отличный выстрел! — кричит кто-то из мужчин, к всеобщему ликованию.

— На самом деле я... — Ораторша умолкает. — У меня есть право быть здесь и говорить с вами, и я буду говорить! — собирается она с духом, однако в ее голосе нет той храбрости, какая есть в словах.

Кэт проталкивается сквозь стену людей, и, когда она поднимается на помост, летят новые снаряды. Яйца разбиваются с влажным хрустом, одно ударяет Кэт по руке, когда она распрямляется, разворачиваясь к толпе. Тяжело дыша, она глядит на незнакомую суфражистку, лицо которой искажено страхом. Ее взгляд мечется между Кэт и толпой. Кэт берет ее за руку и разворачивает к полной презрения массе людей.

— Позор вам! Позор всем вам! Мы вас не боимся! Даже не надейтесь, что мы убежим из-за ваших ругательств! Мы не дети! — кричит Кэт, уклоняясь от очередного гнилого плода и пустой бутылки, коричневой и липкой. — Вот так вы отвечаете, когда женщина говорит о своих правах? Бросить в нее какую-нибудь дрянь! Ударить! Не сомневаюсь, что со своими женами и дочерьми вы обращаетесь точно

так же, потому что только силой мужчины и могут незаконно править женщинами! — Голос ее делается громче, она задыхается от ярости.

Ораторша испуганно хватается за ее руку.

— Нашим женам хватает ума не орать на площадях о том, в чем они ничего не смыслят! — отзывается кто-то из мужчин.

— А как они могут смыслить в чем-то? В политике, образовании, собственных правах, когда они всю жизнь проводят дома, тупея от домашней работы и однообразия? — вопрошает Кэт.

— Кому же еще тогда этим заниматься? Мужчинам? — Этот вопрос вызывает общий смех.

— Я говорю... — Ораторша пытается вмешаться, однако Кэт стискивает ей руку еще сильнее.

— А почему бы и нет? — кричит она.

Но это становится последней каплей, сыплются новые оскорбления и возражения, и Кэт уже не слышит собственных слов в этой какофонии, хотя кричит в голос. Горло болит, ораторша пытается вырвать руку, но Кэт не отпускает ее; а где-то за спиной она слышит свистки полицейских, затем ее по ногам что-то бьет, и это оказывается дохлая крыса, вонючая, с остекленевшими глазами, с высохшим загнутым языком между зубами, с грязной коричневой шерстью, на которую почти тут же садятся мухи. От крысы разит сладким, кислым, гнилым, и на мгновение Кэт осекается и сжимает зубы, чтобы не вдыхать эту вонь.

— Боже мой! — в ужасе произносит ораторша, кровь отливает у нее от лица. Она грузно оседает, взгляд становится бессмысленным, ноги расползаются крайне неизящно.

По толпе проходит смешок, и Кэт скрежещет зубами от ярости. Пнув крысу ногой, она наклоняется, сгребает остатки яиц и овощей и запускает все обратно в толпу, выкрикивая в адрес всех собравшихся неистовые проклятия. Она целится пивной бутылкой в голову мужчины, глаза которого лучатся весельем, и он вынужден быстро присесть. Бутылка разбивается вдребезги у него за спиной, и он дергается, когда один осколок впивается в щеку, оставляя крошечный порез.

— Может, теперь перестанешь улыбаться, сукин сын! — орет Кэт.

Она держится, сколько может, перебрасываясь оскорблениями и помидорами с гогочущей толпой, пока грубые руки не хватают ее и не

уносят, хотя она бьется, извиваясь как змея.

Плечи у Кэт болят, и она осторожно трогает их. Закатав рукава, она обнаруживает синяки от пальцев, похожие на язвы неведомой чумы. Камера в полицейском участке прохладная, стены сложены из толстого камня и выкрашены кремовой краской, которая вздулась и растрескалась в некоторых местах, образовав неровные углубления. Кэт не в силах оценить выдавшуюся передышку. Она не может даже испугаться того, что сильно рискует своим положением, сильно рискует всем, дав волю своему гневу. Кэт безмолвно сидит на жестком деревянном стуле и таращится в крошечное окно с грязным стеклом за крепкой металлической решеткой, гоня мысли прочь, чтобы не удариться в панику. Она должна быть где угодно, но только не запертой в камере. Горькая желчь жжет горло, холодный пот стекает по груди к животу, на пояс юбки. Если она станет об этом думать, о том, что ее заперли, она может лишиться рассудка — сгорит как спичка в огне страха, не оставив ничего, кроме золы, кроме своих обгоревших останков. Сосредоточенно хмурясь, Кэт убеждает себя, что находится в каком-то другом месте...

Дом, где она выросла. Ее мать только что снесли по лестнице к катафалку. Сначала Кэт выжидала и никому не говорила, что мать умерла. Она не знала, что будет теперь делать, не хотела начинать новую жизнь без нее. Мать говорила, что, когда настанет время, за ней кто-то придет. Кэт избегала этого разговора, пыталась увильнуть от него, однако мать настояла: глаза ее лихорадочно блестели, белки приобрели серый оттенок, зрачки расширились до предела в полутемной комнате.

— Нет, ты должна меня выслушать. Это важно. Когда настанет время, придет женщина и заберет тебя с собой. И ты пойдешь с ней и будешь делать то, что она скажет. Понимаешь? Все уже улажено. Это лучшее, что я могу для тебя сделать. О тебе позаботятся. Наш Джентльмен... — Она умолкла, ее голос был едва громче шепота, и она боролась, пытаясь сдержать приступ кашля. Кэт невыносимо было видеть, какую боль причиняют матери эти приступы. — Это хороший дом. Джентльмен... — снова начала мать, однако на этот раз приступ кашля не дал ей договорить, а после него она была слишком обессилена, чтобы продолжать разговор.

Поэтому, когда она умерла, Кэт выжидала. Выжидала, строила догадки, однако ей было все равно, что случится дальше. На следующее утро зашла соседка и увидела, что мать умерла. Когда ее увезли, в дверях появилась странная женщина. Черное пальто наглухо застегнуто, лицо под волосами стального оттенка совершенно неподвижно. Казалось, она за всю жизнь ни разу не улыбнулась.

— Ты пойдешь со мной, юная леди. Это понятно? — спросила она. Кэт безмолвно кивнула. — Твоя мать, упокой Господи ее душу, обо всем договорилась. А теперь иди и уложи свои вещи. Об остальном позаботятся другие. Собирайся, — сказала женщина.

Кэт не хотела. Она желала бы остаться с матерью, пусть даже запертой в ящике, пусть даже с телом, ставшим пустым, молчаливым и неправильным. Она не хотела идти с этой женщиной с неприветливым лицом, тонкими поджатыми губами и паучьими пальцами. С миссис Хеддингсли. Однако мать велела идти, и она пошла...

Когда некоторое время спустя дверь открылась — Кэт понятия не имела, сколько времени прошло, — она была все еще в мире своих грез. Только когда констебль стал трясти ее за плечо, осторожно, как будто она может разбиться у него под рукой, Кэт заморгала. Повернув голову, она слышит, как он говорит:

— Поторопитесь, у меня полно дел. Или хотите остаться здесь? — Дверь у него за спиной открыта.

Кэт мгновенно вскакивает, молча выбегает наружу и сталкивается с Джорджем.

— Кэт, успокойся, девочка моя! С тобой все в порядке? Ты не ранена? — спрашивает он, с легкостью удерживая ее могучей рукой, иначе она пронеслась бы мимо него, на солнечный свет.

— Джордж, меня заперли! — выдыхает она.

— Тише, тише, я знаю. Но теперь ты на свободе. Успокойся, Кэт. Оглядишься по сторонам, — говорит он негромко.

Кэт подчиняется и глубоко вздыхает. Она в главном помещении полицейского участка, за спиной Джорджа входная дверь широко открыта, и улица за ней головокружительно-яркая.

— Вы меня отпускаете? — спрашивает она констебля, который только что вывел ее из камеры.

— На этот раз да. Но ведите себя осмотрительнее, слышите меня? До меня уже доходили слухи о вас, мисс Морли. Мне ни к чему ваши

выходки, вы меня понимаете?

— Но... Ей же не давали и слова сказать. У нее есть право говорить! И... они бросали в нас всякой дрянью... Даже дохлую крысу бросили! В незащищенных женщин! — выкрикивает она. — Вы собираетесь арестовать того, кто это сделал?

— Если бы я знал кто, да, я арестовал бы его. Но должен признать, вы не кажетесь мне такой уж незащищенной. По счастью, миссис Хевер выступила в вашу защиту, она сказала нам, что вы просто пытались оградить ее от... негодования толпы. И Джордж Хобсон тоже... поручился за вас. Так что можете идти. — Он рассеянно скребет усы. Лицо его лоснится, на тугом воротничке рубашки пятна пота. — Ну и жара, — бормочет он. — Это из-за нее народ бесится. Ступайте, и чтобы я больше вас здесь не видел. В следующий раз это может не сойти вам с рук. — Он отпускает их.

Джордж выводит Кэт из участка, пока она не успела снова раскрыть рта.

Минуты две они шагают в молчании. Бродвей опустел, солнце клонится к западу. Его диск становится все больше и приобретает медовый оттенок. В конце улицы кое-где еще валяются остатки мусора, которым швыряли в ораторшу. Кэт чувствует запах собственного пота, острый и отвратительный. От страха, который охватил ее в камере, а не от жары. Джордж идет, опустив глаза, плечи у него напряжены. Кэт осторожно смотрит на него, пытаясь определить, о чем он думает.

— Ты за меня поручился? Что это значит? Что ты им сказал? — спрашивает она неуверенно.

Джордж пожимает плечами, опускает одну руку в карман, затем снова вынимает.

— Я сказал, что ты моя женщина, — отвечает он угрюмо. — Сказал, что буду удерживать тебя от глупостей.

На этот раз Кэт не может удержаться от улыбки.

— Неужели? — Она игриво толкает его локтем. — Хотела бы я посмотреть, как ты будешь это делать.

Однако Джордж не улыбается в ответ. В глазах у него тревога.

— Прошу тебя, Кэт. Второе ручательство будет мне не по силам, — отвечает он, но тут же умолкает, плотно сжимая губы.

— Будет не по силам? Что ты имеешь в виду?

— Ничего. Забудь, что я сказал.

— Джордж, тебе что, пришлось заплатить им, чтобы меня выпустили? — спрашивает она шепотом.

Джордж пинает камешек на дороге, отправляя его на обочину.

— Может быть, тебя и так выпустили бы. Только позже или завтра. Но может быть, и нет.

— Сколько?

— Не важно.

— Сколько, Джордж? Скажи мне, — упрасивает она.

— Не скажу. Достаточно, — отвечает он наконец.

Кэт останавливается, виновато повесив голову; она смотрит на собственные ноги в пропыленных туфлях, и они расплываются от слез.

— Но... как же твоя лодка, Джордж? Ты не должен был этого делать! — говорит она, и слова застревают в горле.

— Пришлось, Кэт. Иначе тебя заперли бы! Я же знаю... знаю, что с тобой будет... Я не мог этого допустить.

— Но ты не должен был! Я не смогу расплатиться с тобой. Мы никогда не вернем эти деньги!

— Я сам верну. Просто потребуется больше времени, — отвечает он мрачно. — Может, продам кольцо, как ты предлагала. Если ты не хочешь его носить. Много за него не дадут, конечно, но для начала сойдет.

— Джордж... — шепчет она, поднимая на него глаза. Она обхватывает его, не волнуясь о том, что их могут увидеть, прижимается лицом к его груди, ощущая сквозь рубашку массивное тело, слыша звучное, размеренное биение его сердца. — Я не хочу замуж, но ведь я и так твоя женщина. Как ты и сказал. Если я тебе еще нужна... — Ее слова звучат приглушенно и печально.

Джордж берет ее за плечи, слегка встряхивает:

— Конечно нужна! Ты всегда будешь мне нужна, ты, и только ты! Я никогда не видел такой женщины. Но мы должны обвенчаться, Кэт! Я хочу, чтобы ты стала моей женой. И это грех не...

— Грех? Я не верю в грех.

— А я верю. И Господь тоже верит. Выходи за меня, Кэт! — говорит он, обхватывая ее лицо ладонями и не позволяя ей отвести взгляда.

Однако в глазах Кэт он читает отказ, и она понимает это и потому молчит. Она непреклонна.

— Я найду денег, чтобы вернуть их тебе, Джордж, да, я найду! — твердо говорит она, когда он качает головой. — Обязательно найду. И я твоя, хочешь ты этого или нет, — прибавляет Кэт и ужасается тому, что больше всего боится его отказа.

Эстер слышит снизу голос миссис Белл, громкий и резкий, который разносится по лестнице, и понимает, что это Кэт наконец-то вернулась из Тэтчема. Прошло уже пять часов с тех пор, как ее отправили за мясом и на почту. Приказав себе успокоиться, Эстер спускается по лестнице и слышит конец тирады:

— ...и в довершение ко всему ты являешься обратно без говядины! И что я должна готовить на ужин, когда нет говядины? Отвечай мне, мисс Пустая Голова!

— Я же извинилась... Меня задержали! Я ничего не могла поделать, а лавка мясника к тому времени уже закрылась...

— Извинениями не накормить пять человек! Ты никчемная неумеха, Кэт Морли, и вот что я тебе еще скажу...

— Миссис Белл, успокойтесь, — произносит Эстер как можно сдержаннее.

Экономка с видимым усилием умолкает, трясая своими подбородками, ноздри ее раздуваются, лицо полыхает гневом. Эстер и сама готова сбежать подальше от ее сверкающего взгляда. Кэт же, напротив, выглядит бледной и изможденной, одежда на ней измята и вся в пыли, волосы выбились, заколки потерялись.

— Кэт, не могли бы вы пойти со мной? — произносит Эстер и направляется к лестнице.

В какой-то миг ей кажется, что девушка за ней не идет, но, когда она оборачивается, оказывается, что та следует за ней совершенно беззвучно. Больше похожая на привидение, чем на живого человека.

Эстер приводит ее в гостиную и поворачивается к ней, скрестив руки на груди. Последние три часа ослепительно-яркого дня она репетировала полную упреков речь, поскольку никогда еще не произносила ничего подобного, во всяком случае не произносила вслух. И вот теперь, когда дошло до дела, подготовленная речь кажется неуместной. Кэт стоит, слегка покачиваясь, лицо у нее отсутствующее,

лишенное выражения. Эстер замечает кровь, запекшуюся под обломанными ногтями, и пурпурно-серый синяк, расплзающийся по ключице, часть которой видно в вороте блузки. Две пуговицы от блузки оторваны.

— Господи, детка! Что с вами случилось? — восклицает она, переполненная уже не гневом, а тревогой. — На вас кто-то напал?

Кэт моргает и длинно вздыхает. Эстер кажется, будто она видит мысли, быстро мелькающие в этих черных глазах, как будто девушка тщательно подбирает слова ответа.

— Можно и так сказать, мадам. Я приношу извинения за то, что так опоздала и не принесла мяса к ужину...

— Забудьте о мясе. Миссис Белл придумает что-нибудь, я не сомневаюсь. Только расскажите, что случилось?

— Там в городе я увидела женщину... Она выступала перед толпой. Ее зовут миссис Хевер. Но толпа орала, ей не давали и слова сказать. Ее обзывали разными словами, в нее швыряли гнилыми овощами и... и даже дохлым животным, мадам, из-за чего она лишилась чувств. Я вступилась за нее.

— Вы вступились за нее? Как это?

— Я... я встала с ней рядом, я... потребовала, чтобы ей дали высказаться. Только меня не послушали. Явилась полиция, и мне пришлось ждать в участке, пока... не пришла миссис Хевер, которая заступилась за меня. Тогда меня отпустили. И я никак не могла прийти раньше, мадам, иначе пришла бы, — говорит Кэт, и слова ее звучат вполне искренне.

Первый раз за все время Эстер видит на ее лице вполне определенное, недвусмысленное выражение — тревогу. Девушка сильно обеспокоена чем-то.

— Я понимаю. Но только скажите мне, о чем, собственно, говорила та женщина? Или пыталась сказать.

— Она... она из отделения Социально-политического союза в Ньюбери. Приехала, чтобы рассказать о праве женщин на голосование, — неохотно отвечает Кэт.

— Ясно, Кэт, — вздыхает Эстер. — Так дело не пойдет. Это все уже было у вас в прошлом и пусть там остается. Нет-нет, я понимаю, что вы действительно проявили благородство по отношению к этой миссис Хевер, и, похоже, добрые жители Тэтчема были далеки от

христианского великодушия. Но хотя мы с мужем согласились взять на работу горничную с сомнительным прошлым, я не думаю, что мы можем позволить себе горничную с сомнительным настоящим. Вы меня понимаете? Теперь, когда вы наша горничная, вы не можете быть суфразисткой, Кэт. Я вынуждена настаивать. Забудьте об этом. Так не пойдет...

— Я не могу изменить своего образа мыслей, мадам, — отвечает Кэт, и голос ее звучит тихо, но напряженно из-за переполняющих ее чувств. — Я не могу принимать участия в их деятельности, но я должна иметь право думать так, как считаю правильным!

— Что ж, ваши мысли действительно принадлежат только вам, хотя мне они кажутся совершенно неестественными...

— Нет ничего неестественного для женщины в желании быть хозяйкой собственной жизни, собственной судьбы, мадам... Нет ничего неестественного в том, чтобы желать лучшей доли себе и своим дочерям...

— Наверное, они желают именно этого. Однако их воинственная тактика... их неженское поведение всего лишь доказывают, что слабый пол не способен ни к участию в управлении, ни к политике. Женщины принесут больше пользы, если, заключив крепкий брак, станут побуждать своих мужчин к тому, чтобы те делали страну лучше для всех, в том числе и для женщин. Мы же ангелы по сути своей, Кэт, а не воины на поле битвы. Господь послал нам такую долю, и она не изменится. Я не сомневаюсь, что, облагораживая своего мужа, смягчая его сердце, нежностью успокаивая мужской пыл, женщина достигнет гораздо большего, чем если она будет бить стекла и вести себя как головорез... — Эстер переводит дух и смотрит на Кэт, но видит на лице девушки нечто похожее на жалость или же презрение. Та быстро прячет свои чувства и окидывает Эстер своим обычным пустым взглядом. — Ступайте и приведите себя в порядок. Я вижу, что вы устали. Я освободила бы вас на вечер от работы, однако к ужину должен вернуться мистер Дюрран, боюсь, нам потребуется ваша помощь. Даю вам полчаса, чтобы умыться и отдохнуть, и больше не будем об этом. Но только чтобы это было в последний раз. Какое счастье, что сегодня мой муж навещает своих прихожан и ничего не знает.

— Значит, Робин... мистер Дюрран снова приезжает? — спрашивает Кэт.

Эстер пристально смотрит на нее, и, хотя на лице Кэт все то же отсутствующее выражение, в глазах горничной отражается какое-то чувство, какого Эстер не может понять.

— Приезжает, да, — отвечает она, не в силах скрыть неприязни. Голос ее становится более высоким, и фраза звучит резче, чем Эстер хотелось бы.

— Вы, наверное, очень рады, — отзывается Кэт, брови и уголок рта у нее вздрагивают, и ее слова звучат иронично.

Щеки Эстер слегка розовеют, и она не знает, что ответить.

— Еще бы, — произносит Эстер.

Когда Кэт отправляется к себе, Эстер подходит к окну. Наконец-то, думает она, ей удалось разобраться с маленьким недоразумением спокойно и разумно и равновесие восстановлено. Содержать дом в порядке, поддерживать в слугах бодрость духа, чтобы вся работа исполнялась как будто сама собой, — это тоже в большей степени обязанность жены. Нехорошо, чтобы муж видел, как делается домашняя работа, как стирается белье, как слуги перебраниваются между собой или получают выговор от хозяйки. Она рада, что Альберта не было дома и она смогла все благополучно уладить без него, подальше от колючего взгляда Софи Белл. Она смотрит на опаленный солнцем сад, где ее бордовые розы роняют на лужайку лепестки, похожие на застывшие слезинки.

Не получается. Эстер не может убедить себя даже этими рассуждениями, будто рада сегодняшнему отсутствию Альберта. С тех пор как Эстер разбудила его лаской, оказавшейся нежеланной... с тех пор как открыла для себя некую часть его анатомии, прежде являвшейся для нее полной загадкой, он проводит больше времени вне дома, чем дома, и снова увлекся ранними прогулками. Проснувшись сегодня затемно, она обнаружила, что муж уже ушел. Она понятия не имеет, куда он ушел, зачем, потому что он больше не рассказывает ей о своих планах на день. Эстер наблюдает, как черный дрозд расклевывает улитку на плитках дорожки. От резкого тук-тук-тук последних ударов ее мысли как будто покрываются трещинами, раскалываются, лишаясь смысла. Что-то пошло очень и очень

неправильно, вбив клин между ней и Альбертом, однако она не может сказать, что именно, и не видит способа все исправить.

Кэт нарочно не смотрит на Робина Дюррана, прислуживая за ужином. Викарий необычайно оживлен. Нос и щеки у него обгорели на солнце, отчего кажется, будто лицо пылает от волнения. Он задает один вопрос за другим: с кем теософ беседовал, и что ему ответили, и каков будет их следующий шаг в грандиозном деле донесения истины до широких масс, и не хочет ли Робин просмотреть статью о совершенных ими открытиях, над которой работает викарий? Ответы Робина звучат вяло в сравнении с живыми вопросами викария, и лишь огромным усилием воли Кэт отказывается от попытки взглянуть на него, чтобы прочесть на его лице правду, которая, как она понимает, не прозвучит в словах. Кэт знает, где его искать, и позже, когда она выходит во двор, он уже ее ждет в дальнем углу, курит и, сторбившись, вышагивает из стороны в сторону.

— Ну как? Проглотили они вашу ложь? — спрашивает его Кэт, безрадостно улыбаясь.

Робин бросает на нее испытующий взгляд, резко раскрывает пачку с сигаретами, предлагает ей. Она берет, сует сигарету в рот, а он подносит огонь, прикрывая спичку ладонью от свежего ветерка, который резвится во дворе, неся благодатную прохладу.

— Вас послушать, так я просто ужасен, — замечает он рассеянно.

Робин переступает с ноги на ногу, как будто ожидает, что ему вот-вот придется бежать или драться.

— Разве это не так?

— Нет! Все, что я создал, — это портрет истины. Материальное подтверждение, необходимое для тех, кто не хочет принимать нематериальные доказательства...

— Вы *создали*. Все ваши дела можно назвать одним словом — ложь. И вы сами это знаете, — отвечает Кэт учтиво.

Она делает долгую затяжку, выдыхает голубой дым в движущийся воздух. Робин улыбается, затем издает короткий смешок.

— А знаете, я почти рад слышать, как вы это говорите. Такое решительное отрицание после нескольких дней разнообразных иносказаний, уклончивости и неуверенности, — говорит он.

— Значит, они не купились?

— Некоторые да, но не все; некоторым очень хотелось бы, но они не способны; некоторые не хотят, однако находят это вполне возможным... — Он качает головой. — Нет, все пошло не вполне так, как я надеялся. Кажется, им требуется больше подтверждений.

— Больше? — спрашивает Кэт, тут же настораживаясь.

— Возможно, вы снова понадобитесь мне, Кэт. Некоторые члены Общества намекнули, что... образ элементаря был нанесен на пластину до проявки. Я пытался объяснить им, что я не художник. Но, наверное, они решили, что у меня мог быть сообщник. Вероятно, они пришлют кого-нибудь понаблюдать за процессом проявки следующей серии фотографий, если мне посчастливится еще раз встретиться с элементарем и запечатлеть его, — отвечает он, позволяя намеку повиснуть в воздухе.

— Вот интересно! Наверное, непросто будет объяснить, что я делаю на лугу в парике и в шифоновом балахоне.

— Нет-нет. При самом процессе съемки, скорее всего, никого не будет. На этом я сумею настоять. Посторонний человек нарушит равновесие, вынудит дух спрятаться. Но вот потом их эксперты отправятся со мной в проявочную... Да, вероятно, вы снова потребуетесь мне, Кэт.

— Почему вы так упорно цепляетесь за это?

— Что вы имеете в виду?

— Вы, мужчины. Почему вы так упорно стремитесь вписать свое имя в историю? Оставить после себя хоть какой-нибудь... след?

— По-вашему, я к этому стремлюсь?

— Разве нет? Вы пробовали себя в поэзии, пробовали в политике... теперь вот пробуете себя в теософии и готовы на лжесвидетельство, лишь бы добиться своего. Может, лучше просто жить и давать жить другим? Вы умрете, и вас забудут, как и всех остальных, — произносит Кэт, пожимая плечами и глядя на него сквозь опущенные ресницы.

Робин моргает, ошеломленный ее словами.

— Я не хочу, чтобы меня забыли. Я... — Он в растерянности скидывает руки. — Значит, в этом и состоит разница между мужчинами и женщинами? Значит, по этой причине мужчины чего-то добиваются в жизни, а женщины просто существуют? Поэтому имена мужчин навечно остаются в истории?

— Ничто не остается навечно. Вы что, не читали «Озимандию»?

— Китса? — спрашивает он, и Кэт качает головой:

— Шелли. Только над вами посмеялись. Над мужчинами. Женщины — бессмертны. Мы оставляем след в наших детях и в детях наших детей, тогда как мужчины стараются стать первыми, карабкаясь в гору.

— Неужели? Разве след отцов не остается в детях?

— Остается, если мужчина удосужится его оставить. Если он не слишком занят тем, чтобы лезть в гору. Или выискивать эльфов. Может быть, вы поймете, что это лучший путь к бессмертию, чем наряжать горничную в костюм феи и лгать?

— Остепениться, жениться, наплодить детишек? Нет, я так не думаю. Но я стану бессмертным, Кэт. Я оставлю память по себе, и мое имя будут помнить всегда. Даже когда мир изменится и героические подвиги моих братьев покажутся самыми обыденными, меня будут помнить.

— Так вы делаете все это из зависти к братьям? — с недоверием переспрашивает Кэт. — Печально.

— Кто вы такая, чтобы судить, Кэт Морли? Вас-то никто не вспомнит, однако со мной у вас есть шанс приобщиться к чему-то великому, что изменит мир, — говорит Робин, продолжая метаться: несколько шагов в одну сторону, несколько — в другую.

— Ага. — Кэт снова делает долгую затяжку, секунду размышляя. Она запрокидывает голову, выдыхая дым, смотрит на облачко над головой, которое подхватывает ветер. Еще не до конца стемнело, и сквозь облака цвета индиго кое-где проглядывает бледная голубизна, отливающая серебром. — Похоже, мне есть что сказать по этому поводу, — добавляет она.

Робин внимательно смотрит на нее, лицо его делается жестким.

— О чем это вы?

— Насколько я понимаю, я служу вам моделью. Я единственный человек, годящийся вам в модели.

— И что?

— И то. Я точно знаю, что модели — если они работают на художника или фотографа — получают вознаграждение, — говорит она без колебаний, выдерживая его взгляд.

— Я плачу вам своим молчанием, тем, что не рассказываю о вашем распутном поведении, — отвечает он, улыбаясь криво и холодно.

— Что ж, если я правильно понимаю... мое молчание важно не меньше, чем ваше. Наверное, даже важнее. Поскольку я могу отсюда уйти. Мне сделали предложение руки и сердца. И вы вряд ли сможете меня наказать, если я решу рассказать о ваших фотографиях, зато вам дорого обойдется, если я заговорю.

— Предложение руки и сердца? Где же тогда кольцо? — хмыкает Робин, и лицо его не сулит ничего хорошего.

— Его на днях привезут от матери моего жениха, — мгновенно находится она.

— Ну и ну! До чего же вы плохо подготовились к помолвке, — произносит Робин.

Он разворачивается на каблуках, сунув руки в карманы и высоко подняв голову. Так он стоит несколько мгновений, а Кэт ждет, сердце болезненно колотится в груди, она собирает волю в кулак, чтобы хотя бы внешне казаться спокойной и решительной.

Наконец Робин Дюрран поворачивается к ней — так неожиданно, что она вздрагивает. Он поводит головой из стороны в сторону, словно хищная птица.

— Ладно. Я так понимаю, что меня приперли к стенке. Сколько же нынче берут модели фотографов, по-вашему? — спрашивает он голосом, от гнева лишенным всякого выражения.

— Модель, которая и дальше будет держать язык за зубами, берет... двадцать фунтов.

— Двадцать фу... Да вы с ума сошли! — восклицает Робин, и его голос переходит от резкого крика к яростному шепоту. — Если бы у меня были такие деньги, чтобы выбрасывать их на служанок, вернулся бы я к этим чертовым Кэннингам!

— Хранить молчание до конца дней — это очень долго. Я тот фундамент, на котором вы строите свой успех, я ключ к вашей неувядающей славе...

— Вы бесстыжая негодяйка, Кэт. Угрожать мне...

— Вы начали угрожать первым, или забыли? Вы глупец, если решили, что это запросто сойдет вам с рук.

— Десять фунтов, и ни шиллинга больше. Я серьезно, Кэт. Не вынуждайте меня, — говорит он, подходя так близко, что ей приходится отстраниться, чтобы видеть его лицо. Она почти слышит, как стучит его сердце, громко стучит от бешенства.

— Деньги вперед. И побыстрее. До того, как мы сделаем новые фотографии.

— Сначала половину. Получите после того, как я завтра съезжу в банк. И половину после того, как сделаем фотографии.

— И когда же это произойдет?

— Пока не знаю. Они еще будут сомневаться, тянуть, выбирая, кого из экспертов послать со мной, я точно знаю, потому что сам им предложил. Наверное, уйдет недели две или три.

— По рукам. — Кэт улыбается. — С нетерпением жду платы за уже выполненную работу. — Она разворачивается, чтобы уйти, однако Робин, стремительный, как змея, хватает ее за плечо, не пуская.

— Если вы сбежите к своему женишку раньше, чем я сделаю фотографии, то предупреждаю вас, Кэт Морли, я найду вас и заставлю заплатить за это, — говорит он так спокойно и уверенно, что Кэт холодеет.

Она задерживает дыхание, чтобы скрыть дрожь, и даже не морщится, хотя его пальцы больно впиваются в кожу. После молчаливой борьбы она выдергивает руку и сверкает на него глазами:

— Поосторожнее, мистер теософ. Так ведь можно испортить себе карму. А мой жених в два раза сильнее и больше вас.

Она изо всех сил старается говорить спокойно, когда ей хочется наорать на него. Ноги снова подкашиваются. Развернувшись, чтобы уйти, она видит Эстер на лестнице у окна, которое выходит во двор. Эстер наблюдала за их разговором, она стоит, приблизив лицо к стеклу, чтобы ей не мешало отражение ярких ламп за спиной. Беседа не преступление, и курение тоже, однако Кэт все равно снова дрожит, притворяется, будто не замечает хозяйку, опускает глаза и быстро входит в дом. Снова поднявшийся ветерок подхватывает черные пряди ее волос, пробегает легкими пальцами по голове, исследуя, вопрошая, выставляя ее на всеобщее обозрение.

Следующим вечером Кэт знает, где искать Джорджа. Он собирался в трактир, хотя завтра рано утром отправляется с грузом на

запад, везет гравий в Бедвин для строительства новых домов. Падает несколько мелких капель дождя, ударяя по лицу, пока она быстро крутит педали, и велосипед громыкает по бечевнику, виляя время от времени на отдельных камешках. Кэт, щурясь, глядит в темноту. На небе плотные облака, нет ни луны, ни звезд, и она с трудом различает путь. Она выезжает на мост раньше, чем сознает это, — его горбатый черный силуэт внезапно встает перед ней, а за мостом слабо светятся уличные фонари Тэтчема. Резко нажав на тормоза, Кэт останавливается. Она осторожно затаскивает велосипед в кусты у основания моста, где никто его не заметит, если только случайно не забредет в кусты и не наступит. Остаток пути до «Пахаря» она проделывает бегом.

Привратник и трактирщик уже знают ее и, не пытаясь преградить ей путь, приветствуют кивком и желают доброго вечера. Несколько человек в зале оборачиваются, чтобы взглянуть на нее, поглазеть на девицу с остриженными волосами, которая не носит корсета и, по слухам, перерезала горло своему любовнику (своему хозяину, своему отцу), подожгла церковь в Лондоне, ограбила магазин (банк, почтовый поезд), наделала дел столь ужасных, что жена викария боится даже говорить об этом вслух. Блузка у Кэт промокла от пота и липнет к спине. Отдышавшись, она направляется в заднюю комнату, сразу окунаясь в знакомую атмосферу удушливого зловония, в ревущую берлогу, где людей как селедок в бочке, а в нос сейчас же бьет запах алкоголя и человеческих тел. Теперь все это ей знакомо, даже дорого, поскольку совершенно не похоже на тишину и кухонные запахи дома викария, на мыльный дух чистого белья, на нежную кислинку молока в кухне, на пыльный запах ковров в коридоре, где высокие тикающие часы отсчитывают уходящие минуты жизни неспешным движением маятника.

Этим вечером будет не бокс, а развлечение иного рода. Сквозь ругань и крики толпы она различает пронзительные вопли и клохтанье, резкое и злобное. Кэт приседает, ее лицо теперь находится на уровне ляжек мужчин, и в просветы между их спрессованными телами она видит петухов: перья воротников распушены, гребни налиты кровью, капли крови стекают по шпорам на лапках. Блестящие глаза, плоские от бешенства, клювы разинуты, бойцы тяжело дышат. Они наносят и парируют удары, вытягивают шеи, танцуют и пыряют друг друга

шпорами. По другую сторону ринга Кэт видит Джорджа, который с серьезным лицом наблюдает за поединком. Она обходит толпу кругом, касается его руки в знак приветствия.

— Почему они дерутся? — спрашивает она с любопытством.

— А почему собаки лают? Так уж они устроены. Два самца не могут находиться рядом. — Джордж пожимает плечами. — Иди сюда. — Он обхватывает ее за талию, сжимает руками. — Давай ты выберешь.

— Выберу?

— Скажи, какая птица победит, и я поставлю пенни, — говорит Джордж. — Никак не могу решить, кто выиграет.

Из-за жары в комнате рубашка Джорджа в темных пятнах пота на груди. Кэт проводит рукой по ткани, ощущая влажный жар его кожи. Джордж прижимает ее к себе, в глазах у него вспыхивает желание. Быстро улыбнувшись ему, Кэт снова оборачивается к рингу. Она несколько мгновений наблюдает, как дерутся петухи, как летят бронзовые и золотистые перья, когти на серых чешуйчатых лапках черные. Кэт еще ни разу не видела, как два животных пытаются уничтожить друг друга. В том, как они дерутся, нет и намека на выверенную грацию Джорджа. Одно стремление калечить и убивать.

— Вот этот, — говорит она в итоге, указывая на петуха поменьше, с отливающими зеленым темными крыльями.

— Разве? По-моему, он потрепан сильнее.

— Но посмотри, как он из-за этого злится, — замечает Кэт.

Джордж подзывает толстяка, который даже снял рубашку и стоит на стуле, покачиваясь и обливаясь потом в нательной рубахе. Монета переходит из рук в руки, ставка подтверждена полоской голубой бумаги.

— Теперь следи за ним, — говорит Кэт, не сводя глаз с раненой, истекающей кровью птицы.

Некоторое время маленькому петуху приходится нелегко, он падает под неослабевающим натиском противника, пронзительно вопит от ярости, когда шпоры вонзаются в его тело и клюв ударяет по голове, оставляя раны. Однако безумный взгляд его не тускнеет, он не отступает и не сдается.

— Настоящий боец. Он не позволит себе проиграть, даже если придется погибнуть, — бормочет Кэт, но ее слова теряются в общем

гаме.

Собрав последние силы, маленький петух взвивается в воздух и опускается, целясь шпорами в голову врага. Одна шпора вонзается в глаз, другая вырывает клочок мяса из головы несчастного противника, кровь заливает уцелевший глаз, ослепляя его. Раненый петух приседает, признавая поражение, беспомощно трясет головой. Вскоре с ним было покончено, его до смерти заклевал петух поменьше и потом поднялся, распутив крылья и высунув от усталости язык.

Кэт стоит словно загипнотизированная. Она и не предполагала, что насилие может еще шокировать ее. Джорджу становится не по себе из-за странного молчания Кэт.

— Лучше бы его вынесли отсюда, мертвого петуха. С одним глазом от него все равно не было бы никакого проку. Тернеру пришлось бы свернуть ему шею, если бы он остался в живых, — произносит он. — Может, он и сам не захотел бы жить, зная, что проиграл птице меньше себя ростом, — прибавляет он.

Кэт мотает головой.

— Все живые существа хотят жить, — говорит она.

Джордж, хмуря лоб, забирает у толстяка выигранные деньги и отдает половину Кэт.

— Мне не нужно столько, это был твой пенни.

— Но победителя выбрала ты. Я уж точно поставил бы на крупного и проиграл бы.

— Оставь деньги себе. Что я на них куплю? Выкупить себя из рабства я все равно не смогу. Оставь себе, пойдут на твою лодку, добавь к тем, что я и так тебе должна, — настаивает она, вжимая монеты в широкую ладонь Джорджа. Он смотрит на нее с недоумением. — Вот, — говорит она. — Вот они. — Она улыбается, вынимая из кармана кошелек и показывая ему.

— Что это?

— У меня есть для тебя деньги, хотя я не знаю, сколько ты отдал полицейским. Часть верну тебе сегодня, а потом еще, и ты лучше не спрашивай, где я их взяла.

— Что это за деньги? Сколько здесь и где ты их взяла? — спрашивает Джордж, уводя ее из толпы к стене, где не так шумно.

— Деньги на твою лодку. У меня с собой пять фунтов, еще столько же будет до конца месяца, скорее всего... — Она взвешивает

кошелек на руке.

Джордж накрывает кошелек своей ладонью, спешно прячет в складки ее юбки:

— Сколько?! И ты притащила с собой такую сумму и вот так запросто вынимаешь из кармана?

— Ну ты же видишь: никто их не украл. Все здесь, и все для тебя.

— Это больше того, что я отдал за тебя. Не возьму. — Он упрямо стискивает зубы.

— Нет, возьмешь. Все, что сверх заплаченной суммы, ты сэкономишь и вложишь в лодку. В нашу лодку. В наше будущее и в нашу свободу, — произносит она серьезно.

Джордж пристально смотрит на нее, некоторое время размышляет.

— Значит... ты выйдешь за меня?

Кэт смотрит в сторону, перебирает завязки кошелька.

— Нет, Джордж. Я буду верна своему слову. Но я все равно уеду с тобой, если ты... если ты мне позволишь. Но хватит ли этого? Когда я получу остальные пять фунтов, хватит ли их, чтобы снять комнату, купить экскурсионную лодку и начать новую жизнь? — спрашивает она с живостью.

— Этого хватит. Этого более чем достаточно. Только...

— Нет, ничего не говори! Скажи только, что я смогу поехать с тобой! Скажи, что смогу оставить жизнь, которую я ненавижу, что ты дашь мне новую жизнь.

— Выходи за меня замуж, Кэт, и ты получишь все это и даже больше, — умоляет он.

Вложив кошелек ему в руку, Кэт набирает воздуха в грудь, чтобы ответить, но не успевает. Резкий свисток разрезает воздух, дверь в заднюю комнату открывается с пронзительным скрежетом и треском древесины. Врываются полицейские, дуют в свистки, держа над головой фонари, чтоб было видно, как выигравшие забирают свои деньги, а проигравшие рвут билетки. Полицейские рассыпаются по всему помещению, чтобы схватить как можно больше народу; они похожи на проворных жуков в своих темных мундирах и касках. В мгновение ока каждый из присутствующих старается оказаться подальше от окровавленных птиц, пытается избавиться от билетика, если не выиграл, или убежать с ним, чтобы позже получить деньги. Народ

ломится к задней двери, которую поспешно распахивают, толпа сбивает Кэт с ног, подхватывает и несет, словно бревно по волнам.

— Эй! — ревет Джордж, бросаясь за ней.

— Всем стоять! Оставаться на местах! — кричит один из полицейских.

Кэт, которой успели наставить синяков, силится удержаться на ногах. Воздух внезапно становится сладким и чистым, она понимает, что ее вынесли на улицу. Ищет взглядом Джорджа, однако в толпе его нет. Раздаются новые свистки, грохот бегущих ног в тяжелых полицейских башмаках приближается к ней.

Полицейские влетают из главного входа в паб, рассыпаются цепью у заднего, чтобы хватать удирающих игроков. Кэт рвется из эпицентра давки, увертываясь от полицейских справа и слева. Неожиданно ее сбивают с ног сзади: какой-то человек бежит, так низко надвинув на глаза шляпу из опасения быть узнанным, что вовсе не видит ее и опрокидывает на землю. Воздух выходит из легких, секунду она лежит, силясь вдохнуть. Затем чей-то высокий голос, громкий и неуместный здесь, перекрывает свистки полицейских и ворчанье схваченных мужчин. Кэт поднимает голову и видит Альберта Кэннинга, он приближается из темноты, и огонек в его глазах, кажется, освещает ему путь. Он входит в пятно света, который падает из дверей паба, и на его лице отражается так мало мысли и так много истовой веры, что Кэт холодеет. Несмотря на свое презрение к нему — она провела столько недель в доме викария, едва замечая его, — Кэт внезапно пугается. На его лице болезненная, безумная улыбка.

— Покайтесь! Осознайте свои ошибки и греховность избранного пути! Всю тяжесть ваших грехов! Оставьте этот бессмысленный и полный опасностей путь, ибо он ведет вас вниз, к разрушению, к уничтожению всего, что чисто, свято и хорошо в мире! — выкрикивает викарий, голос у него высокий и взволнованный, лицо словно охвачено огнем, который затмевает электрический свет из задней комнаты.

У Кэт сердце уходит в пятки, в животе что-то протестующе ворочается. Она кашляет, силясь глотнуть воздуха, вздрагивает, когда рядом с ней грохочут башмаки — рядом с ее головой, руками, ногами. Нельзя, чтобы он увидел ее. Она старается подняться, но делает это слишком быстро, волна головокружения вынуждает ее сесть обратно на грязную землю. Викарий медленно шествует вперед, делая один

короткий шажок за другим. Высоко над головой он держит позолоченный крест двенадцати дюймов в длину, который сверкает, как его глаза. Потрясая им, он медленно приближается к двум полицейским, которые борются с каким-то человеком, — тот дерется, кусаясь и царапаясь, лишь бы не упасть на землю.

— Оставьте меня, паршивцы! Я зашел всего лишь выпить пинту пива! — гневно кричит мужчина.

— Тогда откуда у тебя в кармане билет со ставкой, Кит Берринджер, и почему у тебя в кармане заработок за две недели? — спрашивает один из полицейских. — Откладывал на дождливый денек? — уточняет он, и его товарищ хохочет, потому что начинает моросить дождь, обращая пыль в грязь.

— Покайся, сын мой! Оставь грешный путь, как змея оставляет старую кожу! Возродись для любви и страха Господня! — взывает викарий, придвигаясь к дерущимся настолько близко, насколько это возможно.

— Господи! Ну зачем вы еще эту чертову церковь с собой притащили! Мало мне всего остального? — горестно сетует Кит Берринджер.

— Ну, это была не наша идея, — неприязненно бормочет один из полицейских, а Альберт стоит перед ним, сияя и тяжело дыша.

Все еще кашляя, Кэт встает на колени. Она знает, что лучше отвернуться, на тот случай, если их взгляды пересекутся, однако не может отвести глаз от викария. Если он посмотрит вниз, справа от себя, то увидит ее. Кровь пульсирует у нее в висках. Она стоит на четвереньках, словно животное, пальцы утопают в земле, размокшей от дождя, одежда в грязи. Она стискивает зубы, однако не может сдержать нового приступа кашля. Спазмы в груди причиняют боль, она опускает голову, едва не прижимаясь к земле. На мгновение все голоса вокруг затихают — свистки, крики, топот ног, хлопанье дверей, трубный глас викария и смех полицейских, — все остается за глухой стеной тяжких ударов, заполняющих слух. Тени мешают ей смотреть, прорезаемые яркими вспышками света. «Только не теряй сознание!» — приказывает она себе. Она не может оказаться под арестом, не может допустить, чтобы ее увидели. Не может беспомощно лежать в грязи.

Постепенно воздух возвращается в легкие, она дышит свободнее, в голове проясняется, и звуки слышатся отчетливо. Она встает на ноги, косится на викария. Тот высматривает новую мишень. Полицейские уволокли Кита Берринджера, который, кажется, сам хотел пойти с ними, только бы не выслушивать проповедь.

— Путь праведный есть путь чистоты духовной и телесной, путь целомудрия и честности... — провозглашает викарий, обращаясь к бегущим слева и справа фигурам, размахивая крестом им вслед, как будто может исправить грешников одним его видом.

«Беги, сейчас же!» — приказывает себе Кэт. Но уже слишком поздно. Поднявшись, она как раз попадает в поле его зрения, и он разворачивается, налетает на нее:

— Ты! Молодая женщина! Тебе не место здесь! Женщины созданы нежными, кроткими сосудами, вмещающими смирение перед законами Господа... — Голос его замолкает.

Их взгляды встречаются. Мгновение ей кажется, что он не узнаёт ее. Многие не узнают своих слуг без привычной униформы, за стенами дома, тем более в темноте, в грязи. Однако он хмурится, стараясь вспомнить ее, и за миг до того, как Кэт срывается с места, она понимает, что он вспомнил. Глаза его широко раскрываются от изумления.

Глава десятая

Эстер на мгновение просыпается среди ночи, проводит рукой по пустой половине кровати. Решив, что скоро утро, она снова засыпает, придавленная, будто саваном, смутным ощущением безнадежности. Она чувствует апатию, ей кажется, что нет смысла вставать. Однако с наступлением утра, когда лучи солнца, пробравшись между занавесками, снова будят ее, она замечает, что подушка Альберта гладкая и пухлая, а простыня с его стороны кровати по-прежнему туго натянута. Накануне, когда она уходила спать, он остался сидеть с Робинот Дюрраном, увлеченный беседой. И теперь ясно, что, где бы он ни был, спал он уж точно не в своей постели. Эстер одевается со всей тщательностью, на какую способна без помощи Кэт. Она ощущает непонятную тревогу с тех пор, как увидела во дворе Кэт с Робинот Дюрраном. Он казался взволнованным. То, как близко он стоял к Кэт, как жестикулировал, показалось ей слишком уж фамильярным. Как будто они хорошо знакомы, как будто между ними есть какие-то отношения, о которых она ничего не знает. Амелия назвала Робина красавчиком; может, и Кэт такого же мнения.

Эстер закалывает волосы, немного припудривает щеки, чтобы придать им гладкости, спускается в своем утреннем платье и застаёт Альберта в гостиной: он сидит, сложив руки на коленях, взгляд устремлен в пустоту. Штанины его брюк в пыли и грязи, ботинки покрыты грязной коркой. Что касается Робина Дюррана, его тут нет.

— Альберт, что с тобой? Где ты был? — спрашивает она, останавливаясь рядом с ним, беря в руки его вялую ладонь.

Он медленно поднимает на нее глаза, как будто древний старик, моргает раз-другой, прежде чем узнает ее.

— Этти, я ждал тебя. Прости меня. Я был слишком взволнован, чтобы ложиться в постель. Решил, что лучше не тревожить тебя пока... — бормочет он.

— Тревожить? Но чем? Что же случилось? — Эстер крепко сжимает его руку.

Ей не нравится то, что он глядит на нее как будто откуда-то издалека и что голос его пронизан усталостью и недоумением.

— Боюсь, порок живет среди нас... гниль и плесень замарали чистоту нашего дома, — произносит Альберт, морщась, как будто даже собственные слова отвратительны ему.

— Гниль? Альберт, пожалуйста, я не понимаю тебя!

— Служанка. Та, с темными волосами. Мы немедленно должны избавиться от нее, — произносит он более решительно.

— Кэт? Почему? Что случилось? — с тревогой спрашивает Эстер. Гниль и плесень? Она думает о том, на чем поймала Амелия своего мужа, о фамильярности Робина с Кэт. У нее пересыхает в горле. — Это мистер Дюрран?

— Что? О чем ты? Это не имеет никакого отношения к Робину! Он уже вернулся? Он пришел из лугов? — Альберт привстает со стула, но только для того, чтобы устало упасть обратно.

— Не знаю... Альберт, где ты ночевал?

— Нигде. Я не мог спать. Не мог спать. Мне нужно многое обдумать... Девушку необходимо прогнать... и как можно скорее. Ничего удивительного! Ничего удивительного, что у меня не получилось! Запятнанный дом! Такое распутство... Она марает все, к чему прикасается... — Альберт резко вскидывает руки, лицо вытягивается от отчаяния.

— Распутство? Какое еще распутство? — Эстер силится держать себя в руках, опускается рядом с ним на корточки, пытаясь понять по его лицу, о чем он.

Его лицо близко, взгляд потемнел от мыслей, прочесть которые она не в силах. На ее глаза наворачиваются слезы, горячие и едкие.

— Бerti, умоляю. Объясни, — просит она.

Альберт смотрит на нее сверху вниз и улыбается кроткой печальной улыбкой.

— Ну конечно же ты не понимаешь. Ты воплощение женских добродетелей, — произносит он. Эстер тоже улыбается, радуясь хотя бы тому, что ссора, вызванная ее непрошеными ласками, кажется, позабыта. — Вечером я пошел с полицейскими в игорный притон Тэтчема, снискавший дурную славу. Я пошел, чтобы убедить людей оставить стезю греха, отказаться от безбожного времяпрепровождения... Я пытался объяснить, какой вред они наносят самим себе, всем нам... всему человечеству!

— Но... но при чем здесь Кэт?

— Кэт? Кто такая Кэт?

— Наша горничная, Берти. Ты сказал, что горничную необходимо уволить...

— Да! Она всенепременно должна уйти! Она была там, Этти, была там и бежала, как крыса, когда ворвалась полиция и разворошила это гнездо... Я ее видел! Я ее узнал!

— Должно быть, ты ошибаешься, Берти... Зачем, ради всего святого, Кэт идти в Тэтчем, в игорный зал? Не может быть, чтобы там была она, она находилась наверху, в своей постели, я уверена!

— Нет, ты не можешь быть уверена. Я видел ее, Эстер. Она лжет, играет и, без сомнения, распутничает...

— Ты наверняка ошибаешься, — настаивает Эстер.

— Я хочу, чтобы она ушла. Она погубит всех нас.

— Нет, Альберт! На этот раз ты должен послушать меня, пожалуйста. Ты ошибаешься. Она хорошая девушка! Она столько работает...

— До чего мы докатились — уже моя собственная жена сомневается в правдивости моих слов, — произносит Альберт холодно. — Вызови ее и спроси сама. Спроси ее, и мы посмотрим, как глубоко пустила корни ее порочность!

Эстер застаёт Кэт, когда та застилает хозяйскую кровать свежими простынями, грязные свернуты в узел у двери. Эстер перешагивает через них, внезапно ощущая, что ее ноги налились свинцом, а язык как будто одеревенел. Она слабо улыбается, когда Кэт смотрит на нее, и замечает темные круги под глазами девушки, замечает, что ее туфли, хотя и старательно вычищенные, все равно выглядят грязными, пропыленными.

— Прошу прощения, мадам. Я сейчас закончу, но, если хотите, я сделаю это позже, — спокойно произносит Кэт.

— Нет-нет, Кэт. Все в порядке. На самом деле... я хотела спросить вас о другом, — с неохотой начинает Эстер.

Кэт широко раскидывает руки, и чистая простыня расстилается, медленно и с отменной точностью оказываясь на нужном месте. Она пару раз одергивает ее, а затем распрямляется и поворачивается к Эстер с выражением такой спокойной решимости на лице, что Эстер знает ответ, еще не задав вопроса.

— Так это правда? Вчера вечером вы были в Тэтчеме? Играли? Мой муж говорит, что видел вас... — Она умолкает, удивляясь тому, насколько натянуты ее нервы, и понимая, что хочет, чтобы все это оказалось ошибкой.

— Он видел меня там, это правда. Однако я не играла, мадам, — отвечает Кэт, глядя прямо на Эстер и даже не дрогнув: снова этот ее обескураживающий темный взгляд.

— О Кэт, как вы могли? Как... как же вы вообще там оказались?

— Взяла на время велосипед викария. Я уже брала его много раз, — сообщает Кэт, решительно вздергивая подбородок, словно предлагая Эстер укорить ее.

Эстер смотрит, ошеломленная, смотрит долго, пока Кэт не заговаривает снова.

— Полагаю, я могу быть свободна? — спрашивает она, и, хотя решимость не покидает ее, голос немного дрожит.

— Не знаю... я не знаю. Если викарию станет известно, что вы брали его велосипед... Вы делали так много раз? — выдыхает Эстер. — Но зачем? Когда же вы спите?

— Я тяжело засыпаю, мадам. После тюрьмы... я почти не сплю. И вы не говорили, что мне запрещено покидать дом с наступлением ночи. Мне никогда этого не запрещали! Все, чего я хотела, — ощутить вкус жизни за этими четырьмя стенами. Разве это преступление?

— Нет-нет, Кэт, не преступление! Но это неприлично! Подобные заведения в Тэтчеме, к тому же в такой поздний час, — неподходящее место для одинокой молодой женщины! С вами могло случиться что угодно! Люди могли подумать о вас самое худшее! Так нельзя, Кэт! Я никогда не говорила об этом, поскольку мне и в голову не приходило, что об этом нужно говорить! И вы знаете, что у меня есть право запретить вам подобные вещи! — Невольно голос Эстер становится все выше и выше, она не в силах с ним совладать.

— Я была там вовсе не одна, — бормочет Кэт.

— И с кем же вы туда пошли? Уж точно не с Софи Белл... — Эстер осекается, когда до нее доходит смысл слов Кэт. — Вы хотите сказать... у вас есть поклонник? — спрашивает она.

Кэт ничего не отвечает, однако в ее глазах загорается огонек какого-то чувства.

— Понятно, — произносит Эстер тихо.

Неужели именно это она и наблюдала во дворе? Размолвку двух влюбленных? Она смотрит в окно на зеленую массу далеких деревьев. Птицы поют, как и обычно. Воздух сухой и свежий, однако дом вдруг оказывается где-то далеко, в стороне от всего. Или, может быть, это она, Эстер, отстранена от всего. Разлучена со всеми вещами, которые, как ей казалось, она хорошо знает.

— Но, — слабо нащупывает она путь к спасению, — вы были там не для того, чтобы играть? Вчера вечером?

— Нет, мадам. Я не играла.

В комнате наступает тишина, пылинки, поднятые разостланными простынями, медленно оседают, одна за другой, на отполированную поверхность мебели. Эстер сплетает пальцы и некоторое время изучает их, она слышит дыхание Кэт, частое и неглубокое, словно у загнанного в угол животного, готового драться.

— Так что же, мне собирать вещи? — спрашивает Кэт наконец.

Эстер качает головой.

— Я должна... поговорить об этом с мужем. Я верю, что в глубине души вы хорошая, Кэт, я верю в это. Если вы останетесь, я вынуждена буду просить, чтобы эти посещения города прекратились. Возможно, вы сможете прогуливаться с вашим... другом по воскресеньям, когда у вас выходной. Но вы не должны больше посещать общественные заведения в городе, вам запрещено убегать из дому по ночам. Могу ли я пообещать это мужу от вашего имени? — спрашивает Эстер, и голос ее дрожит.

Взгляд Кэт на мгновение смягчается, рот сжимается в тонкую горестную черту, однако, когда она отвечает, голос ее звучит решительно:

— Нет, мадам. Этого я обещать не могу.

Эстер замирает на верхней площадке лестницы, прежде чем спуститься к Альберту. Она протягивает руку, чтобы взяться за перила, и видит, что рука у нее дрожит. Все ее тело дрожит. Внезапно оказалось, что мир перестал быть простым, как раньше; теперь она почти ничего не понимает. Она знает, что должна рассердиться на Кэт, но почему-то не сердится. Она потрясена, взволнована, и она... Не завидует же она горничной, в самом деле? Неужели от зависти этот ком в горле, от зависти нестерпимо хочется оказаться в объятиях

Альберта? Она не сердится. Она испугана. Сглотнув, она начинает спускаться и сознает, что медлила не без причины. Ей необходимо время, чтобы обдумать доводы, найти способ убедить Альберта оставить Кэт. Мысль о ее уходе, о новой перемене в привычном укладе, о новом поражении оказывается невыносимой.

Однако, что бы она ни говорила, на ее мужа это не производит никакого впечатления. Она обещает ему, несмотря на слова самой Кэт, что девушка больше не будет никуда выходить по вечерам. Она лжет, утверждая, будто Кэт сама ей это сказала. О велосипеде и о кавалере Кэт она вовсе не упоминает; она клянется, что Кэт не играла ни вчера, ни в другие разы, что она всего лишь хотела испытать ощущение свободы, исследовать окрестности, и в том нет ничего удивительного для такого юного человека, однако успевшего пережить столько бед за свою короткую жизнь. Она даже уверяет, что не сможет никем ее заменить, потому что девушка с хорошими рекомендациями потребует высокого жалованья. Однако викарий так же непреклонен, как Кэт. Он едва слушает, сидя с безразличным лицом, руки его вяло покоятся на коленях, пока она говорит, снова и снова выдвигая все те же аргументы в трех разных формулировках. Когда она заканчивает и умоляюще хватается его за плечо, он просто рассеянно похлопывает ее по руке.

— Ты добрая и милосердная душа, Эстер. Но она должна уйти. Сейчас же. Она грязное пятно на нашем доме, и это в тот момент, когда особенно важно, чтобы не было ни пылинки. Никакого мусора. Ты понимаешь? Ты понимаешь меня, Эстер? Все зависит от этого! — говорит он, и глаза его горят таким странным светом, что Эстер чувствует, как ее захлестывает волна отчаяния.

— Альберт, прошу тебя. Пожалуйста, выслушай меня. На нашем доме нет никаких пятен! Это теософия затуманила тебе мозги, дорогой... Разве я плохо вела дом? Неужели я не понимаю, какие слуги нам нужны и как все должно быть обустроено? Я вынуждена требовать, чтобы решение подобных вопросов оставалось за мной!

— Эстер, ты слепа. Ты не обладаешь знанием, — решительно возражает Альберт.

— Ты хочешь сказать... я не изменилась. Мною не руководит учение Робина Дюррана! — отвечает она громким шепотом.

На это Альберт лишь слабо улыбается:

— Именно по этой причине, Эtti, ты сделаешь так, как я сказал.

— Альберт, прошу тебя, — умоляет она.

Альберт снова похлопывает ее по руке, как будто она какое-то неразумное животное, чье непонимание прискорбно, но вполне объяснимо, затем поднимается и идет в кабинет, захлопнув за собой дверь. Ее слова не дошли до него. В обманчивой тишине дома часы тикают, словно чье-то сердце сухо отбивает удары, и под легкими ногами Кэт, застилающей постель, на которой будет спать Эстер, поскрипывают половицы.

Эстер все еще сидит на краешке стула, когда возвращается Робин Дюрран. Она оборачивается на звук его бодрых шагов, видит, как он целеустремленно шагает к двери, входя в дом не как гость, но как хозяин, затем слышит, как он опускает на пол фотоаппарат, чтобы повесить пальто и шляпу, — все это совершенно непринужденно. От его пружинистой походки пряди волос подпрыгивают на лбу, как у мальчишки, он что-то напевает совсем тихо. Отдельные отрывистые звуки, наверное представляющие собой невнятные слова, которые он мурлычет себе под нос.

— Альберт! — зовет он, широко шагая по коридору.

«Он вторгается в наш дом, — думает Эстер, — как приливная волна, как порыв ветра». Его голова и плечи появляются в дверном проеме, пальцы в зеленых пятнах травы пачкают кремовую краску на стене.

— Эстер, как вы тихо тут сидите! — Робин тепло улыбается.

— Разве не может человек тихо посидеть у себя дома? — отвечает она, не в силах посмотреть ему в глаза.

Робин замирает, словно о чем-то задумавшись.

— Все в порядке? Вы ничем не расстроены? — Он входит в комнату и останавливается, убрав руки за спину, внезапно напуская на себя более официальный вид.

— Я не расстроена, — отвечает она, но, к ее огорчению, голос при этих словах срывается. Попытка скрыть это от Робина Дюррана приводит лишь к тому, что ей еще труднее удерживаться от рыданий.

— Эстер, бедняжка... расскажите, в чем дело, — требует Робин. Он протягивает руку и движется к ней, как будто желая обнять, но Эстер спешно встает со стула.

— Не трогайте меня! — кричит она. — Это вы виноваты! — Пульс у нее учащается, пальцы дрожат, но слова уже сказаны, она не может взять их обратно.

— Тем более вы должны немедленно рассказать мне, какие неприятности я доставил, чтобы я мог извиниться и не делать подобного впредь, — осторожно отвечает Робин. Слова его звучат непринужденно и неторопливо. Так же безупречно, как безупречен он сам.

— Мой муж... вчера вечером видел в пабе нашу горничную Кэт. Насколько я понимаю, у нее было свидание с возлюбленным, и вот теперь он говорит, что она должна уйти и не хочет ничего слушать. Такие у него теперь понятия о чистоте. — Она кидает на теософа сердитый взгляд. — Такие представления, что он почти лишился... чувства меры и не терпит никаких возражений.

С этими словами Эстер на секунду поднимает глаза, и ее поражает выражение лица Робина. На нем мгновенно сменяются удивление, гнев и внезапный испуг, прежде чем ему удастся снова овладеть своими чувствами. У Эстер перехватывает дыхание.

— Вам уже было что-то известно об этом, мистер Дюрран?

— Я... мне... нет, конечно. Я ничего не знал, — отзывается он, впрочем не особенно убедительно. Эстер пристально смотрит на него, ее глаза широко раскрываются. — То есть я видел ее раза два. Она уходила по вечерам. Я решил, что просто на прогулку.

— Понятно. И не подумали, что об этом стоит сказать Альберту или мне?

— Приношу свои извинения, миссис Кэннинг. Я решил, что от этого нет вреда, — любезно отвечает Робин, и непонятное выражение сходит с его лица, странные интонации исчезают из голоса, замаскированные вежливой безучастностью.

— Что ж, вред, видимо, есть, мистер Дюрран. И это все, что вам известно? Нет ли у вас каких-нибудь соображений о том, кто может быть этим ее кавалером? — негромко спрашивает Эстер, и голос у нее дрожит от волнения.

Робин Дюрран смотрит на нее, и на его лице появляется новое выражение. Легкое, веселое изумление. Новая догадка. Эстер отводит взгляд, смотрит вниз, на руки. Вдруг взгляд его делается слишком уж фамильярным, он как будто потешается над ней.

— Эстер, неужели за последнее время ваше мнение обо мне переменилось и вы не верите, что я говорю правду? — спрашивает он, и в его тоне угадывается намек на угрозу.

Эстер волнуется, туго скручивает носовой платок то так, то этак.

— Я видела вас вдвоем... вы разговаривали о чем-то. Вечером. — Она с трудом выговаривает слова.

— И что с того? Не подозреваете же вы, в самом деле, что это я ее загадочный ухажер? Несколько вежливых слов за сигаретой, какими гость обменялся с горничной, — и вы вывели из этого целую историю?

— Я видела вовсе не это. Это... не был обмен вежливыми словами, — шепчет Эстер.

Робин Дюрран проходит к ней через комнату, шагая нарочито медленно, и она борется с желанием отступить.

— Вы ошибаетесь, уверяю вас. Между мной и вашей горничной нет подобных отношений, — произносит он, останавливаясь так близко, что она ощущает тепло его тела, влажное прикосновение его дыхания.

Эстер отворачивается, ее сердце учащенно бьется в груди, она выдерживает долгую паузу, пока не начинает казаться, что она сейчас закричит.

— Однако, если вы хотите, чтобы я замолвил за девушку словечко перед вашим мужем, я с радостью это сделаю. Может быть, я уговорю его оставить ее, если вам того хочется.

Робин произносит эти слова, придвинувшись теперь так близко, что она слышит каждый вдох, движение воздуха между его раскрытыми губами, зубами и языком. Глаза у нее снова на мокром месте, слезы некрасиво стекают по щекам. Теософ без малейших колебаний протягивает палец и стирает их. Эстер как будто пригвождена к месту, слишком потрясенная, чтобы сдвинуться.

— Не понимаю, что за власть у вас над моим мужем, — произносит она, и горло ее так стиснуто, что она сама едва слышит себя.

— Не понимаете? Да, наверное, вы не понимаете. Вы такая непорочная. *Virgo intacta*, лилия, что белее белого, такая добрая, чистая и невинная, — произносит он, и губы его кривятся в усмешке.

Эстер приоткрывает рот.

— Откуда вам... — невольно начинает она.

— Альберт мне рассказал. Как-то раз, когда перевозносил свою добродетельность. Но он не смог бы похвалиться собственной девственной непорочностью, не подразумевая при этом, что и вы пребываете в том же состоянии, верно? — объясняет Робин, ухмыляясь по-волчьи.

Эстер закрывает глаза, лицо у нее пылает. В темноте под закрытыми веками комната, кажется, кружится, и ее мысли кружатся вместе с ней.

— Эстер, Эстер, нам с вами нет нужды доставлять друг другу неприятности, — спокойно произносит Робин. — Нам нельзя доставлять неприятности друг другу, — прибавляет он, обращая простое утверждение в приказ. Рука, утиравшая ей слезу, не спешит отстраняться, а медленно скользит по щеке, по скуле, переходит с подбородка на шею, с шеи на ключицу. Эстер начинает задыхаться, она не может ни возразить, ни сдвинуться с места, ни отвернуться. — Дражайшая Этти, я поговорю с Альбертом. Я сумею его убедить. Ваша горничная останется у вас — это будет мой маленький подарок, чтобы загладить все то, что я успел натворить, восстановив вас против себя, — говорит он; глаза у него горящие, дикие.

Его рука еще на мгновение задерживается на ее руке, пальцы у него теплые, влажные от ее собственных слез. Они как будто обжигают ее, его легкое прикосновение подобно железному обручу, который не дает сойти с места. А потом Робин проходит по коридору и негромко стучит в дверь кабинета. Эстер с облегчением вздыхает, чувствуя, как кружится голова, и бежит из комнаты, ничего не видя перед собой.

Миссис Белл открывает каждую корзину с бельем, доставленную от миссис Линчком, вынимает каждый предмет и вычеркивает его из списка, щурясь от усилий, какие требуются, чтобы прочитать собственный неразборчивый почерк.

— Должно быть шесть наволочек. Я шесть насчитала? — бормочет она этот и подобные ему комментарии.

Кэт множество раз наблюдала весь процесс и знает, что может пропускать ее слова мимо ушей. Миссис Белл, несмотря на близкие и, очевидно, дружеские отношения с прачкой, кажется, твердо убеждена, что та замыслила злодейское похищение салфетки или ночной рубашки, и не успокаивается, пока лично не проверит все корзины.

Она надувает щеки, утирает потный лоб, упирается руками в громадные бедра и изучает отделанную кружевом блузку, отглаженную и аккуратно сложенную перед ней. Та ли это, которую она отправляла в стирку? Или же ее подменили другой, похуже?

— Ваши собственные подозрения должны вас утомлять, — замечает Кэт.

— Что с того? И не бормочи, пожалуйста, у меня за спиной, — ворчит миссис Белл.

— По-моему, подобная скрупулезность заслуживает похвалы. — Кэт коротко улыбается.

Миссис Белл издает быстрый лающий смешок:

— Ха! Этого я от тебя еще не слышала! — Она снова принимается за изучение содержимого корзины.

Кэт пожимает плечами. Она колет соль, которую принесли от бакалейщика, огромную твердую глыбу. Делает это круглым штырем с ровной деревянной ручкой, настолько гладкой, что приходится прилагать усилия, чтобы удержать ее. Руки ноют. Кэт размеренно ударяет по глыбе под нужным углом, чтобы откалывались части подходящего размера: не слишком большие куски, иначе их пришлось бы колоть еще раз, и не слишком маленькие сыпучие крошки, которые было бы трудно собрать со стола. Кусочки правильного размера раскладываются по керамическим банкам и закупориваются до поры. Затем их мелют вручную по мере необходимости и заполняют серебряную солонку. Повторяющиеся удары доставляют удовольствие — способ выместить гнев, не теряя контроля над собой. Необходима большая точность, удары требуют определенной силы и быстроты, их приходится повторять снова и снова. В голове у Кэт проясняется, пока она занимается этим делом; непонятная, холодная ярость, терзавшая ее все утро, начинает отступать. Странная ярость, действительно безжалостная и вызывающая оцепенение. Она сама не знает, на кого она направлена. На викария — за то, что ее увидел? На теософа — за то, что послал священника в крестовый поход? На Эстер — за то, что та запретила ей выходить из дому по вечерам? На Джорджа — за то, что настаивает на женитьбе? Или же все потому, что ее секрет раскрыли. Потому, что у нее больше нет тайны: единственное, что принадлежало только ей одной, теперь отняли. Она колет соль, крушит

глыбу, мышцы ноют, а она становится все спокойнее. Кэт сбрасывает туфли, позволяя гудящим ногам ощутить прохладу плиточного пола.

— Возможно, меня скоро здесь не будет. Может, уже сегодня, — говорит она наконец, и в ее голосе не угадывается даже намек на протест.

— О чем это ты болтаешь? — спрашивает Софи Белл, заканчивая инспекцию и тяжело опускаясь на стул. Взмахом руки она отодвигает прочь кучку приготовленного к лущению гороха, чтобы на столешнице уместился ее бюст и крапчатые руки.

— Кажется, меня уволят. Жена викария просила его оставить меня, но сомневаюсь, что ей удастся его убедить, — поясняет Кэт.

Экономка сидит разинув рот.

— Но... за что, Христа ради? Что ты натворила, чертенок?

— Я... уйду из дому по ночам. Мне не спится. Я хожу в Тэтчем. И вот теперь меня застукали. Потому увольняют. — Кэт пожимает плечами, словно будущее не превратилось вдруг в нечто расплывчатое, бесформенное, зловещее и пустое. Уволенной прислуге не дают рекомендаций. У нее не будет нового места, поскольку она уже использовала свой последний шанс.

— Кэт Морли... Кэт Морли... — Миссис Белл проговаривает ее имя так, будто это то самое проклятие, которое произносится в самых крайних случаях, когда невозможно поверить своим ушам. Ее прищуренные глазки раскрываются шире обычного. — Ну как же ты могла быть такой дурочкой? Ты, такая умная? — спрашивает она, и это настолько далеко от всего, что ожидала Кэт: от насмешек, от издевок, — что сначала она даже не знает, как отвечать.

— Я... я люблю одного человека, — произносит она в итоге, прерывая работу, потому что штырь накрепко застрял в соляной глыбе. Она ударила слишком сильно, и он ушел слишком глубоко.

Миссис Белл качает головой:

— Мужчина! Чего хорошего можно ждать от мужчины? Здесь у тебя было все!

Кэт молча сражается со штырем. Мухи летают по душной кухне, а у миссис Белл, кажется, в кои-то веки закончились слова.

— А что «всё»? Если честно? Что у меня здесь было, кроме совершенно одинаковых дней, как будто я не человек, а машина? И мне постоянно твердят, что это моя судьба, что я должна быть

счастлива, хотя другие в это время целыми днями валяются на диване и... и... цветочки сушат! — выкрикивает она, и ее голос предательски дрожит.

— Что «всё»? Постель! В чистом теплом доме... трехразовое питание, жалованье, хозяйева, которые тебя не бьют, а терпят твои колкости, когда ты не успеваешь прикусить язык! Вот что значит «всё»! — произносит миссис Белл. — Разве этого тебе мало, когда тысячи мечтают оказаться на твоём месте?

— Да, — серьёзно отвечает Кэт, — этого мало. Мне это невыносимо. Я не могу. — Она ждёт и наблюдает, однако экономка просто смотрит куда-то вдаль, затем вниз, на свои растрескавшиеся, изуродованные работой руки, и ничего не отвечает. Кэт тяжело вздыхает. — Если к вечеру меня уволят, я хочу успеть вам сказать, что мне очень жаль вашего мальчика. Жаль, что вы потеряли его. И жаль, что вы потеряли мужа. Мне жаль, что я... насмеялась над вами из-за того, что вы хорошая служанка. Вы точно такая, какой должны быть. А мне здесь действительно не место, как вы и говорили с самого начала, — произносит она размеренно.

— Только не надо передо мной каяться, детка. Это тебе не идет, — отзывается Софи Белл, однако ее голос лишился всей хлесткости, как и ее взгляд.

Робин выходит всего через четверть часа. Эстер была в своей комнате, однако она слышала, как открылась дверь кабинета, а затем закрылась с мягким решительным стуком. Слышала, как звучали голоса, низкие и приглушенные, все время, что теософ провел с ее мужем. В основном, насколько она смогла различить, говорил Робин, выдержав несколько тяжеловесных пауз; Альберт произнес несколько едва слышных, полных сомнения слов. Даже сквозь пол она ощутила его неуверенность. Эстер уже знает, различая, как теософ проходит сначала гостиную, затем идет по коридору к лестнице, что Альберт последует путем, указанным Робинем. И каким бы ни был путь Робина, теперь это и путь Альберта тоже. Она сидит перед туалетным столиком, зажав в пальцах пуховку, поднесенную к щеке. Эстер собиралась устранить следы, нанесенные слезами, однако, перехватив в зеркале собственный взгляд, замерла. Глаза у нее распухли и щеки кажутся более худыми и осунувшимися, чем когда-либо. Волосы

прямые и безжизненные, и в слабом свете из окна они выглядят тусклыми. Какое она, в самом деле, невзрачное создание, думает Эстер. Неудивительно, что Альберт предпочитает ей своих эльфов и красавчика-теософа. Пуховка чуть дрожит, осыпая столешницу красного дерева мелкой светлой пудрой.

От звука шагов Робина на лестнице ее сердце замирает. Его походка узнается мгновенно — он не прилагает усилий, чтобы ступать осторожно и тихо. Он топает, словно бездумный ребенок... Хотя нет. Эстер он больше не кажется ребенком, несмотря на его непослушные пряди, несмотря на живую улыбку. Он вежливо стучит в дверь, однако она не впускает его.

— Эстер? Миссис Кэннинг? — зовет он.

Она слышит, с какой насмешкой он произносит ее имя и «миссис Кэннинг», — как будто ему решать, как ее называть.

— Этти, у меня хорошие новости, — произносит он, и, хотя кровь тяжело пульсирует в висках, она все равно хранит молчание.

В зеркале она видит, как ее губы крепко сжались в угрюмую линию, которая делает ее еще более непривлекательной. Следует долгая пауза, затем он хихикает.

— Я не стану дуть, не стану плевать, не стану разваливать ваш дом... Альберт сказал, что Кэт может остаться. Ну как, это вас не подбодрит? Правда, он назвал... некоторые условия, которые ей не понравятся, однако я сделал все, что мог. По крайней мере, она не окажется на улице без средств к существованию. Эстер, разве вы не хотите меня поблагодарить? — спрашивает он.

«Нет», — мысленно кричит она, внезапно уверенная, что, какие бы причины ни двигали им, он сделал это только в собственных интересах.

— Ладно. Возможно, вы отдыхаете. Возможно, дуетесь. В любом случае увидимся за обедом, миссис Кэннинг, и благодаря мне нам будет подавать ваша горничная.

Его шаги лениво удаляются к лестнице, и Эстер снова начинает дышать, она старается почувствовать облегчение оттого, что Кэт не уходит. Но даже это вселяет тревогу, потому что это сделал он и сделал, как он заявляет, ради нее. У Эстер начинает болеть голова, боль туго стягивает виски. Она медленно поднимается и ложится на кровать. Она собиралась как следует подумать, составить план, но

голова одновременно и переполнена обрывками мыслей, и пуста. Эстер не видит смысла в размышлениях, не находит ничего в своем жизненном опыте или образовании, что могло бы подсказать, как действовать в такой ситуации. Спать она тоже не может. Поэтому она просто лежит, со страхом ожидая предстоящего обеда.

Перед обедом, когда приготовления идут полным ходом, миссис Белл, несмотря на ее протесты, вызывают наверх выслушать приказания викария и его жены.

— Присматривай за пирогами, Кэт, еще пять минут, чтобы корочка подрумянилась, — и вынимай, — наказывает она, ковыляя из кухни.

Кэт пристально смотрит в дверной проем, когда толстая экономка уходит, и пытается понять, что бы это могло предвещать. Весь дом замер в ожидании, словно часы, пружину которых завели слишком туго. Может быть, все дело в жаре, а может быть, и нет. Кэт присматривает за пирогами, заканчивает скоблить морковь в ведре с водой, приносит из колодца сливки для десерта; когда она возвращается, миссис Белл уже на месте, она не смотрит Кэт в глаза и рявкает: «Не твое дело!» — когда Кэт спрашивает, зачем ее вызывали. Через минуту она заговаривает снова.

— Когда войдешь, поставишь еду на буфет. На стол не ставь — они сами возьмут. Викарий... викарий не хочет, чтобы ты подходила к нему слишком близко, — произносит она с трудом, голос ее полон неодобрения, когда она передает эти указания.

— Он что, думает, я его чем-то заражу? — с недоверием восклицает Кэт.

— Откуда мне знать, что он там думает? Просто помни, что он велел, и благодари за то, что ты все еще здесь! — отрезает миссис Белл.

Кэт прислуживает за обедом, испытывая злость и раздражение, из-за чего ее руки плохо слушаются. Она сверкает на присутствующих глазами, ставя каждое блюдо на буфет, но только Робин Дюрран смотрит на нее, он улыбается и благодарит ее с нарочитой непринужденностью. Взгляд Эстер с отчаянием устремлен в самый центр белоснежной скатерти, а викарий озирается по сторонам с совершенно неуместной беззаботностью. После, когда все было

убрано и перемыто, она выходит во двор с сигаретой и встает под самым карнизом, потому что срывается несколько тяжелых капель дождя. Вернувшись, Кэт застаёт в кухне миссис Белл, которая стоит, опустив руки в карманы фартука, и лицо у нее такое, какого Кэт еще ни разу не видела. Она замирает на месте. Что-то подсказывает ей, что надо бежать, однако она не движется.

— В чем дело? — спрашивает она настороженно.

Миссис Белл тяжело дышит, ноздри ее раздуваются. Она выглядит почти испуганной.

— Я должна проводить тебя в комнату. Убедиться, что ты дошла туда, — рубя слова, произносит она наконец.

— А, так вы теперь мой тюремщик? Они хотят нас стравить. — Кэт смиренно улыбается.

— Пусть мне это не нравится, однако мне приказали. Следить, чтобы в конце дня ты отправилась в постель, а не в притоны разврата...

— Это викарий так сказал?

— Он самый.

— И насколько я понимаю, никто больше не верит мне на слово?

— По-моему, тут ты сама виновата, Кэт, — отвечает миссис Белл, и Кэт снова улыбается, совсем мимолетно:

— Что ж, хорошо. Пойдемте.

Сердито вышагивая впереди экономки, Кэт взлетает по двум лестничным пролетам и останавливается перед своей дверью, вызываясь скрестив руки на груди, пока миссис Белл пыхтит, с трудом поднимаясь вслед за ней.

— Ну вот, я здесь. Отправляюсь спать, — говорит Кэт.

— Я должна видеть тебя в комнате, видеть, что ты готова лечь.

Кэт перешагивает порог, подходит к кровати и садится на нее.

— Так устраивает? Или мне еще раздеться и лечь под одеяло?

— Мне тоже все это не нравится, Кэт. Но ты сама виновата, — отвечает миссис Белл. Она берется за дверную ручку и начинает закрывать дверь.

— Погодите! Я не закрываю дверь до конца... Я не выношу закрытых дверей. Оставьте ее приоткрытой, пожалуйста, — просит Кэт.

Миссис Белл колеблется, ее лицо мрачнеет еще больше, между бровями залегает глубокая морщина. Другой рукой она теревит что-то в кармане, потом снова берется за ручку двери, вынимает руку из кармана фартука, и Кэт замечает металлический блеск, предостерегающую вспышку отраженного света, на которую не успеваешь отреагировать.

— Прости меня, деточка, — бормочет миссис Белл, а затем дверь закрывается, щелкнув замком.

Кэт мгновенно вскакивает и подлетает к двери.

— Нет, нет, нет! — кричит она, дергая ручку, которая скрипит, однако не поддается.

Тяжелые шаги миссис Белл удаляются по коридору со всей поспешностью, на какую способны ее ноги. В гневе Кэт дергает ручку с удвоенной силой, желудок сжимается, и горькая слюна тонкой ниткой течет изо рта на пол. Когда приступ проходит, Кэт чувствует, как стены надвигаются на нее, сердце стиснуто, будто сейчас взорвется, и черные тени клубятся над головой. Пол будто кренится под ногами, перекачивается, словно волны. Она раскидывает руки, чтобы сохранить равновесие, в ушах стоит такой гул, что она не слышит звука собственного голоса, когда кричит Софи, чтобы та вернулась. Она бросается на пол и царапает доски, не замечая, как под ногти впиваются занозы. Она стучит по полу кулаками, чувствуя боль от каждого удара. Дверь не открывается.

Этажом ниже Эстер лежит без сна в постели. Альберт после обеда удалился в свой кабинет и не собирается выходить. Эстер лежит и слушает крики Кэт, ее рыдания и ругань, ее мольбы и наконец понимает, что не вынесет больше ни секунды. Девушка долго звала Софи, затем затихла, и Эстер представляет себе, как та, задыхаясь от отчаяния, зовет ее тихо.

— Миссис Кэннинг! Миссис Кэннинг, пожалуйста, отойдите от меня! Я не могу сидеть взаперти! Не могу! — Севший голос Кэт будто бы просачивается сверху. Эстер холодеет. Она задерживает дыхание, молит о том, чтобы не слышать ничего больше. — Прошу вас... я никуда не убегу! Честное слово! Умоляю, отойдите от меня!

Это повторяется снова и снова. Эстер закрывает глаза и кладет на голову подушку, однако ей никак не отгородиться до конца от отчаяния

девушки. У нее нет выбора, остается лишь слушать, находя в словах Кэт, по мере того как идут ночные часы, отголосок тех чувств, которые живут глубоко в ее собственном сердце.

Лия побежала назад к машине, села, захлопнула дверцу. Во внезапно наступившей тишине она перевела дух, ветер бросил в лобовое стекло пригоршню мокрых желтых цветков. Шарф слишком туго сдавил шею, руки сделались неловкими из-за перчаток. В машине было душно, воздух затхлый, и Лия чувствовала, как внутри вскипает раздражение. Она порылась в сумочке, отыскивая сотовый телефон, набрала номер Марка.

— Да? — ответил он резко, как обычно преисполненный подозрений и едва сдерживая враждебность.

— Это я, — проговорила она тем же тоном.

— А, привет! Как идут дела?

— Я сейчас в библиотеке, точнее, в машине на парковке возле библиотеки. Судя по всему, здесь надо заранее заказывать микропленки, местные газеты за тысяча девятьсот одиннадцатый год в Сети пока недоступны, а проекторы для чтения микропленок заняты весь день. Меня записали только на завтра. Ну разве не смешно?

— Успокойтесь, Лия, не так уж вам долго ждать. Вы же не в Лондоне, — произнес Марк с некоторым удивлением.

— Знаю. Просто подобная задержка выводит из себя... Наверное, надо было вернуться на день в Лондон и просмотреть центральные газеты.

— К чему такая спешка? Тот парень не станет от этого живее. Или, если на то пошло, мертвее. Вы всегда такая нетерпеливая? — спросил он как-то слишком быстро.

— Да! Наверное. Когда занимаюсь расследованием. — Она сделала глубокий вдох и выдохнула. — А как там у вас со школой?

— На самом деле мне повезло. Я обзвонил большинство школ в округе, но ничего не добился — некоторые из них построены в пятидесятые или шестидесятые, — но потом директор последней, начальной школы, который каким-то чудом оказался свободным, согласился поговорить со мной, и выяснилось, что он помешан на местной истории. Я пересказал ему то, что говорилось в письме Эстер. По его мнению, маловероятно, чтобы жена vicария работала

учительницей полный день, — для замужней женщины это было бы слишком необычно. Он считает, что она, скорее всего, вела уроки на добровольных началах. Вероятнее всего, в воскресной школе, и он предложил обратиться в Блюкоут-скул.

— Блюкоут-скул? Где это?

— В Тэтчеме. Теперь школы там уже нет, но название сохранилось до сих пор. Так получилось, что я сейчас как раз стою напротив этого здания, — сказал Марк.

— Вы уже там? Без меня? Где именно? — потребовала объяснений Лия, заводя машину.

— Успокойтесь, школа никуда не убежит. Езжайте по шоссе А-четыре до Тэтчема, вы меня увидите.

Когда Лия тронулась с места, солнце начало пробиваться в просветах туч, которые становились все шире, и ослепительные лучи света ударили по глазам. Она нетерпеливо дожидалась на перекрестках зеленого сигнала, барабанила пальцами по рулю, и проехала почти через весь Тэтчем, пока не увидела Марка в дождевике, стоявшего ссутулив плечи. Он вынул из кармана руку и помахал ей. Лия свернула к краю тротуара, и машина, ехавшая за ней, громко засигналила. Она взмахнула рукой, извиняясь, когда машина проезжала мимо, и опустила стекло.

— Я едва не пропустила вас! Мы на главной дороге, вы уверены, что это то самое место?

— Да, уверен. Наверное, лучше не оставлять здесь машину — чуть дальше по улице есть стоянка, — сказал Марк, когда мимо протиснулся грузовик, едва не задев ее заднего бампера.

— Хорошо, подождите секунду.

Лия выехала обратно на дорогу, влившись в поток машин и снова вызвав негодующие жесты и сигналы, и выполнила указания Марка. Пока Лия шла обратно к тому месту, где он ждал, она рассмотрела здание, бывшее когда-то школой — Блюкоут-скул. Теперь, когда она подошла поближе, ее будто что-то кольнуло. Здание явно старое. Маленькое старинное строение с выкрашенными охрой стенами и острой скатной крышей, форме которой вторил навес над главным входом. Оконные проемы, разделенные каменными перегородками, были забиты досками, и стекол не было видно, боковая дверь в высоту всего пять футов, в стенах зияло несколько пустых ниш.

— Но... ведь это явно бывшая часовня, — проговорила Лия, останавливаясь рядом с Марком.

— Точно. И весьма старая, почти наверняка одно из старейших строений в Тэтчеме, возможно даже — во всем Беркшире. Изначально часовня Святого Фомы многие годы служила дополнительным зданием школы, затем здесь была антикварная лавка. Теперь она принадлежит городскому совету, ее отремонтировали и вот гадают, что с ней делать дальше, — сказал он.

Лия поглядела на него и улыбнулась:

— Кажется, вы все о ней знаете.

— Директор школы подсказал мне нужный сайт, — признался Марк.

— И он считает, что здесь она и преподавала?

— Он сказал, это наиболее вероятное место. Здесь были классы благотворительной школы, и наверняка какие-то уроки вели добровольцы вроде жены викария, чтобы восполнять нехватку преподавателей.

— Но... а как же главное здание школы? Разве не могла она преподавать там?

— Могла. Только у этого здания есть одно несомненное преимущество.

— Какое же?

— Оно до сих пор стоит. Остальные постройки старой школы снесли между двумя войнами, чтобы расчистить место для новых домов.

— Черт!

— Вот именно. Но остается вероятность, что это то самое здание, о котором она писала и где спрятала какие-то найденные ею важные улики. — Он пожал плечами.

— Полагаю, так и есть. Войти внутрь можно?

— Заперто, — сказал Марк, покачав головой. — Но смотритель придет с минуты на минуту, он согласился впустить нас. Я сказал, что мы готовим книгу о древних часовнях, так что ведите себя как ученая леди.

— Зачем вы так сказали? Можно же было открыть правду.

— Я подумал, так будет солиднее. И мне не хотелось сообщать ему, что нам, вероятно, захочется снять половицы и заглянуть под них.

Кроме того... так гораздо веселее, — усмехнулся Марк.

— Угу, похоже, вам давно не доводилось веселиться, — с насмешкой произнесла Лия. Марк вежливо пожал плечами. — Отдирать половицы, наверное, трудно. Надо постараться и найти расшатавшиеся доски... Может, я попрошу его об экскурсии вокруг здания, а вы останетесь внутри и проверите? — предложила она.

— Блестящая мысль! Буду работать под прикрытием, — сказал Марк.

— Мне кажется, вас немного заносит.

— Возможно. А это, наверное, он, смотритель. Не забывайте, вы специалист по древним часовням.

— Ясно.

Пока она отвечала, из-за угла быстро вышел худой человечек в темно-синей ветровке, который сгибался, словно извиняясь. Он приблизился к ним, выставив перед собой руку, как белый флаг. Смотрителя звали Кевин Нолл, он был моложе, чем ожидала Лия, и моргал, как крот на весеннем солнышке. Светло-карие глаза слезились за толстыми стеклами очков. Рот у него был маленький, нос острый. Все его лицо и тело были как будто сведены судорогой от ужасного волнения, однако он с готовностью улыбался, пока они представлялись ему.

— Что ж, уверен, вам не терпится войти. Какая радость встретить людей, которых до сих пор интересуют подобные места, — произнес он, быстро переводя взгляд с Марка на Лию и обратно. — Такие часовни, с моей точки зрения, квинтэссенция истории Англии. С ними столько связано!

— О-о-о!.. Нельзя сказать лучше, — произнесла Лия, следуя за Кевином к главному входу в часовню и с нетерпением наблюдая, как тот возится с ключами. — Насколько я понимаю, вам многое известно об истории этой постройки? Что здесь было все эти годы? — спросила она.

Ключ щелкнул в замке, и дверь распахнулась.

— Входите. Да, полагаю, я знаю достаточно много. Нет, конечно, я не занимаюсь историей архитектуры, как вы, — скромно прибавил он.

Лия бросила на Марка быстрый взгляд, и он подмигнул:

— В результате наших... исследований мы выяснили, что здание использовалось под школу примерно сто лет назад, это так?

— Да, все верно. Местная благотворительная школа для детей бедняков. Когда благотворительная школа закрылась, здесь проводила уроки домоводства другая местная школа. Кажется, так.

— Но вы вряд ли знаете, что именно здесь преподавалось? И кто именно преподавал здесь в те дни, когда существовала благотворительная школа?

— Боюсь, этого я не знаю, — сказал Кевин и в самом деле немного испугался того, что не знает ответа. — Мне очень жаль. Я не знаю даже, откуда у вас подобные сведения. Сомневаюсь, что записи сохранились, если они вообще существовали... Должен признаться, я думал, вас больше интересует, каким образом построено здание.

— О да, интересует. Просто всегда приятно добавить к сухой истории немного живых красок, — вставил Марк, кашлянув. — Тогда читатели легче воспринимают книгу.

Они оказались в центре единственного помещения внутри часовни. Блеклый дневной свет лился сквозь готические стрельчатые окна, выходящие на восток, и отражался в ярких беленых стенах. Насыщенная белизна удивляла. Лия ожидала увидеть темное, сумрачное помещение, полное теней прошлого. Окна, выходящие на дорогу, были заколочены, так же как и маленькая боковая дверь, однако создавалось впечатление, что все они открыты, живы. Вслед за ними в часовню ворвался ветер и закружил по полу, взметая вокруг их ног пыль.

— Я люблю представлять себе эти окна в первоизданном виде, с прекрасными мозаиками... — проговорил Кевин и выжидающе посмотрел на них.

— О да... Наверняка они и были такими... великолепными, — поспешно согласился Марк.

Внутри часовни тоже оказались пустые каменные ниши, но смотреть там было нечего. Ни украшений на стенах, ни надгробий.

— А теперь... э-э-э... Насколько я понимаю, это здание собственность города? Нет ли каких-нибудь планов по его реставрации? — проговорил Марк.

Но Лия уже не слушала разговор. Она с нескрываемым разочарованием осматривала пол. Пройдя в дальний конец часовни, она развернулась, залитая белым светом, и окинула взглядом пустое помещение. Неужели на этом месте стояла Эстер Кэннинг? «...Я знаю,

что у меня под ногами... — (Лия снова посмотрела на пол.) — Поэтому все лежит тут, под полом». Только это был не тот пол, по которому ходила Эстер Кэннинг. Не тот пол, под которым она могла бы что-то спрятать. Лия сделала глубокий вдох, преисполненная отчаяния. Пол был из свежих дубовых досок. Безупречно ровный, гладкий и надежный, безусловно современный.

— Когда меняли полы? — спросила она, перебивая Кевина, который как раз рассказывал Марку о планах города по дальнейшему использованию здания.

— О... совсем недавно. Всего год назад. С этого, видите ли, пришлось начать, чтобы сюда можно было входить, первоочередное дело. Старые половицы были красивые, однако их совершенно уничтожили гниль и древоточцы. Они расшатались, были неровными. Как я понял, когда из них начали выдергивать гвозди, они просто рассыпались в прах. Мы даже не смогли использовать их для чего-нибудь другого. Они распались, — пояснил Кевин.

Марк теперь тоже смотрел вниз, вода ботинком вдоль стыка досок и хмурясь.

— А под полом ничего не нашли? — спросила Лия. Кевин озадаченно поглядел на нее. — Ну, знаете, в подобного рода строениях часто случаются... археологические находки, даже при таких простых работах, как вскрытие полов. Какие-то предметы, забытые первыми плотниками, что-то такое, что способно пролить свет на точное время постройки... такого рода вещи...

— Да, я понимаю. Наверное, еще и какие-нибудь жертвенные подношения, положенные из суеверия, да? — сказал Кевин. — Насколько я знаю, чаще всего встречаются детские башмаки.

— Именно. Так что же, было там что-нибудь?

— Боюсь, ничего. Во всяком случае, я не слышал. Конечно, я был здесь не все время, пока шли работы, но я не сомневаюсь, что рабочие рассказали бы мне, если бы что-то нашлось... — Кевин взглянул на ее удрученное лицо и нервно улыбнулся. — Простите, что разочаровал вас...

— О нет... просто подобного рода случайные находки — моя личная слабость, — пояснила Лия безжизненно.

— Вы не хотите сделать фотографии? Для вашей книги? — спросил Кевин.

— Спасибо, с огромным удовольствием, — сказал Марк.

Вскоре они снова вышли на холодный дневной свет. Кевин Нолл запер часовню и простился с ними. Лия с Марком медленно вернулись к стоянке, где остались их машины. До сих пор у Лии было манящее чувство, что она начала уже до чего-то докапываться, начала распутывать историю, стоявшую за письмами солдата, и мысль, что теперь движение снова застопорилось, была почти невыносима. Пока она катила шар, у нее была цель в жизни. Когда он остановился, снова стала очевидной бессмысленность, пустота собственного бытия. Тяжкое ощущение бесцельности; стрелка ее внутреннего компаса пьяно качалась из стороны в сторону. Если Эстер Кэннинг оказалась в таком же состоянии, если ее жизнь треснула под тяжестью опутавших ее проблем и она так и не смогла оправиться, то, наверное, это судьба, и, распутав клубок этих проблем, Лия сама сможет стать свободной. Она хотела предоставить Райану полный отчет, когда увидится с ним в следующий раз. Она хотела добиться успеха, назвать ему имя.

Как будто читая ее мысли, Марк заговорил:

— Жалко. Я думал, что здесь мы действительно что-нибудь найдем. Когда, кстати, у вас последний срок сдачи статьи?

— Никакого точного срока нет... Чем раньше, тем лучше. Я сейчас работаю для Комиссии по воинским захоронениям. Ее представитель приедет сюда, в Британию, дней через десять. Я пообещала встретиться с ним и передать все сведения, какие успею раздобыть. — Лия смотрела прямо перед собой, рассказывая все это, и изо всех сил старалась не выдать себя, отчего сильно смущалась, — ей казалось, что все ее мысли написаны у нее на лице. В смятении она почувствовала, как щеки заливают краска, заметила на себе взгляд Марка, который задумчиво ее разглядывал.

— С кем именно вы работаете? — эхом отозвался он, оставив вопрос висеть в воздухе.

Лия хмыкнула. От ветра и яркого солнца у нее заслезились глаза и потекло из носа. Она подумала: не сменить ли тему или просто промолчать? Однако ни то ни другое не казалось удачным выходом.

— Это мой бывший друг. Он позвонил несколько недель назад, впервые за сто лет. Он работал в Бельгии, неподалеку от Ипра, и они

раскопали тело — тело погибшего солдата. А когда он прочитал письма Эстер, то связался со мной и предложил расследовать это дело.

— Ваш бывший?

— Именно: бывший. Моя подруга сердится на меня за то, что я поехала. Но меня заинтересовала сама история. Честное слово. Я была как в клетке с того момента... какое-то время. И получить тему для работы было... Это было ровно то, в чем я нуждалась, — ответила Лия чистую правду.

Они немного постояли у припаркованных машин. Марк хмурился, размышляя.

— Наверное, это похоже на утрату, какую чувствуют, когда умирает близкий человек. Расставание с давним другом. Проходишь те же стадии: потрясение, неприятие, гнев, депрессия, смирение...

— Разве? Не уверена. В конце концов, когда кто-то умирает, он не может снова ворваться в твою жизнь через полгода и нарушить правильное чередование этих стадий. — Она покачала головой.

— Верно. Мне кажется, с такими людьми лучше больше не встречаться, пока не пройдешь все до конца и не окажешься по другую сторону, — осторожно предположил он.

— Вы рассуждаете просто как Сэм. Это моя лучшая подруга, — сказала Лия. Она несколько мгновений созерцала суетливую Бат-роуд, глядя на автомобили, которые нетерпеливо проскакивали мимо. — Наверное, такова жизнь. — Лия пожала плечами. — Человек предполагает, и все такое.

— Простите. Это не мое дело. — Марк отвернулся и вынул из кармана куртки ключи от машины.

— Все в порядке, — отозвалась Лия и сменила тему: — Марк, насчет того, что сказал ваш отец... Как вам кажется, могло в доме викария произойти какое-то убийство?

Он удивленно поднял брови, в солнечном свете его серые глаза стали блеклыми, блестящими и жесткими, словно шлифованный гранит.

— Если и произошло, лично я никогда об этом не слышал.

— Но он же сказал, что это была главная семейная тайна.

— А еще он решил, что вы Мэнди Райс-Дэвис.

— Да, но вдруг убийство действительно было? Это трагическое событие, о котором Эстер как раз и могла писать, разве нет? Она

постоянно говорит о чувстве вины, о преступлении, о том, что молчание делает ее соучастницей, ведь так? А как насчет находки в библиотеке?

— Да, конечно, событие трагическое. Однако с тем же успехом папа мог вспомнить какой-то эпизод из «Инспектора Морса».

— Мне так не кажется. Он выглядел... по-настоящему уверенным. Взволнованным, как был бы взволнован ребенок, подслушавший разговор старших о чем-то подобном.

— Ну и кого же, как вам кажется, убили?

— Понятия не имею. Однако собираюсь узнать.

— Может быть, нам немного прогуляться? Хочется подышать свежим воздухом.

Они двинулись по Бродвею на юг, через железнодорожный переезд у вокзала, затем по бечевнику вдоль канала. Мутная зеленая вода беззвучно струилась мимо, ровная, без ряби. На дорожке было полно велосипедистов, бегунов, собаководов и молодых мам. Лия и Марк, не сговариваясь, двинулись на восток, возвращаясь в Коулд-Эшхоулт. Солнце выбелило водянистое небо, залило пейзаж неожиданным теплым светом, отчего воздух сделался душным от влаги. Лия стянула джемпер и завязала рукава на талии, но Марк развязал их и закинул джемпер себе на плечо.

— Вы испортите вещь. Рукава вытянутся, — произнес он рассеянно.

— Простите, — проговорила Лия, ошеломленная.

В городской черте у берега стояло несколько туристских моторных лодок, но уже скоро лодки остались у них за спиной, а они все шли, окруженные растительностью. К северу от канала раскинулись деревья, к югу — поля тощих коричневых стеблей, доходящих до плеч. Желтые сережки качались на ветру, а на конце каждой веточки красовалось по блестящей почке, навощенной, готовой вот-вот лопнуть. Конские каштаны собирались зацвести, они уже выпустили высокие свечки зеленых стеблей, белые цветки были пока закрыты в ожидании. Ветер несся на запад, морща водную гладь, отчего казалось, будто Лия и Марк движутся гораздо быстрее, чем на самом деле.

Отойдя от города примерно на милю, они повернули на юг через поле рядом с деревней, где река переходила в систему аккуратных

рукотворных каналов, соединяющих озера в гравийных карьерах. Они наблюдали за водоплавающими птицами, щурясь от солнца, играющего в воде. Теперь вокруг них никого не было, никто не шумел.

— Странно, как подумаешь, сколько перемен произошло с тех пор, когда здесь жила ваша прабабушка. Не было этих озер. Шоссе А-четыре было просто дорогой на Лондон, по которой ездили в основном на лошадях, — сказала Лия. Она ощущала такую близость к этой женщине, когда читала письма. Едва ли не слышала ее голос. Но стоило оглядеться по сторонам, и Лия оказывалась отделенной от нее целой сотней лет, в совершенно другом мире. — И в Блюкоут-скул было много детей, там кипела жизнь. А сегодня она выглядит печально, вам не кажется? Стоит пустая, а мимо грохочут машины.

— Ну, как раз эту проблему и хочет решить совет. Учрежден благотворительный фонд, который собирает деньги, чтобы отстроить здание и использовать под общегородские нужды, — рассеянно проговорил Марк, выдергивая длинную травинку и выковыривая из колоска прошлогодние семена большим пальцем.

Высоко над их головами кружили два канюка, и их негромкие крики ветер на долю секунды доносил до земли, а затем уносил прочь.

— А фотографии Эстер остались? Или Альберта? У вас дома? — внезапно спросила Лия.

— Кажется, нет. Извините. Думаю, в детстве я что-то такое видел, однако... Они не попадались мне на глаза уже много лет. Возможно, отец избавился от них. Когда у него началась деменция, он совершал странные поступки. Но если хотите, можем поискать, — предложил он.

Лия закивала. Она уже заканчивала статью, хотя пустых мест в ней было больше, чем заполненных. Это будет большая статья, с фотографиями, с отрывками из писем. В ней все будет разложено по полочкам, все разъяснено. Особенно не задумываясь об этом, Лия чувствовала, что делает это для Эстер Кэннинг — для давно умершей незнакомой женщины.

— Как это началось? Его деменция? — спросила она мягко.

Марк глубоко и медленно вдохнул:

— Незаметно. Думаю, примерно в то время, когда я уехал в университет. Тогда он в последний раз был таким, каким я привык его видеть. И мама была еще жива, они были такие радостные. Никто из

них и не думал, что я сдам экзамены на пятерки. — Он криво усмехнулся.

— Почему? Вы были в школе хулиганом?

— Нет, я был послушным. Просто у меня дислексия, а в школе, где я учился, не верили в такую болезнь.

— О-о-о, понимаю. Очень предусмотрительно с их стороны.

— Именно. Но вот цифры... С цифрами я ладил. Поэтому занялся математикой, потом инвестициями... Все вышло лучше, чем кто-либо мог предположить, и все были за меня рады. К тому времени когда я закончил университет, отец начал забывать слова. Договаривал фразу до половины и умолкал, пытаюсь подобрать следующее слово. Слова то были нетрудные. «Машина», или «потом», или «февраль». Маленькие случайные слова, которые ускользали от него. Первые года два мы вместе смеялись над этим, — проговорил он бесстрастно.

Лия не знала, что сказать.

— По крайней мере, — начала она с опаской, — по крайней мере, дом для престарелых, кажется, хороший. Иногда о них такое рассказывают... Но вы хотя бы смогли найти чистое, приятное место, где за ним ухаживают, — рискнула заметить она.

— Иногда я думаю, было бы лучше, если бы он умер, — проговорил Марк так же бесстрастно.

— Не говорите так, — нахмурилась Лия. — Вы не знаете, о чем он думает; очень может быть, что лично он всем доволен.

— Вы в самом деле так считаете? — спросил он, и голос его дрогнул.

— Да, считаю. Конечно, такое не назовешь счастьем, однако люди, страдающие деменцией, хотя бы не осознают своей болезни. Во всяком случае большую часть времени, — проговорила она мягко.

— Очень трудно назвать это счастьем, — печально возразил Марк. — Просто... каждый раз, когда я прихожу и вижу отца, меня затягивает в водоворот... тяжелых мыслей. Почему он? Почему так рано? Что он такого сделал, чтобы это заслужить?

— По-моему, это неверный подход. Если только вы не верите в карму. А лично я не верю, — твердо прибавила Лия. Марк медленно кивнул, на его лице была такая тоска, что сердце Лии вдруг заныло от сострадания, она быстро тронула его руку, погладив по пальцам. — Пойдемте. Давайте вернемся и поищем фотографии, — сказала она.

Они пришли в Тэтчем, к своим машинам, и поехали в старый дом викария, сварили кофе и принялись выискивать по всему дому старые фотографии. Лия вспомнила о коробках в комнатах на чердаке, однако за час стараний успела просмотреть лишь самую малость, когда из глаз и носа потекло ручьями. Лия оставила свои попытки и спустилась, джинсы у нее были в пыли, руки грязные. В библиотеке они без всякого стеснения исследовали многочисленные ящики большого письменного стола, однако безрезультатно.

— Ну, хоть что-то, — сказал Марк, слезая с опасной лестницы, которая ездил по рельсу вдоль стен, позволяя подобраться к самым верхним полкам.

— И что вы нашли?

— Ничего особенного, это Томас, мой дед. Здесь он снят в молодости. — Марк протянул ей пыльную фотографию в разошедшейся кожаной рамке, и Лия с живостью схватила ее.

— Значит, это сын Эстер. Тот, о ком она пишет в письмах, — сказала она, стирая со стекла пыль и внимательно рассматривая портрет. Серьезное овальное лицо, каштановые волосы, зачесанные со лба назад, глубокие карие глаза, тень улыбки. Кожа у него была совершенно гладкая, без морщин. — Очень красивый, — заметила она. — Как вы думаете, он похож на Эстер?

— Боюсь, об этом я могу только гадать, как и вы. Не помню, как выглядели на фотографиях мои прадед и прабабка, — ответил Марк, пожав плечами.

— Но это уже хоть что-то. Можно ли мне отсканировать эту фотографию? Было бы здорово включить ее в статью, тем более что Эстер в обоих письмах пишет о нем.

— Конечно можно.

Когда небо за окном начало темнеть, они прекратили поиски и, как будто сговорившись, уселись в кресла друг против друга, чтобы почитать. Лия во второй раз пробежала глазами брошюру викария. Стиль у него был цветистый, похвалы, по меньшей мере, несдержанные. Безграничное восхищение викария этими элементарями, как он называл их, изливалось с каждой страницы, равно как и восторг по поводу Робина Дюррана, «выдающегося и высокоученого теософа», который показал их всему миру. Он писал так, будто узрел сонм сияющих ангелов, а вовсе не мутные контуры

девушки в белом платье. Она снова присмотрелась к этому предполагаемому духу природы, пытаясь различить в зернистом пятне черты лица. И чем дольше она всматривалась, тем больше убеждалась, что замечает у танцующей фигурки тонкую темную линию надо лбом.

— Это же парик! — объявила она, поднимая глаза на Марка, чтобы поделиться с ним своим открытием.

Он крепко спал, уронив голову на подлокотник кресла, стиснув губы и сурово насупив брови. Лия немного понаблюдала за ним, заметив блеск седины в щетине на щеках и в волосах на висках, темные тени под скулами, небольшую ямочку на подбородке. Он подтянул к себе костистые колени, обхватив руками, будто ребенок, играющий в прятки. Если бы она подошла к креслу сзади, то ни за что не заметила бы его. На носках у него были дырки. Он дышал медленно и глубоко, так же размеренно, как размеренно билось сердце Лии. Было что-то успокаивающее, умиротворяющее в том, как он спал. Лия улыбнулась про себя и нацарапала для него записку, оставив на подлокотнике кресла. «К ужину вернусь. Только омлета не надо, спасибо». Потом тихонько поднялась и вышла из дома.

Вечер был прохладный и ясный, после заката небо обрело оттенок бледного изумруда, и узкий месяц висел, похожий на серебристый ноготок. Несмотря на прохладу, воздух был напоен влагой и теплом. Зеленый запах, постепенно вытесняющий серые и коричневые запахи зимы. Лия отправилась в старый дом викария пешком, сверяя свой путь через поля и от бечевника по карте. Ботинки промокли от росы, луч фонарика метался перед ней по земле. В доме светились окна, отчего он был прекрасно виден, одиноко стоящий между живыми изгородями на краю деревни. Она остановилась, немного запыхавшись после быстрой ходьбы. Интересно, Эстер Кэннинг видела когда-нибудь эту картину? Или Робин Дюрран? Скорее всего, нет. Для жены викария эдвардианской эпохи или для его гостя было бы странно скитаться по полям с наступлением темноты. Но Лия все равно немного постояла, наблюдая, и с легкостью представила себя в ту эпоху. Вот дверь дома открывается, внутри тепло и оживленно, чисто, светло. Возможно, играет пианино, из-за двери гостиной доносятся голоса, отголосок смеха разносится по лестнице из кухни... Лия заставила себя остановиться. В конце концов, Эстер Кэннинг запомнила этот дом

совсем не таким. Она писала о тенях и тайнах. Писала, что чувствует себя будто в тюрьме, боится этого дома или чего-то спрятанного в нем. Лия поежилась и быстро прошла оставшийся отрезок пути, сосредоточившись на дороге в темноте.

Марк, по своему обыкновению, с силой распахнул дверь, улыбаясь, и вслед за ним вырвалась волна ароматов.

— Да, пора уже вернуть сюда лампочку, — произнес он, вместо приветствия.

— Пахнет вкусно. На горелый омлет не похоже, — сказала Лия.

— Я вам открою одну тайну: я, на самом деле, отменный повар. Просто... до сих пор не пробовал готовить.

— Я так и подозревала, — улыбнулась Лия.

— Честно говоря, я немного удивился, что вы напросились на ужин после того провала.

— Простите. Это, конечно, было невежливо. Зато я принесла вино. — Она протянула ему бутылку, пока они шли в сторону кухни. Все конфорки горели, в углу шумел обогреватель с вентилятором, и в помещении было тепло и почти уютно.

Марк зажег свечи и расставил их по всей кухне.

— Не столько для атмосферы, сколько для тепла, — пояснил он, улыбаясь немного застенчиво. — И весьма кстати — вы, кажется, замерзли.

— Я шла пешком, — пояснила Лия, снимая многослойные одежды.

— Правда? А зачем?

— Просто так захотелось. И напрямки действительно гораздо быстрее. К тому же я хочу выпить вина, — сказала она. Марк поднял бутылку и посмотрел на этикетку. — Ой, только не говорите, что вы разбираетесь в винах! Это простое столовое вино. — Она вздрогнула.

— Я действительно разбираюсь в винах. И это не такое уж плохое. В верхнем ящике лежит штопор; может, откроете? — Он вернулся к плите, а Лия открыла бутылку. Волосы Марка до сих пор были влажными после мытья и лицо казалось чуть менее понурым, чуть менее напряженным.

— Хорошо спали? — спросила она.

— Недурно. Но слишком долго. Я проснулся с жуткой болью в шее, а ноги совсем затекли. Лучше бы вы меня разбудили.

— Ну нет. Вы так мило смотрелись в этом кресле. Прямо мышьясоня.

— Здорово. Чувствую себя таким мужественным, — скорбно проговорил Марк, и Лия улыбнулась. — Вы какой прожарки любите бифштекс?

Они быстро прикончили бутылку, принесенную Лией, и Марк скрылся в чулане под лестницей, чтобы принести еще. Они ели и допоздна болтали о своей прежней жизни, об Эстер Кэннинг и фотографиях с феей, об истории семьи Марка. Лия поняла намек и не стала упоминать о его брате и об отце, дожидаясь, пока он сам не захочет говорить, о Райане она не заговаривала вовсе. Наверное, она все напридумывала, но ей казалось, что она ощущает в комнате присутствие Райана, чувствует, как они осторожно обходят в разговоре его и все, что между ними было. Как будто бы любопытство Марка было материальным, его можно было увидеть или коснуться, пока оно расплзалось по комнате, исследуя пространство. Его взгляд был таким пристальным, ей даже казалось, что Марк прочитает ее мысли, если она будет слишком долго смотреть ему в глаза, — она выдаст все свои тайны, не сказав ни слова.

— Было вкусно. Все воспоминания об омлете совершенно стерлись из моей памяти.

— Я очень рад, — сказал Марк, снова наполняя ее бокал.

Лия сделала глоток, чувствуя, как алкоголь согревает ее, вселяя апатию.

— И чем же вы займетесь потом? Когда... закончите здесь? — спросила Лия, чтобы нарушить затянувшееся молчание, которое сделалось слишком уж напряженным.

— Вы имеете в виду, когда перестану прятаться и зализывать раны? — Он приподнял бровь.

— Вы сами так сказали, не я.

— На самом деле... не знаю. Наверное, буду искать работу. Как только все уляжется.

— Между прочим, все, вообще-то, уже улеглось. Я понимаю, что для вас это выглядит иначе, однако я действительно понятия не имела, кто вы такой, когда вы назвали мне свое имя. Я лишь обрадовалась, что нашла Кэннинга, не более того.

— Да, однако у меня создалось впечатление, что вам в последнее время было ни до чего. Вы выпали из обоймы. Без обид, — сказал Марк, взмахивая длинной рукой в знак извинения.

Лия поглядела на него, на мгновение испугавшись, что все ее мысли снова на виду.

— Откуда вам это известно?

— Рыбак рыбака... — Он пожал плечами. — Хотя, вероятно, вы правы. О моем провале забыли. Просто... иногда кажется... Впрочем, дом все равно продам. Это я решил.

— О-о-о, — протянула Лия, ощутив укол сожаления, хотя и не понимала, почему вообще испытывает из-за этого дома какие-то чувства.

— Вы не расскажете мне? О вашем боевом ранении, из-за которого у вас временами делается каменное лицо? — попросил он мягко, с пристальным вниманием.

— Что? Неужели? — переспросила она легкомысленно, окидывая взглядом кухню.

— Вы же знаете, что это так. Расскажите, Лия. — Он наклонил голову, чтобы перехватить ее взгляд.

Лия вздохнула, пожала плечами:

— На самом деле нечего тут рассказывать. В прошлом году рассталась с бойфрендом. Сердце разбито. Не до конца избавилась от эмоционального груза и т. д. и т. п.

— Он спал с другой?

— Если честно, мне не хочется об этом, — сказала она резко, чем собиралась.

По неизвестной причине обсуждать Райана с Марком оказалось невыносимо. Ей хотелось выскочить из-за стола и убежать. Но почему же она так себя стыдится? Почему из них двоих именно она испытывает желание забиться куда-нибудь в темный уголок, где ее больше никто не увидит и не сможет тронуть? «Потому что не догадалась. Потому что я чертова идиотка, — ответила она на собственный вопрос. — Потому что до сих пор его люблю».

— Ага, видите? Не так-то это просто. В наши дни считается, что люди способны говорить вслух о чем угодно, — пробормотал Марк, внимательно глядя на нее.

Лия посмотрела на него, хмурясь, старательно обдумывая ответ.

— Когда это случилось, я говорила об этом часто и в подробностях. Да, он спал с другой, однако слова не отражают всей чудовищности ситуации. Некоторое время назад я только об этом и говорила, как будто... могла словами пробить себе выход. Но теперь... теперь мне кажется, что об этом больше нечего сказать. И когда я все-таки говорю... то злюсь на себя за это, — попыталась объяснить Лия. Марк ничего не ответил. Их руки лежали на столе, покоились в паре дюймов друг от друга, сжатые в кулаки. — А как было с вами? Вы... говорили о том, что случилось с вашим братом? — Не успев договорить, Лия пожалела о своих словах. При упоминании брата Марк отпрянул, как будто она ударила его. — Простите, — прибавила она быстро. — Мне не следовало об этом упоминать. Это... совсем другое, и я знаю.

— Откуда вам знать? — спросил он печально, а не зло. — Откуда кому-либо знать о таком? Я лично даже не подозревал, пока сам не пережил.

— Вы правы. Я не знаю, — проговорила Лия с раскаянием. От смущения она сделала большой глоток вина.

— Я никому об этом не говорил. Да и с кем было говорить? С отцом?

— С другом.

— Друзья исчезли. Почти все. Это было... чересчур, — пояснил он, подливая вина. — Им было неловко со мной. — Он умолк; пламя свечей, мерцающее от множества сквозняков, проникавших в кухню, словно плясало под собственную музыку.

— Вы можете рассказать... мне. Если хотите, — предложила Лия.

— Вы ведь уже все знаете, — отрывисто сказал Марк.

— Я знаю то, что написано в газетах. Правды я не знаю. Не знаю, как это было.

— И действительно хотите знать?

— Если вы захотите рассказать мне, — ответила она.

Марк отвернулся к черному оконному стеклу, в котором было его собственное отражение. Лия заметила, как у него начал дергаться глаз, как судорожно сжались челюсти. Физическая реакция на одну лишь мысль о том, чтобы рассказать. Поддавшись порыву, она сжала его руку. Под слоями одежды его рука была твердой и неподатливой. Каждая клеточка напряжена.

— Вы не обязаны этого делать, — сказала она.

— Знаю. Но хуже уже не станет, а может быть, станет лучше... Не знаю, что вы прочли в газетах, потому просто расскажу все с самого начала. Мой старший брат Джеймс в детстве был для меня героем. Он был воплощением самого лучшего. Помогал мне клеить модели самолетов, учил бросать крикетный мяч, учил попадать в цель из воздушного ружья. Учил ухаживать за девочками — должен признать, что вот в этом он совершенно не разбирался. Мы почти никогда не ссорились. Возможно, разница в возрасте была достаточно велика и нам просто нечего было делить. Он был старше меня на пять лет. Но это все не важно. Я его любил. У нас сохранились близкие отношения, даже когда мы выросли и уехали из дома. Пятнадцать лет назад он женился, и я полюбил его жену Карен как родную. Подозреваю, что с женщинами он вел себя не лучшим образом. Не по злему умыслу... просто он привлекал их, и ему было трудно устоять перед соблазнами. У него было множество подружек, иногда даже несколько одновременно, однако с Карен все было по-другому. Она сразу его раскусила и дала понять, что не собирается потакать его глупостям. Она была католичка, поэтому первым делом они поженились, и я должен признать, что никогда еще не видел его более счастливым. Карьера у него сложилась прекрасно, он был юристом, зарабатывал приличные деньги. Потом пошли дети, все было чудесно. Семейная идиллия. Я всегда приезжал к ним сюда на Рождество. Мама с папой тоже. Он любил принимать нас, ему нравилось быть гостеприимным.

Потом он заболел. Начал терять душевное равновесие, в некоторые дни чувствовал себя совсем плохо. Становился угрюмым и рассеянным, — несомненно, происходило что-то неладное. Джеймс всегда был жизнерадостным. Да и почему бы ему не быть таким? У него была чудесная жизнь. — Марк помолчал, вертя стоявший перед ним бокал. Медленно-медленно, против часовой стрелки. — У него случались необъяснимые приступы боли, суставы тогда как будто заклинивало. Он не мог удерживать в руках вещи. Стал неуклюжим, постоянно спотыкался. Давился едой, а иногда... давился даже без всякой еды. Просто смотрит телевизор и вдруг начинает захлебываться собственной слюной. Речь стала невнятной. В конце концов он отправился к врачу. Оттягивал до последнего, как и все мужчины. Он никогда раньше не болел. Его отправили сдавать кучу анализов, и я

ждал, что он придет и скажет: мол, это какое-нибудь там воспаление среднего уха или что-то с кровообращением. В худшем случае — какой-нибудь вирус. Но оказалось — болезнь двигательных нервов. Диагноз сразил его... сразил всех нас. Боковой амиотрофический склероз, если точно. Вероятная продолжительность жизни от трех до пяти лет. Через девять месяцев после постановки диагноза Джеймс уже сидел в инвалидной коляске. Он, кто четыре года подряд выигрывал соревнования теннисного клуба; он, у которого было трое маленьких детей, моложе двенадцати лет!.. — Марк поднял глаза на Лию.

Она отставила свой бокал и слушала, потеряв дар речи. Она ничего не могла сказать, ничего не могла сделать. Заключение в неотвратимость чужой беды, она ощущала себя как в тюрьме.

— Он знал... знал, чем все кончится. Недержание. Утрата речи, невозможность держать ложку в руке, вообще что-то делать. Медленная смерть. Он сдавал на глазах... Все быстрее и быстрее... — Марк покачал головой, судорожно сглотнул. — Я знал, о чем он хочет попросить. Однажды днем он позвал к себе меня и Карен, отослав прочь детей. И сказал нам, двоим людям, которых он любил больше всего на свете, что хочет умереть. Карен вышла из себя. Она обзывала его трусом и даже хуже, говорила, что он не хочет бороться, что он сдастся. Обвиняла его в том, что он бросает ее и детей. Господи, чего она только не наговорила! Я подумал, что она сошла с ума от горя. Подумал, что она изменит свое мнение. Потому что я был согласен с братом с самого начала. Я не хотел его терять и сделал бы что угодно, лишь бы он остался жить. Но ему ничем нельзя было помочь, он это знал, и я это знал. И я пошел бы на что угодно, лишь бы прекратить его страдания. Я думал, что Карен смирится, но она... не смирилась. Она была упрямая. Самоубийство для нее был не выход, — разумеется, убийство тоже. Так она меня и назвала, когда я попытался ее убедить. Убийцей.

Прошло еще полгода, и, хотя мы об этом не говорили, это слово так и висело между нами. Каждый раз, когда я приходил. Каждый раз, когда видел Карен, в глазах ее было все то же выражение: ужас, злость, укор. И каждый раз, когда я оставался с Джеймсом наедине, он умолял меня помочь. К тому времени он даже не мог самостоятельно вставать и садиться в свое кресло. Четыре раза в неделю к ним приходила

сиделка. Начали сбываться его самые страшные кошмары. — Марк снова умолк, на мгновение зажал рот руками, как будто желая остановить поток слов. — Я написал за него письмо, в котором говорилось, что я исполняю его волю, делаю только то, о чем он сам умолял меня. Он подписал его как смог. Однажды утром он особенно долго прощался с детьми перед школой. Потом Карен повезла их на занятия, а я дал ему снотворное. Столько, сколько он смог проглотить. Я купил таблетки через интернет... Один Бог знает, что в них было. Но они подействовали. Он... умер. Он умер.

— Марк, я вам сочувствую...

— Это еще не все. Карен отреагировала... как и полагалось. Даже с перебором. Она разорвала письмо, когда я показал ей. Непростительная глупость с моей стороны, надо было сделать копию. Она разорвала письмо и отправилась прямо в полицию заявить об убийстве. Не знаю... Не понимаю, зачем она это сделала! До сих пор не понимаю... как можно было отрицать очевидное, не соглашаясь даже в душе, что именно этого хотел Джеймс. Что это было самое лучшее и доброе из всего, что можно было для него сделать. Потом было оглашено завещание, по которому он оставил все деньги мне, чтобы отец мог чуть дольше оставаться в доме престарелых и не пришлось бы продавать этот дом. Когда об этом узнали газетчики, они стали рвать меня на куски.

— Но судебный процесс быстро закончился... Все понимали, что вы действовали из сострадания. Судья даже сказал, что дело вообще не нужно было передавать в суд...

— Объясните это Карен и детям. И журналистам с их проклятыми заголовками «Каин и Авель». Лия, она наговорила детям таких ужасов. Не знаю, увижу ли я их когда-нибудь снова. Простят ли они меня.

— Но... разве они сами не знали, что отец умирает? Разве нет?

— Не уверен. Я никогда не говорил с ними об этом... Карен сказала, что все объяснила. Не знаю. Понятия не имею.

— Но... когда-нибудь они повзрослеют, когда-нибудь сами поймут, насколько он был болен... Я уверена, они захотят увидеться с вами, — пробормотала Лия.

— Что же... Время покажет. А пока что мы с отцом остались вдвоем. Он моя единственная семья. Во всяком случае, только он и хочет со мной разговаривать. Иногда.

— Какой ужас, Марк! Я... я действительно не знаю, что сказать, — проговорила Лия беспомощно.

— Что же тут скажешь? Зато теперь вы все знаете. Я хотел бы сказать, что мне стало лучше после того, как я выложил все вам. Но не стало. — Он сделал глубокий вдох, выдохнул долго, прерывисто.

— Прошло слишком мало времени, чтобы вы поняли, стало или не стало, — начала она осторожно. — Вы потеряли брата, и на вас вылили столько грязи, что у вас даже не было возможности как следует его оплакать.

— Зато теперь у меня есть время. С работы меня, разумеется, выгнали. Вот и считайся невиновным, пока твоя вина не доказана. Мне сказали, что в последнее время моя работа не выдерживает никакой критики и это никак не связано с приближающимся судом. Что, конечно, было откровенным враньем.

— Мы можем подать на них в суд, — сказала Лия. «Мы». Как неожиданно это слово сорвалось с языка. Под ложечкой что-то дрогнуло, а Марк вроде бы ничего не заметил.

— Какой смысл? Я ничего не хочу возвращать. Ничего из той прежней жизни. Да и как можно что-то вернуть? Когда все превратилось в пыль? Приходится начинать заново. Можно найти новое место. Новую работу, — сказал Марк, наконец-то делая глоток вина.

— Вам действительно приходится начинать все заново, — согласилась Лия.

Морщины у него на лице разгладились в свете свечей. Она взяла его за руки, протянувшись к нему через стол, собиралась просто быстро пожать, чтобы придать ему сил с помощью прикосновения. Однако Марк крепко взял ее пальцы в свои и не отпускал. Лия посмотрела ему в глаза, и боль, которую она испытывала за него, сменилась чем-то очень похожим на страх.

— Оставайтесь ночевать, — попросил он.

Лия раскрыла рот, но не смогла сказать ни слова. Сердце прыгнуло к горлу, отчего Лия едва не задохнулась. Она молчала, и Марк наконец выпустил ее руки.

— В конце концов, в доме полно спален, — проговорил он смущенно.

Лия сделала вдох.

— Я могу вернуться в паб. На самом деле не так уж тут далеко, — сказала она.

Губы Марка дрогнули в едва заметной улыбке.

— Конечно, — отозвался он.

Рано утром Лия проснулась и выпила кофе, стоя у окна своей комнаты в «Разводном мосте», стекла запотели за ночь, а день занимался соблазнительно солнечный. Голова была тяжелая и больная от выпитого накануне вина, и Лия никак не могла разобраться, что думает о Марке, и вспомнить о том, что он говорил. Внизу, в кухне, слышалось движение, звон сковородок и столовых приборов. Запах бекона просачивался с лестницы к ней под дверь, и в животе заурчало, однако времени на завтрак не было.

Лия стояла у библиотеки в половине десятого, когда открылись двери. Ей показали, где хранятся микропленки и как пользоваться аппаратами, и уже скоро она просматривала местные газеты столетней давности с быстро бьющимся в предвкушении сердцем. Доверившись собственной интуиции, она начала с года, когда были сделаны сомнительные фотографии Робина Дюррана, а именно, основываясь на намеках Эстер в письмах, — с лета. Когда Лия дошла до середины августа 1911 года, у нее перехватило дыхание и она невольно закрыла рот руками. Перед ней была она, история, растянувшаяся на несколько недель, до осени того года. Лия прочитала раз-другой, попыталась выписать некоторые факты в записную книжку, но рука не слушалась, буквы шли вкривь и вкось, их с трудом можно было разобрать. Улыбнувшись, она оставила свои попытки и вытащила телефон, набрала номер Марка, не обращая внимания на сердитые взгляды и негодующие возгласы человека, сидевшего за соседним аппаратом.

— Лия, нашлось что-нибудь? — отозвался он, и в его отрывистом тоне она уловила ту же двусмысленность, какую сама ощутила поутру. Не придав пока этому значения, она сделала глубокий вдох.

— Нашлось все, Марк! Здесь все, и фотографии... Потрясающие фотографии Эстер, и Альберта, и теософа — все!

— Вы хотите сказать, что-то действительно случилось? Когда?

— В то лето. В то лето, о котором пишет Эстер. Летом тысяча девятьсот одиннадцатого года, — сказала Лия напряженным от

волнения голосом. — Мне кажется... Кажется, я поняла, почему наш солдат сохранил именно эти два письма Эстер...

— Ну и что же произошло? Неужели убийство?

— Да, убийство. Страшное и жестокое.

— Вот как? Кого же убили? И кто убил? — требовательно спросил Марк.

Глава одиннадцатая

4 августа 1911 года

Дорогая Амелия!

Как бы мне хотелось, чтобы ты была рядом, помогла, придала мне сил. Наш дом больше уже не то уютное местечко, что прежде. Я даже не знаю, с чего начать. Альберт. Альберт сам не свой. Чужой, отстраненный, он так поглощен желанием снова увидеть проклятых элементалей, что в его сердце не осталось ни одного уголка ни для меня, ни для прихожан, ни для его работы — ни для чего. Он мало ест, он больше не притрагивается ни к какому мясу, я давно не видела, когда он спит. Постоянно торчит где-нибудь рядом с окрестными гостиницами и пабами, уговаривает прохожих покаяться в грехах. Эми, от всего этого можно сойти с ума! И я вижу лишь одну вероятную причину всех этих неприятных перемен — мистер Робин Дюрран. Он по-прежнему живет у нас, уже столько времени, хотя ничего не вкладывает в домашнее хозяйство. Когда я указала на это Берти, он, кажется, счел мои слова почти смешными. Меня счел смешной. Он называет мистера Дюррана не иначе как «наш почетный гость», и, поверь мне, почет ему оказывается большой. Что бы ни предложил мистер Дюрран, Альберт немедленно соглашается. Вот так запросто. Как будто бы мой дражайший муж совершенно лишился собственного мнения!

Кэт, наша горничная, тоже не в себе. Альберт однажды увидел ее в пабе в Тэтчеме и объявил, что ее немедленно нужно изгнать за недопустимое поведение. Я возражала, заступалась за нее, потому что успела полюбить и оценить эту девушку, но ей было позволено остаться только тогда, когда за нее вступился Робин Дюрран. Альберт требует, чтобы на ночь ее запирали в комнате, и ее запирают, но я поняла, что после тюремного заключения в Лондоне она просто не может сидеть под замком, это для нее невыносимо. Я нахожу это жестоким и бессмысленным, однако Альберт настаивает, и на этот раз Робин счел за лучшее не спорить с ним. Может быть, Робина забавляют ее жалобные крики. Да, я знаю, что пишу о нем ужасные

вещи, однако я вдруг поняла, что не доверяю ему, не люблю его, не хочу, чтобы он был здесь!

У Кэт в городе есть кавалер. Потому она и убегала по вечерам, чтобы видеться с ним. Когда она впервые упомянула об этом, я решила, что она встречается с Робин Дюрраном. Я видела их вместе во дворе. И они разговаривали как старые знакомые. Однако он уверяет, что совершенно здесь ни при чем, и я сомневаюсь, чтобы Кэт могла им увлечься. Возможно, поэтому я и испытываю к ней такое сострадание, ведь если она любит кого-то так же, как я люблю Берти, то держать ее под замком против ее воли с нашей стороны просто бесчеловечно. Я предложила ей написать ему письмо, объяснить, почему она больше не видится с ним, но она сказала, что он не умеет читать. Какой он, наверное, простой, несчастный человек. Я устроила так, чтобы Альберт ничего об этом не узнал. В его нынешнем состоянии он, наверное, погнал бы их в церковь венчаться, даже если они, самое большее, обменялись поцелуем или рукопожатием. У меня разрывается сердце при мысли о том, что я помогаю их терзать. Потому что сама я чувствую именно это — терзаюсь разлукой с Альбертом. Я так скучаю по нему, Эми!

Не могу доверить подробности бумаге, однако примерно неделю назад, в последний раз, когда Альберт ночевал в постели, случилось кое-что, наглядно показавшее мне, как именно происходит то, что и должно происходить между мужем и женой. Я наконец-то поняла, и ты, без сомнения, услышишь об этом с облегчением. Но не успела я сделать свое открытие, как тут же оказалась от мужа еще дальше, чем была до сих пор. Он отшатнулся от меня, Амелия. От одного только прикосновения моей руки. Вот так-то. И в каком направлении мне двигаться дальше? Ведь я знаю, хотя и не могу объяснить словами, что, если в наших с Альбертом отношениях и возможны какие-то улучшения, они попросту не смогут произойти, пока в нашей жизни, да и в нашем доме, остается Робин Дюрран. Когда он здесь, то Альберта как будто нет. Или же нет меня. Наверное, я непонятно объясняю?

Что ж, вероятно, ты уже прочла в газетах о наших элементалях? Насколько я знаю, об этой истории написали даже в паре столичных газет, после того как на местную газету, написавшую об этом первой, обрушился шквал писем. Кажется, Эми, многие разделяют твое

мнение по поводу фотографий. Мистер Дюрран до сих пор не получил официальной поддержки от Теософского общества, что сильно его раздражает. Он убеждает их прислать какого-нибудь свидетеля, когда он будет проявлять новые снимки, чтобы доказать подлинность изображений. Откуда я узнала об этом? Подслушала под дверью, дорогая сестричка. Да, в своем собственном доме! Брошюра Альберта расходуется и того хуже. Он так и не нашел книжного магазина, который согласился бы взять весь тираж, а потому поместил объявление в газете. Он рассылает их каждый день по две-три штуки наложенным платежом, по три пенса за экземпляр.

Как бы мне хотелось, чтобы ты была здесь, я желаю этого всем сердцем, но в то же время я так рада, что тебя здесь нет, — ни одной живой душе, не говоря уже о любимой сестре, не пожелаю окунуться в нынешнюю атмосферу нашего дома.

Как дела у тебя? Уладились ли неприятности с Арчи? Я очень надеюсь, что вам удалось вернуться к прежней гармонии и твой дом счастливее моего. Мне хотелось бы помочь тебе советом, но я чудовищно невежественна. И не представляю себе, что бы ты могла посоветовать мне в моем нынешнем, необычном и неприятном положении. Однако, если у тебя есть совет, прошу тебя, дорогая, напиши как можно скорее. Я не знаю, что делать, чего не делать и сколько я вообще смогу это терпеть.

С любовью,

Эстер

1911 год

Когда в замке поворачивается ключ, в голове у Кэт такой грохот, что она боится, как бы голова не взорвалась. И не важно, что лицо миссис Белл нахмурено от тревоги и недовольства, когда она запирает дверь. Не важно, что в окне по-прежнему видна луна, которая заливает стекло серебристым сиянием. Не важно, что утром ее снова выпустят. Все это не важно, потому что она снова заключенная, не имеющая никаких прав, которая не может прийти или уйти по собственному желанию. Она как канарейка Джентльмена, которая глядит на него, наклонив головку, и не поет. Молчание — ее последнее оружие, последнее, что принадлежит ей, над чем она властна. Для Кэт последнее оружие — ее голос. В страхе, в гневе она кричит у двери, кричит, пока не начинает саднить в горле, кричит, чтобы заглушить грохот в голове. Она не будет спать, и никто в доме не будет. Она колотит кулаками по доскам, топает ногами, ругается, сыплет проклятиями и рыдает. Ей кажется, что это все очень громко, слишком громко, чтобы в доме не обращали на это внимания. Но когда наконец она в изнеможении тяжело опускается на пол, то слышит храп Софи Белл, который доносится из коридора, заглушенный двумя дверями.

И она сидит, слишком обессиленная, чтобы сражаться дальше. Сидит, привалившись спиной к двери, и грубые доски половиц колотят ей ноги. Горло горит, голову стянули тугие обручи боли. Кэт пытается думать о Джордже, о том, что она чувствовала, когда была рядом с ним. О жизненной силе, которой он, как дыханием, делится с ней; о собственной душе, которую он осторожно выманил из жесткой сердцевины своей улыбкой, своим прикосновением, вкусом своих губ. Она старается думать о матери — о матери, которая была раньше, до начала чахотки; о Тэсс — в тот первый день, когда они удрали на собрание и лицо ее светилось от восторга. Однако эти мысли не задерживаются и не дают утешения. Джордж превращается в силуэт, в тень, как будто совсем давнее воспоминание. У нее остается только его контур, словно солнце всегда светит ему в спину и ее глаза не могут справиться с потоком света. Болезнь и смерть забирают ее мать; тюрьма, а теперь и рабочий дом забирают Тэсс. Кэт снова в своей

камере с сырыми, холодными стенами, с вонью отхожего ведра в углу, со вшами в голове, доводящими ее до бешенства. Они были в постели. В ткани матраса, в швах и складках тощих одеял. Она не удосужилась проверить: она никогда еще не бывала в местах, где вши ждут в засаде — серые восковые капли, готовые всей массой одолеть неосторожного человека. Каменные стены пропитаны влагой, на них выросла пышная плесень, от которой почернел цемент в швах кладки.

Девушки из «простых» не могли рассчитывать в тюрьме на мягкое обхождение, какого достаивались их сора́тницы из среднего и высшего класса. Никаких привилегий, никаких излишеств. Им не позволяли писать письма, носить собственную одежду. Им разрешалось выходить из камеры раз в день, чтобы в течение часа шаркать ногами по тесному, мощенному булыжниками двору. Кэт с Тэсс гуляли вместе, прижавшись друг к другу, переплетя пальцы. Кэт пыталась рассмешить Тэсс, пересказывая ей сплетни или выдумывая дурацкие истории о надзирательницах или о других заключенных, рассказывая о том, как, освободившись, они устроят себе пир. Одну надзирательницу особенно боялись все женщины. Она была похожа на змею, жилистая и тощая. Кожа да кости, никакого намека на выпуклости бедер или на бюст. Лицо у нее было жесткое. Темные волосы она безжалостно стягивала в узел на затылке; глаза холодные, голубые; жесткий, безгубый рот, уголки которого были приподняты, но это не имело ничего общего с улыбкой; острый длинный нос. Из-за этого носа Кэт прозвала ее Вороной и в долгие часы одиночества сочиняла о ней насмешливые песенки, чтобы спеть их Тэсс во время прогулки. Тэсс не смеялась, но силилась улыбнуться. Ее глаза постоянно были полны слез, веки распухшие, покрасневшие.

Надзирательницы били заключенных за нарушение дисциплины, а нарушением считалось то, что ты идешь слишком медленно или слишком быстро, слишком много кашляешь или ругаешься, богохульствуешь, свистишь, поешь, огрызаешься в ответ. На второе утро трехмесячного заключения у Кэт, которую за всю жизнь никто и пальцем не тронул, была разбита губа и шатался зуб. Казалось, на подобное обхождение надо ответить забастовкой. Они ведь суфражистки. Их должны считать политическими заключенными, а не уголовницами. Они должны содержаться в лучших условиях, получать лучшую пищу, с ними должны нормально обращаться, у них должны

быть привилегии. Обо всем этом им говорили в Союзе женщин перед вынесением приговора. Кэт знала все это, входя в массивные каменные ворота Холлоуэя, окруженного зубчатыми стенами, словно сказочный замок, только без обещания счастливого сказочного конца. Они должны потребовать все это, и они будут отказываться от еды, пока не добьются своего или пока их не выпустят. Кэт не смущало замкнутое пространство. Сначала не смущало. В первые ночи ее несколько не беспокоило, что дверь заперта. Она тогда не догадывалась, что это означает. Она еще не испытала на прочность границ нового мира, не поняла, насколько они тесны, как больно могут ударить, если сомкнутся.

Первый день без еды прошел легко. Хлеб вечно был черствым и заплесневелым, суп мало чем отличался от воды, в которой надзирательницы, возможно, варили себе овощи. Жидкий и дурнопахнущий. Кэт привыкла к хорошей еде на Бротон-стрит, а до этого — к домашней еде матери. От одного запаха тюремных помоев ее начинало тошнить. Желудок вскоре стал болеть и протестующе сжиматься, но Кэт с легкостью игнорировала его протесты. Еда, которую она не съела, осталась гнить. Надзирательницы били ее за непокорность, Ворона завернула руку ей за спину и таскала по камере за волосы. Но Кэт вытерпела все это, они так и не смогли заставить ее есть. Не смогли победить. Так продолжалось пять дней, а на шестой она была не в состоянии подняться с матраса. В камерах по соседству тоже было тихо, поскольку всех суфражисток держали в одном крыле и все они лежали неподвижно, прислушиваясь к тишине. Это была дружеская тишина, говорившая об их общей слабости — об упадке телесных сил, о силе и решимости их духа. Но тишина не продлилась даже до конца шестого дня.

Раздался скрип тележки. Многочисленные шаги, целеустремленные. Грохот ключей, каких-то металлических предметов. Кэт подняла голову с вшивого матраса, услышав непривычный шум. Она подумала, не встать ли, не прижаться ли лицом к крошечной решетке на двери, чтобы посмотреть, что же это? Всей кожей она почувствовала страх, причины которого не знала. Послышались новые звуки, и она поняла, что предчувствия ее не обманули. Крики, удары. Грохот стульев, врезающихся в стену, снова

звон металла, ругань надзирательниц, мужские голоса. Двое из них переговаривались приглушенно, как будто сквозь зубы. Крики перешли в визг, пронзительный, полный ужаса и боли, затем сменились сипением, кашлем и спазмами рвоты. Чудовищные, животные крики, каких Кэт никогда не доводилось слышать от людей. А когда тележка выкатилась из камеры, там наступила тишина. Жуткая, оглушительная, тяжкая тишина. По мере того как колеса тележки приближались к ее двери, сердце Кэт билось все сильнее, готовое вот-вот проломить ребра.

Она была следующей. Три надзирательницы с растрепанными волосами, с расцарапанными руками и щеками. Мрачные как смерть. Среди них была и Ворона. На двух мужчинах, голоса которых она слышала, были белые халаты, как на врачах, забрызганные, запачканные какой-то жидкостью. Светло-коричневые пятна с вкраплениями красного. От всех пятерых разило путем и страхом. Кэт медленно села. Голова сильно кружилась, из-за головокружения было трудно соображать, трудно действовать. «Только попробуй сопротивляться — и тебе же будет хуже. Слышишь?» — сказала ей Ворона. Женщина, которая несколько дней назад разбила Кэт губу резким ударом тыльной стороны ладони. «Оставьте меня в покое», — сказала Кэт. Она пыталась встать, но ноги были как ватные. Она схватилась за матрас, чтобы не упасть, еще раз попыталась подняться. «Это ради вашей же пользы, юная леди», — проговорил один из мужчин. «Надо прижать ее к тюфяку», — сказала одна из надзирательниц. Кэт крикнула: «Нет!» Но они тут же набросились на нее, две женщины держали ее за руки, один из мужчин придерживал голову. Она сопротивлялась изо всех сил — а сил почти не было, — пытаясь вывернуться из их рук. Суставы хрустели, на коже от их пальцев проступили синяки. Второй мужчина наполнил из кастрюли на тележке жестяную кружку и передал Вороне. Та уперлась коленом в грудь Кэт, мужчина приподнял ей голову, край кружки вставили в рот Кэт. Она вдохнула сладковатый молочный запах овсянки и как можно сильнее стиснула зубы, чтобы не поддаться. Надзирательница надавила кружкой, жесть ее стукнула по зубам, впилась в десны, и Кэт почувствовала, как рот наполняется вкусом крови. Однако же она не поддавалась. Крошечная порция каши попала ей в рот, но, как только надзирательница убрала колено с ее груди, она тотчас же с яростью

плюнула в нее. Молочной овсянкой пополам с кровью. «Господи! Ну и идиотка же ты!» — бросила ей Ворона.

Кэт тяжело дышала, борясь за каждый вдох. Она напрягала все мышцы, осыпая мучителей всеми гнусными словами, какие когда-либо слышала от уличных проституток. Мужчина, который держал ей голову, переглянулся с тем, что стоял у тележки. Они кивнули друг другу. Ее голову выпустили на какой-то миг, но затем на нее навалилась Ворона, с силой вцепилась в голову, нажимая большими пальцами на виски. Кэт закричала. Когда она открыла глаза, к ней подошли мужчины: один держал тонкую резиновую трубку, другой прилаживал к ее концу воронку. Кэт не поняла. Она снова стиснула зубы, подумав, что так сможет их победить. Но трубку затолкнули ей в нос. В одну ноздрю. Сначала было неприятно, затем невыносимо больно. Она закричала, наконец-то раскрыв рот, однако они продолжали начатое. Трубку затолкнули еще глубже. Кэт ощутила ее край в глубине горла, рот наполнился кислотой. Она не могла дышать, глаза выпучились от ужаса, она задыхалась, кашляла, хватая крупницы драгоценного воздуха. «Вот и все. Готово», — коротко сообщил мужчина, орудовавший трубкой. Его напарник влил в воронку кашу. Пять минут, показавшиеся Кэт вечностью, он наблюдал, как масса просачивается по трубке, снова вливал. Когда трубку наконец вытащили, в горле осталась липкая молочная слизь, которая стекала в легкие. Когда трубка выскользнула, у Кэт из носа полилась кровь, во рту стоял вкус крови и желчи. Ее оставили лежать на боку, грязную, захлебывающуюся кашлем. Глубоким, лающим кашлем, которым легкие пытались вытолкнуть слизь. Боль в голове и груди была чудовищная. Она кашляла несколько часов. Она кашляла неделю за неделей. «Во время чая повторим, милочка?» — проговорила Ворона слащаво. «Этого достаточно», — сурово отрезал один из мужчин. «В смесь добавлено противорвотное, однако через полчаса проверьте. Если она все выблюет, дайте мне знать, и мы повторим процедуру». Кэт лежала, страдая, клокоча от ярости и боли, чувствуя себя оскверненной, как будто ее изнасиловали. «Во время чая повторим...»

— Кэт? — Раздается тихий стук в дверь, вырывающий ее из кошмара, одолевшего наяву. — Кэт, вы не спите? — Это голос Эстер, тихий и мягкий.

Кэт моргает, озирается по сторонам, понимает, что еще темно. Она не представляет, который теперь час.

— Нет, мадам, — отвечает она и откашливается. Горло саднит, как будто мужчины с резиновой трубкой действительно побывали здесь.

— Можно войти? — спрашивает Эстер, и Кэт не знает, что ей ответить.

Затем слышится звон, радостный тихий скрежет, и дверь открывается. У Кэт со сна затекли ноги. Она с усилием поднимается на колени, разворачивается, хватается за край двери, ощущая, как в щель врывается воздух. За закрытыми веками расцветают цветки света. Она не знает, от чего они: от небольшой лампы со свечой, которую принесла Эстер, от радости, облегчения, свободы.

— О Кэт, ваши бедные руки! — произносит Эстер, ставя лампу на комод и помогая Кэт подняться. Кожа на костяшках ее пальцев ободрана до крови.

— Пожалуйста. Прошу, не запирайте меня больше, — говорит Кэт. Она не знает, сколько ночей провела под замком с того первого раза. Может быть, всего две или три, может быть, больше.

Глаза Эстер полны жалости.

— Никто не знает, что у меня есть этот ключ. Он отпирает все двери в доме, — говорит она, держа ключ на ладони. — Идемте, сядем на кровать. Я вам вымою руки. Боже, сколько заноз!

— Я сама могу, мадам. Вам нет нужды утруждать себя, — произносит Кэт без всякого выражения. Она не позволит Эстер принести извинения. Не позволит выторговать прощение. Повисает неловкая тишина. Эстер плотнее запахивается в халат, аккуратно заправляет концы пояса, нервничая.

— Неужели там было так ужасно? В тюрьме? — спрашивает Эстер.

Кэт пристально глядит на нее, не зная, как объяснить.

— Да, — отвечает она наконец, и голос у нее хриплый.

— Кэт, я давно хотела спросить... В чем было ваше преступление? Почему вас посадили в тюрьму? — спрашивает Эстер. Как будто бы здесь, в темноте, в комнате для прислуги, она больше не принадлежит реальному миру. Можно задавать вопросы, которые она ни за что не задала бы у себя, потому что здесь другие правила.

Кэт коротко улыбается холодной улыбкой.

— Все хотят спросить, — говорит она. — Я просидела два месяца, и моя подруга Тэсс, и остальные. А за что? За препятствование движению.

— Препятствование движению?

— Так говорилось в приговоре. Еще там говорилось, что мы намеревались нарушить общественное спокойствие. У меня была в кармане половинка кирпича, хотя он так там и остался. Я ничего не кидала на момент ареста, однако кирпич нашли у меня в кармане, и они знали, для чего это. И я бросила бы его. — Кэт с вызовом вскидывает голову. — В витрину галантерейщика на Вест-стрит, как собиралась. У него была самая красивая, огромная витрина с толстым стеклом, на болванках выставлены шляпки с перьями. Шляпки, которых таким, как мы с Тэсс, никогда не носить. Я хотела разбить витрину. И разбила бы!

— Тише, Кэт! Нельзя, чтобы нас услышали, — шепчет Эстер. — Но вы ведь не кинули кирпич?

— У меня не было возможности. Мы должны были выступить в шесть все вместе, отправиться в выбранные районы и ждать. Начать предполагалось, когда Биг-Бен пробьет половину часа. Но прежде, после обеда, мы отправились на митинг Либеральной партии. У нас были с собой плакаты, и мы собирались выкрикивать наши лозунги как можно громче, чтобы все те, кто пришел на митинг, слышали бы и нас, поскольку нам не позволили войти внутрь и задать вопросы или выдвинуть наши требования. Нас было всего двенадцать активисток из местных отделений Союза женщин. И Тэсс была. Тэсс — моя подруга. Она не хотела быть активисткой, это я ее заставила. *Заставила*. — Кэт умолкает, вздыхает долго, прерывисто и закрывает глаза. — У нас были строгие указания. Закон не запрещает делать то, что делали мы, если стоишь на тротуаре. Но если ступишь на мостовую, то это называется препятствованием движению, и тогда тебя забирают в участок. Стоять на тротуаре и выкрикивать лозунги не преступление. А встать на шаг дальше и делать то же самое — преступление. Какой справедливый и разумный закон! Так что полицейские, которые там были, начали нас стгонять. Я сначала не поняла, что происходит. Полицейские взяли за руки и двинулись на нас очень медленно. Шаг за шагом они надвигались минут двадцать или даже больше. Пока не пришлось выбирать: падать им под ноги, влезть друг другу на плечи

или же сойти на мостовую. Мы сошли, и нас арестовали. Всех до единой.

— И вас за это приговорили к нескольким месяцам тюрьмы? — спрашивает Эстер, не веря своим ушам.

— Вот видите, какая закоренелая преступница у вас служит, — горестно произносит Кэт.

Эстер смотрит на нее широко раскрытыми глазами, не в силах подобрать слов. В конце концов она отворачивается, встает и подходит к окну, хотя там не на что смотреть, кроме непроницаемого черного неба.

— Кэт, я уже не понимаю, что правильно и справедливо. Но то, что вас отправили в тюрьму за такое ничтожное преступление, неправильно. Вовсе неправильно! — произносит она с несчастным видом.

— В тюрьме нас били, мадам. Били и... обходились так, что я даже не могу описать словами! И вот теперь... теперь я снова в тюрьме! Вы понимаете? Вы можете понять, что я не в силах этого выносить?

— Да, я понимаю! Тише, Кэт! Вот... возьмите. — Она протягивает Кэт отмычку, и та смотрит с недоверием. — Возьмите этот ключ. Вы сможете отпирать дверь, когда миссис Белл запрет вас и уйдет. Она вынимает ключ из замка, я проверяла.

Кэт хватается за ключ, крепко сжимает его в кулаке, как будто Эстер может его отнять. Холодная, железная рука помощи, талисман более могущественный, чем ее медаль за Холлоуэй.

— Но вы должны поклясться, Кэт, вы должны обещать мне, что не будете уходить из комнаты по ночам. Прошу вас, обещайте! Потому что если вы убежите, если Альберт узнает, что я дала вам ключ... Пожалуйста, поклянитесь! — умоляет Эстер, опустившись на корточки перед Кэт и вынуждая ее глядеть ей в глаза.

— Клянусь. — Слово само сходит с языка Кэт, хотя и с большой неохотой. — Но я должна сообщить... Джорджу. Моему другу. Мы с ним повздорили. Он может подумать, что я не прихожу из-за этого, что я больше не хочу его видеть.

К недоумению Кэт, глаза Эстер наливаются слезами, губы слегка дрожат, и она крепко сжимает их.

— Вы любите его? — спрашивает Эстер.

Для Кэт так странно разговаривать о таких вещах с женой викария. Но ночь темна, комната превратилась в тюремную камеру, а Эстер Кэннинг принесла ей утешение.

— Всем телом и душой, мадам, — отвечает она.

Эстер опускает голову, и слезы капают ей на стиснутые руки. Эстер долго сидит тихо, неглубоко дыша, кажется пытаюсь успокоиться. Потом она снова поднимает голову.

— Я завтра днем отошлю вас с каким-нибудь поручением. В Тэтчем. Вы сможете разыскать его. Но обещайте мне — по ночам никуда. Чтобы никто не знал, что вы свободны.

— Обещаю, — произносит Кэт и, к собственному удивлению, понимает, что намерена сдержать слово.

— Что ж, хорошо. Прячьте ключ, берегите его! Утром, перед тем как миссис Белл придет, чтобы выпустить вас, снова закройте дверь. Это неправильно держать вас под замком, Кэт. Я никогда не считала, что так нужно. Но в последнее время я, кажется, уже не хозяйка в собственном доме. Зато в нем два хозяина, — безнадежно произносит Эстер, поднимаясь и снова беря свою лампу. В ее теплом свечении, с распущенными по плечам волосами, с широко раскрытыми блестящими глазами, жена викария выглядит очень милостивой.

— На самом деле только один хозяин, — мрачно произносит Кэт. — Неужели вы не можете избавиться от него? — Раз уж у них разговор по душам, настала очередь Кэт высказаться.

Эстер моргает, встревоженная:

— Я пыталась намекнуть, что ему пора возвращаться домой...

— Насколько я понимаю — и сплетни, добытые миссис Белл, подтверждают это, — у него нет дома. И денег у него тоже нет. Отец держит его на весьма скудном пайке. От него ожидают, что он сам заработает себе состояние, — говорит Кэт, осторожно подбирая слова. Она наблюдает за Эстер Кэннинг, видит, что та осмысливает неприятные новости.

— Нет дома? Он даже комнат нигде не снимает?

— Нет, мадам. Мне кажется, избавиться от него будет непросто, пока викарий так ему благоволит.

Эстер безропотно кивает:

— Вы многое знаете, Кэт Морли.

— Никто не знает дом и его обитателей лучше прислуги, мадам. Это всегда так.

— Что еще вам известно о Робине Дюрране?

— Только это: ему нельзя доверять. Он лжец. Если вы найдете способ изгнать его, то немедленно воспользуйтесь, — серьезно говорит Кэт.

Эстер внимательно смотрит на нее, встревоженная, затем кивает и разворачивается, чтобы уйти.

— Утром, — говорит она, задержавшись у порога, — все должно быть так, будто между нами не было этого разговора. — На ее лице отражается беспокойство.

— Разумеется, — говорит Кэт невозмутимо.

Когда Эстер уходит, оставив дверь незапертой, Кэт ложится в постель и засыпает в первый раз с тех пор, как ее посадили под замок.

На следующий день стоит невыносимая жара. Кэт и миссис Белл варят в кухне варенье, высыпая малину и ежевику из корзинок, которые садовник Блай приносит в кухню. Толстая экономка весь день проводит у плиты, помешивая варенье, чтобы сахар в широком медном тазу растворился. Кэт обдаёт кипятком стеклянные банки, грея чайник за чайником, чтобы простерилизовать их, прежде чем наполнять. От этой работы пот катится у них по лицу и по спине, стекает в ложбинку между грудями, в складки одежды. Щеки у них красные, как и пузырящаяся ягодная масса в тазу, глаза полны сдержанного, невнятного гнева, обращенного то ли на дневную жару, то ли на ни в чем не повинную малину. В кухне витает головокружительный сладкий запах. Он впитывается в волосы, в кожу. Кэт в третий раз обжигается, шипит от боли, опуская руку в ведро с холодной водой, где стоит кувшин с молоком. У миссис Белл не осталось сил, чтобы упрекнуть ее или посоветовать быть осторожнее.

После того как варенье простоит четверть часа, чтобы ягоды равномерно пропитались сиропом, его начинают разливать по банкам, и появляются новые ожоги. Брызги, маленькие горячие капли, находят голые запястья; подтеки варенья необходимо подтирать; раскаленные банки приходится закрывать, отдергивая пальцы.

— Господи, и если бы только это был конец! А то ведь через неделю начнется черная смородина, — вздыхает миссис Белл, поднося

руку ко рту, чтобы пососать вспухающий ожог.

— Мне необходимо выйти отсюда, — говорит Кэт, упираясь локтями в липкий стол и подаваясь вперед, чтобы размять спину. — Я задыхаюсь.

— Да уж, здесь жарче, чем в аду, — соглашается миссис Белл.

Весь день Кэт поглядывала на дверь, поглядывала на лестницу, поглядывала на Эстер, ставя на буфет тарелки для обеда, дожидаясь обещанного поручения, которым она воспользуется как предлогом, чтобы сбегать к Джорджу. За целый день она так его и не получила, и ожидание раздражает ее с каждой минутой все сильнее. В четыре она берет чайный поднос, куда ставит вазочку свежего варенья и тарелку лепешек. Ноги словно налиты свинцом, когда она поднимается по лестнице, все тело задеревенело. Сколько бы она ни выпила воды, ей никак не удается утолить жажду. В столовой викарий с женой сидят в обществе Робина Дюррана, слушая, как он читает письмо. Лицо у Эстер Кэннинг усталое и потное, волосы надо лбом от влаги сбились в кудрявую массу. Она кажется погруженной в размышления и не замечает Кэт, как бы Кэт ни старалась привлечь ее внимание. И викарий, кажется, не в силах смотреть на нее. Он переводит взгляд с лица Робина на его руки, на письмо в них, а когда Кэт оказывается рядом, он закрывает глаза и отворачивается, слегка вздрагивая, как будто бы от нее исходит запах, оскорбляющий обоняние.

Стиснув зубы от злости, Кэт преувеличенно осторожно опускает поднос и переносит на стол чайные принадлежности как можно медленнее, но стараясь при этом не показать, что мешкает нарочно.

— «Мы оба с громадным удовольствием узнали, что ты на... что ты начал делать первые успешные шаги на избранном поприще. Приношу поздравления. С нетерпением жду нашей следующей встречи и будущей дискуссии о природе и значении твоих открытий, поскольку газетные статьи, за которыми мы пристально следили, весьма скупо передавали факты, зато изобиловали то восторгами, то насмешками. Я уверен, что дальнейшие старания и прилежные занятия избранным делом откроют для тебя большие перспективы и принесут известность. Твой...» — и так далее. — Робин Дюрран роняет письмо на колени и широко улыбается Кэннингам. — Вот оно! Как приятно получить от отца подобное письмо! — восклицает он. — Мне доподлинно известно, что старик за всю жизнь так и не смог понять ни

одной эзотерической теории, и все же он предлагает мне свою поддержку и, как мне кажется, начинает считаться с тем фактом, что хотя бы в этой области я его превосхожу. И моих братьев тоже, — произносит теософ, и его голос звенит от волнения, он удовлетворенно улыбается. Никто из Кэннингов не отвечает, и это явно раздражает его. «Он их тыкает, как тыкают апатичного кота, чтобы тот начал играть», — думает Кэт. — Что скажете, Альберт? Эстер? Вам не кажется, что это чудесно, когда человек столь консервативного и традиционного уклада, как мой отец, обращает свой разум к новой реальности?

— О да, Робин. Вас в самом деле следует поздравить, — выдавливая из себя Альберт, все еще отворачивая лицо от Кэт и судорожно сглатывая после своих слов.

Если не считать обгоревших на солнце щек и носа, лицо у него пепельно-серое. Он выглядит нездорово. «Так тебе и надо», — злорадствует про себя Кэт. Эстер вроде бы хочет заговорить, но вместо того кашляет, теребя веер, пока взгляд теософа снова не обращается к ее мужу.

— Больше ничего, мадам? — намеренно спрашивает Кэт, перехватив взгляд Эстер и делая многозначительное лицо.

— Нет-нет, благодарю вас, Кэт, — отвечает Эстер отстраненно.

Кэт злобно зыркает на Робина, на его физиономию, гладкую, расплывшуюся в самодовольной улыбке, после чего выходит из комнаты.

— Черт бы побрал эту женщину! — взрывается Кэт, вернувшись в кухню и наливая себе стакан воды.

— Что на сей раз? — спрашивает миссис Белл. Она надписывает этикетки на банках с вареньем, склонившись над самым пером и сморщив от усилий лицо. Почерк у нее настолько мелкий и убористый, насколько сама она огромная и расплывшаяся.

— Пусть перо движется так же свободно, как мысль, — говорит Кэт, заглядывая ей через плечо. — Пусть чернила текут, как неспешная река.

Миссис Белл кидает на нее угрюмый взгляд, и Кэт отступает.

— Так мне говорили, когда я училась писать, — пожимает плечами она.

— А я не учусь. Я и так умею, — ворчит Софи Белл.

— Софи... мне нужно уйти, — неожиданно произносит Кэт.

— Что тебе нужно? — Софи не отрывает взгляда от своих этикеток.

— Мне необходимо уйти. Пожалуйста, всего на часок. Глотнуть свежего воздуха, побыть немного вне дома. Я вернусь к тому времени, когда настанет пора мыть посуду, обещаю...

— Ох уж мне эти обещания! Знаю, побежишь к Джорджу Хобсону и не вернешься, пока не переспшишь с ним, — произносит экономка. Вот теперь она поднимает голову и видит, что Кэт застыла от изумления с разинутым ртом, не в силах выдать из себя ни слова. Софи Белл улыбается вполне благодушно. — Уж тебе ли не знать, Кэт Морли, что в нашем приходе мало что случается без моего ведома. Тебя достаточно часто видели с ним, и видели многие.

— Полагаю, вы осуждаете меня за это?

Миссис Белл слегка хмурится, снова берется за перо, но не пишет.

— В жизни прислуги не так много радостей. И я не такая старая и злобная, как ты считаешь, чтобы порицать молодежь. Джордж Хобсон честный парень, хотя и грубоватый, — бормочет она.

— Софи Белл... никогда бы не подумала, что из всех людей вы окажетесь на моей стороне... — Кэт от изумления трясет головой.

— Угу, много ты понимаешь.

— Так отпустите меня, пожалуйста. Мне очень нужно увидеть его, хотя бы на минутку. Я всего лишь хочу попросить его кое о чем. А послать письмо я не могу, потому что он не умеет читать. Пожалуйста. Если меня хватятся, скажите, что мне нехорошо от жары и я пошла прилечь на полчаса... Я сразу же вернусь обратно, обещаю.

— Ну не знаю... Одно дело, когда ты сама рискуешь местом, совсем другое — когда вынуждаешь рисковать меня.

— Ну тогда солгите. Скажите им, что я убежала, не сказав ни слова, и вы ничего не знаете. Когда я вернусь... когда вернусь, открою вам одну тайну, — обещает Кэт, искушая.

Миссис Белл поднимает глаза, смотрит на нее мгновение и хихикает:

— Какие там тайны! Могу поспорить, я и эту знаю. Ладно уж, ступай, только побыстрее!

Солнце в небе похоже на расплавленный металл, неистово жаркое и тяжелое. Кэт выходит в парадные ворота, не волнуясь о том, что ее могут увидеть. Она идет быстро, время от времени переходя на бег. В кармане у нее огрызок карандаша и клочок бумаги — старая квитанция от прачки. Хотя она не сможет написать Джорджу записку, если его не окажется на барже, Кэт оставит какой-нибудь знак, символ, что она приходила и искала его. Она задумывается о том, что это будет, и улыбается. Черная кошка. Она нарисует черную кошку. Однако, когда через двадцать минут она подходит к барже и горло у нее так пересохло, что вот-вот потрескается, она видит его на палубе. Он лежит на спине, согнув колени, ноги у него босые, руки скрещены на лице, чтобы защитить глаза от яркого солнца.

— Джордж! — зовет Кэт и не может сдержать широкой, радостной улыбки. — Послушай! — Она останавливается перед баржей и делает глубокий вдох, наполняя легкие воздухом до самого дна. В них сухо. Ничего не булькает, не хрипит, нет никакой мокроты, которую надо выкашливать.

Джордж щурится, мгновение недоумевая, а затем улыбается.

— Значит, ты наконец-то выздоровела, — говорит он.

Кэт кивает, утирая рукой влажный лоб. Волосы совершенно мокрые и липнут к шее.

— Наконец-то вышли остатки той дряни, которую в меня вливали. Можно мне подняться на борт?

— Можно. — Джордж кивает, встает, чтобы взять ее за руки, когда она ступает на шаткие сходни.

Остановившись рядом с ним так близко, что его лицо начинает расплываться перед глазами, Кэт снова делает глубокий вдох. Его запах такой знакомый и влекущий. Как нагретые доски палубы, как илистые воды канала, как свежая, пахучая листва вокруг них. Все эти запахи впитались в его кожу, смешались, становясь единым чудесным ароматом. Он настолько прекрасен, что она закрывает глаза, покачиваясь, упиваясь им.

— Тебя не было несколько дней. Я уж думал, что ты вряд ли придешь, побоишься после встречи с полицией, — говорит Джордж. Голос его звучит ровно, слова лишены какого-либо выражения. Однако когда она поднимает глаза, то видит на его лице бурю эмоций: неуверенность и облегчение, любовь и страх, и уязвленную гордость.

— Я пришла бы. Но меня заперли, Джордж! Я не могла послать тебе весточку... Викарий увидел меня в «Пахаре». Он словно спятил! Хотел прогнать меня, но за меня вступились. И теперь меня каждый вечер запирают в комнате после работы.

— Тебя запирают? Но... они не имеют права!

— Знаю. Жена викария на моей стороне. Она дала мне ключ, чтобы отпирать дверь, так что я хотя бы не провожу всю ночь в страхе и под замком... Но мне пришлось поклясться ей, что я больше не буду уходить по вечерам. Мне это не нравится, однако... я поклялась!

— Значит, мы больше не будем видеться. Так, как раньше. Если ты собираешься сдержать слово, — говорит Джордж, хмурясь.

— Да, собираюсь, в некотором смысле, а в некотором смысле это уже не важно...

— Что ты хочешь сказать? Иди сюда и присядь. У тебя такой вид, будто тебя вот-вот хватит солнечный удар! — Он осторожно увлекает ее в тень каюты, и они присаживаются на ступеньках. — Что значит — не важно?

— Джордж... — начинает Кэт. Она смотрит на него с любовью, касается рукой обветренной кожи на его подбородке. — Я больше не могу там оставаться. Даже теперь, когда мне позволено отпирать дверь... я все равно чувствую себя как в тюрьме. Я не выношу викария, который отворачивается от меня, как от какой-то мерзости! Не могу терпеть указания, где мне находиться, как себя вести каждый миг своей жизни, и днем и ночью! Даже жена викария... хотя она хочет помочь, все равно пытается сделать из меня бездумную куклу. Она пытается направлять мои мысли и поступки, но я не буду... этого... терпеть! Хватит! — кричит она отрывисто, мотая головой и ударяя кулаками по острым коленкам. Кожа от ударов ноет, и это ощущение ей нравится.

— Так что же ты хочешь сделать? — Джордж по-прежнему хмурится, все еще не уверенный в ней, не уверенный в себе.

— Я решила уйти. Убегу от них. Осталась одна вещь, которую я должна сделать, но скоро все будет закончено. А потом я исчезну. Как утренний туман, как сказанное слово. Я ускользну оттуда, и никто из них не остановит меня, не узнает, куда я делась. Посмотрим тогда, как тогда они будут мною управлять! Как они будут мною владеть! Ничего

у них не выйдет! Но вот куда я пойду... куда я пойду — зависит от тебя, Джордж.

— Правда?

— Я убегу, и когда сделаю это, то пойду прямо к тебе, если ты меня примешь. Я не выйду за тебя, Джордж, но останусь с тобой и буду тебе верна. Но только ответ я должна получить прямо сейчас. И если ты откажешься... если откажешься... то я все равно убегу, хотя тогда мое сердце будет разбито, Джордж. Ты разобьешь мне сердце.

— Этого не случится, — говорит он, и слова звенят от напряжения. — Не случится ни за что на свете, потому что ты моя, жена или нет. — Он обхватывает ладонями ее затылок, прижимает ее лоб к своему так крепко, что становится почти больно. — Поэтому беги, Кэт. Как только представится возможность. Я буду ждать тебя.

Кэт слышит его обещание и улыбается; она улыбается так широко и счастливо, как не улыбалась с самого детства. Джордж целует ее, но она все еще улыбается, и ее улыбка перерастает в смех, который заражает и Джорджа. Смех облегчения и чистой радости.

— Господи, Кэт, какие у тебя сегодня соленые поцелуи! — говорит Джордж. Кожа у нее липкая и выбеленная солью.

— Ага, с меня с утра уже семь потов сошло! — Она снова вытирает лицо руками, но руки тоже липкие и к тому же грязные.

— Что это за последнее дело, которое тебе предстоит?

— Я... не могу тебе рассказать. Мне неприятно скрывать от тебя что-то, но, поскольку мне еще придется вернуться в дом, я обязана хранить тайну. Как только я уйду, то обязательно тебе расскажу, обещаю.

— Так ты заработала деньги? — Голос его звучит тяжело и полон тревоги.

— Да. Я долго думала и могу сказать, что в этом нет ничего противозаконного. Но пока что не спрашивай меня ни о чем, очень тебя прошу, — говорит она, пожимая ему руку.

Джордж смотрит на их переплетенные пальцы, целует ее тонкие пальчики и кивает.

— Но ты не собираешься отдаваться другому мужчине, правда, Кэт? — спрашивает он тихо.

Она стискивает ему руку со всей силой, на какую способна:

— Ни за что, Джордж. Клянусь.

Вода плещет под баржей с таким звуком, как будто что-то рвется. В тени деревьев ее поверхность кажется черной и изумрудно-зеленой, с танцующими серебристыми лепестками. Кэт смотрит на воду с невыразимой тоской.

— Как бы мне хотелось снова побывать на море! Я видела его однажды, в детстве. Такое просторное и открытое... такое красивое. Я очень хочу туда еще раз. Мы не могли бы поехать? Хотя свадьбы не будет, — может быть, мы сможем отправиться в путешествие на побережье, когда я убегу? Что скажешь?

— Мы поедem, куда захочешь, Черная Кошка. — Джордж улыбается.

Кэт счастливо вздыхает.

— Давай искупаемся, — предлагает она.

— Искупаемся? В канале?

— Почему нет?

— Он не такой уж чистый, любимая моя...

— Он наверняка чище, чем мы сейчас.

— Здесь водятся раки... и щуки, и угри...

— К черту угрей! — смеется Кэт. — Ты что, боишься угрей?

— Нет, не боюсь. Нисколько не боюсь... — оправдывается

Джордж.

— Отлично. Тогда пошли. — Она встает, протягивает ему ладонь. Он берет ее за руку, позволяя подвести себя к самому краю палубы. Баржа пьяно шатается у них под ногами. — Готов?

— Вниз ногами, Кэт! Здесь не очень глубоко. И что будет с твоим платьем?

— К черту платье! Пусть меня уволят за него и поймут, насколько мне это важно! — кричит она и прыгает, крепко держа Джорджа за руку.

Глубины здесь всего фута четыре, Кэт ударяется ногами о дно, чувствуя, как погружается в ил и грязь. Однако прохладная вода подобна открывшейся запертой двери или восходу солнца. Она захлестывает разгоряченное тело, окатывает волосы, ресницы, с рокотом заливаются в уши. Ее душа раскрывается и изливается наружу, отмываясь дочиства, пока не остается ни следа от злости и страха. В этот миг она освобождается. «Первый раз в жизни», — думает Кэт и тянется к Джорджу, ее мокрые руки скользят как угри, чтобы

обхватить его за талию. Она запрокидывает голову, глядя в бездонное небо.

Гроза начинается как по расписанию. Жара и влажность усиливались на протяжении пяти-шести дней и наконец достигли апогея, воздух стал настолько густым и насыщенным влагой, что трудно даже думать, не то что ходить. Однако шаги Кэт были легки, как у ребенка, когда она носила наверх блюда к ужину. Если все остальные казались едва живыми — даже Робин Дюрран, который в кои-то веки почти не болтал, — то Кэт чуть ли не парила над землей, в уголках рта у нее играла таинственная улыбка, когда она думала, что на нее никто не смотрит. Эстер пытается уверить себя, что это все благодаря ключу от комнаты, однако только это не может привести к такой перемене. Или может? Она вспоминает крики девушки, ее плач и мольбы, когда спальня была заперта. Возможно, ей достаточно и ключа.

Эстер стоит у окна гостиной. Она отперла ставни, закрытые Кэт, и откинула одну створку, чтобы выглянуть наружу. Огни в комнате погашены, на Эстер лишь один халат. Она отправилась в постель в обычное время, но вскоре проснулась. Разумеется, одна-одинешенька, когда первые рокошующие раскаты прокатились с запада, догоняя зловещие всполохи молний. Почти два часа ночи, и из-под двери кабинета Альберта свет не пробивается. Его нет ни в гостиной, ни вообще в доме. Дождь ударяет в окно. Сначала отдельные быстрые капли, а потом настоящий ливень. Вода стекает по стеклу волнами, капли отскакивают от садовых дорожек, и шум дождя похож на гул далекого моря. «Где же ты, Берти?» Она посылает в ночь эту печальную короткую мысль, не надеясь на ответ. Она не помнит, когда ощущала себя более одинокой. Очередная вспышка молнии заливают комнату светом, сразу же следует раскат грома, заставляя Эстер невольно вздрогнуть. У нее за спиной раздается негромкий смех, и она ахает, быстро разворачивается и обнаруживает, что к ней приближается Робин Дюрран. На нем те же мятые, жеванные брюки, в которых он ходил весь день, рубашка расстегнута. Грудь у него плоская и гладкая, кожа плотно обтягивает решетку ребер, между которыми залегли тени. Темные волосы на груди растут ромбом, спускаясь на живот. У Эстер перехватывает дыхание, и она спешно

отворачивается. Столько обнаженного мужского тела, если не считать Альберта, она никогда не видела. Робин шире и смуглее, он выглядит гораздо крепче ее мужа. В нем как-то больше чувствуется животное начало, неуязвимость.

— Вас напугала гроза? — спрашивает он мягко. Его дружелюбного, ласкового голоса она уже боится.

— Нет, — шепотом отвечает Эстер, качая головой.

Она отступает на шаг назад, но ноги упираются в широкий подоконник, и она вынужденно опирается на него, чтобы не упасть. Ей некуда отступать. Робин неспешно надвигается на нее, останавливается слишком близко. Кажется, будто он возвышается над ней башней, хотя он и не намного выше ростом. Эстер смотрит на свои ноги, смотрит мимо него через комнату на открытую дверь, представляет, как выходит наружу. Его запах заполняет обоняние. Тоже животный, несколько несвежий из-за жары, однако одновременно притягательный. Она противится желанию вдохнуть поглубже.

— Неужели я вас пугаю? — спрашивает он, но Эстер ничего не отвечает. — Что-то, должно быть, пугает вас, Этти. Вы дрожите как лист.

— Прошу вас... — выдавливает она, запинаясь. — Прошу вас, оставьте меня в покое.

— Ну, успокойтесь, не надо так. Я полагаю, вы высматриваете Альберта? — Он секунду глядит на проливной дождь за окном, затем беззаботно хмыкает. — Жаль, я не знаю, где он. Я понимаю, Этти, вы вините меня за его рвение, но клянусь, я здесь ни при чем. Во всяком случае, я не думал, что так получится. Он иногда очень странно воспринимает то, что я пытаюсь до него донести.

— Вы довели его почти до безумия! — От негодования голос Эстер звучит глухо.

— Я тут ни при чем! Зачем бы мне это? Он выказал себя самым восприимчивым учеником, полезным помощником... сначала. Но не волнуйтесь. Мне кажется, ему просто необходимо выспаться. Когда я уеду, он снова успокоится, я уверен.

— Вы уедете? — ахает Эстер, и в ней зарождается надежда.

Робин улыбается. Он тянется к Эстер и берет ее за руку, совершенно безжизненную, прижимает к своей обнаженной груди.

Эстер в ужасе замирает. Мир настолько изменился, что все лишилось смысла, она не в силах действовать, она всего лишь пассажир в крохотной лодке, которую затягивает в водоворот. Кожа у него сухая и горячая. Эстер ощущает под пальцами колючие волоски.

— Скоро, уже скоро. Неужели вы с таким нетерпением ждете моего отъезда?

— Да! Еще с каким! — отвечает Эстер и начинает плакать от беспомощности, не стараясь этого скрыть. Она не отворачивается, не пытается утереть слезы.

Робин Дюрран окидывает взглядом ее горестное лицо и разражается радостным смехом:

— Эстер, милая моя, что вас так тревожит? Перестаньте, вам не идет. Почему же вы так хотите, чтобы я уехал? Неужели я оказался таким ужасным гостем? — Одной рукой он поднимает ее подбородок и проводит большим пальцем вдоль скул.

— Потому что... потому что... Берти так вас любит! Гораздо больше, чем меня... чем любил меня когда-нибудь! Когда вы здесь, меня может... может вообще не быть!

— Нет-нет! Вы заблуждаетесь, Этти. Он любит вас. Проблема у Альберта в другом. Он чувствует ко мне не любовь, а нечто иное. Нечто такое, чего сам, как мне кажется, не сознает. Или же не хочет признаться себе в этом.

Постепенно Эстер перестает плакать. Она замечает, что ее рука, хотя Робин выпустил ее, до сих пор лежит у него на груди.

— Тогда что же? Что он чувствует? — спрашивает она.

Робин придвигается еще ближе, и, когда он говорит, его губы касаются ее лба, отчего по спине бегут мурашки.

— Какая же вы невинная! И вы, и викарий. Трудно поверить, что подобная невинность может так долго сохраняться в браке. Обычно к этому времени невинность уходит, сменяясь удовлетворением, знанием и опытностью, а позже фамильярностью и отвращением. Нет, я не утверждаю, будто сам познал жизнь в браке, но я достаточно часто наблюдал это на примере друзей и родных. — Он слегка обнимает ее, но Эстер кажется, что она в клетке. Его запах в каждом ее вдохе, его тело так близко, что кожа у нее пламенеет, как будто они тесно прижаты друг к другу. — Неужели вы никогда не переживали с ним ничего подобного? Даже в первую брачную ночь? Неужели он никогда

не касался вас, не целовал? — шепчет Робин. Эстер не в силах совладать с голосом, чтобы ответить ему. Она молча трясет головой, хотя никто из них не может сказать, отвечает ли она этим на его вопрос или же на его объятие. — Какое пренебрежение своими обязанностями! И какое расточительство. Он отказывает вам в самом большом наслаждении в жизни, Эстер, притом что вы храните себя для него. — Робин качает головой, а затем прижимается губами к ее лбу. Эстер стоит как громом пораженная, пригвожденная к месту пугающим волнением и непозволительностью его прикосновения, не в силах двигаться и думать. Она закрывает глаза, Робин целует ее веки. — Хотите, я покажу вам, что он должен делать, Эстер? Вы такая хорошенькая с распущенными волосами и мокрыми от слез щеками. Если бы вы были моей женой, я не терял бы даром ни минуты, проведенной с вами...

«Я не ваша жена!» — беззвучно шепчет Эстер, но по-прежнему не двигается с места, потому что, несмотря на страх и смятение, несмотря на нежелание предавать Альберта, она действительно хочет узнать то, что Робин готов ей показать. Она отчаянно хочет это узнать. Темнота в комнате защищает ее. Она делает ее невидимой, заставляет исчезнуть.

Когда он целует ее в губы, она льнет к нему, ноги у нее дрожат и подкашиваются. Она не может дышать. Силы покидают ее, и, хотя она выставляет перед собой руки, как будто отталкивая его, губы, против ее воли, сами целуют его в ответ. Он отстраняется, чуть улыбаясь. Если бы то была его обычная улыбка, она, наверное, повела бы себя иначе. Если бы то была улыбка торжества и удовлетворения или же насмешливая ухмылка, она, наверное, нашла бы в себе силы, чтобы бежать от него. Но он улыбается мягко и нежно, в его улыбке восхищение и желание, которые она так давно мечтала увидеть на лице другого мужчины. Молния снова озаряет его лицо, заливая его врезанным светом, таким ярким, что Эстер отшатывается. Он красивый, это правда. Она больше не открывает глаз, но позволяет ему прикасаться и целовать ее, подчиняясь его воле. С каждым новым прикосновением его рук и губ она чувствует, как нарастает ее желание, словно тянущая боль, которая идет из самой глубины ее существа. Робин расстегивает на Эстер халат и прижимает ее к подоконнику. От физической боли, которая возникает, когда он овладевает источником ее муки, она содрогается и стискивает зубы. Тысячи огненных искр

кружат перед глазами, разбивая вдребезги ее мысли и воспламеняя каждую частицу ее тела. На короткий миг она перестает быть собой. Ее больше не существует.

Когда она открывает глаза, Робин Дюрран подтягивает и застегивает брюки, тяжело дыша. Теперь у него на груди и на лбу блестит пот. Эстер снова стоит на ногах, все еще у окна, сердцебиение медленно успокаивается, и от ледяного ужаса ее начинает мутить с каждой минутой все сильнее. Между ногами она ощущает резкую, жгучую боль, что-то стекает у нее по ноге. Она касается ноги пальцами, видит кровь, смешанную с чем-то еще, с какой-то странной субстанцией. Робин смотрит на нее, резким движением заправляя рубашку.

— Идите в постель, Эстер. Альберту придется сегодня самому о себе позаботиться, — произносит он нетерпеливо.

Эстер чувствует комок в горле. Медленно, потому что конечности отказываются слушаться ее, она запахивает халат, нашаривает пояс. Все это время она пристально глядит на него широко раскрытыми глазами, мысли пускаются вскачь. Робин замечает это выражение — недоумения, потрясения. Он насмешливо закатывает глаза, затем подходит, снова касается ее лица:

— Все хорошо, Эстер. Никто никогда не узнает. Это вполне естественно, и это не преступление! Ступайте к себе и ложитесь спать. Я не скажу ни единой живой душе, клянусь. — Он произносит эти слова со скукой, словно втолковывая ребенку.

Эстер понимает, что для него она только слабое существо, дурочка, которую можно использовать в собственных целях. Эстер отворачивается от него. Теперь она способна сдвинуться с места, хотя и медленно, неловко, на онемевших ногах. Она осознает, что не может возложить всю вину на него. Эстер выходит из комнаты, и глаза у нее неподвижные и пустые, как у сомнамбулы. Она размеренно, тихо поднимается по лестнице, и тяжесть вины с каждым шагом давит на нее все сильнее.

Глава двенадцатая

Теперь, когда решение принято, когда они обо всем договорились с Джорджем, Кэт сгорает от нетерпения. Ей отчаянно хочется бежать, сесть с ним в поезд и уехать на побережье. И не на полдня — то свободное время, какое положено ей раз в неделю, и не на единственный бесценный день, который она может взять раз в два месяца. Но на два, на три, на четыре дня — сколько им захочется. Провести это время у серебристо-серого моря, распростершегося до горизонта, ощущая на коже привкус соли. Она подумывает над тем, что стоило бы как-то предупредить Эстер. Однако затем Кэт вспоминает, как Эстер нарушила обещание — не дала ей сходить к Джорджу, — вспоминает вышитый девиз, который висит на стене в комнате: «Достоинство слуги — в смирении». «Значит, во мне его нет», — думает она с мрачным удовлетворением. Слова всплывают в памяти, отчего на ее лице отражается отвращение и сердце ожесточается против жены викария. Пусть однажды утром она обнаружит, что на столе нет завтрака, пусть хоть раз в жизни ударит пальцем о палец. Однако Кэт, когда по вечерам она подает обед, трудно сердиться на эту женщину. Под глазами на осунувшемся лице Эстер темные круги, веки покраснели. Она выглядит несчастной и совершенно беспомощной. Кэт с трудом подавляет в себе тревогу, нежданное желание расспросить, узнать, в чем причина ее горя.

В конце концов она говорит себе, что все равно ничем не смогла бы помочь Эстер, даже если бы знала, что ее тревожит. Она служанка, недочеловек. Не личность и не друг. Ночь снова душная, теплая, насыщенная ароматами, ветерок такой нежный — он, словно пальцы любовника, прикасается к ее рукам, пока она стоит, курит и дожидается появления Робина Дюррана. Ждать долго не приходится. Все, что ей теперь требуется, когда она хочет с ним поговорить, — перехватить его взгляд во время обеда. Пока он идет к ней, она сбрасывает туфли, чувствуя под ногами нагретые кирпичи двора, а между ними пружинистые комки мха, словно обрывки ковра. Все кажется более реальным теперь, когда она скоро будет свободна. Все кажется более живым и ярким.

— Ну что? Как дела у моей дорогой модели и музыки? — спрашивает Робин, закуривая сигарету: он стоит как школьник, сунув руку в карман, отчего задирается пола пиджака.

— Робин, я ухожу. Если вам нужны еще фотографии, поторопитесь. Лучше завтра или послезавтра.

— Что значит — завтра или послезавтра? Теософское общество еще не решило, что делать дальше, кого прислать... нельзя так быстро! Нам надо немного выждать... — Он хмурится.

— Нет, я ждать не стану. Я серьезно, господин теософ. У меня свои планы, и ради вас я не стану их менять, как бы сильно мне ни хотелось получить еще один гонорар. Завтра или послезавтра, — настаивает она.

— И все-таки, что значит «ухожу»? Куда уходите? Как это вы можете куда-то уйти, когда вы целыми днями у всех на виду, а по ночам вас запирают? — спрашивает он раздраженно.

— Найдется способ, — отвечает она и улыбается. В кармане у Кэт лежит отмычка, и ее тяжесть добавляет ей уверенности.

— Вы не можете уйти, пока я не буду готов! По-моему, мы заключили соглашение... По-моему, я вам велел...

— Мне надоело, что каждый что-то велит! Каким образом вы можете меня задержать? Начнете преследовать? Мой Джордж может одолеть любого в радиусе пяти миль. Только попробуйте меня остановить, и я всем расскажу о ваших фотографиях. Всем, кто захочет слушать, а я уверена, что такие найдутся. — Она придвигается к нему, медленно затягивается сигаретой, сверля его глазами. — Мне осточертело выслушивать приказания. От вас, от всех остальных. В общем, я вас предупредила. За оговоренную сумму я позволю вам сфотографировать меня завтра или послезавтра и впредь буду держать рот на замке. Это мое последнее предложение. Вы мне надоели. — Произнося эти слова, Кэт чувствует в себе твердую, почти осязаемую решимость. Она не позволит встать у нее на пути.

Робин тоже с минуту сверлит ее взглядом, но затем расплывается в широкой улыбке. Он негромко смеется, разворачивается на каблуках, задрав голову и взывая к небесам.

— Видит бог, я буду скучать без вас, Кэт! — говорит он. Кэт моргает, сбита с толку. — Вы воистину глоток свежего воздуха. Какая жалость, что мы познакомились при столь странных обстоятельствах и

что вы служанка. Мне кажется, мы могли бы стать друзьями, — говорит он, все еще улыбаясь ей.

Кэт на мгновение задумывается.

— Сомневаюсь, — произносит она наконец. — Вы лжец и лицемер.

— Что ж, ладно, Черная Кошка. Вы действительно упрямы, как кошка, и вами так же трудно управлять. В таком случае — послезавтра. На рассвете, в том же месте. Мы снова увидим элементалю, и мне придется прибегнуть к магии, когда они пришлют своего свидетеля, если они будут настаивать на использовании их пластин для камеры. Подменить пластины в темной комнате и — *voilà!* — вдруг восклицает он, широко раскидывая руки, словно фокусник. — Я их переиграю, вот увидите.

Кэт снова надевает туфли и давит окурок носком.

— Я не увижу. А вы как хотите. — Она умолкает. — Что случилось с миссис Кэннинг? Чем она расстроена? — спрашивает она невольно.

Улыбка Робина меркнет, на его лице на миг появляется выражение, которого она не понимает. Злость? Или вина?

— О, за Этти не беспокойтесь. С ней все в порядке. Небольшие проблемы с мужем, как я полагаю, — отвечает он высокомерно.

Кэт хочет добиться ответа, но передумывает.

— Не забудьте принести деньги, — говорит она и уходит.

Позже, когда Софи Белл благополучно удаляется, Кэт отпирает замок. Она приоткрывает дверь на несколько дюймов и ждет, пока сердце не утихнет, а дыхание не выровняется. Продолжая ощущать дурноту, с ноющей головой, она садится на край кровати, кладет бумагу на тумбочку и пишет два письма.

Дорогая Тэсс!

Как я и обещала, я придумала план. Скоро я уеду с моим возлюбленным, которого зовут Джордж Хобсон. Если ты порасспрашиваешь местных, кто-нибудь подскажет тебе, где нас искать. Я говорю об этом, потому что собираюсь перед отъездом написать хозяйке и попросить ее взять тебя на мое место. Мне кажется, она согласится выполнить мою просьбу. Я немного рассказывала ей о тебе, о том, как мы попали в тюрьму, и знаю, что она

поступит правильно. В общем, вскоре жди от нее вестей, потому что если не завтра утром, то послезавтра я уеду с Джорджем. Не могу передать тебе свою радость и нетерпение, Тэсс! Отныне я буду жить сама по себе и никто не будет мною управлять. Я чувствую себя на пороге новой жизни, в которой я наконец-то буду счастлива. Я так взволнована, что с трудом сдерживаюсь во время работы! Надеюсь, тебе здесь понравится больше, чем мне. Ты всегда была лучше меня. Жена викария старается быть доброй, она хорошая. Но если ты не сможешь прижиться здесь, есть и другой выход, Тэсс! Я на днях познакомилась с одной женщиной в мясной лавке, она пятнадцать лет проработала в Каули-парке, это большой дом неподалеку от нас. Теперь же она работает телефонисткой. У нее есть профессия! Она больше не прислуга. Все меняется, Тэсс, и я верю, что меняется к лучшему. Что бы ты ни выбрала, здесь тебе будет лучше, чем во Фрошэм-хаусе. Обещаю, что буду поддерживать с тобой связь. Мы увидимся. Не падай духом, береги себя, чтобы тебе хватило сил приехать и занять мое место.

С любовью,

твоя подруга Кэт

Миссис Кэннинг!

Если Вы читаете это письмо, значит Вы искали меня и поняли, что я ушла. Прошу прощения, что не сообщила заранее, однако иногда человек должен следовать велению своего сердца, отстаивая то, во что верит. Я больше не могу быть прислугой, и, с Вашего позволения, я покидаю этот дом свободным человеком. Умоляю Вас лишь об одном: возьмите на мое место Терезу Кемп. Я рассказывала Вам о ней, она в работном доме. Он называется Фрошэм-хаус, в Лондоне, на Сидалл-роуд. Тэсс хорошая, милая девушка, не то что я. В своем нынешнем плачевном положении она оказалась не по своей вине, она ни в чем не виновата. Она будет отличной горничной, она умеет работать. Попросите миссис Белл, чтобы была с ней помягче. Я знаю, что у Софи золотое сердце, несмотря на острый язык, и для Тэсс, когда она приедет, это будет очень важно. Она совсем ребенок.

Вот еще что я должна Вам сказать. Возможно, Вас удивляет мое нежелание соблюдать приличия, примириться с жизнью прислуги. Я возлагаю вину за это на себя, на свой характер, однако вина также лежит и на моем отце. Он дал мне образование, слишком хорошее для моего положения, рассказал, как велик и загадочен мир, но не позволил его увидеть. С его стороны это было очень несправедливо. Из-за этого я постоянно задавалась вопросом о своем месте в жизни, и когда мне говорили, что во всем виновата моя кровь — мое происхождение, — то я вспоминала об отце. Мой отец — Ваш дядя, тот самый *Джентльмен*, который рекомендовал меня Вам. Моя мать в молодости работала у него в доме на Бротон-стрит, они — по его настоянию — стали любовниками, и она родила меня. Ее, разумеется, прогнали, но отец следил за ее судьбой и обеспечивал средствами к существованию, а когда она умерла, взял меня к себе. Обо всем этом мать рассказала мне на смертном одре, а она никогда в жизни не лгала. Возможно, этим летом Вы кое-что узнали о природе и нравах мужчин, и Вам будет не так уж трудно поверить в мою историю. Мы кузины, миссис Кэннинг, и хотя моя мать считала, что я должна знать о своем происхождении, это знание не принесло мне ничего, кроме разочарования. Я ни то ни сё, ни леди, ни служанка, и с того дня, как узнала об этом, я не хотела быть ни тем ни другим. Я намеревалась отыскать собственный путь.

Робин Дюрран коварный человек, ему нельзя доверять. По-моему, Вы уже и сами знаете об этом, но я все равно скажу: если у Вас появится возможность прогнать его из дома, воспользуйтесь ею незамедлительно. Возможно, я не имею права давать советы, но, поскольку мы уже не встретимся, я все же скажу. Я кое-что знаю о Ваших трудностях с викарием. Слуги узнают о таких вещах, вольно или невольно. В Лондоне был один джентльмен, друг моего отца, который время от времени навещал нас. В качестве спутников он всегда приводил с собой молодых и красивых мужчин, которых держал при себе и баловал, как домашних животных. Он считал, что женщины во всех отношениях стоят ниже мужчин, и избегал их общества, в том числе и в постели. Если Вам вдруг кажется, что Ваш муж может испытывать подобные чувства, то Вы никогда не будете счастливы, пока не бросите его или не смиритесь с его особенностью и не найдете себе друга на стороне.

Прощайте и, пожалуйста, не забудьте, что` я Вам написала о Терезе Кемп. Вам предоставляется возможность совершить великое благодеяние. Я написала ей письмо, которое отправлю сама, она будет ждать от Вас вестей. Это весьма самонадеянно с моей стороны, я понимаю, но верю в Ваше милосердие.

Желаю всего наилучшего, надеюсь, что и Вы хотите пожелать мне того же.

Ваша кузина,

Кэтрин Морли

Кэт дописывает письма, рука у нее затекла — она больше привычна к стирке, чем к письму. Девушка заклеивает конверты, надписывает на каждом адрес и кладет письмо, предназначенное для Эстер Кэннинг, на ночной столик так, чтобы его было видно. Письмо для Тэсс она опускает в сумку, где уже лежат ее немногочисленные пожитки и деньги. Луна за окном полная, пятнистая и светлая, как свежее молоко. Ее свет очерчивает серебряные контуры деревьев с графитно-серыми тенями, и Кэт засыпает в тишине и спокойствии.

Из дневника преподобного Альберта Кэннинга

Вторник, 8 августа 1911 года

Время пришло. Он велел мне оставаться в стороне, он чувствует, что время пришло, но я тоже это чувствую. Он ходит со своим фотоаппаратом, потому я знаю, знаю. Он снова призовет их, он собирается сделать новые фотографии. Я пойду, и я буду там, и я докажу, что я достоин, ибо не буду сообщать о своем присутствии; я дам ему возможность исполнить его великую работу без помех, а когда фотографии будут сделаны, я открою, что все время был рядом с ним, и это покажет, что я готов, я чист, и элементали могут заглянуть в мою душу и понять, что я тот, кем и должен быть. Ночь была долгой, но я вытерпел. Все мои ночи, проведенные в лугах, не прошли даром. Без солнечной энергии эфирные существа прячутся — так маргаритки закрывают свои лепестки, закрывают глаза с наступлением темноты,

чтобы поспать. Но я провел долгие часы в одиночестве, скрытый темнотой; я познал свою душу и свое сердце, я заглянул внутрь себя, я вырвал с корнем всякую похоть и физические желания, все ненужные чувства, которыми дьявол терзает меня в последнее время, и я очистил себя от всякой скверны — не осталось ничего, кроме света и чистой энергии моей астральной и эфирной сущности. Я готов и знаю это. Я это знаю! Никогда одной только молитвой я не добивался таких живых снов и ощущений. Какими мертвыми и холодными кажутся теперь камни моей церкви, когда вокруг меня — церковь истинная, и я вижу ее. Ничего подобного до сегодняшнего дня! Церковь живого света и живого дыхания, живого духа всего, что есть свято и хорошо, раскинулась вокруг нас в зелено-золотистом великолепии, и я наконец-то пришел и увидел и принадлежу теперь ей. Те же, кто нечист духом, те, чей разум не в состоянии познать эти величайшие истины, останутся там, где они есть, в самом низу, позади, под той лестницей, по которой мы поднимаемся к свету. Им предстоит множество жизней, множество оборотов колеса, чтобы искупить все грехи и злодеяния, которые делают невозможным в этой жизни их развитие. Даже моя жена должна искупить грехи. Как и у всех женщин, душа ее преисполнена желаний и похоти. Время настало — сегодня на заре. Я готов, и я пойду, я увижу, и все свершится. Заря занимается, небо ясное, священный свет пробуждающегося солнца уже близко. Скоро начнется танец, и я тоже буду танцевать, я покину эту оболочку и обрету истинную форму. Я готов.

1911 год

Кэт просыпается затемно. «Это последний раз», — говорит она себе и улыбается. Последний раз, когда она просыпается в кровати прислуги, последний раз, когда она находится в доме, где должна только работать, где с ней обращаются как с низшим существом, где она лишена свободы. Мгновение она мешкает, отмечая про себя, как впивается в спину бугристый матрас, как болят все мышцы от груди до бедер, потому что накануне она оттирала каменные плитки пола в нижнем этаже. Она замечает, что от ее рук исходит кислый запах, потому что она месила тесто для хлеба, когда Софи Белл сделалось дурно из-за жары. Вспоминает, что на сегодня у нее стирка — груда нижнего белья Кэннингов. Подумав обо всем этом и посмеявшись, она поднимается, умывает лицо и руки. Вода будит ее окончательно, заставляя дрожать от холода. Она льется в эмалированный таз, наполняя комнату негромким плеском. Кажется, весь мир затаил дыхание.

Проходя мимо комнаты Софи Белл, Кэт задерживается на мгновение. Она не сказала экономке, что уходит, и, несмотря на волнение, ощущает укор совести. Тяжкое и громкое дыхание Софи отчетливо слышно сквозь дверь, и Кэт на мгновение берется за ручку. Слишком поздно. Мысленно попрощавшись, она решает написать экономке, когда они с Джорджем снимут где-нибудь жилье. В Хангерфорде или в Бедвине. Маленькие городки и деревни тянутся на запад вдоль канала, словно бусины, нанизанные на нитку. Кэт с Джорджем поездят по ним, осмотрятся и выберут себе место для житья. Кэт подкрадывается к задней двери как можно тише, так как знает, что викарий больше не ночует в спальне. Каждое утро его подушка не смята, простыня с его стороны гладкая. Дверь библиотеки закрыта, и, хотя оттуда не пробивается свет, там как будто кто-то затаился и ждет, тишина за дверью настороженная, наблюдающая. Кэт останавливается, внимательно прислушивается, стараясь уловить движение. Потом идет дальше, сердце колотится. Верхняя ступенька лестницы скрипит, и Кэт замирает. Ей кажется, что она слышит шаги за этой непроницаемой дверью. Скрип стула, с которого кто-то

поднимается. Но она не собирается возвращаться и спешит дальше, ступая как можно более бесшумно. Спускается по лестнице, пересекает кухню, выходит через заднюю дверь. В тишине кажется, что щеколда оглушительно грохочет.

Мир за дверью еще лишен красок, плоский и нереальный в странном предрассветном сумраке, который не тьма и не свет, не день и не ночь. Момент равновесия, когда того, что было, уже нет, а то, чему суждено быть, еще не началось. Кэт перешагивает через это межвременье, чувствуя, как кровь бежит по жилам, прохладная и живая. Воздух сырой, его прикосновения оставляют на щеках и волосах влагу. Она останавливается у садовых ворот и оглядывается на дом викария с его высокими стенами и закрытыми ставнями. Как же он похож на тюрьму — и она уверяет себя, что ноги ее в нем больше не будет. Кэт вздыхает, с надеждой думая, что если для нее здесь была тюрьма, то для Тэсс этот дом станет убежищем. Спасительной гаванью, местом исцеления. Она надеется, что, приведя сюда Тэсс, она хоть немного искупит вину за те несчастья, какие обрушились на ее подругу.

Насильственное кормление оказало на некоторых из заключенных суфражисток специфическое воздействие. Лица у них были в синяках и ссадинах, часто шла кровь носом, случались нервные припадки, с которыми они не могли совладать, у многих началась грудная инфекция, приступы кашля, от которых они задыхались. Однако при всем при том силы у некоторых из них начали восстанавливаться. Пища, залитая в них насильно, питала тела, и головокружения, апатия на время отступили. После трех дней этого кошмара Тэсс, Кэт и еще несколько женщин, пошатываясь, вышли из своих камер, их сил хватило, чтобы стоять и с отчаянием смотреть на небо. Поддерживая друг друга, словно пара дряхлых вдов, две служанки с Бротон-стрит медленно вышли во двор. Кэт был невыносим вид ссадин и корост на лице у Тэсс, ее меловая бледность и то, как ее знобило, хотя день был теплый.

— Тэсс... мне так стыдно, что я втянула тебя во все это, — прошептала Кэт, когда они остановились в солнечном углу двора.

Тэсс силилась улыбнуться, но не смогла. Стена у них за спиной была влажной от утренней росы, темные подтеки впитались в

холодные камни.

— Это не твоя вина, Кэт. Это все полицейские...

— Нет, тебя бы вообще там не было, если бы я тебя не уговорила! Ты благополучно сидела бы дома...

— Я бы предпочла пойти с тобой, чем сидеть дома, даже если бы знала, что окажусь здесь, честное слово, Кэт. Ты самая лучшая подруга, какая у меня была в жизни... — сказала Тэсс, и ее слова прервал сиплый, захлебывающийся кашель.

— Нет, никакая я не лучшая! — Кэт замотала головой, ее глаза наполнились злыми слезами. — Откажись от голодовки, Тэсс. Прошу тебя. Тебе нельзя продолжать... Я буду бастовать за нас обеих! Начни есть, и уже скоро ты выйдешь отсюда. Джентльмен примет тебя обратно, я уверена...

— Может быть, и примет, если ты попросишь за меня, — проговорила Тэсс, и в ее глазах засветилась надежда.

— Конечно я попрошу за тебя! Я заставлю его оставить тебя, обещаю.

— Только... я не откажусь от голодовки. Я не стану той, кто поддастся им, Кэт! И если я знаю, что ты поступаешь так же, я справлюсь, честно, я смогу.

— Но мне невыносимо даже думать об этом, Тэсси! Невыносимо думать о том, что ты страдаешь, когда виновата во всем я! — Голос Кэт от душевной муки стал похож на хрип.

— Только не плачь, Кэт, вот этого не вынесу я! Да и все равно, я лучше умру с голоду, чем буду есть те помои, которые нам дают. Господи, я бы сейчас убила за пирог Эллен! С говядиной и элем, с картошкой и подливкой... — Тэсс закрыла глаза, мечтая о пиршестве.

Рот Кэт наполнился слюной.

— Когда выберемся отсюда, у нас будет такой пирог. Большой, только для нас двух, и от него будет идти горячий пар, — пообещала она.

— И к нему еще ломтик сыра с голубой плесенью, а потом миндальное пирожное. Вот за такую еду можно было бы прекратить голодовку, а не за тот жуткий суп, который нам дают. По-моему, это просто грязная вода, в которой Ворона моет ноги! — сказала Тэсс с легкой гримаской, от которой у нее лопнула трещина в углу рта. Она

поморщилась, когда Кэт осторожно промокнула кровь манжетой блузки.

— Ворона? Моет ноги? Не говори глупостей. Я слышала, что она не мыла их уже лет десять. Говорят, у нее на ногах вовсе не чулки, это просто кожа посерела от грязи! — сказала она.

— Фу, какая гадость! — шепнула Тэсс, чуть улыбнувшись.

— Более того, из-за своих ног она оказалась здесь и будет всю жизнь работать в этом сыром, вонючем месте. Она ведь должна была выйти замуж, — продолжала Кэт, импровизируя на ходу.

— Ворона должна была выйти замуж? Ни за что не поверю!

— Да-да, много лет назад, когда, как говорят, она была еще ничего, хоть и не красавица. Однако вечером перед свадьбой жених навестил ее, и от его страстного объятия она потеряла голову, сбросила туфли... и от запаха ее ног бедный парень умер на месте! — Кэт широко раскинула руки и театрально завалилась на булыжники.

Тэсс негромко рассмеялась, украдкой захлопав в ладоши. А потом она замерла, лицо ее вытянулось.

Кэт подняла голову и увидела, что черноволосая надзирательница стоит над ней, скрестив руки на груди, и ее глаза холодно поблескивают в утреннем свете. Кэт попыталась подняться на ноги, но у нее закружилась голова, ее вдруг замутило, и она осталась на сырой земле.

— Услышала что-то смешное, да? — обратилась Ворона к Тэсс, голос ее звучал обманчиво непринужденно, почти дружелюбно. Тэсс молча кивнула. Ее снова охватил озноб. — Кажется, ты смеялась? Твоя подружка снова сочинила забавную песенку или стишок? — (И Тэсс снова кивнула.) — Ну же, не стесняйся. Пусть все услышат, — приказала надзирательница.

Тэсс стояла молчаливая и окаменевшая, лицо ее осунулось и приобрело мертвенную бледность. Кэт силилась встать на ноги.

— Оставьте ее, — сказала она надзирательнице. — Она не сделала ничего запрещенного.

— Это уж мне судить. Ну же, я хочу услышать, что она говорила. Если ты не скажешь, я решу, что у тебя есть какая-то особая причина скрывать это от меня, — заявила Ворона, и от ее слов повеяло угрозой.

Тэсс с отчаянием посмотрела на Кэт, та подыскивала слова, которые смогли бы успокоить эту мегеру.

— Я сказала, что... сказала... — запинаясь Кэт.

Рот надзирательницы перекосило в злобной ухмылке, от которой Тэсс пятилась, пока не уперлась в стену. Ворона нависла над юной девушкой, которая уже начала всхлипывать.

— Я сказала, что ты злобная старая карга, от которой воняет гнилью! Вот, ты слышала, можешь теперь меня наказать! — прокричала Кэт.

— И накажу, — пообещала надзирательница, хватая Тэсс за запястье сильными костлявыми руками. — Но сейчас меня больше раздражает не то, что ты сказала, а то, что эта паршивка смеялась. — Она выкручивала Тэсс руку, волоча ее обратно к камерам, а Тэсс вскрикивала от неприкрытого ужаса.

— Нет! Оставь ее! — закричала Кэт, кидаясь за ними следом.

Ворона развернулась и толкнула ее свободной ладонью так, что Кэт упала. С минуту Кэт не могла подняться. Она кашляла, пытаясь прийти в себя, а когда наконец встала на ноги, Тэсс уже не было.

Кэт понеслась вверх по лестнице и обратно в коридор, где находились их камеры, от изнеможения она спотыкалась, перед глазами вспыхивали искры.

— Что случилось? — спросила какая-то женщина с серыми губами на посеревшем лице. — У Вороны была дубинка!

Дверь камеры Тэсс была заперта, и, хотя она знала, что это бессмысленно, Кэт все равно колотила в нее, крича, чтобы ее пустили, пока не пришли две другие надзирательницы и не уволокли ее в камеру, заперев за ней дверь. По дороге они переглядывались, неодобрительно пожимая плечами и слушая крики, которые доносились из камеры Тэсс, однако ничего не сделали. Поджали губы и ушли прочь. Оцепеневшая от ужаса, оглушенная чувством вины, Кэт сидела, привалившись спиной к стене, слушая звуки ударов, крики и рыдания. Ей казалось, она сейчас сгорит на месте от стыда и гнева. Однако с ней ничего не случилось. Тени сомкнулись вокруг нее, заполняя камеру, грозя задушить, и она поняла, что это останется с нею навсегда: ощущение того, что она убила невинное создание, ощущение бессилия, ощущение необратимости нанесенного вреда.

Когда камеру Тэсс открыли в следующий раз, та не вышла. Она сидела, съежившись, в дальнем углу, одежда на ней была разорвана, кровь запеклась на свежих ранах, а кожу покрывали новые синяки. И

кроме того, Тэсс лишилась чего-то существенного. Крохотной искры, которая вспыхивала в ее смехе и которая придавала живость взгляду. Кэт долго простояла на пороге, глядя на то, что она натворила, заставляя себя страдать. Она сказала себе, что, сколько бы она ни страдала, этого всегда будет недостаточно.

Но может быть, думает Кэт, поворачиваясь спиной к дому викария, может быть, теперь уже хватит. Она переживала все это в ночных кошмарах, несла на своих плечах сокрушительную тяжесть вины. Она почти не спала, почти не ела. Она очистила тело и душу. Через несколько недель, через несколько месяцев она снова увидится с Тэсс. Она узнает, любит ли ее Тэсс до сих пор, подруги ли они, несмотря на нарушенные обещания, на лавину несчастий, которую она обрушила на их головы. Где-то в глубине души Кэт чувствует, что прощение близко. Она видит человека, ждущего ее впереди. Робин кивает, натянуто улыбается ей, когда она подходит к лесенке через изгородь.

— Доброе утро. Дух ивы готов танцевать? — произносит он.

— Вы принесли деньги? — спрашивает она вежливо. Она не позволит ему увидеть ее радость, ее волнение, она оставит их для себя.

Робин делает унылое лицо, выуживает из кармана несколько сложенных банкнот и горстку монет. Кэт быстро убирает их подальше, в свою сумку.

— Вот, получите. Но за такую плату вы должны хорошо танцевать. Ваш наряд у меня. — Он похлопывает по своей кожаной сумке на ремне, не в силах скрыть волнения, — нервы у него натянуты.

— Это последний раз. Давайте покончим с этим делом, — говорит Кэт.

Они пересекают луг и подходят к тому месту, где стоит ива.

И пока Кэт надевает развевающееся белое платье и парик с длинными платиновыми локонами, ей кажется, что за ней наблюдают. И это не теософ и не новый день в разгорающемся свете зари. Она распрямляется, кожу на затылке покалывает. Кэт бросает взгляд на горизонт, медленно озирается вокруг. Никого не видно. Однако трава высокая, в некоторых местах она достигает до пояса. Кэт смотрит по сторонам, но ничего не видит. Ничего подозрительного, высокая трава

нигде не смята, кроме дорожки их с Робинот следов, и роса дрожит в цветочных венчиках. Никакого движения, ничего, что выдало бы затаившегося соглядатая. Однако она что-то чувствует, напрягает зрение и слух, как кролик, учуявший в воздухе запах лисы. Сипуха призраком пролетает над лугом, направляясь к лесу на севере на беззвучных белых крыльях.

— Что такое? В чем дело? — спрашивает Робин, отрываясь от камеры: он настраивает объектив, оценивает расстояние до места съемки.

Кэт пожимает плечом.

— Ничего, — лжет она и складывает свое платье, убирает в сумку.

— Точно? — спрашивает Робин, и она кивает.

Кэт для начала проходится вдоль речки, рассматривая камни и водоросли на дне, едва заметные из-за отражающегося в воде неба. Ей вовсе не хочется танцевать, не то что в первый раз. Гнев, испепелявший ее до сих пор, прошел; теперь, когда она стала счастливее, ей не на что злиться. Она раскидывает руки, как птица — крылья, поднимает голову к небу, обещающему солнцу, и закрывает глаза. Когда она снова открывает их, то видит его: светлые волосы, розовое лицо, тощие плечи, черная пасторская ряса с тугим высоким воротничком, мягкие черты лица, обрамленного бакенбардами. Он еще далеко, и при виде нее он застыл на месте, скорчился, будто сам хочет спрятаться. Сердце у Кэт подпрыгивает к горлу, под ложечкой ёкает. Их заметили. Интересно, знает ли Робин о том, что викарий здесь, неужели викарий допущен к игре? Нет, конечно, она понимает, что викарий не должен этого видеть. Викарий верит в Робина, защищает его. Важно, чтобы он, как никто другой, оставался в неведении. В горле у нее пересохло от волнения, Кэт уже набрала в легкие воздуха, чтобы сообщить Робину Дюррану о появлении Альберта. Теософ склонился над фотоаппаратом, поглощенный своим занятием, он не подозревает о приближении гостя. Кэт ощущает на себе взгляд Альберта, хотя тот все еще очень далеко, и ей не видно выражения его лица. Но его взгляд осязаем — как прикосновение, как крепкая рука, которая хочет ее удержать, завладеть ею.

В следующий миг ее переполняет беспечность, озорство. Пусть викарий подходит. Ей-то какое дело? Даже интересно посмотреть, что будет; посмотреть, как теософ будет объясняться с Альбертом. Тонкая

улыбка трогает ее губы, и она приступает к танцу, не так самозабвенно, как в первый раз, но уверенно. Длинные прыжки, вытянутые носочки. Она широко раскидывает руки, заводит их за спину, растопырив пальцы. Она неспешно кружится, подставляя лицо солнцу, так чтобы платье закручивалось, раздувалось вокруг ног, повторяя ее движения. И вскоре танец захватывает ее, танец, который она придумала, медленный, завораживающий. Мысли улечиваются, ритм завладевает ею все больше, а небо делается все светлее, и она забывает и о викарии, и о теософе, чувствуя лишь, что жива. Она скоро станет свободна, совсем скоро. Чистые легкие, ясная голова, сильное и решительное сердце.

Викарий поднимается из травы слева от ивы. Он медленно подкрался к ним, пригибаясь к земле, скрытый овсом, наперстянками и дикими ирисами. Вот он уже стоит перед ней, и она замирает, ахнув от неожиданности, руки у нее опускаются. Теософ у нее за спиной, лежит на земле. «А это он сфотографирует?» — спрашивает она мысленно. Она имеет в виду лицо викария. Потому что оно достойно того, чтобы его запечатлеть: бледные голубые глаза раскрыты так широко, что вот-вот вылезут из орбит. Челюсть отвисла так, что видно язык. С нижней губы стекает слюна, уголки рта тоже влажные от слюны, и даже подбородок блестит. Кэт улыбается, не в силах сдержаться. Она думает, не поклониться ли ей, чтобы завершить представление, однако что-то удерживает ее. Она видит, как он узнает ее. И что-то изменяется в подрагивающих мышцах лица. Оно подергивается, глаза становятся пустыми. В них ничего нет. Пустота. Кэт вдруг пугается. Она перестает улыбаться и стоит неподвижно, мышцы словно одеревенели. Всего секунду, или две, или три. Она должна сделать шаг, уйти, бежать к Джорджу, и пусть эти двое выясняют отношения, разбираются в своей лжи, верованиях и планах, если посмеют. От пустого взгляда блестящих глаз викария Кэт вдруг отчаянно хочется помочиться, и воздух как будто вытекает из легких. Однако поздно. Рука викария взметнулась вверх. В руке зажат его бинокль, тяжелый и черный. Кэт видит его высоко над своей головой. Нелепый, неестественный предмет на фоне чистого неба. Затем он падает.

В темноте Кэт слышит голоса, искаженные, лишённые смысла и значения. В голове пылает ослепительная боль, и когда ей кажется, что

она открывает глаза, то все равно ничего не видит. В горле влажно, во рту полно теплой жидкости, и те крохи воздуха, какие удастся захватить, приходится проталкивать через эту жидкость, медленно вскипающую пузырями, на что уходят все силы. Кэт снова пытается открыть глаза, что-нибудь увидеть. Вдруг голову заполняет свет, как взрыв. Боль невыносимая. Кэт снова закрывает глаза, крепко зажмуривается. Земля покачивается под ней, колыхается, как вода, — поднимаясь и опускаясь. «Море?» — думает она, одновременно радостно и смущенно. Она ничего не понимает. Снова звучат голоса, высоко, потом низко, быстро, потом медленно. «Замолчите, — думает она. — Вы слишком громкие». Постепенно голоса сливаются в один, и он звенит от страха:

— О господи, что ты наделал? Что ты наделал?

Она знает этот голос, силится вспомнить, кому он принадлежит.

Красивое, но в то же время жесткое лицо, смеющиеся глаза. Робин. Она хочет спросить у него, что случилось, где она? Почему болит голова, глаза не видят, а рот полон крови, соленой, с привкусом железа?

— Альберт, ты убил ее! Ты... ты ее убил! Альберт!

Слова. Их смысл медленно доходит до нее сквозь завесу боли. Кэт озадачена. «Кого убили? Меня не убили!» — произносит она, однако слова не слетают с ее губ. Кэт не может заставить губы двигаться, не может заставить язык пошевелиться. Их неповиновение приводит ее в гнев. Она пытается перевести дыхание, собраться с силами, чтобы сесть, но тело не слушается, все трудно, больно. Голова у нее из камня, который медленно крошится под собственным весом.

На какое-то время голоса умолкают. На секунду, на минуту, на год. Кэт не может определить. Она плывет, вздымаясь и падая. Солнце попадает ей на лицо, и она думает, это огонь, который она развела в камине, чтобы согреть мать, когда та умерла. Тишина пульсирует в голове, гроыхает, словно пустой-препустой барабан, снова и снова. Это ее сердцебиение, стук крови в ушах.

— Этого... ее... нельзя, чтобы ее нашли, Альберт. Нельзя рассказывать об этом! Все рухнет... Бери вещи, бери платье, Альберт! Слушай меня! Все будет уничтожено... вся наша работа... Альберт!

Голос звучит снова, теперь быстрый и безумный, полный страха, дрожи, дикий от отчаяния. Грубые руки передвигают ее, тащат куда-то. Руки дрожат от страха. Они встряхивают ее, тянут за волосы. Кэт хочет возмутиться, хочет, чтобы ее оставили в покое. Каждое движение пытка, от него голову пронзают копыя боли, хуже чем резиновые трубки в Холлоуэе, которые запихивали в ее распухший и кровоточащий нос на десятый день. Она должна добраться до Джорджа. Он всех их прогонит, защитит ее от этих рук, этих голосов, он поможет ей сесть, откашляться, прочистить горло.

— Альберт, бери это! О господи, боже мой... ее лицо... Альберт, бери, бери вещи! Возвращайся домой, никому ничего не рассказывай, слышишь меня, Альберт? Никому ни слова!

Кэт поднимают. Ей кажется, что она летит, всего миг, а потом ее снова встряхивают, и боль заслоняет все. Время исчезло, оно больше не имеет значения. Теперь голос звучит по-другому. Искаженный страданием, раскаивающийся, придушенный, как она сама.

— О Кэт... Кэт. О господи...

Да, он плачет, понимает Кэт. «Опусти меня!» — произносит она беззвучно. Теперь она встревожена. Она хочет встать на ноги, она хочет открыть глаза. Грохот в ушах сделался медленнее и спокойнее, и это должно бы принести облегчение, однако не приносит. Не приносит. «Джордж, — пытается сказать Кэт, — помоги мне. Прошу». Теософ дышит тяжело и отрывисто, встряхивает ее быстрее и сильнее. Слышится негромкий шорох, мягкое шуршание. «Деревья? Канал?» Робин тяжело дышит, он плачет.

— Прости, Кэт! — повторяет он снова и снова. — Прости меня.

Теперь Кэт испугана, по-настоящему испугана. Огромным усилием воли она открывает левый глаз. Свет дрожит, мысли путаются, как у пьяной. Деревья, канал, мост на краю луга, где пересекаются тропки. Как они оказались здесь? Она видит фигуру вдалеке, такую знакомую, любимую. «Джордж!» — кричит Кэт беззвучно. Он бежит к ней по дорожке быстро и отчаянно. А потом она оказывается в воде, чувствует ее на лице. На секунду вода облегчает боль, смыкается над ней прохладной зеленой темнотой. Она не дышит, кажется, это больше не нужно. Кэт спокойна. Джордж. Он спасет ее, защитит, вытащит, поможет ей бежать. Она ждет и скоро в самом деле

чувствует его руки, их знакомую тяжесть, твердые мышцы на крепких костях. Ее поднимают, и мир снова становится ярким и яростным, кружит вокруг нее. Как бы ей хотелось открыть глаза и посмотреть на него, как бы хотелось улыбнуться. И она улыбается, зная, что он держит ее, что он ее спас. Грохот в ушах сменяется тишиной. Кэт забывает о нем, и больше ничего не остается. Даже темноты.

Эстер усаживается за туалетный столик, пристально глядит в зеркало, пытаюсь с помощью румян и пудры как-то замаскировать следы греха на лице. Она видит его в каждой своей черте, в каждой волоске на голове. Во влажных уголках рта, в изгибе нижней губы и в подбородке, между бровями, где залегла тонкая морщинка. Следы измены проступают повсеместно. Она не понимает, как Альберт, как все вокруг не замечают их. Хотя Альберт, конечно, не замечает ничего. Ничего, кроме эльфов и Робина Дюррана. Глаза у нее распухли, потому что ночью она снова плакала. Эстер уже готова позвать Кэт, чтобы та принесла для нее несколько ломтиков огурца — положить на веки, но не может заставить себя. Не может посмотреть во всепонимающее лицо девушки, в черные глаза, которые видят ее насквозь. Ей трудно отделаться от мысли, что Кэт заметит ее вину, мгновенно поймет, посмеется над ней за то, что она сделала. Эта мысль невыносима. Потому что Кэт все-таки предостерегала ее: не доверять этому человеку, избавиться от него при первой же возможности. А она, вместо этого, позволила ему воспользоваться собой, позволила ему забрать девственность, которую она так долго берегла для Альберта. Так долго. Глаза заволакивают слезы, она не видит, куда накладывает румяна. И какое право теперь она имеет скрывать свое безобразие? Безобразие того, что она совершила, очевидно. Эстер яростно трет глаза и поднимается, чтобы идти вниз.

На нижней ступеньке лестницы Эстер останавливается. Она вдруг понимает, что что-то случилось, что-то изменилось. Как будто непривычный запах заполнил воздух или часы, которые все время тикали, вдруг остановились. Она стоит и слушает, пытаюсь отыскать источник своих ощущений. Миссис Белл в кухне гремит посудой, готовя завтрак, хотя и старается не шуметь. Звучное тиканье часов в коридоре на самом деле вовсе не умолкло, дверь библиотеки закрыта, свет по-прежнему проникает сквозь узорчатое стекло над входной

дверью. Но только не из столовой и не из гостиной. Эти двери открываются в коридор, и за ними темно; вот к этому Эстер не привыкла — она не помнит, чтобы вообще видела их такими. Эстер заглядывает по очереди в обе комнаты, и в животе что-то сжимается, когда она смотрит на окно гостиной. Ставни до сих пор крепко заперты. Она прислушивается, затаив дыхание. В доме, если не считать звуков из кухни, стоит полная тишина. Тише обычного, думает она, хотя не стала бы утверждать наверняка. Кэт ходит мягко, что соответствует ее прозвищу. Эстер подходит к лестнице и спускается в кухню.

— Доброе утро, миссис Белл, — произносит она, когда экономка снимает с плиты исходящий паром чайник и принимается заливать заварку.

— Доброе утро, мадам, — отвечает Софи, отставляя чайник и вытирая руки о фартук. — Как викарий? Он здоров?

— Э... да, здоров. Впрочем, я не видела Альберта сегодня утром. Но почему вы спросили? — Эстер чуть хмурится. Она чувствует, что экономка оценила про себя ее внешний вид: бледное лицо, красные веки. Эстер отворачивается, пристыженная.

— Я подумала, что он, наверное, чем-то порезался: когда я спустилась, то нашла у раковины кухонное полотенце, оно было все в крови. — Софи указывает на заляпанное полотенце в ведре с водой у двери. — Я сразу же положила его отмокать, потом Кэт постирает, однако не обещаю, что все пятна сойдут, мадам. Слишком много крови.

— О! Какой ужас... Надеюсь... — Эстер умолкает. Внутри у нее все трепещет так, что стискивает грудь и становится трудно говорить. Она прижимает ладони к диафрагме, стараясь успокоиться. — Софи... — начинает она, и голос звучит странно и сдавленно. — Ставни наверху до сих пор заперты. Где Кэт?

— Заперты? Но она проснулась. Я отперла дверь и постучала, чтобы она просыпалась. Это было больше часа назад. — Софи хмурится.

— Вы ее видели?

— Нет, но куда она могла подеваться? Когда мы поднялись, я заперла дверь, как и было приказано...

Их прерывает громкий стук в дверь. Обе женщины замолкают, дожидаясь звука шагов горничной, которая идет открывать. Никаких звуков нет. Они переглядываются, после чего Софи Белл принимается развязывать фартук.

— Нет, не надо. Я сама открою, миссис Белл. Пожалуйста, не утруждайтесь, — говорит Эстер.

Она поднимается в коридор, проходит мимо темных парадных комнат, оглушительно неправильных, все еще отгороженных от яркого утра. У двери стоит мужчина в элегантной форме, молодой, светловолосый, усы над его верхней губой скорее напоминают рыжеватый пушок. Эстер знает его по церкви. Его щеки пылают от волнения.

— Констебль Пирс? — произносит она, однако ее попытка выдавить улыбку приводит лишь к легкой дрожи в губах.

— Доброе утро, миссис Кэннинг. Прошу прощения за беспокойство. Боюсь, я с плохими известиями, очень плохими. Ваш муж дома? Мне хотелось бы с ним поговорить, — выпаливает на едином дыхании молодой полицейский.

— Я не... Возможно, он в кабинете, однако он часто уходит в это время... нужно посмотреть. — Она умолкает, стискивая руки перед грудью с такой силой, что сводит мышцы. — Но что за известия? Прошу вас, скажите.

Констебль Пирс переступает с левой ноги на правую, в его глазах неуверенность.

— Я предпочел бы сначала поговорить с вашим мужем, миссис Кэннинг. То, что я скажу, неподходящая вещь для...

— Молодой человек, если вы что-то знаете о ком-то из членов нашей семьи, прошу вас, немедленно говорите! — перебивает его Эстер, и сердце у нее так колотится, что ей не по себе.

Полицейский краснеет еще гуще, на лице написана неохота.

— Речь о вашей горничной, миссис Кэннинг, Кэтрин Морли. Боюсь, сегодня утром ее обнаружили мертвой. Боюсь, ее убили, — произносит он, не в силах сдержать дрожь в голосе.

— Что?! — шепотом спрашивает Эстер.

На секунду все вокруг замирает, все замирает. Время, кажется, замедляется, и пауза между «тик» и «так» часов в коридоре кажется

ужасно долгой, и воздух выходит из груди Эстер, и его уже не вдохнуть. Она хлопает глазами и говорит:

— Нет, вы ошибаетесь. — Но не договорив, поворачивается, возвращается к лестнице и поднимается по ступенькам.

— Миссис Кэннинг? — неуверенно окликает ее констебль Пирс, все еще топчась на пороге, однако Эстер не обращает на него внимания.

Она переходит на бег, поднимается на чердак, бежит по коридору к двери Кэт. Рывком распахивает ее, представляя, как девушка стоит там, облокотившись на подоконник, и глядит на восходящее солнце. Она так отчетливо видела эту картину: короткие темные волосы спускаются треугольником на хрупкую шею, — что была по-настоящему потрясена, когда не нашла там Кэт. Кровать аккуратно заправлена, все вещи девушки исчезли. Эстер отчаянно обшаривает комнату взглядом, холодея от страха, и тут ее глаза натываются на маленький белый конверт на умывальнике. Она слышит, как Софи Белл внизу принимается выть. Софи, которая всегда знает все обо всех.

Странная тишина окутывает Эстер, хотя дом наполнен звуками: полисмен топают, уводя Софи Белл обратно в кухню и пытаясь получить от нее показания, а она некрасиво, громогласно рыдает. «А казалось, будто она терпеть не может Кэт», — рассеянно думает Эстер. Она берет конверт, адресованный ей, и осторожно открывает. Почерк Кэт, которого она никогда не видела раньше, изящный, с наклоном. Гораздо изящнее, чем должен быть у горничной. Гораздо изящнее, чем у самой Эстер. Слова ровно бегут по бумаге, и Эстер смотрит на каждое из них по очереди, пока не осознает, что их смысл до нее не доходит. Она кладет письмо в карман и спускается обратно на одеревеневших ногах, таких жестких и непослушных, что она то и дело спотыкается.

Дверь в библиотеку все еще закрыта. Если Альберт и там, то так и не удосужился узнать, что вызвало переполох в доме. Снаружи слышится шум небольшой повозки, запряженной парой лошадей, она проезжает по дороге между живыми изгородями и останавливается напротив дома викария. Снова слышатся шаги, снова стук в дверь. Эстер не обращает внимания. Она стоит перед дверью библиотеки совсем близко, перед глазами лишь зернистая поверхность древесины. Она дышит часто и неглубоко, — кажется, ей не хватает кислорода.

Она поднимает руку, чтобы постучать, но замирает, не в силах этого сделать. Она почему-то знает, что в этом нет смысла. Там ли Альберт или нет, стучать нет смысла. Дрожа, хотя воздух теплый, она поворачивает ручку и делает шаг через порог.

В библиотеке темно, тяжелые бархатные шторы плотно задернуты. Мгновение Эстер выжидает на пороге, позволяя глазам привыкнуть к полумраку. Когда в коридоре за спиной слышатся шаги, она быстро входит в библиотеку и осторожно закрывает дверь, чтобы ее не заметили. Воздух в комнате тяжелый и удушливый, как будто ее не проветривали много недель. У письменного стола темнеет какой-то силуэт, и сердце у Эстер сжимается, пока она не понимает, что это просто пальто Альберта, переброшенное через спинку стула. «Я что, уже боюсь собственного мужа?» — спрашивает она себя. Душа ее трепещет, словно пламя свечи на холодном сквозняке. На столе лежит фотокамера «Френа», которая так восхитила ее при первом появлении Робина, дневник Альберта, не закрытый и не перевязанный, как он оставляет его обычно, но с пером, заложенным между страницами, как будто он встал и вышел в разгар своих занятий. В комнате никого, и Эстер немного успокаивается. Она идет, собираясь открыть шторы и окно, разогнать затхлый воздух, колючий от пыли, зараженный тайнами, мрачными фантазиями Альберта. Не успевает она сделать и трех шагов, как нога ударяется обо что-то тяжелое и она спотыкается, подворачивает лодыжку, пытаясь удержать равновесие. Она тянется к этому предмету. Кожаная сумка Робина Дюррана. Нахмурившись, Эстер поднимает ее, кожаный ремень как будто пропитан чем-то влажным и липким. Она никогда еще не видела, чтобы Робин уходил без этой сумки. Эстер относит ее к окну, чтобы рассмотреть на свету, но когда она отдергивает занавески и щурится, то в ужасе роняет сумку. На ее руках, трогавших кожаный ремень, остались алые пятна. Пятна с безошибочно узнаваемым железистым запахом крови. Эстер давится, в животе все переворачивается от страха. Она долго стоит и почти не дышит, объятая леденящим ужасом.

Глава тринадцатая

2011 год

Лия, сгоравшая от нетерпения, ждала, когда телефон соединит ее с нужным номером. Она сидела перед библиотекой, освещенная лучами бледно-ванильного солнца, пока Марк читал газетные репортажи об убийстве Кэтрин Морли. Холод и сырость деревянной скамейки ощущались и сквозь джинсы, зато небо над головой было ярко-голубым. Час пик закончился, уличное движение стало менее интенсивным, и парк за каналом казался намного зеленее, чем был пару дней назад. Наконец-то в телефоне послышался треск и щелчок, трубку сняли.

— Контора Криса Варда, — прохрипел мужской голос.

— Здравствуйте, — растерянно проговорила Лия. Ну и голосок! — Простите за беспокойство. Мне посоветовал к вам обратиться Кевин Нолл, смотритель Блюкоут-скул в Тэтчеме. Насколько я поняла, вы в прошлом году проводили там реставрационные работы?

— Да, все верно, — сказал собеседник и закашлялся. Лия поморщилась, немного отодвинув телефон от уха, пока приступ кашля не прошел. Она слышала, как он сипит, силясь отдышаться. — Боюсь, на этой неделе я не смогу привезти сметы. Я зверски простужен, — проговорил он.

— Да, слышу. Голос у вас ужасный. — (Собеседник хмыкнул.) — Но сметы мне не нужны. Я пишу статью о Блюкоут-скул, и мне хотелось бы просто задать вам пару коротких вопросов по поводу реставрационных работ, которые вы проводили.

— Какого рода вопросы?

Ей показалось или в его голосе послышалась легкая настороженность?

— Во-первых, по поводу состояния здания на начало работ, по поводу оригинальных стройматериалов, которые вам пришлось заменить...

— Вот об этом лучше спросить у смотрителя здания и в комитете. У них хранятся все отчеты по исследованию и все прочее, — прервал ее Крис Вард.

— А вы ничего не нашли во время работ? Скажем, под штукатуркой... или под половицами? — настаивала Лия.

На том конце повисло испуганное молчание. Молчание, в котором явно чувствовалось изумление и — совершенно точно — страх.

— Нашел? Нет-нет. Мы ничего там не нашли, если не считатьдохлых крыс и пыли. Жаль, что не смог быть вам полезен, — сказал он, судя по тону, завершая разговор.

Она представила себе, как он кладет трубку на рычаг.

— Подождите, вы уверены? Совсем ничего? Иногда первые строители подобных зданий оставляют небольшие сувениры, бывают монеты, закатившиеся в щель между половицами... Ничего такого не находили?

— Ничего. Мне пора, проклятое горло болит. Простите, что ничем не смог помочь. Всего хорошего.

Он отключился, и Лия коротко улыбнулась в замолчавшую трубку. Она пошла в библиотеку, чтобы найти Марка, который до сих пор сидел, замороженный, за окуляром для чтения микропленок.

— Куда вы ходили? — спросил он тихо.

— У меня возникла одна мысль, Кевин Нолл дал мне номер телефона строителя, и я ему позвонила.

— Какого строителя? Реставратора Блюкоут-скул? И вы с ним говорили?

— Да. Он сказал, что ничего не нашел. — Она улыбнулась напряженной, взволнованной улыбкой.

— Так чему же вы радуетесь? — спросил он, поглядев на нее.

— Тому, что он лжет, — объявила Лия.

Адрес конторы Криса Варда, как и ожидала Лия, оказался адресом жилого дома где-то между Ньюбери и Тэтчемом. Современный кирпичный дом, большой и солидный, с огромным количеством ярких пластмассовых игрушек, разбросанных перед воротами. Лужайка, несмотря на раннюю весну, была в идеальном состоянии.

— Но он вряд ли окажется дома в разгар рабочего дня, — заметил Марк, когда Лия остановила машину и они вышли.

— Он дома. Простужен как собака, судя по голосу.

— Отлично. Значит, воспользуемся слабостью противника, — проговорил Марк, усмехнувшись. Лия покосилась на него, и он

успокаивающе замахал руками. — Просто... успокойтесь. Сегодня вы с утра похожи на боевой корабль.

— Я успокоюсь. Честно, успокоюсь. Буду сама любезность. — Лия замедлила решительный шаг и сделала глубокий вдох. — И это говорит человек, который при первой же встрече послал меня подальше, — прибавила она.

Марк дружелюбно улыбнулся и пожал плечами.

Крис Вард лишь немного приоткрыл дверь и, морщась и щурясь, высунул физиономию, поросшую седой щетиной стального оттенка.

— Не подходите близко, я заразный. Чем могу быть полезен?

— Мистер Вард? Я Лия Хиксон, мы недавно беседовали по телефону. По поводу Блюкоут-скул, — представилась она. — А это мой коллега Марк Кэннинг.

— Кэннинг? — отозвался отрывистым эхом строитель, не успев сдержаться.

— Вам знакома эта фамилия? — Лия вопросительно подняла брови. Дверь дрогнула, как будто Крис Вард собирался захлопнуть ее. Лия протянула руку, чтобы не дать ему этого сделать. — Прошу вас! Мистер Вард, мы не собираемся доставлять неприятности кому-либо. Мы не станем ссылаться на вас как на источник информации... но нам бы хотелось увидеть то, что вы нашли под полом...

— Ничего я не находил под этим чертовым полом!

— А я уверена, что нашли. Мы просто хотим посмотреть. Клянусь, мы не станем ничего у вас отнимать... — (Строитель смотрел на них с минуту, сосредоточенно жуя губу.) — Это очень и очень важно, — прибавила Лия.

Тот кивнул, открыл дверь пошире и вышел к ним.

— Я все держу в гараже, — пробормотал он.

— Все? — переспросил Марк.

— Мою коллекцию, — проговорил строитель смущенно.

Металлическая гаражная дверь открылась с пронзительным скрежетом, и в стоявшем там полумраке Лия увидела вдоль одной стены широкие стеллажи. Полки были заставлены, и, когда Крис Вард нажал на кнопку выключателя, она увидела престранное собрание вещей — начиная от грязных ботинок и стеклянных бутылок и заканчивая ржавыми гильзами. Каска времен Второй мировой

соседей с фарфоровой куклой, у которой была отбита одна щека. Некоторые предметы хранились в аквариумах — импровизированных стеклянных витринах. У всех были ярлыки — отпечатанные на машинке аккуратные белые карточки. В воздухе пахло отработанным маслом и землей.

— Что это такое? — спросил Марк, медленно проходя вдоль полок.

— Моя коллекция. Я... можно сказать, археолог-любитель. С металлоискателем тоже работаю, иначе никак не нашел бы всего этого. Средневековые и римские монеты, — с гордостью сообщил Крис Вард, указывая на один из аквариумов, где на куске белой ткани были любовно разложены семь или восемь маленьких монеток. — Ну и разумеется, поскольку я занимаюсь реставрационными работами, то немало вещей нахожу в тех домах, где работаю, — прибавил он уже с некоторой неловкостью.

— Вы сообщаете владельцам о своих находках? — сурово спросила Лия.

Крис Вард поджал губы и отвернулся.

— Вначале сообщал. Но когда я сообщал, они никогда не...

— Не позволяли вам оставлять вещи себе? Вы же понимаете, мистер Вард, что это можно рассматривать как воровство.

Марк бросил на нее осуждающий взгляд.

— Большое спасибо за то, что показали нам коллекцию, — проговорил он многозначительно.

Лия уставилась на аквариум с многочисленными детскими туфельками, многие из которых были совсем примитивными, просто полоска кожи с коротким шнурком, чтобы привязать к ноге.

— Могу поспорить, что это из-под дерновых крыш. Так? — спросила она. Строитель с неохотой кивнул. — Но вы же знаете, что забирать их оттуда — к несчастью.

Хозяин неловко потоптался на месте.

— Вот то, за чем вы пришли. Я нашел под полом в восточном крыле. Доски так расшатались, что поднять их мог бы любой, для этого даже не требовались инструменты. Только никто не поднял. Никто.

— Или же тот, кто поднял, не забрал того, что нашел, — вставила Лия.

— Послушайте, юная леди, большинство других строителей просто выгребли бы все вместе с прочим мусором и отправили на свалку, даже не задумавшись, ясно вам? А я сохраняю эти старые вещи! Берегу их!

— Лия, помолчите и просмотрите то, что нашел этот человек, хорошо? — предложил Марк.

Находкой оказалась большая кожаная сумка с длинным ремнем через плечо. Размером примерно восемнадцать дюймов на двенадцать, похожая на здоровенный школьный ранец, потемневшая от старости и жесткая, как доска. Металлические пряжки проржавели и покрылись пятнами. Лия, хмурясь, провела по сумке рукой. Ее рука сейчас лежала там же, где лежала когда-то и рука Эстер Кэннинг. Лия задумалась, пытаясь представить себе жену vicария, которая в отчаянии прячет сумку. Прячет и уже больше никогда не возвращается за ней, но никогда и не забывает.

— Я все оставил внутри, как и было. Всегда стараюсь сохранять вещи в том виде, в каком обнаружил. Откройте. Ну же! — поторопил Крис Вард, которого явно и теперь волновала его находка.

Лия осторожно подняла крышку сумки и поняла, что до сих пор стояла затаив дыхание, в предвкушении и почтительном ожидании. Она осторожно вынула из сумки четыре предмета, а под конец — стопку бумаги, такой грязной и ломкой, что не было никакой надежды прочитать то, что на ней написано. Лия внимательно все осмотрела, и вдруг ее пронзило неожиданное чувство узнавания. Они втроем с минуту стояли молча, и в голове Лии кружили вопросы и ответы.

— Я... я прочел дневник, — с некоторым сомнением признался Крис Вард. — Потому мне и знакома фамилия Кэннинг. Но там не написано, что это за вещи. И для чего они.

— Я точно знаю, что это за вещи. И для чего, — проговорила Лия негромко.

1911 год

Эстер сжимает руки в кулаки, чтобы скрыть кровавые пятна. Она не в силах взглянуть на них, не в силах ощущать их на своей коже, однако в комнате нет ничего, чтобы вытереть руки, ничего такого, на чем не осталось бы предательских следов. Она стоит столбом и пытается думать, пытается восстановить дыхание. Она думает и думает, но не находит ответов. Тех ответов, которые имели бы смысл. В коридоре за дверью полицейский. Другой, постарше. Он то и дело зовет ее громким осипшим голосом. Чувствуя дурноту, Эстер быстро выходит в коридор. Закрывает за собой дверь библиотеки.

— А, миссис Кэннинг! Простите, что без приглашения. Дверь открыта, а я так и не дождался никого из прислуги... — произносит он, потом до него, видимо, доходит смысл сказанных слов, и он слегка краснеет. Эстер чувствует, как слезы, горячие и неудержимые, наворачиваются на глаза. — Прошу прощения, — снова бормочет полицейский.

— Боюсь, викария нет дома. — Голос у Эстер тонкий и едва слышный. — И мистера Робина, нашего гостя, тоже нет. В это время они часто гуляют по лугам в сторону Тэтчема, занимаются своими...

— О, местонахождение Робина Дюррана нам точно известно, не беспокойтесь. Он под стражей, его охраняют три человека.

— Что вы имеете в виду? Почему он под стражей?

— Может быть, вам лучше сесть, миссис Кэннинг? Я вижу, последние события потрясли всех в вашем доме...

Снизу доносятся очередные жалобные рыдания Софи Белл.

— Я не хочу садиться! Почему Робина Дюррана охраняет полиция?

— Дело в том, миссис Кэннинг, что убийство совершил Робин Дюрран. После этого его видели два человека, когда он пытался спустить тело девушки в канал. Он даже не пытался бежать и был весь в ее крови. А теперь он хранит молчание, не сказал никому ни слова, даже не пытается отрицать свою вину. Самый верный признак того, что он виноват. Это я знаю по опыту. Ужасное дело, по-настоящему ужасное.

Полицейский качает головой. В ушах у Эстер шум. Боковым зрением она видит серые тени.

— Должно быть, тут какая-то ошибка, — шепчет она, прислоняясь к стене, чтобы не упасть.

— Позвольте помочь вам, мадам. Присядьте. Я попрошу кого-нибудь принести вам воды...

— Нет, не беспокойте Софи. Она слишком расстроена, — произносит Эстер, но так тихо, что полицейский, кажется, не слышит ее.

— Констебль Пирс! Пожалуйста, принесите воды миссис Кэннинг! — оглушительно кричит он вниз, и его голос проносится в сознании Эстер штормовыми волнами. — Миссис Кэннинг, не подскажите ли, где найти викария? Нам очень нужно с ним поговорить.

Полицейский наклоняется над Эстер, отчего у нее кружится голова. Она не знает, что ответить.

— В церкви. Посмотрите в церкви, — произносит она в итоге.

— Ну конечно. Как же я сам не догадался!

Он уходит.

Эстер не знает, сколько она уже сидит на жестком деревянном стуле перед стаканом воды, к которому так и не прикоснулась. Горло пересохло настолько, что ей больно глотать, однако Эстер не смеет разжать руку, чтобы коснуться стакана. Тогда она снова увидит, в чем у нее рука. В панике она смотрит на стену, к которой дотрагивалась недавно, но краска чистая. Кровь успела подсохнуть. Она пристально смотрит на поверхность воды в стакане, такую прозрачную и чистую, сверкающую в дневном свете, который льется из парадной двери, до сих пор открытой, позабытой всеми, время от времени поскрипывающей на ветру. Внимание Эстер притягивает дверь библиотеки в конце коридора. Дверь нагоняет страх: темная, безмолвная, наблюдающая. Эстер так и подмывает вскочить, выбежать на солнечный свет и никогда больше не возвращаться. «Он был весь в ее крови...» Слова эхом звучат в голове. «О Кэт!» Эстер со стоном поднимается и стремительным шагом входит в дверь библиотеки, пока решимость ее не покинула. При свете, который проникает в щель между занавесками, она осматривает пол. Находит бинокль Альберта, спешно засунутый в футляр, который не закрыт. Внимательно

осматривает бинокль, видит на нем что-то темное и блестящее. Осторожно, трясушимися руками она вынимает бинокль и поворачивает к свету. Линзы разбиты, осколки стекла прилипли к металлу, склеенные какой-то запекшейся массой. Стекло и короткие черные волоски. Эстер смотрит на них с ужасом. Что-то выпадает из одного окуляра, падает на ковер с негромким стуком. Эстер замороженно наклоняется и поднимает предмет. На ощупь он твердый, одновременно гладкий и угловатый, как осколок камня, и весь в крови. Эстер хмурится, катает его в пальцах, чтобы немного отчистить. Снова всматривается и тут понимает, что это такое. зуб. Человеческий зуб с острым сколом наверху. Эстер вскрикивает. Она роняет бинокль, и он падает с грохотом, от которого содрогается пол.

Эстер прерывисто дышит, быстро и неровно. Она ждет, что полиция войдет и обнаружит ее, ворвется в библиотеку в поисках того, кто кричал, спросит, что здесь упало, и все увидят, что она в крови и взгляд у нее безумный. В отчаянии она снова помышляет о бегстве: выбраться из окна и бежать прочь с той быстротой, на какую только способны ослабевшие ноги, но она понятия не имеет, куда бежать. Зато знает, что если сдвинется с места, то потеряет сознание. Проходят долгие минуты, прежде чем Эстер немного успокаивается, спустя какое-то время она понимает, что ее крика никто не слышал. Ничьи шаги не приближаются к библиотеке. Она закрывает глаза и так и стоит, пока не проходит боль в груди и не проясняется голова. Присев на корточки, Эстер откидывает крышку сумки Робина и достает оттуда светлый парик с серебристыми волосами, прозрачное белое платье. Все в крови и разорванное. Она немедленно узнает эти вещи, потому что не раз рассматривала фотографии Робина. И тут наконец Эстер понимает, что элементом была Кэт. О боже, боже, боже... Эстер не знает, произнесла ли эти слова вслух или же только мысленно вознесла кроткую и отчаянную молитву. Если Робин арестован, пойман с телом Кэт и отправлен в участок сразу после убийства, тогда принести все это обратно в дом мог только один-единственный человек, который вымыл окровавленные руки в кухонной раковине и бросил там окровавленное полотенце. «Мой дорогой Берти, что же здесь произошло?»

У Эстер в голове ни единой мысли, кроме одной: защитить Альберта. Она осторожно убирает платье обратно в сумку Робина,

кладет поверх пачки писем, которые быстро покрываются пятнами и становятся нечитаемыми. Ткань платья такая тонкая и мягкая на ощупь. Парик скользкий, живой. Эстер вздрагивает, к горлу подступает легкая тошнота, как будто это действительно волосы Кэт, как будто это часть мертвого тела девушки. Она стискивает зубы, с усилием держа себя в руках. Затем кладет в сумку бинокль, теперь уже заливаясь слезами, чувствуя исходящий от футляра запах запекшейся крови. Назойливый, острый запах мясной лавки. Подняв голову, она замечает дневник Альберта, где он писал совсем недавно и потом оставил на столе. Эстер не раскрывает его, не читает записей. Она не желает ничего знать, ничего больше знать. Она хотела бы знать меньше, гораздо меньше. Последним она кладет в сумку дневник, застегивает пряжки и запихивает в нишу под столом, подальше от взглядов, туда, где его никто не увидит, если не станут искать специально. Все это она проделывает, не испачкав платья, зато руки у нее красно-коричневые. «Кровь Кэт. Кэт умерла». В животе у Эстер все переворачивается. Она с трудом выходит из библиотеки, закрывает дверь и едва успевает дойти до уборной, где ее рвет.

Позже она спускается в кухню к Софи Белл. Экономка безутешна, сидит, расползшаяся за столом, а чайные листья в заварочном чайнике превратились в горькое месиво, и мухи безнаказанно устроились на кромке молочного кувшина.

— За что кому-то ее убивать? Зачем кто-то сделал такое с нашей Кэт? Такая малышка, от нее никому не было вреда... — бормочет она снова и снова, кажется почти не замечая Эстер, которая некоторое время стоит у нее за плечом, смущенная и молчаливая.

Когда она разворачивается, чтобы уйти, то замечает в углу ведро с водой, где отмокает заляпанное полотенце. Желудок сводит судорогой, отчего в горле снова стоит вкус желчи. Не раздумывая, она опускается на колени, отжимает полотенце и швыряет в топку. Железная дверца с грохотом закрывается, и Эстер поднимается, боясь снова поворачиваться к миссис Белл. Однако Софи по-прежнему смотрит перед собой, ничего не замечая. Эстер снова и снова моет руки, однако, как и леди Макбет, знает, что пятна останутся. Потом еще много дней она ощущает запах крови.

Собственные собаки-ищейки главного констебля, Панчер и Ходд, вскоре отыскали место убийства. На речном берегу, где трава была притоптана, а отцветшие летние цветы роняли пушинки с семенами на пятно запекшейся крови; над ним кружили мухи и садились, чтобы попить. Здесь же стояла сумка Кэт со всеми ее небогатыми пожитками и рабочим платьем, край которого торчал сбоку. Все это Эстер узнаёт во время досудебного разбирательства, которое ведет в здании приходского совета Тэтчема коронер из Западного Беркшира мистер Джеймс Ангус Седжкрофт. Миссис Белл сидит рядом с Эстер, лицо ее горит ненавистью, сверкающие глаза то и дело обращаются на Робина Дюррана. Орудие убийства не найдено, однако на берегу лежит множество больших и острых камней, и предположительно один из них был использован, с тем чтобы разбить девушке голову, а потом выброшен в воду. Только профессор Палмер, специальный медицинский советник из Министерства внутренних дел, направленный Скотленд-Ярдом, чтобы изучить тело и оказать помощь суперинтенданту Хольгу, остался неудовлетворен этим объяснением. Он особенно отмечает жестокость удара, направленного девушке прямо в лицо, будто кто-то хотел буквально изничтожить ее образ. Профессор нашел фрагменты стекла в некоторых из глубоких ран Кэт Морли, и их наличие ничем не объяснено. Когда Эстер слышит эти слова, у нее леденеет кровь. Она вспоминает о разбитом бинокле, и эта мысль уже не отпускает ее. Бинокль Альберта. Тот самый, без которого он никогда не выходил.

В тот же вечер Эстер забирает из библиотеки кожаную сумку и относит ее в Блюкоут-скул. Она не может придумать другого, более безопасного места, где никто не станет искать. У профессора Палмера пронизательный взгляд и озадаченное лицо, на котором написано подозрение, и, когда он приходил в дом викария, чтобы допросить всех обитателей, она заметила, как его пронизательный взгляд обшаривает все углы комнаты. Высматривает, высматривает. Когда она говорила с ним, ложь в ее словах так и звенела, даже когда она говорила правду. Потому что она полна лжи, полна обмана. Она чувствовала, как ложь сочится из каждой поры. Сумку нельзя оставлять в доме, и она слишком велика, чтобы затолкнуть ее в топку, как полотенце. Тем более что бинокль не сгорит. Огнем его не уничтожить. К тому же

Эстер чувствует, что не следует все уничтожать. На всякий случай... на случай, если возникнет непредвиденная ситуация — что-то такое, о чем она не думает, потому что мысли у нее спутанные и сбивчивые, — и в содержимом сумки появится нужда. Блюкоут-скул никогда не запирается, и, когда она выходит на свое обычное место перед классом, расшатанные половицы пружинят и двигаются под ногами; она опускается на колени, отдирает доски ногтями, всхлипнув от облегчения при виде открывшегося ей тайника.

Досудебное разбирательство длится три дня, и все это время Робин Дюрран хранит молчание. Джордж обращается к коронеру и к суду, рассказывает, как Кэт собиралась уехать с ним, как она любила его, и по какой бы причине она ни оказалась тем утром на лугу, но уж точно не ради любовного свидания с Робинот Дюрраном, как предполагает полиция. В этом он твердо уверен и стоит на своем, но одна только Эстер знает, что он прав и нисколько не ослеплен любовью. Она внимательно смотрит на него; когда он стоит и плачет, не смущаясь своих слез и не в силах сдержать их, Эстер чувствует, как у нее разрывается сердце. Слова так и просятся на язык, однако она не произносит их. «Я знаю, зачем она была там! Я знаю, что делал Робин Дюрран!» Но она не может заговорить. Не может рассказать правду. Так же верно, как если бы на него наложили заклятие, ее язык молча и неподвижно лежит за зубами. Язык ее оцепенел и помертвел, как и она сама. Ухажер Кэт кажется ей красивым. Сильным и прямодушным. Он говорит о Кэт с такой страстной любовью, что Эстер ощущает укол совершенно неуместной зависти. Как же, наверное, было радостно планировать побег с таким человеком, как Джордж Хобсон. Хотя планы Кэт рухнули. Их нарушили чудовищно и безвозвратно. «Наверное, она в ярости», — думает Эстер. Она закрывает глаза, захваченная этой мыслью. Где бы ни была сейчас Кэт, она должна быть в ярости.

Когда начинают поносить Кэт, слова требует миссис Белл и вступает за девушку. Она тоже отрицает, что Кэт могла увлечься Робинот Дюрраном, и намекает, что теософ, должно быть, каким-то образом вынудил ее покинуть комнату, нашел способ отпереть дверь и заставил девушку отправиться на берег, потому что миссис Белл лично

заперла дверь накануне вечером. Когда она не может дать этому разумного объяснения, судьи переглядываются, делают заметки, предполагают, что экономка чувствует себя виноватой, поскольку забыла запереть дверь, и вот теперь пытается скрыть свою ошибку. Эстер слышит все это и хранит молчание. Она думает об отмычке, которую сама дала Кэт, и хранит молчание. Она замирает, и глаза у нее не мигают на протяжении многих и многих минут, пока их не начинает жечь.

К свидетельской кафедре выходит Барретт Андерс, молочник, и говорит, что как раз ехал на своей телеге, свернув с Лондон-роуд на дорожку между изгородями, чтобы доставить молоко в деревню, и, подъезжая к мосту, увидел, как Робин Дюрран идет через луг к каналу с девушкой на руках, а та вся в крови; это он сбил убийцу с ног, а Джордж Хобсон, который в это время проходил по бечевнику, прыгнул в воду, чтобы вытащить девушку, хотя она явно уже была мертва и помочь ей было нельзя. Эстер старается отгородиться от этого, от невыносимой боли, которую, должно быть, ощутил Джордж Хобсон, увидев Кэт в воде, когда вокруг ее черных волос расплывалось красное пятно, а хрупкие руки тянулись вниз. Кэт с разбитым острым личиком. Эти мысли ранят Эстер, как удары хлыста.

— Я опоздал на какие-то минуты, я мог бы ее спасти, — стонет Джордж, лицо его пусто, искажено горем. — На какие-то минуты.

Робина Дюррана обвиняют в умышленном убийстве и передают дело на рассмотрение выездного суда присяжных Беркшира. Он никак не реагирует на вердикт. Он вообще ни на что не реагирует.

В воскресенье, после смерти Кэт, преподобный Альберт Кэннинг, как обычно, произносит проповедь в битком набитой церкви, гудящей от сдержанного волнения, недозволенного, непочтительного волнения, которое паства не может не ощущать, но не может скрыть. Все пришли посмотреть на Кэннингов, которые все лето привечали убийцу, которые проворонили свою горничную, которые оказались в центре самого грандиозного скандала, когда-либо случавшегося в их приходе. Эстер сидит в переднем ряду, как и всегда, прямая; спина окаменела, кожа горит. Приглушенный гул вокруг нарастает, жжет сзади шею, поднимается, угрожая накрыть с головой. Альберт не упоминает Кэт в проповеди. Эстер в смятении ждет его слов, а он не упоминает. Он

повторяет проповедь трех— или четырехнедельной давности на тему материального богатства, глядя в дальний конец церкви, как будто мысли его за миллион миль отсюда; слова падают как дрова. Твердые, сухие, мертвые. Как будто он больше не верит ни в одно из них. Дома он сидит в гостиной, ни разу не спросив, где его дневник, где кожаная сумка или бинокль. Он ни разу не упоминает об этом, и Эстер тоже. Ее Альберта больше нет, вместо него в доме живет вялый, холодный человек — тень человека, — и он почти не разговаривает, почти не ест, только выходит по церковным делам; она его не знает — это пузырь, лжец. Эстер наблюдает за ним, полная страха. Она боится его, боится того, что сделала, чтобы его спасти — подменыша, оставленного эльфами, чужака. И возможно, возможно, он и есть настоящий убийца.

Среда, 15 октября 1911 года

Уважаемый сэр!

Почему Вы не отвечаете на мои письма? Я не знаю, с кем еще мне поговорить, а мне нужно высказаться, иначе сойду с ума. Обычно я все писала сестре, между нами не было тайн, однако теперь я знаю нечто такое, о чем не могу писать даже ей, потому пишу Вам. Почему Вы молчите? Если я не ошиблась, то почему же Вы храните молчание? Кажется, я догадываюсь о причине. Чтобы сохранить Вашу тайну — тайну элементариев и фотографий, которые Вы опубликовали. Чтобы сохранить за собой ту нишу в истории, которую Вы создали для себя, не важно, какой ценой. В каком скорбном мире мы живем, если дурная слава лжеца страшнее славы убийцы. Неужели Вы действительно думаете, что выбрали меньший грех из двух, чтобы понести наказание?

Я нашла Вашу сумку, которая была возвращена в дом. Я нашла все, что в ней было, и еще бинокль Альберта. Я знаю Вашу тайну. Тайну, ради которой Вы готовы идти в тюрьму. Но готовы ли Вы умереть за нее? Ведь Вас могут повесить! И какая будет польза от Вашей репутации теософа, когда Вы лишитесь имени человека? Неужели Ваше драгоценное Общество оставит Вас в своих рядах после того, как Вас признают убийцей? Сомневаюсь. Сомневаюсь. Так зачем же упорствовать в молчании? К чему это приведет? Приближается день суда. Времени осталось мало. Если Вас повесят, что тогда? Неужели этого Вы хотите, неужели думаете, что даже если ваша жизнь сейчас оборвется, то имя будет жить вечно? Что Вы навеки останетесь теософом, который добыл доказательства существования эльфов? Вот что я Вам на это скажу: они не стоят того. Уже и так нашлись люди, которые опровергают Ваши доказательства, а дальше их число будет только расти. Вас забудут, как и Вашу работу. Скажите правду, начните все сначала! Ваш отец скорее предпочтет, чтобы его сын оказался неудачливым теософом, даже мошенником, чем убийцей, в этом я убеждена.

В какой-то момент я поверила в Ваше благородство, поверила, что Вы пожертвовали собой ради Альберта. Однако это глупое

предположение. С чего бы Вам так поступать? Все, что Вы делали, Вы делали лишь для себя, с того самого момента, как только появились в моем доме и перевернули все с ног на голову. Господи, зачем Вы вообще появились! Как бы я хотела, чтобы этого никогда не случилось, чтобы Кэт была жива, даже если бы и сбежала с Джорджем. Между прочим, знаете ли Вы, что она моя кузина? Она написала мне об этом в письме, которое я должна была найти после ее исчезновения. Наверное, еще недавно я не поверила бы в то, что мой дядя мог зачать ребенка с одной из служанок, а потом отправить этого ребенка ко мне в дом, не предупредив меня. Теперь же я понимаю, что мужчины способны сделать что угодно, если это отвечает их интересам. Они сделают что угодно.

Я уверена, что беременна. Симптомы становятся все более и более явными. Мне кажется, я должна сообщить Вам об этом, хотя и понятия не имею, нужна ли Вам эта новость. Произведет ли она на Вас хоть какое-то впечатление. Сама же я совершенно выбита из колеи смятением, радостью и сомнением. Да, радостью — неужели в этом доме еще может поселиться радость? Снова? Радость, смех или веселье. Все, что я хотела, — ребенок, и вот теперь я понимаю, насколько верна поговорка, что мы должны быть осторожны в своих желаниях. Альберт похож на призрака. От него леденеет весь дом. От него леденею я. От своего мужа. Я не говорила ему о ребенке. Как я могу? Хотя скоро он сам увидит. И что тогда? Меня тоже сотрут с лица земли? Это будет конец и для меня? Так не может продолжаться, мы не можем так продолжать. Что-то необходимо изменить. Правда должна выйти наружу. Я не могу нести эту ношу в одиночку, она слишком тяжела. Я чувствую, как ее тяжесть день за днем ломает меня. Я спрятала все вещи, какие нашла в то зловещее утро. Они остались, и они хранят свою историю. Правда ждет, чтобы Вы объявили ее, мистер Дюрран. Если Вы заговорите, я Вам помогу. Клянусь. Я расскажу всем о своей роли в этом деле, о роли Альберта, и я понесу положенное наказание. Возможно, ко мне проявят милосердие, узнав, что я действовала из страха и из любви к мужу. Возможно, не проявят. Но что тогда будет с ребенком? Что случится с ним? Я не знаю, как мне быть. Помогите мне.

Эстер Кэннинг

2011 год

Лия потратила неделю на чтение полицейских отчетов по делу Кэт Морли и на поиски газет, датированных последними месяцами 1911 года, где освещался суд над Робинот Дюрраном. Она рассматривала его фотографию, которую печатали всякий раз, когда появлялись новости о нем: красиво изогнутая верхняя губа, которую она запомнила у мертвого солдата, найденного за много миль отсюда, в Бельгии. Ей становилось не по себе при мысли, что два этих лица, живое и мертвое, — лицо одного и того же человека. Его признали виновным в умышленном убийстве, было объявлено, что убийство произошло на почве страсти, поскольку у Кэт была скверная репутация, а кроме того, ее обнаружили в одной нижней рубашке. По этой же причине суд присяжных советовал проявить милосердие, и Дюррана приговорили не к повешению, а к пожизненному заключению. Только у одного человека, кажется, имелись сомнения по поводу этого дела, которое сочли совершенно простым. Представитель Министерства внутренних дел профессор Палмер отметил, что на рубашке Кэт не так много крови, как должно бы быть, если во время нападения и убийства она действительно была в одной рубашке; кроме того, если встреча носила любовный характер, хотя и сложилась неудачно, то, по его мнению, весьма странно, что она договорилась с другим своим любовником, Джорджем Хобсоном, бежать в то же самое утро. Кроме того, она аккуратно сняла платье и старательно сложила его. Так едва ли ведут себя люди, охваченные любовной страстью. Также на лице девушки сохранились осколки стекла, взявшиеся неизвестно откуда.

К делу было добавлено задним числом еще одно показание миссис Софи Белл, кухарки и экономки из дома викария. Миссис Белл сделала его через несколько недель после предварительного разбирательства и вскоре после суда над Робинот Дюрраном, утверждая, что обнаружила в кухне дома викария окровавленное полотенце в утро убийства, но впоследствии полотенце исчезло. На вопрос, почему она не сообщила об этом раньше, экономка ответила, что в тот момент была в таком потрясении и расстройстве, что

вспомнила о полотенце только недавно. Она также утверждала, что викарий с женой ведут себя очень странно, они сильно переменились со времени убийства, но при этом миссис Белл подчеркивала, что они всегда были хорошими и добрыми хозяевами и что происшедшие в них перемены вызваны исключительно потрясением. Имелась также служебная записка от профессора Палмера, где он предлагал включить эти показания в список остальных показаний, представленных в суде, а также провести еще одно расследование и допросить обитателей дома викария, однако к его рекомендациям не прислушались.

Читая заметки, Лия просто сгорала от волнения. Она знала, откуда взялось стекло в ранах Кэт, знала, что орудие убийства — бинокль Альберта Кэннинга. Знала, почему на рубашке Кэт было так мало крови: потому что в момент убийства та была одета в платье элементаря. Знала, почему викарий, из дневника которого следовало, что этот человек стремительно утрачивал связь с реальностью, обрушил свой гнев на девушку. Его одурачили по всем статьям. Вероятно, обнаружение этого факта потрясло его, подтолкнув к безумию. Она знала, почему Эстер Кэннинг, которая отчаянно старалась отвести все подозрения от мужа, спрятала улики, обнаруженные ею в доме викария в утро убийства, и почему позже, когда сама уже подозревала мужа, так мучилась от страха и от чувства вины. Лию так и подмывало бежать со своим открытием куда-нибудь — в полицию, в газеты, куда угодно. Как будто она могла бы изменить то, что случилось сто лет назад. Как будто наказание мог бы понести настоящий убийца и Эстер не пришлось бы жить с этой тайной до конца своих дней.

К началу суда газетчикам удалось отыскать фотографии к статьям. Был напечатан портрет Кэннингов, сделанный в 1909 году на их венчании. Молодожены серьезно глядели с фотографии: две пары светлых глаз на нежных, юных лицах, глаза у них были такие ясные, что даже на черно-белом снимке было видно, что они голубые или зеленые. Эстер чуть заметно улыбалась, сияя от счастья. Викарий, который венчался в церковном облачении, был серьезен и как будто слегка встревожен. Лия всматривалась в лицо Эстер с ощущением, что узнаёт ее. Напечатали и фотографию Кэт Морли, убитой горничной, сыгравшей роль элементаря, о чем ни разу не было заявлено вслух, хотя даже в то время имелись какие-то подозрения. Кадр был

скверный, сделанный с большого расстояния в День коронации в Коулд-Эшхоулте в июне 1911 года. Ряд нарядных по случаю праздника леди, в том числе и Эстер Кэннинг, замерших в разгар веселья перед камерой. Флаги и зонтики от солнца, чайные столы с ослепительно-белыми скатертями и трехъярусными вазами с пирожными. А позади них невысокая, хрупкая девушка в сером платье, в чистом переднике, туго затянутом на талии, в мягком хлопчатобумажном чепце. Девушка держит в руках серебристый чайник, как будто бы ее застигли в тот миг, когда она наполняла фарфоровые чашки. Фотография была плохого качества, а расстояние слишком большое, чтобы различить черты ее лица. Из-под чепца выбивались пряди коротких черных волос, а лицо было нахмурено, возможно из-за слишком яркого солнца. Темные брови выделялись на худом треугольном личике. «Элементаль», — подумала Лия с болью.

Чем больше Лия читала, тем понятнее делались письма Эстер, факты и сведения становились на свои места. Она начала писать статью, которая все разрасталась и разрасталась. И в ней все отчетливее вырисовывалась правда, о которой так мечтала Эстер Кэннинг, и возрождался образ погибшей девушки, чья роль во всей этой истории до сих пор оставалась непонятой. И по мере того как она глядела на лица Кэннингов, возвращалась к письмам Эстер, адресованным Робину Дюррану, кое-что еще обретало очевидную ясность.

В пятницу после обеда ее оторвал от работы звонок Марка.

— Здравствуйте, незнакомка. Теперь вы меня игнорируете, заполучив свой сюжет, или как? — спросил он.

Лия улыбнулась, поглядела на часы, понимая, что ноги давно затекли и спина болит.

— Нет! Простите, Марк. Вовсе нет. Просто я была так занята, заполняя все пробелы... Кстати, у меня имеется весьма важная для вас новость. Я не хотела говорить, пока не будет готова статья, но, наверное, лучше рассказать сразу. — Она поднялась из-за стола в читальном зале и потянулась.

— О чем вы? — спросил он.

— О, это не телефонный разговор. Давайте пообедаем в пабе, но прежде встретимся у церкви в Коулд-Эшхоулте. Скажем, через час?

— Ладно, до встречи.

— И захватите с собой фотографию вашего деда Томаса.

День был теплый и ветреный, влажный ветер толкал в спину, трепал траву, пока они шли между рядами могил, окружавших церковь Святого Петра. Лия несла букет цветов, и прозрачная обертка негромко шуршала. Белые лилии и ветки вишни с розовыми цветками — большой, вычурный букет.

— Если вы ищите Эстер и Альберта, они там, — сказал Марк, указывая на продолговатое надгробие рядом с широким развесистым тисом.

— Мы к ним подойдем, мне надо сделать фотографию их могилы для статьи. Но сначала я хочу навестить кое-кого еще.

— Ваша статья становится все длиннее. Может, сделать из нее книгу? — спросил он.

Лия остановилась, улыбка озарила лицо.

— Блестящая идея. Почему бы нет? В книге обо всем можно написать. Про теософию, фальшивого эльфа, убийство, несправедливый приговор...

— Неизвестно, был ли он несправедливым. В конце концов, из того, что вы мне рассказывали, выходит, что именно теософ виноват в ее смерти.

— Да, но викарий тоже должен был предстать перед судом за то, что сделал. А не только ваш прадед, — сказала Лия и подождала, пока до Марка не дойдет смысл ее слов.

— Что значит «викарий, а не только мой прадед»? Викарий и есть мой прадед, — сказал он.

Лия помотала головой, улыбаясь.

— Нет, — сказала она. — Что общего между двумя письмами, которые сохранил Робин Дюрран? О чем Эстер говорит в обоих?

— Э... о сомнениях и страхах, подозрениях... умоляет его объяснить...

— Но что еще? — настаивала Лия. Марк покачал головой. — Ребенок, Марк. Она в обоих письмах говорит о ребенке. Сначала о том, что вот-вот родит, и ей кажется, будет мальчик, потом рассказывает, что он уже начал ходить.

— Возможно, но что с того? Может быть, она рассказывала о нем и в остальных письмах.

— Может быть, но, может, и нет. Не исключено, что он и не терял остальных писем. Зачем она вообще рассказывает о ребенке человеку, которого обвинили в убийстве, писать которому ей явно неловко, тогда как она могла бы сообщить ему о куда более важных вещах?

— Не знаю... разве не все молодые матери одержимы своими детьми? — возразил он.

Лия достала из заднего кармана отпечатанную страницу:

— Вот это я нашла в газетном архиве, это Эстер и Альберт, сфотографированные в день свадьбы.

— Ах вот они какие! Замечательно, — сказал Марк.

— Вы принесли фотографию Томаса? Сына Эстер? Можно мне взглянуть? — попросила Лия. Марк достал фотографию из кармана пальто и передал ей. Она взяла оба портрета, держа рядом. Тонкий лист с ксерокопией трепетал на ветру. — Ничего не замечаете?

Марк послушно рассмотрел оба изображения, потом пожал плечами:

— Не знаю. Что я должен заметить?

— Глаза, Марк. Любой старшеклассник вам скажет: не может быть, чтобы у двух голубоглазых людей родился кареглазый ребенок. Томас не сын Альберта. Он сын Робина Дюррана.

— Господи... Вы уверены?

— Уверена. Должно быть, у них была связь, короткий роман. Что, разумеется, плохо закончилось, когда произошло убийство и все остальное. Комиссия по воинским захоронениям сможет сделать для вас тест ДНК, если захотите. Вашим прадедом был теософ, обвиненный в убийстве, которого он не совершал, и отправленный в окопы, как и многие другие преступники. И он погиб, сохранив все свои тайны. До сего дня.

Они еще немного прошли, все еще высматривая что-то, пока взгляд Лии не наткнулся на то имя, которое она искала.

— Вот! Она здесь, — сказала Лия. Однако ее волнение быстро улеглось. Надгробие было маленькое, настолько истертое непогодой и заросшее лишайником, что его было легко проглядеть. Оно как-то устало перекошилось на один бок, и трава перед ним росла неухоженная. Едва виднелись высеченные на камне слова: имя и эпитафия. «Кэтрин Морли. Апрель 1889 — август 1911. Покойся в

Боге». — Судя по газетам, у нее было прозвище Черная Кошка, — сказала Лия.

— Почему? — спросил Марк, когда они опустились перед камнем на корточки. Он протянул руку и большим пальцем стер с имени лишайники.

— Кто знает? Некоторые вещи со временем забываются навсегда. Возможно, чем-то она напоминала кошку, — вздохнула Лия. Она положила букет на могилу, и цветы показались здесь неуместными, чересчур яркими.

— Господи, ей было всего двадцать два года! Какая юная! Надеюсь, вы не заготовили мне других сюрпризов? Кэт Морли не является моей давно потерянной кухней? — улыбнулся Марк.

Лия покачала головой.

— Нет. Ничего такого.

— Что ж, вы все сделали. — Он похлопал по надгробию Кэт Морли. — Выяснили, кто был погибший солдат, заодно раскрыли убийство. Умудрились выманить меня из дому. Спасибо, Лия, — сказал он серьезно.

— Не благодарите меня, это вам спасибо за помощь! Я ничего не добилась бы без вас, — сказала Лия, смутившись.

— Добились бы.

— Ладно. Тогда спасибо за то, что решили зайти в «Разводной мост» в тот первый вечер. Сомневаюсь, что у меня хватило бы духу снова постучать в вашу дверь после того приема, какой вы оказали мне в первый раз.

— А я, вероятно, и не открыл бы, даже если бы у вас хватило духу. Что было бы большой ошибкой, — сказал он.

Лия коротко улыбнулась и посмотрела на могильный камень, разделявший их. Пристальный взгляд его серых глаз приводил ее в замешательство, мешая соображать. Повисла тяжелая пауза, только ветер негромко шуршал вишневыми ветками.

— Так когда назначена встреча с вашим... человеком из Комиссии? Когда состоится великое оглашение имени солдата? — спросил Марк с наигранным драматизмом и не менее наигранным равнодушием.

Лия внимательно глядела на него с другой стороны могилы Кэт, пока он не перевел взгляд на кладбище и темные глубины тисовой

кроны.

— Завтра. У него домашний праздник. Я обещала заехать. — Она хотела прибавить что-нибудь еще, но так ничего и не придумала.

— Праздник. Звучит многообещающе. Хотите, я вас отвезу? Кажется, вы говорили, это в Суррее? Здесь недалеко. Тогда вы сможете там выпить, — предложил он осторожно.

— Очень мило с вашей стороны, но не стоит беспокоиться...

— Я не беспокоюсь, — проговорил он поспешно.

— Просто это будет несколько... Ну, вы понимаете, — сказала она неловко. Ей не хотелось, чтобы он оказался рядом с Райаном. Как будто бы Марк мог каким-то образом запачкаться, заразиться нездоровыми чувствами, ядовитыми испарениями ее прошлой жизни.

— Неприлично? — предположил он.

Лия пожалала плечами, стараясь не смотреть ему в глаза. Она вдруг почувствовала себя виноватой, будто ее уличили во вранье.

— Возможно.

— Послушайте, я не буду заходить с вами или что еще. Просто отвезу. Судя по всему, когда вы окажетесь на месте, алкоголь вам не повредит. Решено?

Лия подняла на него глаза и улыбнулась:

— Решено. Спасибо.

— Так что будете делать теперь? — спросил Марк, когда на следующий день они ехали в восточном направлении по шоссе М4.

Поездка получилась странной и неловкой: Лия волновалась, предвкушая, как расскажет Райану о своем открытии, и в машине висело натянутое молчание.

— Наверное, поеду домой, — сказала она. — Вернусь в Лондон, начну работать над книгой. Нужно поговорить с моим агентом и начать поиски издателя. — Она поглядела на него. Марк кивнул, улыбнулся, но ничего не ответил. — А что будете делать вы? — спросила Лия.

— Наверное, мне стоит подумать о том, чтобы начать все заново. Займусь поисками работы, не буду гнить заживо в отчем доме. Вероятно, выставлю его на продажу. — В его голосе не слышалось воодушевления.

— Не возражаете, если я приеду и сделаю несколько фотографий до продажи? Для книги?

— Вы можете приезжать в любое время, когда пожелаете, Лия, — проговорил он тихо, и Лия заерзала на сиденье, неловко теребя папку с бумагами, лежавшую на коленях.

— Надеюсь, мое открытие, что в доме когда-то жили убийца, покрывавшая его изменница-жена и лживый теософ, не отразится на продажной цене.

— Любая реклама все равно реклама, верно? — засмеялся Марк. — К тому же, по-моему, не совсем справедливо называть Эстер соучастницей, покрывавшей убийцу.

— Да, несправедливо. Не волнуйтесь, я сделаю все, чтобы читатели узнали правду, — заверила его Лия.

Они поехали дальше в молчании, и Лия придумала пять разных способов начать разговор и отвергла их один за другим.

— Приехали! Вон тот дом, — сказала она, подавшись вперед на сиденье, потому что от волнения у нее вдруг свело живот.

Марк свернул на аккуратную широкую подъездную дорогу перед решетчатыми воротами. Дом был в неогеогианском стиле. Безупречная громадина в три этажа с длинным рядом гаражей, увенчанная медным флюгером, сверкавшим на солнце.

— Мило, — заметил Марк. — Не то что развалина в два этажа, а?

— Хоть в три, хоть в четыре, — согласилась Лия. Она отстегнула ремень безопасности, отбросила волосы за спину и беспокойно облизнула губы. Она уже сделала вдох, чтобы поблагодарить Марка, но он опередил ее:

— Если хотите, чтобы я потом вас забрал...

— Нет-нет, не стоит. Такси довезет до станции за пять минут, а оттуда я сразу в «Разводной мост». Спасибо большое за то, что подвезли, и за... помощь, Марк. Вы замечательный.

— Видимо, недостаточно замечательный, — отозвался он негромко.

Лия сглотнула, делая вид, будто не услышала его последних слов, не поняла, о чем он. Сердце дико колотилось.

— Ну, я в любом случае вернусь. И уже скоро мне снова понадобятся полицейские записи в Ньюбери, газетные архивы...

— Конечно. — Он отвернулся, потер челюсть. — Послушайте, вы точно не хотите, чтобы я подождал? Мне нетрудно. Возможно... вам

там придется несладко. Когда вокруг родственники и все такое...

— Не сомневаюсь, что так и будет. Но со мной все будет в порядке. Не ждите. Я не знаю, насколько это затянется, и мне не хотелось бы думать о том, что вы сидите и ждете... — Лия покраснела, словно ее слова касались чего-то более важного, чем поездка до Беркшира.

Марк внимательно посмотрел на нее, но Лия не знала, что еще сказать.

— Если вы так уверены, — проговорил он.

Лия придвинулась и поцеловала его в щеку. Кожа у него была теплая, чуть шершавая из-за отросшей щетины. От его запаха внизу живота вдруг странно кольнуло. Пульс участился, мысли смешались.

— Спасибо, Марк. Я... Скоро увидимся.

Она вышла из машины раньше, чем он успел ответить. В груди ощущалось какое-то странное стеснение, и на нее нахлынул привычный экзальтированный ужас от предстоящей встречи с Райаном. Она слышала, как у нее за спиной Марк развернул машину и поехал обратно к шоссе. От этого звука она замерла, быстро обернулась, чтобы еще раз увидеть его. Теперь, когда он уехал, она вдруг ощутила себя голой и уязвимой. Она замерла на крыльце, окаменевшая, нерешительная.

И тут дверь открылась и появился Райан.

— Мне показалось, подъехала машина. Ты, как всегда, вовремя. Входи. Так ты выяснила, кто был этот загадочный солдат? Сгораю от нетерпения, — проговорил он, улыбаясь.

— Я... Да, выяснила, — сказала Лия, у которой вдруг перехватило дыхание. Она шарила взглядом по его лицу, по знакомым чудесным чертам. И что-то как будто изменилось. Что-то, чего она не смогла бы точно назвать. Он казался ненастоящим. Фальшивым. Эти взлохмаченные волосы и игривая, мальчишеская улыбка, которая ему давно не по возрасту, механическая.

— Я так рад, что ты приехала, Лия, — сказал он мягко, как будто почувствовав ее сомнения. Он одним пальцем постучал по ее папке. — Это оно? То, что ты раскопала? Ну входи же, не стой на пороге.

Лия через силу сделала шаг, но затем снова остановилась.

— Да. Да, это оно. Райан, я... Мне нужно поговорить с тобой. О том, что случилось в Бельгии... — начала она, но вдруг взрыв

женского смеха и промельк каштановых волос дальше по коридору остановил ее. Она заметила, как напряглось лицо Райана, его улыбка сделалась натянутой. Заметила, как внимательно он поглядел на нее. — Это Анна?

— Лия, не начинай...

— Не начинай? Не начинай! — Гнев плеснул в груди, будто удар молнии. — Ты не сказал, что она будет здесь. Мне казалось, она в Америке?

— Она и была, и есть. Однако же она не может пропустить день рождения отца, правда?

— День рождения приемного отца, — поправила Лия. — Весьма существенная разница, ты не находишь?

— Только не в этом случае. Послушай, Лия. Мои родители очень хотят тебя видеть. Они скучали по тебе, все мы скучали. Почему бы тебе просто не войти и... не позабыть обо всем остальном? — Он перешел на мягкий, уговаривающий тон, сопротивляться которому когда-то было просто невозможно. Сопротивляться которому она не смогла и в его комнате в Бельгии. Теперь же он показался ей льстивым, напыщенным. Райан взял ее за руку и провел большим пальцем по ее руке. Она ждала обжигающего ощущения от его прикосновения, дрожи, которая захватит ее. Ничего не случилось.

— Ты прав, — сказала она уже спокойно и высвободила руку. — Я не стану закатывать сцен. Во всяком случае, перед тобой. Ты спал со своей сводной сестрой у меня за спиной все время, пока мы были вместе, потом заставил меня хранить эту тайну. Лгать всем твоим родным, которых, надо заметить, я всегда любила и уважала и которые точно не заслужили такого сына, как ты. Что ты за скотина, Райан? — Она недоверчиво покачала головой.

За спиной в коридоре послышалось какое-то движение, повисла тишина. Молчание человека, услышавшего то, во что не в силах поверить.

— Лия, черт побери, говори потише! — прошипел Райан в ярости.

— Судя по всему, слишком поздно, — проговорила она холодно. — Прощай, Райан. Не жди, что я вернусь, и не пытайся — не пытайся! — еще раз связаться со мной.

Она отвернулась, чтобы не видеть его физиономии, на которой было написано недоверие, спустилась по ступенькам к воротам. Здесь

она остановилась и обернулась.

— Солдата звали Робин Дюрран. Он был из числа осужденных. С этой информацией ты сможешь отыскать кого-нибудь из его родственников, но я сомневаюсь, что они есть. Что до всего остального, тебе придется подождать, пока не выйдет моя книга! — прокричала она.

Лия не стала оглядываться. Она шла пружинистой походкой, широко и свободно, прочь. Ее охватило отчаянное нетерпение, и она вдруг поняла, что не столько хочет уйти от Райана, сколько не может дожидаться, когда вернется к другому. Надеясь, что еще не слишком поздно, она выхватила из сумки телефон и принялась набирать номер неловкими от волнения пальцами. Нажала не на ту кнопку и, ругая себя вполголоса, попробовала заново. С другой стороны улицы раздался автомобильный гудок, заставивший ее вздрогнуть. Она подняла голову и увидела знакомый грязный «рено», припаркованный в двадцати ярдах от дома. Марк помахал ей из-за руля, в глазах его отражалась тревога, но губы улыбались. Широкая улыбка осветила лицо Лии, и она помахала в ответ. Легкими от счастья шагами она перешла дорогу и побежала туда, где он ее ждал.

1911 год

Погода начинает меняться, приближается осень: по утрам заметно прохладнее, кроны деревьев тронуты медью и золотом. Тэсс идет по бечевнику в Тэтчем с двумя письмами от миссис Кэннинг. Мысленно она старательно повторяет приметы, боясь заблудиться, не найти на обратном пути дом викария. На новом месте она только две недели, и все кажется ей здесь странным. Начиная от широких открытых пространств до непривычной тишины и покоя; здесь вкусная, горячая еда, которая кажется еще вкуснее после стольких месяцев жестоких лишений в Холлоуэе и Фрошэм-хаусе. Она не в силах с собой совладать и ест все, что перед ней ставят; ее бедра, живот и руки стали округляться. Софи Белл, кажется, этим довольна. Экономка мало разговаривает, ее лунообразное лицо всегда озабочено, однако она улыбается Тэсс, время от времени похлопывает ее по плечу и вообще обращается с ней хорошо. Почти все ее внимание сосредоточено на маленькой черно-белой кошечке, приبلудном тощем котенке, который появился у кухонной двери несколькими неделями раньше и которого Софи Белл приняла едва ли не с суеверным благоговением. Она кормит кошку сливками из блюдца, оставляет для нее обрезки почек, когда готовит пудинг. Однако клички Софи Белл кошке не дала, так и зовет ее кошкой, а Тэсс про себя называет ее Бродяжкой.

Эстер Кэннинг какая-то странная, вся на нервах, беспокойная, но она явно старается, чтобы Тэсс было хорошо и спокойно. Она говорит тихо, что так не похоже на Джентльмена и на миссис Хеддингсли. На многочисленных разнообразных надсмотрщиков и хозяев, от которых Тэсс страдала в последнее время. Эстер Кэннинг говорит и движется так, словно в углу спит кто-то, кого она боится разбудить. Она часто прикрывает рукой живот, будто защищая его, и Тэсс думает, уж не ждет ли хозяйка ребенка. Она очень на это надеется. Ребенок именно то, что нужно этому дому, чтобы его оживить. Викарий — человек рассеянный и молчаливый. Он не сказал Тэсс и двух слов, кажется, вообще не заметил ее появления. Тэсс это не волнует. Она столько повидала за последние страшные месяцы своей жизни, что больше не питает доверия к мужчинам, даже к мужчинам в сутане. А с домашним

хозяйством здесь явно прекрасно справляются и без его вмешательства. И во всем доме неизбежно, хотя об этом не упоминают вслух, ощущается отсутствие Кэт. Полиция обнаружила ее последнее письмо к Тэсс в сумке, брошенной на лугу. В конце концов письмо нашло Тэсс, хотя приехала она в Коулд-Эшхоулт, лишь узнав о смерти подруги. Читая это послание с того света, она снова рыдала, едва справившись с первой волной горя. Теперь Тэсс здесь, потому что Кэт здесь нет. Все в доме викария сознают это, и Тэсс не знает, всегда ли так будет.

Она делает глубокий вдох, подавив новые слезы, наворачившиеся при мысли о погибшей подруге. Она не желает гулять по лугам, где все это случилось. Тэсс выбирает длинный обходной путь до моста, по дорожке между живыми изгородями и по бечевнику. Но ее никто и не заставляет идти другой дорогой. Если где-то и обитает призрак Кэт, то именно в этих лугах, сердито сетуя на то, как близка она была к свободе, к началу новой жизни. И какой бы ни была причина, заставившая ее встретиться на лугу с теософом тем утром, если бы только она не пришла, если бы сразу побежала к Джорджу, то была бы теперь с ним, любила бы и смеялась, лучилась бы той яркой силой, которая притягивала к ней Тэсс так же неизменно, как луна притягивает к себе океаны. Несправедливость случившегося так велика и горька, что Тэсс сердится на Бога, даже в церкви не может читать вместе со всеми «Отче наш» в конце службы. Глаза ее остаются открытыми, рот крепко сжат. Однажды утром, вскоре после приезда, она полезла за ночным горшком и обнаружила под кроватью небольшое латунное распятие. Как следует подумав, она оставила его там, где нашла. Господу придется оправдать себя в глазах Тэсс после того, что Он сделал с Кэт.

Она идет дальше вдоль канала, и наконец начинают появляться постройки. Тэсс слышит голоса, смех и плеск воды. Испуганно остановившись, она плотнее закутывается в шаль и с опаской продолжает путь. У моста, где ей предстоит выйти на дорогу и пойти по ней в центр города, купаются школьники, побросав на заросшем травой берегу пиджаки и соломенные шляпы. Это какой-то придуманный ими праздник: у мальчишек закончились уроки, и посмотреть на них собралась целая толпа болельщиков — мужчины, женщины, дети свешиваются с моста. Тэсс присоединяется к ним,

невольно улыбаясь, смеясь гримасам мальчишек, которые устроили заплыв с сигаретами, — победителем становится тот, кто доплывет до противоположного берега и вернется, сохранив зажженный окурок, несмотря на то что брызги летят со всех сторон.

Наконец Тэсс поворачивается, чтобы идти в город, но в этот момент на востоке появляется неспешно пыхтящий пароход. Она задерживается, чтобы посмотреть на него, а капитан судна предостерегающе свистит в два пальца, и мальчишки плывут к берегу, давая ему дорогу. Пароход старый, выдавший виды, он почти скрыт клубами пара и дыма. На нем свежая краска, но не везде. Рулевая рубка выкрашена в яркие цыганские цвета: зеленый, красный и желтый. А бока все еще вылинявшие и растрескавшиеся, лишь название судна аккуратно выведено белой краской на темно-синем фоне: «Черная Кошка». Сердце Тэсс замирает, она бежит к перилам моста, чтобы рассмотреть получше. Мужчина за штурвалом крепкий, с обветренным лицом. Он улыбается, благодарит мальчишек, проходя мимо, но глаза у него грустные. Тэсс неотрывно смотрит на него, у нее такое чувство, будто она его знает, — чувство настолько сильное, что она едва не окликает его, когда он оказывается совсем близко. Тэсс глядит ему вслед, пока судно не скрывается из виду, и вдруг она успокаивается. Осеннее солнце ласково греет лицо, и Тэсс идет в Тэтчем с ощущением, что все будет хорошо. У нее все будет хорошо. Ей кажется, что подруга идет с ней рядом.

От автора

Хочу выразить любовь и благодарность:

моим родителям, Чарли и Люку, — за их поддержку, терпение и энтузиазм;

чудесному редактору Саре О'Кифф — за огромную работу и проницательность;

моему не менее чудесному агенту Николе Барр — за советы, чтение текста и откровенность.

И наконец, хочу поблагодарить Рэнальду Лиску из Комиссии по воинским захоронениям — за ответы на мои вопросы об их работе и методах.

Примечание

Для лучшего понимания теософии я обращалась к работам: «Теософия» Рудольфа Штайнера (1910); «Ключ к теософии» Е. П. Блаватской (1889); «Тайная жизнь растений» Питера Томпкинса (1997). А также к замечательному «Введению» Джона М. Линча, написанному в 2006 году для книги «Пришествие фей» сэра Артура Конан Дойля. Все возможные ошибки в интерпретации теософских понятий принадлежат исключительно мне и Робину Дюррану.

Робин Дюрран пересказывает встречу Джеффри Ходсона с ундинами, взятую из отчета самого Ходсона, изложенного в «Тайной жизни растений» (см. выше), хотя встреча Ходсона с ундинами произошла в 1922 году.

История насильственного кормления Кэт основана на статье о применении подобного метода, опубликованной в «Бритиш медикал джурнал» за август 1912 года, а также на автобиографии Мэри Р. Ричардсон «Смех как вызов» (1953), испытавшей это на себе.

Хотя некоторые места и здания в районе Тэтчема, описанные в «Невидимых», существуют в действительности, в том числе и Блюкоут-скул, и сведения об этих местах отличаются исторической достоверностью, все повороты сюжета и связанные с ними персонажи полностью вымышлены.

~

Katherine Webb

THE UNSEEN

Copyright © 2011 by Katherine Webb

First published by Orion Books Ltd, London

All rights reserved

© Е. Королева, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

notes

Примечания

1

Холлоуэй — женская тюрьма в Лондоне. — *Здесь и далее примеч. ред.*

2

Псалтирь 103: 4.

Эмелин Панкхёрст (1858–1928) — лидер британского движения суфражисток, активно боролась за права женщин.

СПСЖ (Социально-политический союз женщин; The Women's Social and Political Union, WSPU) — основан в Манчестере (Великобритания) 10 октября 1903 года. Участницы этого феминистского движения (суфражистки) выступали за права женщин, в том числе за право голоса. Основными формами деятельности Союза были организация беспорядков, демонстрации и отказ от уплаты налогов.

Электрическая буря — метеорологический термин, особенно распространенный в начале прошлого века.

6

Название деревни можно перевести как «прохладная ясеневая роща».

7

Клэм-Коммон — парк в Лондоне и станция метро.

Речь идет, собственно, не о пиве, а о сладком газированном напитке с имбирем.

Коб — невысокая, коренастая рабочая лошадь, приспособленная для перевозки грузов.

«*Книга Страшного суда*» — свод материалов первой в Европе всеобщей поземельной переписи, проведенной в Англии в 1085–1086 годах по приказу Вильгельма Завоевателя.

«*Таинственный сад*» — популярный роман англо-американской писательницы Фрэнсис Элизы Бёрнетт, впервые опубликованный в 1911 году и ставший классикой детской литературы.